
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 6(70), 2021 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2021

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225–8922

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН
В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ**

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,
к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,
Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

УЧРЕЖДЕН
ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Per. № ПИ № ФС77–46176
от 12 августа 2011 г.
Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор: 1,489.

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение 1, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 25.06.2021
Формат 60×84/8. Объем 24,3.
Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)
Заказ № 000.

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Шипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна	д.п.н., профессор, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна	д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГГУ (Россия, г. Москва)
ГОНЧАРОВ Пётр Константинович	д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ГРАЧЁВ Михаил Николаевич	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ВЕДРИН Оливье	профессор, ректор «Континентального университета в Киве» (Франция, г. Париж)
ДЭМБЭРЭЛ К.	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
ДОНАЙ Лукаш	д.п.н., профессор, Университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
ИРХИН Юрий Васильевич	д.ф.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КРИВОКАПИЧ Борис	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВА Елена Александровна	д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна	д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
ШАРКОВ Феликс Изосимович	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
ЯН ФУЛИНЬ	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)
Кетцян Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Насимова Г.О. (д.п.н.)
Шкурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ

Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

- Белоусов Г.Ф.* Теоретико-методологические подходы к анализу роли региональных элит в электоральном процессе современной России 1634
- Рожков А.А.* Неореализм о внутригосударственных факторах: концептуальный подход и его критика 1643

ИСТОРИЯ РОССИИ

- Слизовский Д.Е., Жалнин В.А., Медведев Н.П.* К вопросу о национальных системах образования: история и современность 1651
- Нисневич Ю.А., Орлов И.Б.* Попытка демократического прорыва: взлеты и падения Государственной Думы первого созыва (1993-1995 гг.) (к 30-летию Российской Федерации). Часть II 1665
- Самов А.А.* Идея «истинного государя» в отечественной социально-политической мысли советского периода 1679

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Беспмятнова М.Н., Попов С.И.* Исследование возможности гармонизации функций институтов местного самоуправления как фактора политической стабильности: методика эмпирического исследования 1688
- Блинов В.В.* Трудности перевода классической лево-правой модели идеологического континуума для анализа политических предпочтений современной России 1694

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Родионова М.Е., Гималиев В.Г., Назарова Н.А.* К вопросу о трансформации избирательной системы в Российской Федерации (от 1993 года до наших дней) 1706
- Волконский Ю.К.* Исторические тенденции формирования и становления лоббизма в США в XX в. 1716
- Сабирова Н.С.* Формирование «гражданской нации» как приоритет политической культуры России 1723
- Николенко А.А., Шевченко Е.А.* Анализ возможных сценариев геополитического будущего России 1730
- Гусейнова Д.М.* Влияние террористической угрозы на программные и тактические установки политических партий России (конец 1990-х годов) 1739
- Еловик А.А.* Образ России в социальных медиа белорусской оппозиции (2019-2020 гг.) 1748
- Белякова Т.М.* Технологии формирования имиджа современной Русской православной церкви 1756

<i>Лазебник А.Г.</i> Ценности как фактор трансформации политических режимов.....	1761
<i>Золотарев Н.А.</i> Миграционные процессы и особенности интеграции внешних мигрантов в современном обществе	1769
<i>Макаров А.В.</i> Приоритетные направления реформирования образовательной политики суверенного государства.....	1775
<i>Куйлиев Б.Т.</i> Characteristics of Convergent Political Manipulation Technologies used on the Internet/ Характеристики конвергентных технологий политического манипулирования, используемых в интернете.....	1783

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

<i>Гончаров Д.К., Гончарова Д.Д.</i> Особенности применения математических методов в системе поддержки принятия решения в политике	1791
<i>Петров Д.Ю.</i> Социальная политика и реализация национальных проектов России	1802
<i>Копасов А.И.</i> Конструирование дефиниции «Государственная политика территориального развития»	1808
<i>Дмитриев Д.И.</i> Актуальные политические риски в российском нефтегазовом комплексе.....	1817

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

<i>Ванковска Б.</i> The Synergy Between Geopolitics and Biopolitics: COVID-19 Vaccines in Focus/Синергия между геополитикой и биополитикой: в центре внимания вакцины от COVID-19.....	1825
<i>Солодова Г.С.</i> Россия в Евразийском пространстве – причины обращения к теме.....	1833
<i>Никитенко Е.Г., Муравых О.А.</i> Международный терроризм – феномен современной мировой политики.....	1840
<i>Колосова И.В.</i> Христианское экуменическое движение в контексте мировой политики	1849
<i>Красавин Д.В., Попов Д.Г.</i> Аналитические центры в постсоветских странах Центральной Азии – особенности восприятия векторов внешней политики (на примере проектов ЕАЭС и «Один пояс – один путь»)	1856
<i>Мановицкая В.А., Шангараев Р.Н.</i> Последствия событий «арабской весны» в контексте трансформации международных отношений.....	1863
<i>Маканбаев Б.М.</i> Вопросы здравоохранения как элемент обеспечения национальной безопасности в Центральной Азии: новые вызовы и угрозы	1871

Бросович Ф.Д. Политическое, экономическое и социальное развитие Южной Америки: итоги современного этапа	1877
Розенберг В.И. Конституционный комитет Сирии: позиции участников и первые результаты	1885
Рупакова Е.А. Возможности и перспективы белорусско-российского взаимодействия с Турецкой Республикой	1890
Эсмаили С. Положение «иранских женщин в прессе» и развитие «женской прессы в Иране»	1899
Цой С.В. Ядерная программа КНДР как фактор межкорейского раскола	1906
Чжао Лу. Внешнеполитическая стратегия Китая в контексте трансформации современного международного порядка	1911
СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА	
Степанькова Д.С., Швырков В.С., Корольков К.А. Первичные элементы в структуре местного самоуправления стран АТР	1919
Хомяков Д.О. Сравнительный анализ функционала и возможностей социальных сетей с целью рационального их использования в политическом SMM	1930
НАШИ АВТОРЫ	1943
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	1952

CONTENTS

HISTORY AND THEORY OF POLITICS

- Belousov G.F.** Theoretical and Methodological Approaches to the Analysis of the Role of Regional Elites in the Electoral Process in Modern Russia 1642
- Rozhkov A.A.** Neorealism about Intrastate Factors: A Conceptual Approach and its Criticism..... 1649

RUSSIAN HISTORY

- Slizovskiy D.E., Zhalnin V.A., Medvedev N.P.** To the Question of National Education Systems: History and Modernity 1663
- Nisnevich Yu.A., Orlov I.B.** An Attempt at a Democratic Breakthrough: the Ups and Downs of the State Duma of the First Convocation (1993-1995) (To the 30th Anniversary of the Russian Federation). Part II 1677
- Somov A.A.** The Idea of a «True State» in Domestic Social and Political thought of the Soviet Period 1686

POLITICAL SOCIOLOGY

- Bespamiatnova M.N., Popov S.I.** The Study of the Possibility of Harmonization of the Functions of Local Self-Government Institutions as a Factor of Political Stability: the Methodology of Empirical Research..... 1693
- Blinov V.V.** Difficulties of Translation of the Classical Left-Right Model of Ideological Continuum for Analysis of Political Preferences of Modern Russia..... 1705

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Rodionova M.E., Gimaliev V.G., Nazarova N.A.** On the Issue of Transformation of the Electoral System in the Russian Federation (from 1993 to the Present Day)..... 1715
- Volkonsky Yu.K.** Historical Trends in the Formation of Lobbying in the USA in the XX Century 1721
- Sabirova N.S.** Formation of a "Civil Nation" as a Priority of Russia's Political Culture..... 1729
- Nikolenko A.A., Shevchenko Ye.A.** Analysis of Possible Scenarios of Russia's Geopolitical Future 1738
- Huseinova D.M.** The Terrorist Threat Impact on the Programs and Tactical Attitudes of Political Parties in Russia (Late 1990s) 1747

Elovik A.A. The Image of Russia in social media of the Belarusian Opposition (2019-2020)	1754
Belyakova T.M. Technologies of the Image-Making of the Modern Russian Orthodox Church	1760
Lazebnik A.G. Values as a Factor of Transformation of Political Regimes	1768
Zolotarev N.A. Migration Processes and Peculiarities of Integration of External Migrants in Modern Society	1774
Makarov A.V. Priority Directions of Reforming the Educational Policy of a Sovereign State	1782
Kuiliev B.T. Characteristics of Convergent Political Manipulation Technologies Used on the Internet	1784

PUBLIC ADMINISTRATION AND INDUSTRY POLICIES

Goncharov D.K., Goncharova D.D. Peculiarities of Applying Mathematical Methods in Support of the Decision Making in Politics	1801
Petrov D. Yu. Social Policy and Implementation of National Projects in Russia	1807
Kopasov A.I. Creation of the Definition "State Policy of Territorial Development"	1816
Dmitriev D.I. Current Political Risks in the Russian Oil and Gas Industry	1823

THEORY AND HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

Vankovska B. The Synergy Between Geopolitics and Biopolitics: COVID-19 Vaccines in Focus	1826
Solodova G.S. Russia in the Eurasian Space – Reasons for Addressing the Issue	1839
Nikitenko E.G., Muravykh O.A. International Terrorism – the Phenomenon of Modern World Politics	1848
Kolosova I.V. Christian Ecumenical Movement in the Context of World Politics	1855
Krasavin D.V., Popov D.G. Think Tanks in the Post-Soviet Countries of Central Asia – Peculiarities of Foreign Policy Vectors Perception (On the Example of the Eaeu and Belt and Road Initiative)	1862
Manovitskaya V.A., Shangaraev R.N. Consequences of the Events of the "Arab Spring" in the Context of the Transformation of International Relations	1870
Makanbaev B.M. Health Issues as an Element of Ensuring National Security in Central Asia: New Challenges and Threats	1875
Brosovich F.D. Political, Economic and Social Development of South America: Results of the Current Stage	1884

Rozenberg V.I. The Constitutional Committee of Syria: Positions of Participants and First Results.....	1888
Rupakova E.A. Opportunities and Prospects of Belarus-Russian Interaction with the Turkish Republic	1898
Esmaeili S. Position of «Iranian Women in the Press» and Development of «Women's Press in Iran»	1905
Tcoi S.V. North Korea's Nuclear Program as a Factor in the Inter-Korean Gap	1910
Zhao Lu. China's Foreign Policy Strategy in the Context of Transformation of the Contemporary International Order	1917
STUDENT SCIENCE	
Stepankov D.S., Shvyrkov V.S., Korolkov K.A. Primary Elements in the Structure of Local Self-Government in the Asia-Pacific Region.....	1928
Homyakov D.O. Comparative Analysis of the Functionality and Possibilities of Social Networks for the Purpose of their Rational Use in Political SMM.....	1942
OUR AUTHORS	1948
DEMANDS FOR MANUSCRIPTS	1952

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ РОЛИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В демократическом обществе проблему рекрутирования элиты невозможно рассматривать вне контекста избирательного процесса. В этом процессе ключевую роль играют сами элиты, поскольку участникам выборов трудно одержать победу без поддержки федеральных и региональных элит. Однако в большинстве научных исследований, касающихся рекрутирования элит, и работ, посвященных политическим технологиям, не рассматривается сама механика взаимодействия элит в ходе электорального процесса. Целью данной статьи является концептуализация теоретико-методологических подходов к анализу роли, которые элитные группы играют в электоральном процессе современной России. Представляется, что такой анализ должен исходить из следующих посылок. Во-первых, при анализе роли элит в электоральном процессе целесообразно использовать функциональный подход к определению элиты в силу того, что он лучше всего позволяет учитывать динамику их взаимодействия и мотивацию отдельных представителей элиты. Во-вторых, исходной точкой картирования региональных элит должна быть структура экономики региона и присутствие в нем финансово-промышленных групп. Необходимо учитывать взаимодействие бизнес-элит с главой региона и его командой, региональной и муниципальными legislatures, неформальными структурами, а также существующие в регионе «политические машины». В-третьих, взаимодействие элит целесообразно рассматривать как коалиционные действия, обусловленные высокой стоимостью проведения избирательных кампаний. За техническую реализацию кампаний могут отвечать, как отдельные региональные политтехнологи, так и команды политтехнологов, направляемые в регион федеральным центром. При оценке роли федерального центра необходимо учитывать финансовую состоятельность региона и степень аффилированности ключевых представителей региональной элиты с федеральными структурами.

Ключевые слова: политическая элита, бизнес-элиты, корпоративные элиты, избирательный процесс, политехнологии.

В демократическом обществе проблему рекрутирования элиты невозможно рассматривать вне контекста избирательного процесса. В этом процессе ключевую роль играют сами элиты, поскольку непосредственным участникам выборов трудно одержать победу без поддержки федеральных и региональных элит.

Проблема элитогенеза, в контексте которой исследователи нередко говорят и об избирательном процессе, имеет длительную историю рассмотрения начиная с представителей макиавеллистской школы элитологии (В. Парето, Р. Михельс, Г. Моска). На Западе проблему рекрутирования элиты затрагивали такие исследователи как Й. Шумпетер, К. Маннгейм, Ч.Р. Миллс, Э. Гидденс, Р. Дарендорф, П. Бурдьё и К. Лэш, в России в советский период – М.С. Восленский, Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин и Г.К. Ашин, в постсоветский период – О.В. Гаман-Голутвина, А.П. Кочетков, О.В. Крыштановская, А.Е. Чирикова и В.Г. Ледяев, А.И. Соловьев, А.В. Дука, Н.В. Колесник, Д.Б. Тев и другие.

Однако в большинстве исследований, касающихся рекрутирования элит, не рассматривается «тактическая» сторона проблемы – сама механика взаимодействия элит в ходе электорального процесса. Это связано с объективными трудностями, стоящими перед исследователями: электоральный процесс зачастую связан с непубличными деликатными договоренностями и без того относительно закрытых элитных групп. В этом отношении важно отметить, что попытки связать теорию элит и практику не делается и в работах, посвященных политическим технологиям несмотря на упоминания в них элит [6. С. 79, 84, 112; 12. С. 31, 43, 57, 253-254, 476; 13. С. 80, 410, 424].

Цель данной статьи – сформулировать теоретико-методологические подходы к анализу роли региональных элит в электоральном процессе современной России. Актуальность поставленной проблемы обусловлена необходимостью сближения академического и политехнологического подходов к осмыслению этой проблемы и возможностью использовать полученное знание в ходе электорального процесса.

Специфика рассматриваемого вопроса требует использования функционального подхода к определению элиты [7. С. 50], в рамках которого, используя формулировку Хигли и Бертона, «политические элиты можно определить, как людей, которые способны, вследствие их стратегической позиции во влиятельных организациях и движениях, влиять на политические решения (political outcomes) регулярно и существенно» [28. Р. 7].

Выбор этого исследовательского подхода позволяет «рассматривать элиты как конкурирующие, зачастую конфликтующие группы, находящиеся в постоянном процессе согласования своих интересов» [7. С. 50]. Про-

должая теоретико-методологическую линию «понимающей социологии», он позволяет сделать акцент на мотивации и деятельности (в том числе не всегда в полной мере рациональной) конкретных представителей региональной элиты, на необходимость учета которых в рамках «субъектно-деятельностного» подхода обращает внимание А.Е. Чирикова [24. С. 83-84] и которые имеют ключевое значение при рассмотрении электорального процесса. Рассмотрение поставленной проблемы через призму конкретных субъектов политического процесса также позволяет использовать разработки в области региональных политических режимов, поскольку взаимодействие элит в ходе электорального процесса можно рассматривать как частный, но при этом критически значимый случай их взаимодействия в рамках регионального политического режима [23. С. 78, 82].

В силу значительной кадровой близости представителей политической элиты субъектов Российской Федерации и бизнес-элит, в том числе корпоративных элит [10. С. 11], при их картировании целесообразно исходить из анализа экономики соответствующего региона. Исходным пунктом анализа может быть сбор статистических данных о структуре экономики региона и присутствии в регионе финансово-промышленных групп. Влияние крупных бизнес-структур на региональный политический процесс может быть следствием их социетального значения в населенных пунктах, где расположены их крупные активы в силу того, что они являются крупными работодателями. Вследствие этого результаты голосования в таких населенных пунктах могут указывать на наличие или отсутствие внутриэлитных договоренностей между представителями бизнес-элиты и политическим руководством региона.

Указывать на конкретные структуры могут встречи главы региона с их руководителями [8] или программные документы, определяющие стратегию развития федерального округа или региона, поскольку конкретный список содержащихся в них инвестиционных проектом можно рассматривать в качестве результата лоббирования со стороны региональных элит, отстаивающих свои интересы. В отношении политического руководства региона формой представления своих интересов могут быть бизнес-объединения, от неформальных и ситуативных до формализованных и стабильных, и присутствие представителей бизнеса в числе депутатов региональной и муниципальных legislатур [4; 27]. Руководство региона, в свою очередь тоже может использовать неформальные структуры в качестве инструмента контроля над регионом [20. С. 36].

Важно отметить, что, поскольку членство представителей региональной элиты в парламентских партиях и провластных организациях не исключает того, что их конфликты могут становиться публичными и сказываться на политическом ландшафте региона, публикации о таких конфликтах также являются значимым источником информации (принципиально важно при этом учитывать в первую очередь публичные действия, а не инсайдерскую информацию [23. С. 89]) [15].

При рассмотрении региональных внутриэлитных конфликтов необходимо помнить о распространенности конфликтов между главой региона и мэром региональной столицы и учитывать, что одной из предпосылок для конфликтов может быть сам порядок замещения должности главы исполнительной власти муниципалитета, поскольку «институт прямых выборов превращает глав администраций городов из чиновников-назначенцев в публичные политические фигуры, обладающие ресурсами легитимности и общественной поддержки» [21. С. 29].

Конфликт руководителя столицы региона и высшего должностного лица региона может существенно сказаться на результатах голосования на выборах последнего: «в регионах, в которых губернатор и мэр столицы вовлечены в открытое противоборство, результат губернатора ниже на 16 п.п. (от общего числа избирателей) и на 4,5 п.п. (от явки) и явка ниже на 15 п.п.» [20. С. 77]. В качестве реакции главы региона на такие конфликты можно рассматривать изменение границ муниципальных образований и изменение полномочий местной власти для ослабления их контроля над финансовыми потоками [19. С. 37]. При этом не исключены и внутриэлитные конфликты на местном уровне.

В контексте муниципальных элит важно сказать и о «политических машинах», которые в рамках данной статьи можно определить, как патрон-клиентские сети, используемые местными элитами для мобилизации избирателей с помощью материальных (как «подкупа», так и угрозы увольнения), социально-психологических и символических стимулов и особенно эффективные в случае небогатых регионов и этнических меньшинств, проживающих в сельской местности [5. С. 61-70, 77-78; 27. С. 50-52]. Политические машины не всегда работают как безотказные политические механизмы: если глава региона является «хромой уткой» и/или региональная власть предпринимает действия, подрывающие власть местных элит, политические машины могут показывать непривычный результат [27. С. 66]. Важно отметить, что ценой демонтажа политических машин региональной властью для увеличения контроля над местной политикой может быть снижение результатов партии власти на выборах [19. С. 40].

Одной из наиболее плодотворной формой взаимодействия региональных элит в ходе избирательной кампании является создание предвыборной коалиции. К примеру, об этом пишет А.Е. Чирикова, подводя итоги исследования 2011-2013 годов, проведенного на Среднем Урале. В изученных городах «кандидаты стремились диверсифицировать свои усилия, поэтому в круг поддержки входило достаточно разных групп лиц, не всегда безвозмездно. Особенно успешными были коалиции с бизнесменами и авторитетными фигурами, имеющими влияние на общественное мнение» [25. С. 241-243, 258-260].

Коалиции создавались как для согласованного представления кандидата избирателям (что увеличивает политический результат такого представ-

ления), так и исходя из финансовых соображений. Даже с учетом тренда на снижение стоимости избирательной кампании за счет активной агитационной работы в социальных сетях, в последние годы ставшего особенно заметным, и с учетом того обстоятельства, что проведение избирательной кампании для представителей власти может быть менее затратным за счет использования административного ресурса [3. С. 113], проведение избирательной кампании является дорогостоящим мероприятием, стоимость которого составляет десятки миллионов рублей [16; 18; 22].

С.Ю. Барсукова, говоря о теневом финансировании избирательных кампаний, пишет о том, что «потребность в официальных денежных средствах при проведении избирательных кампаний различных уровней относительно невелика и составляет в среднем от 30% до 50% реального бюджета» [2. С. 107-111]. Значительная часть реального бюджета избирательной кампании уходит на расходы, официальная оплата которых была бы неудобна (из-за ее технологической сложности или временных ограничений) или противоречила бы закону.

Практика последних двух десятилетий показывает определяющее влияние федерального центра на формирование и деятельность региональных элит. Это влияние тем сильнее, чем менее состоятелен регион и чем больше объем его долга по отношению к собственным доходам, поскольку регион вынужден быть лояльным для сохранения своих экономических возможностей.

С точки зрения межличностного взаимодействия формой такого влияния являются клиентарные отношения представителей федеральной и региональной элиты, «то есть те отношения власти, которые реализуются индивидуальными и коллективными акторами по модели «патрон – клиент», противоречиво соединяя личную зависимость и господство со взаимными услугами и солидарностью» [1. С. 20]. Пример главы Республики Башкортостан Радия Хабирова (с 2009 по сентябрь 2016 года – заместитель начальника Управления Администрации Президента РФ по внутренней политике) показывает, что в отдельных случаях возможен даже переход представителя федеральной элиты на пост главы региона напрямую из Администрации Президента. Более разовой и тактичной формой воздействия могут быть визиты фигур федерального уровня в регион к инкубенту (к примеру, в контексте соотношения доходов и долга региона) [14] или личные встречи главы региона за пределами региона, использующиеся как для демонстрации поддержки федерального центра и заключения неформальных договоренностей [11. С. 140-143].

Рассматривая аффилированность региональной власти и федеральных структур, целесообразно учитывать и возможную связь главы региона и полпредств и силовых ведомств, а также отношения команды главы региона и официальных представителей региона в федеральном центре, присутствие которых в Москве может быть результатом договоренностей между

старыми и новыми элитными группами региона (например, при смене губернатора-старожила) [23. С. 85-86].

Социально-профессиональной группой, ответственной за технологическое сопровождение электорального процесса, являются политтехнологи (политконсультанты). Политтехнологи – прежде всего наемные политические менеджеры, лишённые безусловной лояльности к клиенту и работающие с ним на протяжении определенного временного периода. В силу того, что для политтехнологов их деятельность, как правило, является основным источником заработка, они могут одновременно работать с несколькими клиентами или даже стабильно представлять интересы только одной элитной группы [17. С. 41-43]. Следовательно, поскольку существует рынок наемных политических менеджеров, роль федерального центра заключается также в том, чтобы структурировать рынок и направлять наиболее компетентных и лояльных политтехнологов для проведения кампаний в регионах [9].

Таким образом, взаимодействие региональных элит является ключевым фактором в электоральном процессе современной России и занимает важное место в научных работах, посвященных региональному политическому процессу. При этом технический аспект этой проблемы – сама механика взаимодействия конкретных представителей элиты – остается недостаточно исследованной как в силу относительной закрытости этого взаимодействия, так и в силу множества определяющих его факторов. Анализ этой проблемы позволил сформулировать следующие теоретико-методологические подходы к анализу роли региональных элит в электоральном процессе современной России.

Во-первых, при анализе роли элит в электоральном процессе целесообразно использовать функциональный подход к определению элиты в силу того, что он лучше всего позволяет учитывать динамичный, зачастую конфликтный характер их взаимодействия, при этом делая акцент на мотивации отдельных их представителей.

Во-вторых, в силу значительной кадровой близости представителей региональной политической элиты и бизнес-элит, в том числе корпоративных элит, исходной точкой картирования региональных элит должна быть не команда главы региона, а структура экономики региона и присутствие в нем финансово-промышленных групп. Необходимо учитывать взаимодействие бизнес-элит с главой региона и его командой, региональной и муниципальными легислатурами и неформальными структурами. При этом важно обращать внимание на публичные внутриэлитные конфликты, в первую очередь между главой региона и руководством столицы региона, и двоякую роль существующих в регионе «политических машин».

В-третьих, взаимодействие региональных и федеральных элит в ходе электорального процесса целесообразно рассматривать как коалиционные действия, обусловленные в первую очередь высокой стоимостью проведения избирательных кампаний. За техническую реализацию кампаний могут

отвечать, как отдельные региональные политтехнологи, так и команды политтехнологов, направляемые в регион федеральным центром. При оценке роли федерального центра необходимо учитывать финансовую состоятельность региона и степень аффилированности ключевых представителей региональной элиты с федеральными структурами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

2. *Барсукова С.Ю.* Участие бизнеса в политике: изменение правил: (на примере финансирования избирательных кампаний и деятельности политических партий) // Элиты и власть в российском социальном пространстве: Материалы пятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» (15-16 декабря 2006 года, Санкт-Петербург) / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2008.

3. *Барсукова С.Ю.* Механизм политического инвестирования, или, как и зачем российский бизнес участвует в выборах и оплачивает партийную жизнь / С.Ю. Барсукова, В.И. Звягинцев // Полис. Политические исследования. 2006. № 2.

4. Бывший сенатор Николай Тихомиров будет работать на «Северстали» // Cherinfo.ru // <https://cherinfo.ru/news/104307-byvsij-senator-nikolaj-tihomirov-budet-rabotat-na-severstali>.

5. *Гилев А.В.* Политические машины и политический клиентелизм в российских регионах // Политическая наука. 2017. № 4.

6. *Гринберг Т.Э.* Политические технологии. Учеб. пособие для студентов вузов. 3 изд. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018.

7. *Дука А.В.* О подходах к анализу властных элит // Управленческое консультирование. 2012. № 3.

8. Евгений Куйвашев обсудит предвыборные планы с уральскими миллиардерами // Znak.com // https://www.znak.com/2017-04-27/evgeniy_kuyvashev_vstretitsya_s_uralskimi_milliarderaimi.

9. Интернет-технологи создают ассоциацию для усиления своего влияния на предстоящие выборы // Znak.com // https://www.znak.com/2021-01-11/internet_tehnologi_sozdayut_associaciyu_dlya_usileniya_svoego_vliyaniya_na_predstoyachie_vybory.

10. *Кочетков А.П.* Корпоративные элиты. М.: РОССПЭН, 2012.

11. *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

12. *Малкин Е., Сучков Е.* Политические технологии. М.: «Русская панорама», 2006.

13. *Матвейчев О., Гусев Д.* Уши машут ослом. Современное социальное программирование. 3 изд. М.: Книжный мир, 2018.

14. Медведев согласовал назначение Силуанова куратором Курганской области // *Знак.com* // https://www.znak.com/2019-06-13/medvedev_soglasoval_naznachenie_siluanova_kuratorom_kurganskoj_oblasti.

15. «Патриоты России» достигли вершин на Кавказе // *Коммерсантъ* // <https://www.kommersant.ru/doc/2045334>.

16. Прошедшие в Мосгордуму оппозиционеры потратили на выборы всего 39 млн рублей // *Ведомости* // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/09/15/811290-proshedshie-mosgordumu-oppozitsioneri>.

17. *Пишизова С.Н.* Политические консультанты в системе власти: к постановке проблемы // *Элиты и власть в российском социальном пространстве: Материалы пятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» (15-16 декабря 2006 года, Санкт-Петербург)* / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2008.

18. Российский политолог: сколько стоит мандат депутата Госдумы-2021 // <https://ura.news/news/1052477590>.

19. *Симоянов А.В., Городничев А.В., Воробьев А.Н.* Трансформация регионального политического режима в Московской области: муниципальная реформа и ее влияние на электоральный процесс // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2019. Т. 13. № 1.

20. *Сироткина Е.В., Карандашова С.А.* Лояльность элит и выборы глав регионов: роль предвыборных конфликтов в исходе голосования // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 6.

21. *Соснин Д.П.* Изменение порядка замещения должности главы местной администрации как фактор процесса трансформации городской элиты // *Вестник Поволжской академии государственной службы*. 2012. № 3(32).

22. Стоимость выборов в Госдуму для одномандатников оценили в 100 млн руб. // *РБК* // <https://www.rbc.ru/politics/28/01/2016/56aa2a759a794707df462d61>.

23. *Туровский Р.Ф.* Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 2.

24. *Чирикова А.Е.* О понятии «элита»: есть ли выход из тупика определений? // *Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления*. 2011. № 1 (41).

25. *Чирикова А.Е.* Предвыборные коалиции в условиях прямых выборов в малом российском городе (районе): взгляд в недавнее прошлое // *Власть и элиты*. 2018. Т. 5.

26. *Шевцов Георгий Егорович* // *Законодательное Собрание Вологодской области* // <https://www.vologdazso.ru/struct/deput/item.php?ID=18562>.

27. *Шкель С.Н.* Бастионы традиции: этнический фактор и политические машины в регионах России // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 1.

28. Higley J., Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracy* // Lanham; Boulder; N.Y.; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

G.F. BELOUSOV

*Postgraduate student of the Department
of Russian Politics, Faculty of Political
Science, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia*

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF THE ROLE OF REGIONAL ELITES IN THE ELECTORAL PROCESS IN MODERN RUSSIA

In a democratic society, the problem of elite recruitment cannot be considered outside the context of the electoral process. In this process, the elites themselves play a key role, since it is difficult for election participants to win without the support of the federal and regional elites. However, most scientific studies related to the recruitment of elites and works devoted to political technologies do not consider the very mechanics of interaction between elites in the course of the electoral process. The purpose of this article is to conceptualize theoretical and methodological approaches to the analysis of the role that elite groups play in the electoral process of modern Russia. It seems that such an analysis should proceed from the following premises. First, when analyzing the role of elites in the electoral process, it is advisable to use a functional approach to defining the elite, since it best of all allows taking into account the dynamics of their interaction and the motivation of individual members of the elite. Secondly, the starting point for mapping regional elites should be the structure of the region's economy and the presence of financial and industrial groups in it. It is necessary to take into account the interaction of business elites with the governor and his team, regional and municipal legislatures, informal structures, as well as the "political machines" existing in the region. Third, it is advisable to view the interaction of elites as coalition actions due to the high cost of conducting election campaigns. Both individual regional political strategists and teams of political strategists sent to the region by the federal center can be responsible for the technical implementation of the campaigns. When assessing the role of the federal center, it is necessary to take into account the financial solvency of the region and the degree of affiliation of key representatives of the regional elite with federal structures.

Key words: *political elite, business elite, corporate elite, electoral process, political strategists.*

НЕОРЕАЛИЗМ О ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ ФАКТОРАХ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД И ЕГО КРИТИКА

Автор статьи исследует проблему адекватности теории неореализма для объяснения международных отношений. Целью статьи является анализ подхода неореалистов Кеннета Уолца и Джорджа Мишаймера к изучению внутригосударственных факторов. Благодаря проделанной работе, автор демонстрирует основные положения неореализма. Он показывает отличие от классического реализма, выражающееся в отказе от редукционизма и представления о человеке как об эгоистическом существе. Излагает теоретическое представление реалистов об анархической природе международных отношений. Демонстрирует отличие между неореализмом Уолца и Мишаймера. Кроме того, автор показывает уязвимости, содержащиеся в концептуальном ядре теории. Неореализм предлагает элегантный способ объяснения мировой политики только в том случае, если исследователь не выходит за пределы представления Уолца об анархической системе. Чрезмерная абстрактность теории, полагает автор, исключает возможность исследования обильного числа фактов. В статье излагается критика неореализма сторонниками исторического подхода. Убеждение Уолца в том, что его теория носит трансисторический характер, оборачивается скорее принципиальной неспособностью объяснять исторические изменения. Кроме того, критики указывают на неспособность неореализма анализировать конкретные явления международных отношений. Поскольку неореализм говорит в первую очередь о тенденциях международной системы, это мешает изучать предметные проблемы между странами. По мнению сторонников исторического подхода, это негативно влияет на принятии важнейших внешнеполитических решений. Автор приходит к выводу, что несмотря на наукообразную форму, неореализм не может полноценно объяснять мировую политику, поскольку он пренебрегает внутривнутриполитическими фактами и историей.

Ключевые слова: неореализм, международные отношения, редукционизм, анархическая система, внутригосударственные факторы, исторический подход.

Неореализм является одним из наиболее авторитетных подходов в международных отношениях. Едва ли не каждая научная работа, затрагивающая тему мировой политики, содержит отсылку к ключевым принципам реализма. Более того, реализм влияет на принятие внешнеполитических решений. Таким образом, вопрос о том, насколько объективно этот подход отражает действительность, важен как для науки, так и для политической практики. Как мы покажем в нашей работе, несмотря на наукообразную форму, в ядре теории содержится противоречие, выражающееся в пренебрежении внутrigосударственными фактами и историческими примерами. Следствием этого противоречия являются ошибки, говорящие о неполной способности неореализма объяснять международные процессы. В первой части статьи мы опишем взгляд ведущих представителей неореализма Кеннета Уолца и Джона Миршаймера на природу мировой политики. Во второй части расскажем о критике этой теории со стороны исторического подхода.

Взгляд неореалистов на природу международных отношений. Кеннет Уолц считается отцом-основателем неореализма, пересмотревшего ряда принципов классических реалистов. Но при этом акцент на принципе силы был сохранен. В отличие от Моргентау и Карра, подход Уолца к исследованию международных отношений основан на системном анализе. С его точки зрения, конфликты между государствами являются следствием не эгоистической природы человека, а анархического состояния самой мировой системы [2. С. 61-62]. Уолц полагал, что его подход к изучению международных отношений можно назвать научным, поскольку в отличие от Моргентау он использовал строгие методы, источники которого можно обнаружить в экономической теории.

В своей книге «Теория международных отношений» (1979) [6] Уолц критикует классический реализм за редуционизм, то есть сведение причин международных отношений к частным проблемам государств. Политическое поведение человека, согласно отцу-основателю неореализма, продиктовано не сколько стремлением к власти, сколько рациональным осмыслением своих возможностей в рамках отдельно взятого общества. Определяющей целью человека, таким образом, является стремление к выживанию. Общество предлагает человеку жесткие правила игры, и ему остается либо подчиняться им и стремиться к выживанию, либо погибнуть.

Схожая ситуация характерна и для международных отношений. Кеннет Уолц сравнивает поведение государств с поведением фирм в рыночной экономике. По его мнению, и теми и другими руководит в первую очередь стремление к выживанию. Это стремление определяет как анархическое состояние международных отношений, так и схожесть в политике государств. Положение дел в мировой политике строится не за счет индивидуальных потребностей или особенностей каждого из агентов, а за счет распределения сил между ними. Уолц не стремился описать содержание международных

отношений во всей полноте, предполагая, что это в принципе невозможно. Вместо этого он разрабатывает специальную методологию, позволяющую заострять внимание не на частностях, а на определяющих тенденциях мировой политики [6. Р. 7].

Достичь поставленной цели Уолцу удалось путем создания специальной методологии, в основе которой лежало абстрагирование от специфики отдельных государств. Уолц полагал, что поведение государств в анархической системе международных отношений диктуется стремлением укрепить национальную безопасность. Это единое для всех стран стремление позволило отцу-основателю неореализма уподобить мировой политической процесс абстрактной модели, структура и действия которой определяются состоянием отдельных наиболее влиятельных тенденций внутри самой модели.

Системный подход Уолца позволяет выделить несколько уровней политической реальности. Отношения между субъектами политической реальности можно рассматривать на внутригосударственном уровне, и далее, переходить к уровню международному. Если на внутреннем уровне существует определенная иерархия, позволяющая агентам распределять свои силы в рамках установленных правил, то на международном уровне нет мирового правительства, что предопределяет анархическое состояние, т.е. отсутствие единого центра власти.

Каждое государство стремится увеличить выгоду от взаимоотношений с другими государствами. Существовая в рамках анархичной системы, оно сталкивается с двумя преградами, мешающими достижению этой цели: стремлением других государств сохранить свою независимость, с одной стороны, а также общим состоянием структуры международных отношений, с другой. Если условия для государства складываются благоприятно и на международном уровне не существует явной преграды для достижения собственной выгоды, оно будет нацелено на усиление собственного могущества и, тем самым, проявит свое стремление к началу войны.

Важнейшим выводом Уолца, вытекающим из положения о предрасположенности сильных государств к инициированию войн, является идея поляризации как наиболее приемлемой и стабильной системы международных отношений. Более того, Уолц полагал, что биполярная система, а именно состояние «холодной войны» между двумя ядерными сверхдержавами способствует сохранению мирового порядка.

Кеннета Уолца можно назвать сторонником концепции «баланса сил», согласно которой отношения между агентами международных отношений должны выстраиваться по принципу оценки и распределения силовых потенциалов друг друга. Практическая реализация подобного рода отношений выражается в изобретении новых типов вооружения, наращивании боевой мощи и создании военных коалиций.

Неореалист *Джон Миршаймер* во многом повторяет выводы Кеннета Уолца. В своей книге «Трагедия великих держав» (2001) он развивает ос-

новные идеи структурного реализма. Миршаймер согласен с тем, что анархические отношения являются основой международной системы и изучение внутригосударственных факторов препятствует исследованию отношений между государствами. Анархическая система или «система самопомощи», как называет ее сам Миршаймер, подразумевает высокую степень неопределенности в отношениях между нациями. Великие державы не знают о намерениях друг друга и опасаются военного нападения. Безопасность является их конечной целью, однако гарантировать ее можно только благодаря увеличению военного потенциала. Поскольку относительного могущества для обеспечения безопасности недостаточно, государства стремятся к абсолютной безопасности, выражающейся в мировой гегемонии [4. Р. 31].

Мировая гегемония является конечной целью государств, но в современном мире она труднодостижима, поскольку крупнейшие державы обладают ядерным оружием. Даже США, наиболее могущественная страна в мире, являются лишь региональным гегемоном и их власть не распространяется дальше западного полушария. Таким образом, обеспечение безопасности, по мнению Миршаймера, требует исполнения четырех целей, которые он называет операционными. Во-первых, государства должны обеспечить себе региональную гегемонию, во-вторых, они должны позаботиться о своем экономическом благосостоянии. В-третьих, их наземные вооруженные силы должны быть потенциально сильнее, чем у противника. В-четвертых, государства должны обладать ядерным преимуществом.

Государства далеко не всегда стремятся к безопасности, однако значение безопасности превосходит все остальные цели. По словам Миршаймера, страны могут стремиться к осуществлению экономических, идеологических и прочих целей, пока они не вступают в противоречие с требованиями безопасности. «Наступательный реализм в равной степени признает, что великие державы могут преследовать эти цели, не связанные с безопасностью. Но он мало что может сказать о них, за исключением одного важного момента: государства могут преследовать их до тех пор, пока эти действия не вступают в противоречие с логикой баланса сил» [5. Р. 46].

Критика неореализма сторонниками исторического подхода. Ключевым недостатком неореалистической теории Уолца является его пренебрежение внутригосударственными факторами. Метод структурного реализма может показаться элегантным способом изучения международных отношений только в том случае, если исследователь откажется от рассмотрения факторов, выходящих за представление Уолца о мировой системе. Метод структурного реализма позволяет изучать основные тенденции, происходящие в рамках международной системы, однако нам трудно заниматься анализом конкретных проблем в рамках определенных ситуаций между государствами. Абстрактность неореализма становится объектом критики и для сторонников исторического подхода. По мнению профессора университе-

та Суссекса Бенно Тешке, Уолц создал принципиально антиисторическую концепцию, которая ограничивает отношения государств исключительно логикой анархии и иерархии: «Структуралистская модель Уолца <...> не может сказать ничего определенного относительно будущего или прошлого, если отбросить сохранение самой анархии, то есть в смысле исторического объяснения она бессмысленна». Отец-основатель структурного реализма, по мнению Тешке, полностью отвергает фактор человеческой воли: сознания, выбора, курса действий, иррационального поведения. Подходы, учитывающие эти переменные, согласно теории Уолца, не соответствуют критериям строгой научности. «Фундаментально ошибкой неореализма, – считает Тешке. – является утверждение анархии как транзистороической данности. <...> Анархия как история и анархия как теория сплетаются воедино, оставляя одну лишь тавтологию: анархия преобладает всякий раз, когда выполнены условия ее осуществления» [3. С. 42].

Миршаймер пытается решить пробелы структурного реализма Уолца, переосмыслив мотивы государственного стремления к безопасности и гегемонии, а также способы ее достижения. Тем не менее, на наш взгляд он не решает проблемы, а некритически подходит к своим выводам. Профессор истории международных отношений Кембриджского университета Джонатан Хэслем демонстрирует примеры, опровергающие убежденность Миршаймера в гегемонистских устремлениях великих держав. Пример внешнеполитической политики Великобритании с ее стратегией *laissez-faire* в XIX веке, и интеграция западных стран в международные институты по эгидой США в XX веке показывают, что могущественные державы далеко не всегда стремятся к максимизации своей власти [4. Р. 323]. Отклонение государственного поведения от постулатов своей теории Миршаймер объясняет «структурными аномалиями» и глупостью политических лидеров. Тем не менее, по словам самого Миршаймера, ключевым отличием его теории от подхода Уолца является убежденность в исключительно рациональном поведении агентов в международной системе.

Прогностическая сила теории не является по-настоящему убедительной, поскольку она игнорирует чрезмерно обильное количество фактов. Несмотря на то, что политологи зачастую выступают в качестве экспертов, их коллеги историки также претендуют на роль исследователей мировой политики. Однако в отличие от политологов, историки всегда обосновывают свои утверждения не абстракциями, а на конкретные факты. Так или иначе, заключает Хэслем, исследования межгосударственных отношений должны вестись в первую очередь на уровне единиц-системы, а не на уровне анархической структуры.

Убеждение некоторых реалистов в том, что лидеры государств стремятся к рациональному осмыслению национальной политики сквозь принцип, силы может быть не только неверным, но и опасным. Так, реалистическая

интерпретация поведения советского руководства во главе с Никитой Хрущевым в период Карибского кризиса могла обернуться мировым конфликтом между СССР и США [4. Р. 1]. Размещение Советским Союзом ядерного оружия на Кубе стало неожиданностью для Вашингтона и воспринималось как акт агрессии, целью которого являлось уничтожение Соединенных Штатов. Потенциальное могущество СССР в регионе не могло идти ни в какое сравнение с вооруженными силами США: Вашингтон обладал бескомпромиссным преимуществом на земле, в воздухе и на море. Более того, СССР никогда не устанавливал ракеты вблизи границ западного блока, тем более ракеты никогда не располагались поблизости от непосредственной границы США. «Лица, принимающие решения, изначально ошиблись в кубинском кризисе, потому что на них слишком повлияли международные теоретики, которые стремились понять мировую политику сквозь призму реалистической теории. Согласно реалистическим рассуждениям, государства делают только то, что им разрешено делать с точки зрения их силы по сравнению с другими государствами, а у русских не было ни локальной, ни стратегической силы, чтобы одержать победу в борьбе за Кубу. Но Москва все равно действовала. Реалистическая теория не могла объяснить почему» [4. Р. 2]. Искажение в восприятии советской угрозы привело американское руководство в состояние настоящей паники, когда министр обороны США Роберт Макнамара не знал, увидит ли он завтрашний день или все-таки начнется ядерная война. Между тем, размещение советских ракет на Кубе было продиктовано ответной реакцией на расположение американских ракет в Турции. СССР вовсе не стремился к уничтожению США, а, напротив, хотел восстановить баланс сил. По воспоминаниям советских руководителей, отношение к кризису в Москве было гораздо спокойнее: «Все-таки мы понимали, что американцы – цивилизованные люди, что они не пойдут на ядерную войну, которая может ополовинить их население» [1].

Рациональность вовсе не является неотъемлемым свойством политиков. Дэвид Стокман, директор Административно-бюджетного управления при администрации президента США Рональда Рейгана, говорил: «Управление (государством) не было сферой чистого разума, анализа и столкновения идеологий. Оно действительно содержало brutальную силу, наглость раздутього эго и грубую волю к власти» [4. Р. 329].

Заключение. Кеннет Уолц и Джон Миршаймер разработали выдающуюся теорию, оказавшую влияния на представителей почти всех подходов в международных отношениях. Их представление о мировой политике, как об анархии используется в том числе и либералами. Тем не менее, как мы показали в нашей работе, пренебрежение историческими фактами значительно ограничивает возможности теории. В некоторых случаях следование неореализму может привести к фатальным ошибкам. Таким образом, нельзя сказать, что неореализм в современном его изводе объективно описывает состояние международных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бурлацкий Ф.: «Мы понимали, что американцы – цивилизованные люди» // «Известия». 21.10.2002 // <https://iz.ru/news/268669>.
2. *Коньшев В.Н.* Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. СПб.: Наука, 2004.
3. *Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.
4. *May R.E., Rosecrance R., Steiner Z.* History and Neorealism. С.: Cambridge University Press, 2010.
5. *Mearsheimer J.* The tragedy of great power politics. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2001.
6. *Waltz K.N.* Theory of International Politics. Berkley: University of California, 1979.

A.A. ROZHKOVA

*Graduate of the postgraduate study of the
Department of Philosophy, Politics and Law,
Faculty of Philosophy, Moscow State University
after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

NEOREALISM ABOUT INTRASTATE FACTORS: A CONCEPTUAL APPROACH AND ITS CRITICISM

The author of the article examines the problem of the adequacy of the theory of neorealism to explain international relations. The purpose of the article is to analyze the approach of neorealists Kenneth Waltz and George Mearsheimer to the study of intrastate factors. Thanks to the work done, the author demonstrates the main provisions of neorealism. He shows the difference from classical realism, expressed in the rejection of reductionism and the idea of a person as an egoistic being. Expresses the theoretical understanding of the realists about the anarchic nature of international relations. Demonstrates the difference between Waltz's and Mearsheimer's neo-realism. In addition, the author shows the vulnerabilities contained in the conceptual core of the theory. Neorealism offers an elegant way of explaining world politics only if the researcher does not go beyond Waltz's view of the anarchist system. The excessive abstractness of the theory, the author believes, excludes the possibility of studying an abundant number of facts. The article presents the criticism of neorealism by the proponents of the historical approach. Waltz's conviction that his theory is transhistorical turns out rather to be a fundamental inability to explain historical change. In addition,

critics point to the inability of neorealism to analyze the specific phenomena of international relations. Since neorealism speaks primarily about the trends of the international system, this makes it difficult to study subject problems between countries. According to supporters of the historical approach, this negatively affects the adoption of major foreign policy decisions. The author comes to the conclusion that despite its pseudo-scientific form, neorealism cannot fully explain world politics, since it neglects domestic political facts and history.

Key words: *neorealism, international relations, reductionism, anarchic system, intrastate factors, historical approach.*

DOI 10.35775/PSI.2021.70.6.003

УДК 32

Д.Е. СЛИЗОВСКИЙ

*доктор исторических наук, профессор
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва*

В.А. ЖАЛНИН

*заведующий сектором Управления
международного протокола
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва*

Н.П. МЕДВЕДЕВ

*доктор политических наук, профессор,
Президент Национального союза политологов,
Россия, г. Москва*

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Частный случай необычайно выросшего за последнее время числа научных статей, отражающих с разных теоретических, политических, исторических и даже идейных позиций и разных научных подходов тему национального образования, обращения многих авторов в редакции журналов, тиражируемых издательством «Наука сегодня», – веское и объяснимое основание к тому, чтобы в полемической форме обсудить этот феномен. Обсудить и привлечь внимание к степени и уровню анализа этой злободневной и важной темы. И по существующей традиции представить в форме развернутого эссе, так что же собой сегодня представляет сфера национальных систем образования как социально-политическая, историческая и научная проблема, что наукой сделано, чтобы раскрыть и понять смыслы этого процесса, и что предстоит еще сделать, в каком направлении вести научный поиск. Результатом нашего анализа стал обобщающий вывод, суть которого, в том, что системы национального образования в общественном и профессиональном восприятии все увереннее обретают, во-первых, силу морального фактора превосходства и преимуществ страны, ее политического и социально-экономического режима. Во-вторых, обретение такой силы и влияния для систем образования подпитывается, артикулируется и оформляется государственной образовательной политикой. Государственная образовательная политика берет верх над другими типами и формами политики. Это диалектично противоречивая форма поддержки и контроля за системами образования. В-третьих, та государствен-

ная образовательная политики более качественна и эффективна, которая обеспечивается лучшими практиками исторического опыта в сочетании с новаторским отношением к тенденциям глобального порядка в развитии образования.

Ключевые слова: система образования, национальные системы образования, исторический опыт национальных систем образования.

1. Текущие размышления о системах образования: крен в историю.

Повсеместно и везде [28], многими учеными [4; 8; 9; 19] обсуждаемая тема качества национальных систем образования воспринимается и трактуется как процесс перехода из разряда важных в критически важную и злободневную. Не мудрено! При наличии разных методик в определении этого самого кризиса и перехода его от одного к другому качеству есть попытка фиксировать наличие кризиса через объяснение ряда противоречий в тенденциях образования и образовательной политики [10. С. 2038-2048; 11. С. 75-100]. Но признать, что системы национального образования находятся в состоянии кризиса, даже определить характер этого кризиса, – уже недостаточно. Говорить, писать, размышлять о проблемах образования в терминах кризиса, это ходить по замкнутому кругу при кажущейся решаемости этих самых проблем. И при этом решимость бороться с проблемами и кризисом в образовании не ослабевает, напротив, даже растет. Это видно без привлечения «оптических приборов» изучения и анализа, способных увеличить площадь и детали объекта наблюдения.

Европейский Союз еще в 2016 году запустил платформу «Образование не может ждать». И определяя перспективы устойчивого развития на период до 2030 года, признал важность качественного образования и профессиональной подготовки важнейшей основой решения глобальных проблем. При этом причины кризиса своего, европейского образования, видит в том, что миллионы детей вне доступа к качественному образованию из-за все более затяжных конфликтов, вынужденного перемещения насилия, изменения климата и стихийных бедствий. Заметим, с точки зрения европейских чиновников не что иное, а «затяжные конфликты» являются основными первопричинами, оставляющими после себя необразованные, потерянные поколения, и заставляют многих отправиться в опасные путешествия в Европу и другие регионы мира, что влияет на их стабильность и развитие [25].

В США, например, фиксируют в структуре образования две противоречащих одна другой тенденции: увеличение числа выпускников старших классов без значительного увеличения их знаний или долгосрочного академического успеха. Около 69% выпускников средних школ поступают в колледжи, но только 40% из них получают степень бакалавра через четыре года. В настоящее время только 40% 12-классников умеют читать на уровне

колледжа, и только 25% владеют званиями по математике на этом же уровне [29]. И эти неприглядные цифровые показатели низкого уровня образования есть образчик того, что предпринято было правительством США после 1983 года, когда Национальная комиссия подготовила доклад о передовом опыте в области образования администрации Рейгана [23].

Российские примеры из этой области тоже есть свидетельство и основание по-новому посмотреть на суть проблем в этой сфере. Правительство РФ считает нужным заявить как о достигнутых результатах за последние 5 лет завершение реализации Проекта повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научнообразовательных центров (Проект 5-100); поддержку сети опорных университетов, ориентированных на сохранение и развитие интеллектуального потенциала регионов, повышающих качество обучения, в том числе за счет кооперации с ведущими университетами-лидерами; запуск пилотного Проект 500+, решающий задачи повышения качества образования, путем поддержки школ с низкими образовательными результатами, работающими в сложных социально-экономических условиях; осуществление ряда мероприятий совместно с субъектами Российской Федерации по развитию инфраструктуры дошкольного, общего образования, дополнительного образования детей в целях обеспечения реализации государственных гарантий доступности образования, восполнения дефицита мест в образовательных организациях соответствующих уровней образования, а также удовлетворения потребностей населения в качественных и разнообразных образовательных услугах, вариативности выбора поставщиков таких услуг.

Текущие данные о реализации государственной политики в сфере образования можно получить, обращаясь к докладу Правительства, представленного им 21 мая 2021 года. Доклад дает обзор и анализ реализации государственной политики в этой сфере в 2020 году [5]. Из этого доклада видна приоритетная роль в развитии системы образования государственных органов федерального уровня. Это четко и однозначно фиксируется в тексте доклада: «общий вектор развития системы образования задан в документах стратегического планирования, разработанных в рамках целеполагания на федеральном уровне...» [5]. Специфика и особенности такого типа документов не позволяют в качестве предмета анализа рассматривать вопросы частного порядка, имеющие научный интерес полемического характера. А для науки и научной дискуссии есть предметы интереса. Например, в зависимости от того, какой концептуальный рефрен положить в основу изучения темы образования, этим будет определяться и содержание ответов по всем вопросам, которые уже ставились и вновь ставятся.

В частности, была ли и остается ли Древняя Русь, Россия Императорская, Советская и Российская Федерация варварской и невежественной. Примеров таких сентенций предостаточно в прошлом и в современности.

Сторонники одной версии толкования истории образования оперируют данными и фактами, показывающими массовую неграмотность и невежество населения царской России [22], другие – идеализируют институты образования и обучения, и уровни образованности и обученности населения или отдельных категорий граждан [15; 17]. Или все же образование России на всех этапах ее развития, исторически при всех перипетиях, недостатках явилось одним из факторов становления формирующейся великой русской цивилизации. И в этой связи как изменялось развитие национального образования в контексте его связей и отношений с самим историческим процессом, с историей и в контексте иностранного заимствования и его последствий; какова роль государства, церкви, негосударственных акторов организации образования. И можно ли определить в конце концов, какой из институтов управления и контроля за образованием был ключевым, и при каких обстоятельствах эта роль была положительной, и когда отрицательной и сдерживающей.

Но не перечень даже таких вопросов имеет значение, его можно и нужно расширить, сколько повысить качество самих ответов и объяснений порой очень парадоксальных частных случаев, ситуаций и примеров, характеризующих систему образования порой лучше и образней, чем большие данные и постоянные теократизированные изыскания и опыты. Как объяснить, например, то, что в годы СССР лишь 17% выпускников школ поступали в институты и университеты, а сегодня почти 85% школьников идут в Университеты, но качество обученности, способности к освоению программ высшей школы серьезно разнятся, и не в пользу современной системы образования. Есть и более серьезные примеры, и основания к пониманию всего комплекса проблем и противоречий в системах образования и воспитания, если обратиться к историческим сюжетам, процессам и фактам. Нет внятных объяснений, и даже попытки объяснить тот факт, что, например, в армии вермахта, вступившей в войну с СССР по обобщенным показателям, основная масса солдат имела 8 классов образования, а у советских солдат было лишь 4 класса образования. Но именно советский солдат, его командиры оказались в итоге лучше подготовленными к быстрому обучению военным делом, стали выше и просвещенней «самой цивилизованной нации» и ее очень «просвещенных» союзников. Без объяснения формализованных и глубинных (национальных) оснований понимания, какая из систем образования имеет преимущество, и в чем это преимущество конкретно проявлялось и будет проявляться, видимо, не стоит думать о лучшей стратегии и политике дальнейшего развития национальной системы образования.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 6; 7; 13; 18; 20; 21].

Однако проблему развития национальных систем образования нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоя-

тельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Ученые и организаторы глобального и национального образования – в движении. Они пытаются описать и понять общие и частные цели и подходы к образованию. Это важные и естественные шаги, но они не признали еще глубины проблем, и не очень преуспели в понимании сути и смыслов роли и значения образования и воспитания как единого и неразрывного процесса, подготовленного всем историческим наследием, опытом успехов и провалов, ложных и выверенных знанием ожиданий, намерений, целей и задач.

2. Возможности и пределы рейтинговых оценок и исторического крена в анализе. Когда сегодня пишут и анализируют состояние национальных образовательных систем, не обходятся без данных рейтинговых оценок. Рейтинговые оценки, которые характеризуют национальные системы образования по ряду показателей: степень развития государственного образования, обобщенные качественные параметры образования страны, ответы респондентов о готовности их поступить в университеты в той или иной стране; сочетание централизованных и децентрализованных систем организации образования – стали не столько релевантными, сколько рекламными индикаторами по определению лучших систем образования. Видимо, чтобы не попадать впросак, и чтобы повысить доверие к этим рейтингам, его устроители и организаторы приводят все больше и больше доводов и оснований относиться к ним с доверием. Насколько эти рейтинги оправданы в достижении продекларированных целей и, главное, насколько можно судить об истинно лучших системах и основаниях, подтверждающих эти оценки, – никому не стоит ручаться за достоверность этих данных. Тем не менее, опрос, проведенный с января по апрель 2020 года собрал более 196 300 ответов. Первое место среди сотни лучших национальных систем образования на 2020 год занимает Англия. На втором месте Соединенные Штаты Америки, за ними следуют Австралия, Нидерланды и Швеция. В рейтинге лучших систем образования 2020 года оказались Франция (6 место), опередив Данию. Далее системы образования Канады, Германии, Швейцарии (10 место). В числе 15 лучших систем образования – Япония, Израиль, Финляндия, Тайвань, Сингапур. Российская Федерация по показателю «лучшая система образования» заняла 36 место, Китай – 65 [30].

Как бы не относиться к этим рейтинговым оценкам, их убедительность очевидна лишь в одном. Через обучение, образование, воспитание проходили и проходят все без исключения поколения: дети и взрослые всех возрастов так или иначе встроены в системы образования. Уровень образования, обученности и просвещенности есть момент истины для суверенитета страны, ее безопасности, для граждан и отдельных личностей; ключевой индикатор и признак успеха, радужных перспектив и удовлетворения все

разрастающихся потребностей и желаний. Или, напротив, устойчивая стагнация, случайная возможность войти в круг избранных и успешных как для страны, так и для отдельных граждан. Все было бы не так скверно, если бы предпринимаемые правительствами всех стран меры, предлагаемые учеными и специалистами проекты и планы, имели хотя бы признаки того, что удастся справиться с существующими и предугадываемыми проблемами и противоречиями в этой области жизнедеятельности человека даже в высокоразвитых и успешных странах [27].

Находясь вольно или невольно под прессингом такой всеобщей гнетущей атмосферы, господствующей в обществах и государствах, большинство исследователей в своих работах в разной степени достоверности и в пределах своих интеллектуальных возможностей показывают и объясняют, что национальные системы образования, конкурируя между собой, обрели за последние 200 лет невероятную мощь и сделали население поголовно грамотными, обеспечили науку учеными, индустрию и сферы производства услуг и потребления высококвалифицированными работниками. Казалось, что прогресс в образовании, динамика этого прогресса и его направления дальнейшего развития – это устойчивая, рукотворно созданная закономерность, способная перешагнуть через любые преграды на пути еще большего прогресса. Но реалии с образованием и образованностью ставят в тупик даже самых отъявленных и закаленных оптимистов, кроме тех, чьи успехи оправдываются устойчивой и спланированной политикой поддержки образования, и проверенными историей стратегиями, упорством и эффективными мерами, формировавшими генетически адаптивную к обстоятельствам модель выживания. Образование в этой модели не всегда было в центре внимания даже среде высокоэрудированных интеллектуалов и организаторов сложных общественных систем, но они не сомневались лишь в одном – образование и образованность всегда будет лучшим из всех средств здорового развития нации и государства. И упорно работали в границах этой системы мышления и поведения.

В российском обществе среди ученых самых разных научных направлений, в кругу чиновников от федерального до местного уровня, многочисленных групп экспертов на самых разнообразных дискуссионных площадках постоянно ведется острая полемика вокруг образования и образовательной государственной политики. И какими бы результаты этой полемики не были, заметна одна тенденция – проблемы образования лишь нарастают. Или их такими видят и даже хотят видеть по разным причинам влиятельные группы, лоббирующие свои корыстные интересы, а то и заурядные желания быть в центре внимания популярной и востребованной большинством граждан темы [14; 16].

В мировой дискуссионной практике отмечается, что среди множества проблем, взятых в оборот образование, есть проблемы, собственно,

не столько самого процесса образования, сколько представлений и толкований об этом процессе, его сущности, содержания, субъектах. В этой части заметна критика авторов, работающих с доминирующей идеологической парадигмой, связанной с глобальным образованием. И такая критика исходит от той части ученых и специалистов, что выступают как представители либеральной технократической мысли в структуре образования. И одна, и другая научные концепции встречают отпор со стороны апологетов правительственной культуры влияния на образование и его подчинение, ставшей характерной особенностью в деле регулирования образования в большинстве стран [26]. Присутствие государства в системе образования сегодня не оспаривается даже американскими учеными, апологетами либерально-демократической модели функционирования системы образования, которые считают нужным заявить: «Образование – это часть государственной политики. Это предусмотрено в бюджете со значительными расходами в каждом штате» [24].

Предварительный вывод из вышесказанного может быть представлен в следующих терминах. Утешительным моментом в непригодности той или иной теоретической модели организации системы образования некоторые группы специалистов и экспертов удосуживаются считать лишь то, что это глобальный по характеру и нарастающей мощи комплекс проблем, охвативший национальные системы образования: от дошкольного и школьного образования – до высшего и постуниверситетского. И в этом моменте даже сама полемика по этой проблеме уже считается достаточным позитивным фактором, чтобы видеть свет в туннеле образования как системы.

Что касается российских реалией, то, полагаем, сам по себе характер и направленность дискуссии о проблемах образования носит исключительно российское своеобразие и специфику осмысления этого явления. Но и в этой сугубо российской модальности мышления, специфика, исключительность системы образования России, какой бы ни была особенной, будучи продуктом и следствием движения исторических сил, ее естественной энергии, все же не рассматривается явлением только российской истории, Исторические прецеденты и процессы отражаются и современной реальностью. Неужели и тогда российская ментальная специфика выпячивается больше или меньше, чем это бы надо? Рискнем заявить, что надо бы ни больше и не меньше выпячивать свой норов. А твердо и последовательно следовать этому курсу в том числе и образовательной политике. Тут нет ничего уникального. Все национальные системы образования по-своему уникальны и своеобразны, и все нации, их элиты думают по-своему. Как раз в этом раздумывании, в системе мышления и осмысления феномена образования есть все признаки быть сугубо последовательно уникальными. Тем и интересны и для себя, и для других. Какой интерес читать, что мы пишем и как думаем, если это сделано пол лекалам сторонних читателей и толкователей!? Уникаль-

ность и своеобразие в том системы мышления, что она позволяет один и тот же исторический материал трактовать в противоположных значениях и по-разному. Но есть исторический прецедент, который стоило бы серьезно осмыслить, понять и сделать столь же серьезные выводы. Удивительно ведь, чтобы ни писали патриотические, непатриотические, антипатриотические отечественные историки царской России, вопрос об образовании в самом широком его значении не оставил ни одного примера о едином их мнении хотя бы по базовым его аспектам. «Кажется, ни по одному вопросу нашей внутренней истории не существует такой разницы во мнениях, как по вопросу о роли школы и образования в Древней Руси» [12], – писал в свое время историк, лидер партии кадетов П.Н. Миллюков.

Смена мыслительной парадигмы – от разнообразности мнений и суждений, от противоречивых мнений к единому и единственному мнению об образовании, о его высоком значении и предназначении, тотальной доступности пользоваться его плодами на всех уровнях, произошла лишь в советский период развития страны. Но, как оказалось, и эта система мышления, обеспечив беспрецедентный уровень для развития системы образования, не была без изъянов и серьезных родовых травм догматизма, косности, бюрократического рутинерства. Болезни системы мышления и осмысления, понимания противоречий и тенденций глобального порядка и национальных перспектив не могли не проникнуть в общие и даже частные случаи понимания тех процессов, в которые было втянуто образование. Пораженная болезнями система мышления, даже когда ей попытались придать элементы новизны, заявив о новом мышлении, в конце концов запустили процесс распада и деградации и страны, и системы образования. В таких условиях больше интуитивно и по глубинным ощущениям проткал процесс сопротивления деструктивным мерам, объявленным в виде реформ. Удерживая себя в рабочем состоянии, в том числе и за счет, и на основе исторических и культурных традиций, закрепленного в сознании и поведении учителей, педагогов, ученых, постсоветская система образования продолжает шествие от одной реформы к другой, пока что опять же интуитивно нащупывая силы и способности самообновления. И тут же, рядом, параллельно развивается процесс мощных поворотов и противоположностей. И нужно обладать даром, чтобы избежать опасностей и соблазнов.

Глобализация создает определенные тенденции к сближению систем образования и образовательной политики. При этом стремление показать лучшие практики национальных систем образования [31] демонстрирует, на наш взгляд, не столько возможности к успеху для всех стран и регионов в образовании, и не столько различия и неравномерность в развитии этих систем, что очевидно и естественно, сколько глубокую и непреодолимую по ключевым параметрам дифференциацию между странами в этой важной сфере жизнедеятельности.

Безусловно, не только высшее образование становится все более интернационализированным. Растет число заимствований контроля за знаниями учащихся школ и студентов университетов, за публикациями и научными данными преподавателей и ученых. Растет число схожих мер и заимствований политики между государствами, чему способствует растущая доступность международных данных и работа наднациональных политических учреждений. Все больше свидетельств того и о том, что национальные системы, по крайней мере на обязательном уровне, не перестают быть похожими на самих себя, черпая эту «похожесть» в самоопределении самих себя. Найдем ли эти схожести в той же мере в истории, в национальных традициях и культуре, сформированных силой исторического процесса и действия ее субъектов? Нужна отвага, чтобы встретиться представителям разных систем образования лицом к лицу и преодолеть бездну отчаяния. Или переломить стремление к превосходству одних по отношению к другим.

Возможно, что национальные правительства теряют все больше контроля над многими сферами и отраслями жизнеобеспечения. И только образование остается той областью, которая требует для себя национальной, исторически выверенной и историей оправданной и пережитой политики. Видно, что еще больше стало централизованного государственного контроля над учебными программами и планами, за оценками результатов работы образовательных учреждений, ученых, преподавателей. Последние с большим трудом отстаивают уникальный опыт автономности университетского образа жизни и работы, здорового соревнования вместо безжалостной и гнетущей конкуренции в научной и образовательной среде.

3. Заключение. В истории развития национальных систем образования во всех странах не раз была попытка серьезного и глубокого реформирования образования во всех его критически важных элементах. По инерции такая политика продолжается и сегодня. Но также всегда оказывалось, что плоды проводимых реформ системы образования, не дают того эффекта, на который рассчитывали реформаторы. Поиски причин порой надуманных, но и реальных проблем в образовании, тоже как бы не сформировали пул концептуальных и прикладных решений и оптимальных мер улучшения ситуации в этой сфере. В поиске лучших решений и практик в Российской Федерации, среди таких есть и ученые, и практики, утешает и тех и других лишь то, что свидетельства удручающего положения в образовании – это глобальный тренд.

Повсеместно, и в России тоже, фокус внимания концентрируется на дюжине вопросов, среди которых есть и вопросы, касающиеся сложившейся системы образования, ее модели, ее ресурсов, субъектов обеспечения ее функционального и содержательного развития. Не смотря на неудавшиеся попытки возвращения к исходным параметрам исторического процесса, после сдвигов в ту или другую сторону, и выстраивания российским госу-

дарством и обществом своей системы образования по глобальным и европейским лекалам и меркам после встраивания ее в болонскую модель образования в середине 90-х годов, все еще много осталось специфического и традиционного в этой системе.

В российской системе образования и характере ее обсуждения был и остается конфликт между новаторскими интенциями и традиционными стереотипами. Если принять этот конфликт за отправную точку в разгребании существующих проблем и противоречий в сфере образования, то следует обратить внимания на то, что это очень жесткий, острый по своей непримиримости конфликт мнений и соображений. Это база, основание, питательная среда провокационных споров о том, какая из исторически сложившихся систем образования была более адаптивной к потребностям общества и государства, существенно устойчивой и эффективной. Подобная логика развития осмысления и понимания сущности роли и значения национальной российской системы образования оказалось даже бесплодной. Казалось бы, за длительностью изучения этого процесса можно было бы прийти к консенсусу хотя бы по ключевым аспектам понимания сути и значения образования. Однако консенсуса нет. Ситуация неблагоприятная и в том, что не нашли своего исследователя еще вопросы о степенях и уровнях эффективности каждой из систем, заявивших о себе в истории нашей страны. Много написано и много раз, казалось бы, находились и люди, и идеи, вокруг которых мог быть создан стратегический план развития образования. Но и плана такого нет, который бы опирался и учитывал исторические аналоги. Есть бесконечные реформы и проекты переустройства образования. Но нет и серьезного объяснения, и понимания, в чем конкретно преимущества и недостатки царской, советской и постсоветской систем. Нет позитивного эффекта от такого рода пертурбацией, не создана, своего рода идеальная модель системы образования как плод синтеза лучших практик, мер и идей этой системы. И лишь не утихают споры о роли государства и соблазнах конкурентно-рыночных механизмов и принципов в образовании. И нас, к нашему прискорбию, утешает лишь то, что продолжается поиск лучших примеров функционирования системы образования в сравнении не только с аналогами в других странах, но и с историческими образцами, которыми полна тысячелетняя история страны и образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Антонова Е.Г. Организация и управление музыкальным профессиональным образованием в Поволжском регионе до 1917 года // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 11.

2. Антонова Е.Г. Подготовка учительских кадров в Симбирской губернии в конце XIX – начале XX века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 2.

3. Береснев Р.А. Россия. Германия: что нового в сотрудничестве в сфере образования и науки? // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. № 4.

4. Григорьева Н.А., Симонова М.А. Восстановление и развитие высшей школы в СССР в 1945-58 гг.: направления и пути развития. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 6.

5. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. М., 2021.

6. Дорошева О.А., Потапова А.Н. Школьное образование на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 11.

7. Жалнин В.А. Теоретический инструментарий анализа государственной политики в сфере образования и науки как конфликт групповых и личностных интересов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. № 1.

8. Комлева В.В. Развитие экспорта российского высшего образования: основные противоречия // Вопросы политологии. 2020. № 6.

9. Макаров А.В. Приоритетные направления реформирования образовательной политики суверенного государства // Вопросы политологии. 2021. № 6.

10. Медведев Н.П., Слизовский Д.Е., Жалнин В.А. Возможна ли реформа университетского образования? Послесловие к статье Комлевой В.В. «Развитие экспорта российского высшего образования: основные противоречия» // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6 (58).

11. Медведев Н.П., Слизовский Д.Е., Жалнин В.А. Исторические сюжеты о роли государства и государственной образовательной политики в России: актуальный политологический ракурс // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 2 (32).

12. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2, ч. 2. М.: Издательская группа «Прогресс». Культура, 1994.

13. Моргунов К.Г. Работа органов земского самоуправления по развитию народного просвещения в Таврической губернии в первое десятилетие земской деятельности (1866-1875 гг.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 4.

14. Мы учимся договариваться: тезисы образовательной дискуссии на ПМЭФ-2021 // <https://trends.rbc.ru/trends/education/60c0a8779a794761a6d7059e>.

15. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / [Э.Д. Днепров, О.Е. Кошелева, Г.Б. Корнетов и др.] / Отв. ред. Э.Д. Днепров; [АПН СССР, НИИ общ. педагогики]. М.: Педагогика, 1989.

16. Савенков С. Дискуссии проблем современного российского образования. Основные проблемы современного российского образования // <https://>

school36penza.ru/odnoklassniki/discussion-of-the-problem-of-modern-russian-education-the-main-problems-of-modern-russian-education.html.

17. Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009.

18. Семенов А.А., Акимова А.И. Школы ФЗО и ремесленные училища в системе трудовых резервов в СССР в 1950-е годы (на примере регионов Среднего Поволжья) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 5.

19. Симонова М.А., Козьменко В.М., Дробышева Л.В. Исторический опыт взаимодействия стран СНГ в культурно-образовательной сфере в 1990-200-х историографический аспект // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 6.

20. Скрипников П.Н. Научно-исследовательская работа в медицинских вузах Западной Сибири в кон. 1950-х – нач. 1990-х гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 4.

21. Тушков А.А., Степанова С.С. Противоречия и дихотомии конфликтного потенциала Восточного Средиземноморья // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 2.

22. Ульянова Г.Н. Образование и просвещение. Печать. Россия в начале XX века / Под редакцией академика А.Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002.

23. A Nation at Risk: The Imperative for Educational Reform A Report to the Nation and the Secretary of Education United States Department of Education by the National Commission on Excellence in Education April 1983 // https://edreform.com/wp-content/uploads/2013/02/A_Nation_At_Risk_1983.pdf.

24. Ancient Education // <https://www.assignmentexpert.com/blog/ancient-education/>.

25. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council on Education in Emergencies and Protracted Crises // https://ec.europa.eu/echo/files/news/Communication_on_Education_in_Emergencies_and_Protracted_Crises.pdf.

26. Douglas Bourn. Development Education in the era of globalization // <https://www.developmenteducationreview.com/issue/issue-1/development-education-era-globalization>.

27. Education – Understanding the modern education system // <https://witan-world.com/article/2019/08/22/education/>.

28. Marusina O.S. Global aspects of the development of higher education in the modern world as the main determinants of a radical change in public administration of this sphere // <https://cyberleninka.ru/article/n/global-aspects-of-the-development-of-higher-education-in-the-modern-world-as-the-main-determinants-of-a-radical-change-in-public/viewer>.

29. Rafi Eis. The Crisis in Education Theory // <https://nationalaffairs.com/publications/detail/the-crisis-in-education-theory>.

30. Ranked: World's Best Countries for Education System, 2020 // <https://ceoworld.biz/2020/05/10/ranked-worlds-best-countries-for-education-system-2020/>.

31. 20 Best Education System in the World // <https://www.edsys.in/best-education-system-in-the-world/#1>.

D.E. SLIZOVSKIY

*Doctor of Science, Professor,
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

V.A. ZHALNIN

*Head of the Department of the
International Protocol of the RUDN
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

N.P. MEDVEDEV

*Doctor of Political Science, Professor,
President of the Union of Political Scientists,
Moscow, Russia*

TO THE QUESTION OF NATIONAL EDUCATION SYSTEMS: HISTORY AND MODERNITY

A special case of an unusually large number of scientific articles that reflect the topic of national education from different theoretical, political, historical and even ideological positions and different scientific approaches, the appeals of many authors to the editorial offices of journals replicated by the publishing house «Nauka Segodnya» is a strong and understandable reason to discuss this phenomenon in a polemical form. Discuss and draw attention to the degree and level of analysis of this topical and important topic. And according to the existing tradition, to present in the form of a detailed essay, so what is the sphere of national education systems today as a socio-political, historical and scientific problem, what has been done by science to reveal and understand the meanings of this process, and what remains to be done, in which direction to conduct a scientific search. The result of our analysis was a generalizing conclusion, the essence of which is that the national education system in the public and professional perception is increasingly gaining, firstly, the strength of the moral factor of the superiority and advantages of the country, its political and socio-economic regime. Secondly, the acquisition of such power and influence for education systems is fueled, articulated and formalized by the state educational policy. State

educational policy takes precedence over other types and forms of policy. This is a dialectically contradictory form of support and control over education systems. Third, the state educational policy is more qualitative and effective, which is provided by the best practices of historical experience combined with an innovative attitude to the trends of the global order in the development of education.

Key words: *education system, national education systems, historical experience of national education systems.*

DOI 10.35775/PSI.2021.70.6.004

УДК 32.323

Ю.А. НИСНЕВИЧ

*доктор политических наук, профессор,
профессор департамента политики и
управления факультета социальных
наук НИУ ВШЭ, Россия, г. Москва*

И.Б. ОРЛОВ

*доктор исторических наук, профессор,
заместитель руководителя департамента
политики и управления факультета
социальных наук НИУ ВШЭ,
Россия, г. Москва*

ПОПЫТКА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРОРЫВА: ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПЕРВОГО СОЗЫВА (1993-1995 ГГ.) (К 30-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ) ЧАСТЬ II

Во второй части статьи, посвященной истории Пятой Государственной Думы РФ, рассматриваются сюжеты, связанные деятельностью нового российского парламента и, прежде всего, помимо организационных вопросов, «бюджетные баталии», проявившие специфическую оппозиционность ряда фракций и партий. Также к значимым политическим событиям и содержательным аспектам работы Госдумы, характеризующим ее политическую ориентацию и приоритеты, отнесены вопросы амнистии и вотум недоверия правительству.

Авторы делают вывод, что управляемое изменение политической структуры Думы первого созыва было осуществлено в целях подготовки к предстоящим в декабре 1995 г. выборам в Государственную Думу второго созыва.

Работа Госдумы обеспечила социально-политическую стабильность в стране в ситуации глубокого кризиса. Но попытка демократического прорыва не состоялась как в силу действий Президента Ельцина и его команды, так и состояния российского общества.

Ключевые слова: Государственная Дума, сессия, бюджетные баталии, амнистия, вотум недоверия, законотворчество.

*«Главный урок: победу демократов мы
спутали с победой демократии»*

Г.А. Сатаров

Государственная Дума первого созыва (далее Госдума) приступила к работе 11 января 1994 года, и в этот же день было принято решение предоставить официальный статус депутатским фракциям, созданным на основе избирательных объединений, которые прошли в Госдуму по общефедеральному округу (независимо от численности), и депутатским группам численностью не менее 35 депутатов (порог численности стал единственным условием регистрации группы) [2; 4; 9]. Таким образом было определено построение политической структуры Госдумы, координирующим органом которой стал постоянно действующий коллегиальный орган – Совет Государственной Думы, в состав которого входили ее председатель и руководители официально зарегистрированных депутатских объединений. Совет был предназначен для подготовки и предварительного рассмотрения организационных вопросов деятельности Госдумы.

По состоянию на 13 января были зарегистрированы 8 депутатских фракций, соответствующих избирательным объединениям, прошедшим в Госдуму, и депутатская группа «Новая региональная политика». Также были созданы группы «Российский путь» (14 депутатов) и «Союз 12 декабря» (20 депутатов), не получившие официального статуса.

Следующим политическим событием, характеризующим расстановку политических сил в Государственной Думе первого созыва, стало избрание 14 января ее председателя в соответствии с «Временным регламентом о Председателе Государственной Думы». На эту должность все зарегистрированные депутатские объединения и незарегистрированные группы выдвинули своих кандидатов. В результате рейтингового голосования во второй тур вышли два представителя оппозиционных объединений – представитель фракции АПР Иван Рыбкин и представитель группы «Российский путь» Юрий Власов. В результате тайного голосования по этим двум кандидатурам на первое место вышел Рыбкин, получивший в свою поддержку 223 голоса, причем, как впоследствии выяснилось, решающий голос за него отдал Власов. Здесь возникла правовая коллизия, обусловленная тем, что во Временном регламенте было указано, что «кандидат на должность Председателя Государственной Думы считается избранным, если в результате тайного голосования с помощью бюллетеней он получил более половины голосов от общего числа депутатов Государственной Думы», но не было определено, что понимается под общим числом депутатов. Постановлением Госдумы было утверждено избрание Рыбкина ее председателем, исходя из того, что под общим числом депутатов было решено понимать 444 фактически избранных на момент принятия решения (голос Власова оказал-

ся решающим в том смысле, что он обеспечил более половины голосов). Позже Постановлением Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 года № 11-П было установлено, что «общее число депутатов» следует «понимать, как число депутатов, установленное для Государственной Думы статьей 95 (часть 3) Конституции Российской Федерации, – 450 депутатов». То есть для избрания Председателя Госдумы необходимо было не менее 226 голосов депутатов. Однако тем же постановлением Конституционного Суда было установлено, что «решения Государственной Думы, принятые ранее в соответствии с иным порядком подведения итогов голосования, пересмотру в связи с данным толкованием не подлежат».

Система комитетов и комиссий была определена 17 января в составе 23 комитетов и постоянно действующей Мандатной комиссии, а позднее были созданы еще 13 временных комиссий. При распределении руководящих постов, кроме ранее избранного председателя Госдумы, при голосовании было использовано так называемое «пакетное соглашение», согласно которому посты заместителей председателя Госдумы, председателей комитетов и их заместителей были распределены с учетом приписанных каждому посту весовых коэффициентов между депутатскими фракциями и группами в соответствии с их численностью. Так пост первого заместителя председателя Госдумы занял Михаил Митюков, как представитель самой большой по численности фракции «Выбор России», а остальные посты заместителей достались Александру Венгеровскому (фракция ЛДПР), Валентину Ковалеву, которого в январе 1995 г. сменил Геннадий Селезнев (оба представителя фракции КПРФ), и Алевтина Федулова (фракция «Женщины России»). Позже, 10 июня, к ним присоединился Артур Чилингаров (группа «Новая региональная политика»).

Должности председателей 23-х комитетов были распределены следующим образом: фракция ЛДПР – 5; фракция «Выбор России» – 4; по 3 – фракция ПРЕС и депутатская группа «Новая региональная политика»; по 2 – фракции КПРФ, АПР и «Яблоко»; по 1 – фракции ДПР и «Женщины России». Председателем Мандатной комиссии стал Виталий Севастьянов (фракция КПРФ).

Следует отметить, что в противовес практике, принятой в СССР, всем депутатам, независимо от занимаемой должности, решением Госдумы было установлено одинаковое денежное содержание и социально-бытовое обеспечение, которые определялись, исходя из того, что статус депутата был приравнен к статусу федерального министра. Исключение было сделано только для председателя Госдумы, статус которого был приравнен к статусу председателя Правительства России.

Характерной особенностью Государственной Думы первого созыва стала интенсивная миграция депутатов между депутатскими объединениями в начале работы и перед окончанием срока ее полномочий, обусловленная тем, что народные избранники являлись обладателями «свободного манда-

та». Если в начале работы Госдумы процесс миграции депутатов был вызван их стремлением занять более удобную и влиятельную позицию в формирующейся политической структуре нижней палаты, то перед окончанием срока ее полномочий – желанием переместиться на более выгодную позицию в предстоящей избирательной кампании, исходя из личных соображений. Перечень депутатских фракций и групп Государственной Думы первого созыва приведен в табл. 1.

Таким образом расклад политических сил в начале работы Государственной Думы первого созыва выглядел следующим образом:

– реформаторско-демократический фланг (фракции «Выбор России», «Яблоко», ПРЕС, незарегистрированная группа «Союз 12 декабря») – **153 (34,4%) депутата;**

– антиреформаторский фланг (фракции ЛДПР, АПР, КПРФ, незарегистрированная группа «Российский путь») – **177 (39,9%) депутатов;**

– центр с выраженным оппозиционным уклоном (фракции «Женщины России», ДПР, группа «Новая региональная политика», независимые депутаты) – **114 (25,7%) депутатов.**

При этом разногласия между фракциями «Выбор России» и «Яблоко», прежде всего, по вопросу отношения к Президенту и правительству делали практически невозможным их выступление единым фронтом по многим вопросам, а ПРЕС заметного тяготела к центристской политической позиции, на которую она впоследствии и перешла.

Государственная Дума первого созыва начала свою работу в непростых условиях: первая весенняя сессия прошла в комплексе зданий по адресу Новый Арбат 36 (1), который в должной мере не был приспособлен к специфики ее работе, в частности, не обеспечивалось необходимое количество и качество служебных помещений [3]. После окончания к началу октября 1994 года ремонта комплекса зданий по адресу Охотный ряд, 1 и Георгиевский переулок, 2, нижняя палата переехала в этот комплекс, где все депутаты, депутатские объединения, комитеты и комиссии и аппарат Госдумы получили необходимые служебные помещения. Но в связи с ремонтом и переездом первая осенняя сессия открылась только 5 октября 1994 года.

Значимым индикатором политической ситуации в Госдуме могут служить «бюджетные баталии», имевшие место при принятии в апреле-июне 1994 года федерального бюджета на этот год, в ноябре 1994 года – марте 1995 года – федерального бюджета на 1995 год и октябре-декабре 1995 года – федерального бюджета на 1996 год. Вот как описывает Юрий Коргунюк общий сценарий «бюджетных баталий», неизменно соблюдавшийся, по его мнению, вплоть до 1999 года: «Кабинет министров вносил проект бюджета, в котором изначально было заложено солидное превышение расходов над доходами. Фракции и депутатские группы подвергали этот проект уничтожающей критике, в частности, за нереалистичность и излишний оптимизм

Таблица 1

Наименование депутатского объединения	Количество депутатов на начало созыва/конец созыва	Руководитель депутатского объединения
Фракция «Выбор России»	76/47	Егор Гайдар
Фракция «Либерально-демократическая партия России»	63/55	Владимир Жириновский
Фракция «Аграрная партия России»	55/51	Михаил Лапшин
Фракция «Коммунистическая партия Российской Федерации»	45/46	Геннадий Зюганов
Фракция «Партия российского единства и согласия»	30/12	Сергей Шахрай
Фракция «Яблоко»	27/27	Григорий Явлинский
Фракция «Женщины России»	23/20	Екатерина Лахова
Фракция «Демократическая партия России»	15/10	Николай Травкин
Депутатская группа «Новая региональная политика»	67/36	Владимир Медведев
Депутатская группа «Либерально-демократический союз 12 декабря» *	38	Борис Федоров
Депутатская группа «Стабильность»**	36/36	Алексей Леушкин
Депутатская группа «Россия»***	35/36	Игорь Шичанин
Независимые депутаты	9****/38	

* Группа зарегистрирована 27 апреля 1994 г. в составе 38 депутатов, официально лишена регистрации 7 декабря 1994 г. из-за уменьшения численности до 22 депутатов.

** Группа зарегистрирована 14 марта 1995 г.

*** Группа зарегистрирована 24 марта 1995 г.

**** Депутаты, не вошедшие ни в зарегистрированные фракции и группу, ни в незарегистрированные «Российский путь» (14 депутатов) и «Союз 12 декабря» (20 депутатов) во время их формирования 11-14 января 1994 г.

относительно доходной базы, но тут же требовали увеличить расходы, а, следовательно, и дефицит. Затем проект бюджета отклонялся, происходили скрытые от общих глаз консультации, по итогам которых правительство соглашалось несколько увеличить расходы, и лишь тогда Госдума незначительным большинством – вопреки протестам «обделенных» групп и фракций – утверждала бюджет в первом чтении. После этого начиналось кулуарное обсуждение поправок, и проект бюджета (как правило, не с первой попытки) со скрипом утверждался в последующих чтениях» [5. С. 327-337].

«Бюджетные баталии» проявили специфическую оппозиционность фракций АПР, КПРФ и ЛДПР и соответственно одноименных партий, а также фракции «Яблоко». Если оценивать эти оппозиционные фракции не по их риторике, а по их конкретным действиям, и, в первую очередь, участию в процессе принятия федерального бюджета, то можно согласиться с Коргунюком, который полагает, что эти фракции «выполняли две роли – политическую и лоббистскую» [5. С. 332]. В политической роли они на словах находились «в авангарде борьбы против правящего режима и ратовали за свержение президента и правительства», а в лоббистской – на деле сотрудничали с исполнительной властью (т.е. с тем самым режимом), принимая активное участие в принятии и формировании бюджета посредством внесения в него «лоббистских» поправок после их закрытого, кулуарного обсуждения в комитете по бюджету, которым руководил «яблочник» Михаил Задорнов.

К значимым политическим событиям в работе Госдумы, характеризующим ее политическую ориентацию и приоритеты, можно отнести вопрос об амнистии и вотум недоверия правительству. После того, как Президент Ельцин 16 февраля 1994 года внес в Госдуму проект постановления об амнистии в связи с принятием Конституции, фракция КПРФ предложила распространить амнистию на привлеченных к уголовной ответственности в связи с событиями августа 1991 года, а также мая и октября 1993 года. На следующий день фракция ЛДПР вынесла на голосование проект постановления о политической и экономической амнистии, включающий амнистию всем участникам указанных событий, но это постановление не набрало необходимого для его принятия числа голосов («за» было набрано всего 200 голосов).

18 февраля фракции ПРЕСС, ДПР и «Женщины России» выступили с предложением подписать «Меморандум о согласии», в котором в качестве составной части «достижения гражданами России общенационального согласия» предлагалась «амнистия ряда лиц, находящихся под следствием или содержащихся под стражей в связи с событиями 19-21 августа 1991 года, 1 мая 1993 года, 21 сентября – 4 октября 1993 года, а также амнистия ряда лиц, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных за преступления в сфере экономики». 23 февраля Рыбкин от имени Совета Думы предложил пакетом принять «Меморандум о согласии», постановления об «объединенной» амнистии, а также постановление, отменяющее ранее принятое решение о создании государственной комиссии по расследованию причин и условий событий 21 сентября – 4 октября 1993 года. Такой вариант поддержали фракции ЛДПР, ПРЕС, «Женщины России» и группа «Новая региональная политика», а также фракции АПР, ДПР и КПРФ, не настаивая при этом на роспуске комиссии по расследованию. Фракция «Яблоко» выступила против ликвидации комиссии, но предоставила своим членам

свободу голосования по предложенному пакету. Только фракция «Выбор России» настаивала на раздельном голосовании по каждому документу.

В результате за представленный пакет, включающий постановления «Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции Российской Федерации», «Об объявлении политической и экономической амнистии», «О принятии Меморандума согласия» и «О признании, утратившем силу постановления Государственной Думы» (о ликвидации комиссии) проголосовали 252 депутата, в силу чего решение было принято.

Несмотря на распоряжение Президента Ельцина о продолжении расследования уголовного дела, 26 февраля приказом генерального прокурора Алексея Казанника, который не соответствовал ряду процессуальных норм, все содержащиеся в предварительном заключении лица, причастные к событиям 1 мая 1993 года и 21 сентября – 4 октября 1993 года были освобождены из следственного изолятора «Лефортово». Лица, причастные к событиям 19-21 августа 1991 года, были амнистированы на заседании суда 1 марта, кроме генерала Валентина Варенникова, который от амнистии отказался. В марте 1994 года Президент Ельцин внес в Совет Федерации предложение об освобождении Казанника от должности генерального прокурора. Палата не поддержала это предложение, но 25 апреля Казанник добровольно ушел в отставку.

Госдума трижды рассматривала вопрос о доверии Правительству РФ. Первая попытка вынести по предложению фракции ДПР вотум недоверия правительству была предпринята 27 октября 1994 года и закончилась безрезультатно: за проголосовало всего 193 депутата. При этом на следующий день 235 голосами было принято постановление о социально-экономической политике правительства, в котором его работа признавалась неудовлетворительной, и на него возлагалась ответственность за неисполнение бюджета. Оппозиционные фракции Госдумы явно опасались пойти на жесткую конфронтацию с правительством.

Вторая попытка состоялась в июне 1995 года и была инициирована письмом в Совет Госдумы Сергея Глазьева (фракция ДПР) от 15 июня (которое содержало Заявление и проект постановления «О недоверии Правительству Российской Федерации»), а также проектом аналогичного постановления, внесенным в Совет Госдумы в тот же день группой в количестве свыше 90 депутатов.

Начало первой чеченской кампании обозначило водораздел между «Выбором России» и действующей властью. Чеченский конфликт обозначил линию раскола и внутри самой фракции: в марте 1995 года сторонники «партии войны» перетекли в две новые фракции – «Стабильность» и «Россия». Война в Чечне усилила критику действий Президента и правительства со стороны депутатского корпуса и кардинально изменила ситуацию в Госдуме особенно после трагических событий в Буденновске в июне 1995 года.

Вторая попытка вотума недоверия правительству состоялось в июне 1995 года и была инициирована письмом в Совет Госдумы депутата Глазьева (фракция ДПР) от 15 июня этого года, в котором содержались заявление и проект постановления «О недоверии Правительству Российской Федерации», а также проектом аналогичного постановления, внесенным в Совет Госдумы в тот же день группой в количестве свыше 90 депутатов. На основании указанных документов совет принял решение о рассмотрении вопроса о недоверии правительству 21 июня.

Результаты голосования о недоверии правительству 21 июня во многом предопределили трагические события 14-17 июня, связанные с захватом больницы и заложников в Буденновске. Многие депутаты требовали отставки руководителей силовых ведомств – министра обороны Павла Грачева, министра внутренних дел Виктора Ерина и директора Федеральной службы контрразведки Сергея Степашина, а также министра по делам национальностей и региональной политике Николая Егорова. Ряд депутатов, в частности, руководители фракций «Женщины России» (Екатерина Лахова) и «Яблоко» (Григорий Явлинский), мотивировали возможную поддержку вотума недоверия правительству тем, что нет другого способа отправить в отставку этих министров. При голосовании за вотум недоверия правительству его поддержал 241 депутат, но при этом предложение рекомендовать Президенту отправить в отставку Егорова, Грачева, Ерина и Степашина набрало менее 140 голосов.

Следует напомнить, что в соответствии с п. 3 статьи 117 Конституции Президент РФ должен объявлять об отставке Правительства РФ или роспуске Государственной Думы только в том случае, когда после выражения недоверия Правительству РФ Государственная Дума в течение трех месяцев повторно выразит такое недоверия. А в соответствии с п.4 этой же статьи Председатель Правительства РФ может поставить перед Государственной Думой вопрос о доверии Правительству РФ, и если в этом случае Государственная Дума откажет в доверии Правительству РФ, то Президент РФ уже в течение только семи дней должен принять решение об отставке Правительства РФ или роспуске Государственной Думы.

На следующий день после голосования за вотум недоверия 22 июня Президент уведомил Госдуму о своем несогласии с принятым ее решением, тем самым предупредив о возможности роспуска. И в тот же день председатель правительства Черномырдин «нанес упреждающий удар», направив в Госдуму письмо о постановке перед ней вопроса о доверии правительству. После этого Госдума взяла тайм-аут, приняв на заседании 23 июня решение о рассмотрении вопроса о доверии правительству в соответствии с письмом его председателя на внеочередном заседании 1 июля.

Вот как описал сложившуюся ситуацию Гайдар: «Этот неожиданный поворот событий «письмо Черномырдина» поверг лидеров оппозиции в состо-

яние близкое к панике. Только что проголосовав за недоверие правительству, тут же радикально поменять свое решение и через неделю проголосовать за вотум доверия ему – страшный удар по собственной репутации. Пойти же на продолжение конфронтации опасно – а вдруг Президент поддержит премьера и распустит Думу, что же тогда, остаться без своих депутатских привилегий, без мощной базы в Думе» [1. С. 348-349]. Компромиссный выход из создавшегося положения был найден в том, что 1 июля Госдума рассмотрела не вопрос о доверии правительству в связи с обращением его председателя, а повторно вопрос о недоверии правительству. Решение о недоверии правительству повторно принято не было – «за» проголосовало только 193 депутата. В свою очередь, Черномырдин в своем выступлении на этом заседании сообщил об отзыве своего обращения по поводу доверия правительству. Конфликт был исчерпан, чему в немалой степени способствовало увольнение 30 июня со своих постов Егорова, Ерина и Степашина. Свой пост сохранил только министр обороны Грачев.

Рассмотренные события с вотумом недоверия правительству показали, что, во-первых, заложенный в Конституции «предохранительный клапан» на случай конфликта между Государственной Думой и правительством эффективен для поиска и нахождения компромисса, а, во-вторых, что оппозиционные фракции были не настолько уверены в себе и радикальны, чтобы идти на обострение, чреватое роспуском нижней палаты.

Следует также отметить, что фракция КПРФ в начале июля 1995 года инициировала предложение о выдвижении обвинения против Президента Ельцина для отрешения его от должности. Но на пленарном заседании Госдумы 12 июля вопрос о создании специальной комиссии для подготовки выдвижения обвинений не набрал необходимого числа голосов («за» проголосовали только 166 депутатов).

Важно понять, что ситуации с вотумом недоверия правительству и попыткой импичмента Президенту имела место уже после того, как в марте 1995 года существенно изменилась расстановка политических сил в Госдуме:

- реформаторско-демократический фланг (фракции «Выбор России», «Яблоко», группы «Союз 12 декабря») – **85 (19,3%) депутата;**
- антиреформаторский фланг (фракции ЛДПР, АПР, КПРФ, группа «Российский путь») – **162 (36,7%) депутатов;**
- центр с преимущественной ориентацией на поддержку действующей власти (фракции «Женщины России», ДПР, ПРЕСС, группа «Новая региональная политика», группа «Стабильность», группа «Россия», независимые депутаты) – **194 (44%) депутатов.**

Существенное изменение расстановки политических сил было определено тем, что 14 марта 1995 года была зарегистрирована депутатская группа «Стабильность» и 24 марта депутатская группа «Россия», обе достаточно «искусственно» сконструированные. Создание этих групп инициировало со-

вещание, которое 8-9 февраля провели с депутатами помощники Президента Георгий Сатаров и Александр Лившиц [9]. То, что в создании этих групп активно участвовала Администрация Президента России (АП) подтверждает и тот факт, что 25 апреля состоялась первая и единственная встреча Президента Ельцина с депутатским объединением, и именно с депутатской группой «Стабильность». Если бы представители АП не принимали участие в создании этой группы, то такая встреча вряд ли бы состоялась. Очевидно, что управляемое изменение политической структуры Государственной Думы первого созыва было осуществлено в целях подготовки к предстоящим в декабре 1995 года выборам в Государственную Думу второго созыва.

Оценивая взаимоотношения между Государственной Думой первого созыва и Президентом, важно отметить, что АП осуществляла постоянный мониторинг работы Госдумы, который обеспечивало Управление АП по взаимодействию с политическими партиями, общественными объединениями, фракциями и депутатами палат Федерального Собрания под руководством Андрея Логинова. Это Управление имело постоянное представительство в здании Госдумы, каждое депутатское объединение курировал его сотрудник, который мог официально посещать общие собрания соответствующего объединения с его разрешения и готовил информацию для руководства АП о рассматриваемых на заседаниях вопросах, позиции объединения по законопроектам, принимаемым решениях и голосованию. Это позволяло представителям АП проводить превентивные консультации с руководством депутатских объединений и в некоторых случаях оказывать влияние на результаты голосования по законопроектам.

Несмотря на ряд организационных проблем, Государственная Дума первого созыва показала достаточно высокую эффективность своей, прежде всего, законодательной работы. Оценивая работу нижней палаты первого постсоветского парламента, ее председатель Иван Рыбкин подчеркивал, что она «выгодно отличалась от всего того, что было после». Во-первых, абсолютное большинство депутатов могли «сметь свое суждение иметь», а во-вторых, 40% депутатов имели ученые степени и звания в области юриспруденции, права, экономики, политологии и социологии, что позволяло «свои иногда взъерошенные мысли легко положить на язык закона». Вклад Государственной Думы первого созыва в создание законодательной базы современной России отметил и спикер Государственной Думы второго и третьего созыва Геннадий Селезнев [6].

Государственная Дума первого созыва выполнила свое предназначение и приняла основные законы в сфере избирательного законодательства и, более этого, еще ряд законов, основополагающих для российской нормативно-правовой системы [2. С. 330-349]. За два года работы она, по приблизительным данным, приняла к рассмотрению около 1400 законопроектов, из которых 310 (22%) были приняты в качестве законов, подписаны Пре-

зидентом России и вступили в силу (2), в том числе 230 новых законов, включая 92 закона о ратификациях и присоединениях к международным договорам и 80 законов о внесении изменений в существующее законодательство. И это при том, что противостояние депутатов и Президента Ельцина в законодательной сфере было достаточно ощутимым, о чем свидетельствует отклонение Президентом 98 законов, принятых Государственной Думой и одобренных Советом Федерации. В свою очередь, Совет Федерации отклонил 47 законов, принятых Государственной Думой.

В рамках своих полномочий Государственная Дума первого созыва впервые назначила таких должностных лиц государственной власти как Уполномоченный по правам человека (Сергей Ковалев, «Выбор России»), Председатель Счетной палаты РФ (Хачим Кармоков, «Новая региональная политика»), Председатель Центрального банка РФ (Сергей Дубинин), который был назначен только после того, как палата дважды отвергла внесенную Президентом кандидатуру Татьяны Парамоновой и обратилась к Президенту с предложением о внесении другой кандидатуры, что он и сделал.

Хотя Государственная Дума первого созыва была созвана после периода острого политического противостояния, но 1994-1995 годы в сравнении с предшествовавшими годами оказались довольно спокойными с точки зрения социально-политической ситуации. Нельзя не признать, что немалую роль в обеспечении стабильности играла деятельность депутатов, с самого начала заявивших о стремлении добиться общественного согласия. Несмотря на постоянные политические баталии в самой Госдуме и периодические конфликты депутатов с Президентом и правительством, нижняя палата не провоцировала социально-политические конфликты в стране [8].

Такая роль Госдумы обеспечивала социально-политическую стабильность в стране в ситуации глубокого кризиса, но одновременно такая позиция позволяла Президенту и правительству проводить в целом прежний социально-экономический курс. Президенту Ельцину не удалось получить в Государственной Думе первого созыва поддержку радикального экономического курса. Да и само правительство после выхода из него в январе 1994 года Егора Гайдара и Бориса Федорова не только приобрело коалиционный характер, но и проявило стремление отказаться от радикальных реформ. Более того, в первом ежегодном послании Президента парламенту даже заголовок «Об укреплении Российского государства (основные направления внутренней и внешней политики)» бросал вызов либеральной идеологии [7. С. 177-178]. В Госдуме, с одной стороны, не было открытой оппозиции правительству Черномырдина, а с другой, не было и его действенной поддержки. Депутаты активно использовали парламентскую трибуну для пропаганды своих политических взглядов.

Государственная Дума первого созыва, несомненно, стала переходом от советского «предпарламента» к профессиональному парламенту, струк-

турированному по партийному принципу. Но попытка демократического прорыва не состоялась. Ее скромные результаты были обусловлены как действиями Президента Ельцина и его команды, о чем написал Гайдар: «Осенью 1993 годы мы дорого заплатили за отсутствие четкой и однозначной позиции Президента, лишившее демократов их естественного лидера» [1. С. 337], так и состоянием российского общества

Российское общество не было консолидировано и мобилизовано возможностью перемен, но напротив было расколото. Результаты социологических опросов показывают, что более половины российских граждан не имели четких идейных установок и реагировали на политические события ситуативно. Оставшаяся часть была поделена на два практически равных лагеря – сторонников реформ и их противников, предпочитающих возврат к советской системе. Кроме того, часть сторонников демократических преобразований была травмирована событиями осени 1993 года и отошла от поддержки Президента и его команды.

ПРИМЕЧАНИЕ:

(1) Комплекс зданий секретариата СЭВ, который считался «шедевром советского модернизма» и включал 33-этажное высотное здание, получившее прозвище «дом-книжка», 11-этажную гостиницу «Мир» и украшенный мозаикой цилиндрический корпус конференц-зала (где и проходили пленарные заседания Госдумы), объединенные общим двухэтажным стилобатом.

(2) Для сравнения: Государственная Дума второго созыва за 4 года работы приняла к рассмотрению 4059 законопроектов, из которых 749 (18,4%) были приняты в качестве законов и вступили в силу, а Государственная Дума третьего созыва соответственно – 4295 законопроектов и 772 (18%) закона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Гайдар Е.Т.* Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996.
2. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Основные итоги деятельности 1994-2003 годы. Справочник / Под общей ред. Б.В. Грызлова. М.: ГМП «Первая Образцовая типография», 2005.
3. Заключение комиссии по размещению рабочих органов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 27 декабря 1993 г. // Архив Егора Гайдара // <http://gaidar-arc.ru/>.
4. История создания // Электронный музей конституционной истории России // <http://www.rusconstitution.ru/timestream/>.
5. *Коргунок Ю.Г.* Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд ИНДЕМ; Московский городской педагогический университет, 2007.
6. *Родин И., Рискин А.* Государственной Думе – 10 лет // Независимая газета. 20 февраля 2004 // https://www.ng.ru/politics/2004-02-20/1_speakers.html.

7. Соргин В.В. Политическая история современной России. 1985-1994: От Горбачева до Ельцина. М.: Прогресс-Академия, 1994.

8. Узлова И.В. Проблема общественного согласия в деятельности Государственной Думы ФС РФ первого созыва, 1994-1995 гг.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 2006.

9. Федеральное Собрание: Совет Федерации, Государственная Дума. Электронная версия справочника, 1994-1996 / Сост. Г.В. Белонучкин. М.: ИЭГ «Панорама»; Фонд развития парламентаризма в России, 2000 // <http://www.politika.su/fs/gd1.html>.

YU.A. NISNEVICH

*Doctor of Political Science, Professor,
Department of Politics and Management,
Faculty of Social Sciences,
Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

I.B. ORLOV

*Doctor of History, Professor,
Deputy Head of the Department of
Politics and Management,
Faculty of Social Sciences, HSE,
Moscow, Russia*

**AN ATTEMPT AT A DEMOCRATIC BREAKTHROUGH:
THE UPS AND DOWNS OF THE STATE DUMA
OF THE FIRST CONVOCATION (1993-1995)
(TO THE 30TH ANNIVERSARY
OF THE RUSSIAN FEDERATION)
PART II**

The second part of the article, devoted to the history of the Fifth State Duma of the Russian Federation, examines the subjects related to the activities of the new Russian parliament and, above all, in addition to organizational issues, “budget battles”, which showed a specific opposition of a number of factions and parties. The issues of amnesty and the vote of no confidence in the government are also considered significant political events and substantive aspects of the work of the State Duma, which characterize its political orientation and priorities.

The authors conclude that the controlled change in the political structure of the Duma of the first convocation was carried out in order to prepare for the upcoming elections to the State Duma of the second convocation in December 1995.

The work of the State Duma ensured social and political stability in the country in a situation of deep crisis. But the attempt at a democratic breakthrough failed, both because of the actions of President Yeltsin and his team, and the state of Russian society.

Key words: *State Duma, session, budget battles, amnesty, vote of no confidence, lawmaking.*

ИДЕЯ «ИСТИННОГО ГОСУДАРЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Предмет исследования – работы советских историков социально-политической мысли, затрагивающих проблематику царизма и абсолютной монархии в России XVI века. Цель исследования – определение основных подходов к пониманию личности «государя» и ее роли в становлении государственности России, сложившихся в работах советских исследователей политического строя России XVI века. В статье используются методологические принципы историзма и объективизма. Вывод – в работах советских ученых помимо критики сути самодержавного строя, признавалась его необходимость и первостепенное значение для формирования централизованного государства в России XVI века.

Ключевые слова: Д.Н. Альшиц, Р.Ю. Виппер, А.Ф. Замалеев, А.А. Зимин, М.Н. Покровский, И.В. Сталин, государь, монархия, самодержавие, православие.

Данная статья входит в серию статей автора о проблеме «истинного государя» в отечественной социально-политической мысли разных периодов: дореволюционного, советского и современного. Одной из целей статьи является выявление специфики советских взглядов на проблему «истинного государя» в становлении социально-политической системы России.

Проблема «истинности государя» – одна из центральных в истории отечественной социально-политической мысли и восходит к творчеству русских «книжников» XV-XVI веков. «Истинность государя» понимается как минимум в трех ипостасях: светская истинность, связанная с законной легитимностью государя, сакральная истинность, заключающаяся в понимании государя как царя всех православных людей, власть которого освящена богом и церковью, а также «народная истинность», отражающая отношение подданных к государю.

В современной научной литературе нередко можно услышать мнение о советской социально-политической историографии как особого феномена, подчиненного господствующей в стране идеологии, в силу чего ответственные ученые не могли в своих работах высказывать «неудобные режиму» мнения относительно вопросов, связанных с оценкой роли самодержца в России. Между тем внимательный взгляд на развитие советской социально-политической мысли показывает, что и в ней шли достаточно острые дискуссии по подобным вопросам.

М.Н. Покровский – один из первых отечественных историков-марксистов – изучал царскую власть в России XV-XVI веков с позиций материалистического понимания истории. Анализируя различные источники, отражающие личности правителей того времени, Покровский анализирует идею «православного государя» и приходит к выводу, что она вымышлена «московскими книжниками» [5. С. 124] и более относится к истории литературы, нежели к истории науки. На взгляд М. Н. Покровского идея «обожествления» царя – продуманный ход и естественный атрибут укрепления самодержавной идеи: государь Иван III воспользовался авторитетом православной церкви для представления себя как правителя всех православных. В этом случае царь становился сакральной фигурой, пойти против которой православному человеку было равносильно предательству своей веры. Кроме того, принимая титул государя православных, Иван III также обосновывал свои права на земли, которые на тот момент Московскому княжеству не принадлежали.

На взгляд М.Н. Покровского теория «всемирного православного государя» имеет выраженный идеологический и императивный характер и не полностью соответствует реальности. «Великий русских стран христианский царь, – пишет Покровский, – не только не мог быть в подчинении у какого-то татарского хана, но и дружбою своею мог удостоить не всякого. Во всей Европе был ему только один ровня – «кесарь Римский», император Западной империи. Но практически московскому правительству чаще приходилось иметь дело не с ним, а с государями польскими и шведскими» [5. С. 145]. М.Н. Покровский отмечает искусственный характер этой новой для России XVI века идеологии и рассматривает ее как инструмент достижения объединения государства.

Яркой характеристикой взглядов эпохи, в которую жил Покровский, выступает его анализ психологических портретов трех русских царей, где последний – Борис Годунов, – выбранный народом, а не помазанник божий представляется историку наиболее адекватным правителем на тот период русской истории: «Иван Грозный, Федор Иванович и Борис Годунов представляют собой психологически три совершенно различных типа: истеричного самодура, помнящего только о своем «я...», безвольной игрушки в чужих руках, этого «я» как будто вовсе лишенной и, может быть, един-

ственного государственного человека Московской Руси, всю свою жизнь подчинившего известной политической задаче и погибшего от того, что он не смог ее разрешить» [5. С. 162].

Официальная советская концепция образования Русского государства складывалась уже позже. На ее трактовку серьезное влияние оказала позиция, высказанная И.В. Сталиным в статье «Марксизм и национально-колониальный вопрос», в «Тезисах к X съезду РКП(б) 1921 г.». Здесь указывается на «своеобразный способ» образования централизованных монархий на востоке Европы – Австро-Венгрии и России, где они складывались «в условиях не ликвидированного еще феодализма и слабо развитого капитализма» [6. С. 33-36], причем в виде многонациональных государств. Это способствовало тому, что в России в силу неразвитости буржуазии, процесс создания многонационального централизованного государства возглавила исторически сложившаяся дворянская военная бюрократия. Ускоряющим фактором образования централизованного государства в России И.В. Сталин считал внешнюю опасность, постоянную необходимость борьбы против иноземцев, прежде всего татаро-монгол. Уже тогда, в 1930е годы, в проекты учебников по истории закладывалась идея централизации Российского государства посредством царского самодержавия. Идеи Сталина о царском самодержавии как о главной объединительной силе оказали сильное влияние на работы советских историков, посвященных изучению государственного строя Русского средневековья. В связи с этим, в последующей советской историографии прослеживается четкая тенденция к оправданию царского режима в России XVI века, так как он признается необходимым для формирования государства и, фактически, выживания русского народа в те нелегкие времена. При этом, анализируя личности государей историки, как правило, делали больший акцент на примере наиболее одиозной фигуры русского царя – Ивана Грозного.

Эту тенденцию можно выявить в работах Р.Ю. Виппера и Д.Н. Альшица. Если Виппер больше сосредоточил свое внимание на анализе личности Ивана IV, то Альшиц, помимо этого, подробно рассматривал государственный институт, созданный государем для закрепления своей абсолютной власти – опричнину.

Р.Ю. Виппер в своем очерке «Иван Грозный» постарался, насколько это было возможно, «...восстановить историческое значение Ивана IV как одного из крупнейших политических и военных деятелей европейской истории XVI века» [2. С. 146]. Аргументируя свою позицию, историк утверждает, что для всецелого понимания фигуры царя не менее важно интересоваться мнением не только отечественных современников государя, но и теми представлениями об Иване IV, которые сложились в Западной Европе «...в среде ближайших к нему поколений» [2. С. 147]. Виппер приводит в пример вышедшую в 1603 году во Франции «Всеобщую историю

Жака Огюста де Ту». В этом труде де Ту подробно описывает судьбы европейских государств и их монархов. Говоря об Иване Грозном, историк цитирует де Ту: «Государь, столь же счастливый и храбрый, как и его отцы, который вдобавок, соединяя хитрость и тонкий расчет с суровой дисциплиной в военном деле, не только сохранил обширное государство, оставленное Василием, но сумел и далеко раздвинуть его границы. Ведь завоевания Ивана IV дошли до Каспийского моря и царства Персидского. Не было государя, которого более любили, которому служили бы более ревностно и верно» [2. С. 148]. И хотя Виппер указывает, что французский ученый признавал жестокость государя («Это царь, знаменитый великими делами, блеск которых, иногда омрачала его же жестокость» [2. С. 148]), однако подчеркивает, что де Ту оправдывает это специфическим характером времени правления царя: «Добрые государы, которые обращаются со своими народами мягко и человечно, не встречают более чистой привязанности, чем он» [2. С. 149]. К тому же де Ту по вопросу тиранства Ивана IV стаил под сомнение свидетельства польских, ливонских авторов, а также дипломатические миссии, посещавшие Москву: «Государь, ославленный своими ужасными жестокостями, если верить сообщениям Павла Одерборна и Александра Гваньини, у которых может быть больше догадок, чем истины» [2. С. 149].

Далее в своей работе Виппер критикует дореволюционных историков в лице Карамзина, которые, как он считает, были недостаточно объективны при рассмотрении личности Ивана IV и создали, впоследствии, тенденцию к «очернению» Грозного в русской историографии: «Усиленное внимание к жестокостям Грозного, ..., склонность судить о нем как о человеке психологически ненормальном – все это принадлежит веку сентиментального просветительства и великосветского либерализма. Поэтому едва ли у кого найдешь более беспощадную оценку Грозного, чем это сделал Карамзин, самый яркий историк и публицист эпохи просвещенного абсолютизма, который пишет, отрицательную характеристику Ивана IV как бы для того только, чтобы оттенить сияющий всеми добродетелями образ Александра I и его великосветской бабки, монархов гуманных и справедливых, исключительно преданных народному благу. Все они разделяют один недостаток, наличие которого сыграло роковую роль для памяти Грозного. Они совершенно равнодушны к росту Московской державы, ее великим объединительным задачам, к широким замыслам Ивана IV, его военным изобретениям, его гениальной дипломатии» [2. С. 150]. По мнению Виппера, обвинение самодержавия в крайностях историки в основном относят к эпохе правления Ивана III и Ивана IV, и при этом, досоветская историография не учитывает тот факт, что при рассмотрении этих двух фигур речь идет об основном факте московской политики – образовании великокняжеской державы. В связи с этим ученый указывает на противоречие: «Великие организаторы Москвы Иван III и Иван IV оказываются в то же самое время виновниками ее кра-

ха. В этих суждениях забывалось одно очень существенное обстоятельство, а именно то, что крупнейшие социальные и административные реформы Грозного – борьба с княжатами, возвышение за счет старого боярства неродовитых людей, усиление военной повинности и народных тягот, централизация и управление – все это происходило не в мирную пору, а среди величайших военных потрясений. В сущности, все царствование Ивана IV было почти сплошной непрекращающейся войной» [2. С. 150]. Завершая свой труд, ученый резюмирует, что исторический приговор об Иване IV не должен быть строже, чем о Петре I.

Тенденция оправдания роли Грозного прослеживается в советской истории социально-политической мысли и в работах Д.Н. Альшица. В своем труде «Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного» историк подробно рассматривает главное детище государя – опричнину. Ученый пишет: «Для того, чтобы стать реальностью, единовластие нуждалось не только в формальном его провозглашении – «венчании на царство», не только в намерении самого монарха и даже не просто в поддержке тех или иных влиятельных социальных слоев» [1. С. 227]. Цитируя В.И. Ленина, Альшиц добавляет: «Как и всякое государство, оно нуждалось в организованной политической силе – в собственных вооруженных отрядах и аппарате власти» [1. С. 229]. По мнению историка, самодержавие не могло бы появиться, без инструмента принуждения, который создал Иван Грозный. Этот инструмент – опричнина, был логичным продолжением всей идеи власти в Русском государстве того времени: «Только крепкая власть, к тому же освященная вековым авторитетом церкви и самой истории, могла прочно охранить интересы феодалов от восстаний городских низов – посадских людей» [1. С. 228]. Ставя в заслугу Ивану Грозному создание государственного аппарата принуждения, Альшиц отмечает, что на протяжении истории необузданная власть тирана, как правило, заканчивалась вместе с ним. Но в случае Ивана IV, результат его политики и реформ – система единовластия в государстве Российском не умерла вместе с первым царем, а стала основой для дальнейшего укрепления и развития аппарата власти неограниченной монархии.

Рассуждая о становлении идеи царской власти в России XVI, Альшиц отмечает, что Иван Грозный очень хорошо понимал то значение, которое придавалось титулу и родовитости государя как в азиатских и восточных, так и в европейских монархиях: «В связи с этим Иван IV, а вслед за ним и официальные документы его времени затушевывали то, что он был первым русским царем. Грозный как бы пожертвовал своим приоритетом для того, чтобы утвердить вопреки правде идею исконности русского самодержавия» [1. С. 85]. Это желание – искусственно создать себе не просто достойное происхождение, но возвеличиться над всеми другими монархами, поставило перед царем и его книжниками необходимость создавать новый вариант русской истории.

Как пишет историк, во второй половине XVI века официальные московские книжники под руководством, а иногда и при непосредственном участии Ивана Грозного создали ряд монументальных историко-литературных памятников: «Степенную книгу», «Казанскую историю». «Все эти сочинения, – пишет Альшиц, – имели своей целью возвеличить власть московского государя и дать исторические обоснования их исключительного права на самодержавие» [1. С. 186].

Говоря о взглядах на государственную власть самого Ивана Грозного, Альшиц замечает, что царь отвергает парламентаризм как таковой, считает его вредным для государства. Цитируя Ивана IV: «Там, на западе, каждый только о себе и печется» [1. С. 87]. Как пишет историк, в этом, по мнению государя, и состоит корень зла всякой демократии: «Единовластие государство неподвластное чьим бы то ни было частным или сословным интересам, является единственной действительной гарантией соблюдения всегда и во всем только общегосударственных интересов» [1. С. 87].

Помимо анализа личностей государей в своих работах советские исследователи уделяли особое внимание роли церкви в становлении царской идеологии. Так А.Ф. Замалеев указывал, что «...сильная, централизованная, экономически мощная церковь создавалась в унисон с сильной централизованной самодержавной властью, и оба эти института поддерживали друг друга на всем протяжении возвышения Москвы» [3. С. 173].

Подробно рассматривая социально-политические идеи Иосифа Волоцкого, Замалеев приходит к выводу: «С целью обоснования своей концепции абсолютной монархии Иосиф пошел по пути обмирщения христианской веры, придавая ей статус, чисто идеологического учения.» [3. С. 177]. Согласно Замалееву, «теологический рационализм» Иосифа Волоцкого выражался в требовании соотнести и связать религиозные догматы христианства с конкретными историческими реалиями, руководствоваться только тем, «что в свое время приемлемо» [3. С. 180]. По мнению историка, «...это привело не просто к обмирщению теологии в его учении, а скорее придало иосифлянству характер «светско-политической доктрины» [3. С. 181].

Продолжая рассуждения о влиянии политико-философских учений на развитие монархической идеи в России XVI века, Замалеев акцентирует внимание на послании старца Филофея Псковского, который ставил, по мнению историка, перед государем Василием III две задачи: 1) миссионерскую — призывал обратить в христианство те народы в его царстве, которые еще не полагают на себе правое знамение креста; 2) советовал правителю взять на себя заботу и управление духовными делами в государстве.

И в качестве окончательного оформления этих политико-философских идей в концепции идеального русского государя XVI века ученый рассматривает взгляды Ивана IV на соотношение святительской власти и царского правления. Мнение Ивана Грозного по этому вопросу довольно одно-

значно. Если функцией священства является спасение души и потому они могут быть подвергнуты наказанию за свои мирские прегрешения, то царь же, наоборот, печется о благе всех подданных своего государства, делая это с помощью страха, запрещения и обуздания и его нельзя обвинять в преступлениях и бесчестить. Соответственно, царство находится выше, чем церковь, является более достойным в понимании Ивана. «В этих рассуждениях московского самодержца, – пишет Замалеев, – отчетливо проступает тенденция к секуляризации идеологии, выведению политических концепций и действий из-под церковной опеки. Руководствуясь идеей «божественного самодержавия», он с полным основанием настаивает на неприемлемости к самодержцу каких бы то ни было ограничений, в том числе и евангельских» [3. С. 182].

А.А. Зимин в своей работе «Россия на пороге нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI века» изучает проблему обожествления государя. Рассматривая учение Иосифа Волоцкого, А.А. Зимин, как и Замалеев, указывает, что учение о божественной царской власти делает больший акцент на мирском, чем на божественном. Зимин считает, что Иосиф свою концепцию божественного происхождения власти разработал, в большей степени исходя из политических соображений, чем из религиозных. Свою теорию Иосиф Волоцкий выработал в самые трудные для всего иосифлянства 1510-1511 годы. Сама идея божественного происхождения царской власти Иосифу была нужна «для того, чтобы побудить великого князя к активной поддержке всей борьбы иосифлян против еретиков» [4. С. 134]. Зимин прослеживает, как в зависимости от тех или иных обстоятельств жизни Иосифа трансформируется и его учение относительно самодержавного царя. Согласно Зимину, царская власть в понимании Иосифа Волоцкого «...являлась лишь временным союзником в борьбе за сильную воинственную церковь, опорой в борьбе с ее врагами» [4. С. 135]. После того, как официальная власть в лице государя, встала на сторону Иосифа в их борьбе с еретиками и «удельным насильством» главной становится мысль о необходимости подчинения власти великого князя. «Теперь же, – пишет Зимин, – в великом князе Иосиф нашел защитника как от удельного насильства, так и от самовластия Серапиона» [4. С. 136]. Историк резюмирует: «Это был временный союз: Иосиф Волоцкий и иосифляне поддерживали и освящали власть Московского государя, пока он покровительствовал и боролся с идеологическими противниками церкви и защищал ее богатства» [4. С. 137].

Подводя итог данному анализу, можно сделать вывод, что для советской истории социально-политической мысли России характерна дискуссия и некоторый плюрализм мнений касательно проблематики монархической власти в России XVI века:

1) критический взгляд на идея православного государя М.Н. Покровского, который считает эту идею вымышленной и политически мотивированной;

2) критика А.А. Зиминым идеи божественной власти государя Иосифа Волоцкого и Спиридона-Саввы;

3) оценка А.Ф. Замалеевым «теологического рационализма» Волоцкого как прогрессивного для своего времени и направленного на обоснование единства и взаимной поддержки институтов самодержавия и церкви;

4) высокая оценка Д.Н. Альшицом и Р.Ю. Виппером фундаментального реформаторского характера правления Ивана Грозного.

В целом, можно утверждать, что, характеризуя социально-политическую ситуацию XVI века советские ученые, за некоторым исключением, оправдывали возникновение царской идеологии исторической необходимостью формирования централизованного государства в России XVI века, обосновывая это как политико-социальным, так и географическим положением зарождающегося русского государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. Л., 1988.
2. *Виппер Р.Ю.* Иван Грозный. М., 1994.
3. *Замалеев А.Ф.* Философская мысль в средневековой Руси (XI-XVI вв.). Л., 1987.
4. *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI века. М., 1972.
5. *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. М., 1918. Ч. 1.
6. *Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. М., 1937.

A.A. SOMOV

*Postgraduate student of the Moscow State
University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

THE IDEA OF A «TRUE STATE» IN DOMESTIC SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT OF THE SOVIET PERIOD

The subject of the research is the works of Soviet historians of socio-political thought, which touch upon the problems of tsarism and absolute monarchy in Russia of the XVI century. The purpose of the study is to determine the main approaches to understanding the personality of the "sovereign" and its role in the formation of the statehood of Russia, which have developed in the works of Soviet researchers of the political system of Russia of the XVI century. The article uses the methodological principles of historicism and objectivism. Conclu-

sion-in the works of Soviet scientists, in addition to criticizing the essence of the autocratic system, it was recognized as necessary and of great importance for the formation of a centralized state in Russia in the XVI century.

Key words: *D.N. Alshits, R.Yu. Wipper, A.F. Zamaleev, A.A. Zimin, M.N. Pokrovsky, I.V. Stalin, the sovereign, monarchy, autocracy, Orthodoxy.*

DOI 10.35775/PSI.2021.70.6.006

УДК 32.323

М.Н. БЕСПАМЯТНОВА

аспирант кафедры политического
анализа и управления Российского
университета дружбы народов
(RUDN University), Россия, г. Москва

С.И. ПОПОВ

кандидат политических наук,
доцент кафедры политического
анализа и управления Российского
университета дружбы народов
(RUDN University), Россия, г. Москва

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГАРМОНИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ИНСТИТУТОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: МЕТОДИКА ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

В данной статье представлена поэтапная схема проведения эмпирического анализа, целью которого является исследование возможности гармонизации функций институтов местного самоуправления. Данная методика была апробирована на практике в ходе научно-исследовательской работы и принесла соответствующие результаты, поэтому можно достоверно утверждать, что является эффективной и может быть в дальнейшем применена на практике и служить инструментом повышения эффективности работы институтов общественного сектора.

Ключевые слова: общественное управление, концепция гармонизации, метод эмпирического исследования, местное самоуправление, общественная организация, политическая стабильность, гражданское общество.

Концепция гармонизации представляет собой одну из наиболее перспективных методик развития и модернизации многих систем вне зависимости от отрасли. В данной статье внимание акцентируется на гармонизации

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского университета дружбы народов. Код (шифр) темы НИР/НИОКР «Технологии обеспечения политической стабильности в современной России» 100701-0-000.

функций институтов местного самоуправления. Исследовать возможность ее применения на практике важно не только через полноценный анализ концепции гармонизации и выделение теоретических возможностей ее применения в деятельности институтов общественного сектора, но также и посредством эмпирического исследования, которое может более точно раскрыть пользу инициативы гармонизации для развития и усовершенствования управления в общественном секторе. Данная тема тем более актуальна в условиях современной цифровизации многих, в том числе и политических процессов. Условия удаленного взаимодействия требуют особенного подхода и качественно новых исследований [4].

Эмпирическое исследование можно охарактеризовать как логически последовательную систему методических и организационно-технических процедур, цель которых – получить достоверные данные о исследуемом явлении [5].

Задачи эмпирического исследования, ориентированного на изучение возможностей гармонизации функций институтов местного самоуправления, могут быть следующие:

1. Определить, между какими субъектами местной власти существует потребность перераспределить функции и гармонизировать их таким образом, чтобы процесс стал более эффективным.

2. Исследовать расхождения ключевых целей деятельности самоуправления и задач, сформулированных для их реализации.

3. Сформулировать список анализируемых функций институтов местного самоуправления, определяя значимость управленческих функций.

4. Обоснованно определить области деятельности, которые нуждаются в более гармонизированной реализации между общественными организациями и администрацией самоуправления или ее филиалом.

5. Представить модель гармонизации функции институтов местного самоуправления и рекомендации по ее применению.

Для реализации вышеупомянутых задач целесообразно структурировать этапы эмпирического исследования, что позволит в дальнейшем сформулировать наиболее полную концептуальную модель гармонизации функций институтов местного самоуправления. Далее представлены этапы эмпирического исследования, примененные на практике в рамках научно-исследовательской работы авторов статьи.

1 этап. *Анкетирование*. Стремясь выяснить актуальность и научную новизну темы, важно провести общий контекстуальный анализ. Для данного анализа составляется короткая анкета, предназначенная для определения потребности и возможностей гармонизации функций институтов местного самоуправления [2]. Цель анкетирования – определить, какие комбинации субъектов местного самоуправления имеют возможность перераспределить исполнение собственных функций и организовать реализацию функций

между этими субъектами таким образом, чтобы их реализация стала более эффективной. В качестве респондентов, в данном случае, могут выступить представители институтов местного самоуправления (администрации самоуправления или ее филиалов, общественных организаций).

2 этап. *Составление перечня функций институтов самоуправления (анализ документов)*. Для выбора функций институтов местного самоуправления был проведен качественный анализ документов.

Могут быть исследованы все доступные документы, регламентирующие функции институтов местного самоуправления. Целесообразно изучать сразу несколько смежных самоуправлений (например, одного региона), для получения полноценного результата контент-анализа.

Особый акцент стоит сделать на повторяющихся смысловых единицах, а также на слова, перекликающиеся с принципами модели гармоничного управления – «открытость, участие, подотчетность, эффективность и согласованность». Необходимо выявить все зафиксированные в документах функции, а затем классифицировать их в соответствии со смыслом. За тем проводится расчет частоты их повторения в процентном соотношении.

3 этап. *Соответствие формулировок функций семантическим требованиям*. Основываясь на структуре формулировок функций, предложенной американским теоретиком М. Modell, составляется структура, основанная на принципе: глагол + объект + условия. Применяя такую схему формулировки, составляется список ключевых организационных функций (устремлений) [7].

После изменения формулировки, каждое утверждение охватывает субъект (первую функцию), глагол (связь между первой и второй функцией) и объект (вторую функцию). Приведение формулировок в соответствие с действующими стандартами не только позволяет определить функции, которые в целом не могут быть отнесены к функциям институтов, но и выявить дублирующиеся функции.

4 этап. *Анализ научной литературы и документов*. Дополнительный анализ проводится с целью обосновать конституционную структуру самоуправления, значение деятельности институтов, цели, задачи и функции. Метод применяется в рамках анализа знаний о выбранном объекте научного исследования, проблеме научного исследования, существующих публикациях. Цель данного этапа – с разных точек зрения проанализировать конкретные функции институтов местного самоуправления, их взаимные связи и обнаружить соответствия и различия в рамках сравнений, проведенных другими авторами в процессе анализа гармонизации.

5 этап. *Экспертная оценка*. Для выбора функций и оценки их значимости для института местного самоуправления, из общего списка функций эксперты выделяют те функции, которые актуальны для исполнительных органов субъектов местного самоуправления, а также оценивают их значимость.

Чистота исследования должна основываться на компетентности выбранных экспертов в соответствии с рекомендациями к экспертной оценке, представленными в научной литературе: «Компетентные лица, обладающие особым опытом и разбирающиеся непосредственно в объекте экспертизы, и во всей смежной области. Показатели экспертности и компетентности респондента: служебное положение, ученая степень, стаж конкретной научной и практической работы» [3].

Эксперты могут быть распределены на три группы в соответствии с принадлежностью к целевой группе: практики из общественных организаций, напрямую связанные с развитием регионов, лидеры или руководители общественных организаций, представители инициативных групп местных жителей, практики из институтов самоуправления, практики государственного уровня, а также ученые, исследующие проблематику институтов местного самоуправления и развития регионов.

Данный метод играет важнейшую роль в исследовании, определяющую практическое применение данной работы в дальнейшем, поскольку отобранные из общего списка функции действительно могут быть гармонизированы во благо общества.

6 этап. *Интервью и наблюдение за фокус-группами заинтересованных лиц.* Для анализа случая выбирается статистически среднее самоуправление региона, не обладающее специфическими признаками, например – приграничной территорией и т.д. Также достоверность исследования может быть подкреплена тем фактом, что участники исследования привлекаются на добровольных началах и заинтересованы в полученных результатах, ощущая необходимость в усовершенствовании управленческих процессов. В социальных и политических науках особую значимость имеет критерий заинтересованности и ответственности за объективные результаты.

Метод интервью фокус группы имеет особое значение в выявлении мнения других заинтересованных групп – жителей, предпринимателей и др. Это важно для создания объективного понимания того, каким образом, какие и в каком объеме функции должны выполняться институтами конкретного местного самоуправления, какова их связь с организациями районной общественности, местными инициативными группами и государственными институтами власти. Исследование конкретного усредненного случая включает в себя холистический подход, поэтому собранная информация включала в себя достаточно широкие темы, без их конкретизации, в то же время во время интервью допускалось выражение собственного мнения и позиции участников [6].

Опросник интервью фокус группы может состоять из трех частей:

1. Демографическая карточка интервьюируемого (если применяется метод индивидуального структурированного интервью).

2. Вопросы, связанные с исполняемыми функциями исследуемых институтов.

3. Возможности гармонизации функций (проявление принципов гармоничного управления в исполнении функции институтами местного самоуправления).

Более подробные категории вопросов: потребности, потенциал, подход, стратегия. Основные ключевые слова, используемые в интервью: гармонизации функций, передача функций, исполнение функций, институты местного самоуправления, общественные организации и их значение, децентрализация, институционализация, коммуникации, политическая стабильность, которую в контексте нашего исследования интерпретируем как предсказуемость функционирования основных элементов политической системы [1].

7 этап. *Сведение и анализ полученных данных.* Целевой ориентир состоит в достижении тех непосредственных целей, сформулированных в эмпирическом исследовании. Полученные и обобщенные результаты используются для проверки научных предположений и их обоснования, для подготовки проектной части исследования. В выводах интегрируются как теоретические результаты, так и подготовленные в результате эмпирического метода выводы, и сформулированные рекомендации.

В результате, для достижения практического результата исследования используется метод логического моделирования, предназначенный для создания модели гармонизации функций институтов местного самоуправления. Функциональное распределение удобно применять в том случае, когда возможно найти распределяющий элемент в другом секторе деятельности, выполняющем соответствующие похожие функции. Поскольку институты местного самоуправления не являются конкурентами, отношения между ними завязываются достаточно легко и взаимодействие проходит на достаточно эффективном уровне, увеличивается степень доступа к информации.

Подобный структурированный эмпирический анализ позволит эффективно исследовать не только возможности гармонизации функций институтов местного самоуправления, но и любых других общественных институтов или других структур, управление которыми может быть улучшено посредством применения концепции гармонизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Гришин О.Е.* Политическая стабильность: понятие, факторы, инновации, исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. 1.

2. *Дегтярев А.А.* Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений // Политические исследования. 2003. № 3.

3. *Масленников Е.В.* Особенности отбора экспертов // Социология. 2019. № 2.

4. Попов С.И., Ершов Н.А. Политические коммуникации в интернете // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 3 (31).

5. Тимофеев И.Н. Формализованные методы исследования в политологии и сравнительной политике: перспективы политологической школы МГИМО // Сравнительная политика. 2010. № 1.

6. Туронок С.Г. Политический анализ: Курс лекций. М., 2005.

7. Modell M.E. A professional's guide to systems analysis. New York: McGraw-Hill, 1988.

M.N. BESPAMIATNOVA

PhD student, Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

S.I. POPOV

Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

THE STUDY OF THE POSSIBILITY OF HARMONIZATION OF THE FUNCTIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT INSTITUTIONS AS A FACTOR OF POLITICAL STABILITY: THE METHODOLOGY OF EMPIRICAL RESEARCH

This article presents a step-by-step scheme for conducting an empirical analysis, the purpose of which is to study the possibility of harmonizing the functions of local self-government institutions. This technique has been tested in practice in the course of research and has yielded corresponding results, so it can be reliably asserted that it is effective and can be further applied in practice and serve as a tool to improve the efficiency of public sector institutions.

Key words: *public administration, the concept of harmonization, the method of empirical research, local self-government, public organization, political stability, civil society.*

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА КЛАССИЧЕСКОЙ ЛЕВО-ПРАВОЙ МОДЕЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНТИНУУМА ДЛЯ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается методологическая сложность перенесения традиционного лево-правого идеологического континуума, оформившегося в западной политической науке, на расклад политических предпочтений в современной России. Подчас во многих политологических работах, анализирующих политические ценности в публичной политике России, по умолчанию используется представление, что близкие социалистическим взглядам силы являются «левыми», а ориентированные на рыночные ценности – «правыми». Настоящая модель оформилась в странах Запада, но при перенесении на почву иных обществ сталкивается с объективными сложностями в силу особого исторического и культурного пути. В случае с Россией на основании результатов эмпирических исследований показывается, что модель распространения идеологических предпочтений в России не укладывается в традиционную западную модель и сведение политического спектра к западному образцу искажает реальную ситуацию.

Ключевые слова: идеология, политические ценности, идеологический континуум, консерватизм, либерализм.

Политическая наука родилась и развивалась на Западе. В советском пространстве, куда была включена Россия наряду с дружественными народами, вопросы политики обсуждались в рамках политической экономии и несли на себе отпечаток марксизма и идеологов большевизма, утверждающих о возможности построения социализма, а вслед за ним и коммунизма в отдельно взятой стране.

С одной стороны, академическая дисциплина стремится к непредвзятости и лишенному сиюминутных условий взгляду на реальность, с другой, сама среда и ракурс зора, характерные для общества происхождения теорий, определяют специфику выдвигаемых конструктов. Подобное

имеет отношение не только к государственному марксизму, получившему широкое распространение в советских странах, но и самой политической науке, сформировавшейся в среде западного общества с развитыми рыночными и демократическими институтами, чьи концепты теперь переносятся на среду иных стран и культур, в частности, Россию.

Вообще, временем расцвета политической науки стал XX век, когда традиционный картезианский подход к науке перестал быть актуальным для академического сообщества, а выход на первый план позитивизма и феноменологии привел к отбрасыванию попыток приблизиться к анализу объективной реальности и объяснить суть явлений. Ключевым для научного сообщества методическим путем стало обобщение фактов реальности в устойчивые типы. Характерен в этом плане предложенный Максом Вебером идеальный тип, основанный на сведении множества разновидностей явлений изучаемого объекта до устойчивой индуктивной модели [5. С. 401-402]. Настоящий подход хорошо подходит для изучения повторяющихся событий в рамках единого общественного контекста, но при столкновении с подобной же сутью в рамках условий иной общественной среды, рискует оказаться малоприменимым. В результате политическая наука оказывается полна эмпирических обобщений, характерных для одной культурной и исторической среды, которые необоснованно начинают рассматриваться универсальными теоретическими конструктами, применимыми для анализа любого общества.

Подобная ситуация выпукло обнаруживает свою противоречивость в сфере анализа политических ценностей и идеологии. Так, многие исследователи стремятся как само собой разумеющуюся данность переносить кластеры политических ценностей, сформированные в условиях западного исторического пути, на российскую почву. В частности, на протяжении 90-х и нулевых годов XXI-го века большое количество публицистов и исследователей политической науки принялись искать в российских условиях консерватизм с оглядкой на западные формы его проявления. Всплеск подобного интереса вполне объясним, учитывая обострившийся спрос на формулирование политических ценностей, являющихся коренными для российского общества [9]. При этом в силу обстоятельства, что настоящая тема захватывала не столько академическую общественность, а дискуссия разворачивалась на страницах периодической печати с участием журналистов, участники изысканий на сей счет использовали широкие в понимании термины, зачастую основываясь на их первоначальном смысле в европейской и американской истории [1; 6; 8]. Так, некоторые публицисты порой указывали на консервативность политики Е. Гайдара и А. Чубайса в силу их близости монетаризму Р. Рейгана и М. Тетчер.

Изначально в эпоху зарождения противоборства идеологий времен Французской Революции характерным стало суждение о политических предпочтениях политиков на основании характера их рассадки в зале На-

ционального собрания. В ту пору получила распространение двухмерная модель, характеризующая деление на левых и правых исходя из их места относительно центра зала. В последующем условное деление на сторонников всеобщего равенства и братства, демократических буржуазных свобод и сохранения феодальных порядков старины представляло собой шкалу, на которой отображались силы, характеризующиеся либо стремлением к переменам общественных институтов и прогрессу, либо защите старины и желанием упрочить традиционные основания в обществе.

Ключевым для выделения «левых» и «правых» становится отношение к переменам или желанию сохранить существующее *status quo*. В этом отношении характеристика «левый» указывает на стремление к изменениям, а правые выступают за консервацию традиционных общественных установлений. Характерно, что даже в рамках самой западной модели политического континуума, присутствующем в политологии и разговорах о политике, со временем происходят коренные перемены с точки зрения конкретных ценностей, что позволяет заключить, что «левые» и «правые» это не про конкретные политические предпочтения, а про отношение к переменам и прогрессу. Так, в странах западной Европы правые от монархизма и поддержания интересов феодалов прошли путь эволюции к поддержанию интересов буржуазии, рыночной экономики и всеобъемлющей демократии без имущественного ценза.

В подобном случае складывается ситуация, когда особенности отношения к экономическим, политическим, религиозным и культурным вопросам оказываются в одной корзине, а ключевым для отнесения к тому или иному полюсу политического спектра становится тяга к переменам или приверженность старому. Подобная история хороша для публицистики и журналистов, но содержит значимые сложности при формировании абстрактной модели, способной носить универсальный характер для изучения различных обществ.

В 1991 году в нашей стране появились условные «левые», названные так по причине тяготения к восстановлению советского строя, что само по себе оказывается в некотором смысле оксюмороном, поскольку сила, выступающая за реставрацию старого порядка, способная быть названной в известной терминологии реакционной, характеризуется сродни положению партии большевиков в дореволюционной России. При этом «правыми» начинают называть политические силы, выступающие за низкие налоги, развитие рыночной экономики без вмешательства государства и укоренение в обществе прав и свобод на манер западного общества. В этом отношении можно заключить, что в современной России традиционный политологический спектр сместился и показывает ситуацию в искаженном от изначального смысла виде.

Рассматривая особенности перенесения на российскую почву идеологического континуума, сформировавшегося в западных странах, в первую

очередь, необходимо иметь в виду, что лево-правая система координат представляет собой некоторое упрощение. Имело бы смысл говорить о гораздо более сложном конструкте, который может подразумевать большее количество измерений, не столь легких в представлении.

Если для англосаксонского мира характерна система двух партий, которая соответственно этому разделяет основное число своих последователей по разным группам, то в других странах количество идейных противоречий более многочисленно и может быть представлено разделяющимся пучком противоречивых мнений.

Оптимальным для анализа идейных предпочтений российского общества является схема политических ценностей по следующим четырем осям:

Рыночные ценности – характеризуют значимость для граждан ценностей свободного рынка, лишённого государственного вмешательства в экономику.

Демократические ценности – указывают на важность идей прав человека, прозрачности демократических процедур, обеспечения сменяемости власти.

Социалистические ценности – подразумевают значимость социальных программ, мер по обеспечению бесплатного образования и здравоохранения и в целом регуляции экономики в направлении защиты интересов гражданина.

Державнические ценности – отображают стремление к утверждению государства на внешнеполитической арене, отстаиванию ценностей величия собственного сообщества и подчеркивают особую значимость исторической миссии страны в окружающем мире.

Если брать уже упомянутую англо-саксонскую модель, эти ценности раскладываются в два ключевых блока: социалистические и демократические характерны для условных «левых», державнические и рыночные – «правых».

Как показывают результаты эмпирических исследований ценностных предпочтений российских граждан [3. С. 14], для российского политического континуума характерен иной характер распределения, который тоже собирается в двухмерную ось, но при этом принципиально иначе в сравнении с моделью западных стран.

Ниже приводится моделирование на основании анализа данных общероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ, где ответ в пользу тех или иных ценностных предпочтений засчитывался как 1 балл на одной из четырех шкал. В последующем были рассчитаны суммарные показатели, которые приводятся на Рис. 1, проведен расчет факторного анализа для выделения тяготения групп ценностей к одному из двух полюсов (Таблица 1) и в ходе кластерного анализа выделены ключевые группы сторонников политических ценностей в российском обществе (Рис. 2).

Как можно видеть исходя из распределения блоков политических ценностей (Рисунок 1, Таблица 1) [3. С. 14], ключевая сложность перенесения лево-правого идеологического континуума из стран Запада на российский

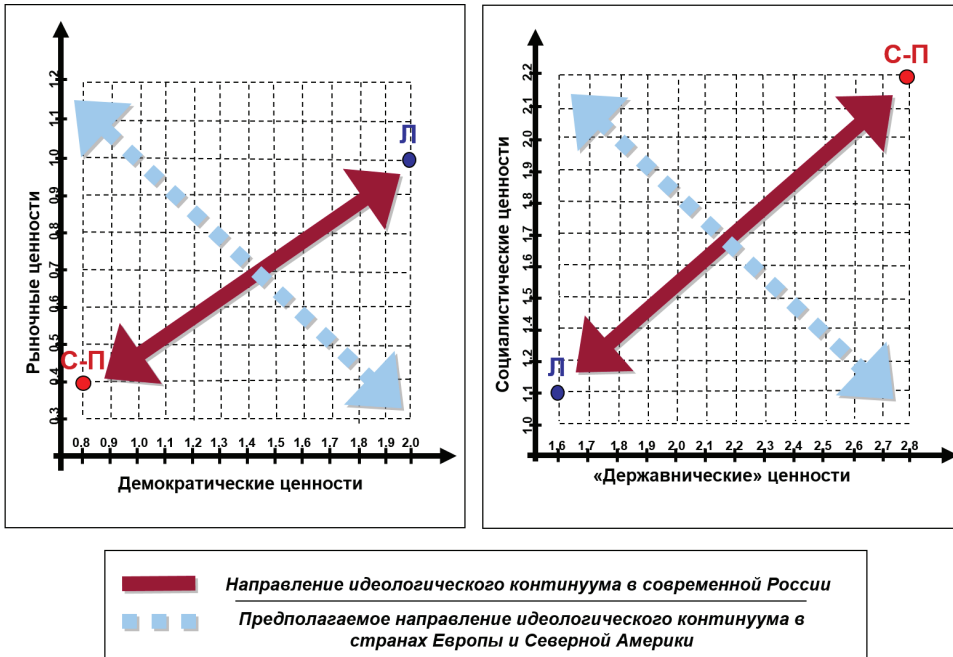

Рис. 1. Направление идеологического континуума в современной России в сравнении со странами Запада

Таблица 1

Группировка ценностей по результатам факторного анализа

Шкалы ценностей	1 фактор (величина факторной нагрузки)
Демократические	+ 0,787
Державнические	- 0,665
Социалистические	- 0,652
Рыночные	+ 0,577

политический спектр состоит даже не столько в том, что полюса принимают противоположное звучание, поэтому решить затруднение могла бы переменна мест «левого» и «правого» полюса. Основной сложностью оказывается то, что блоки ценностей объединяются в вектор перпендикулярный идеологическому континууму стран Запада. Если для западной модели актуальным оказывается соединение державнических и рыночных ценностей на правом фланге, то для России – державнических и социалистических. Равно как

Типы идеологических сторонников

Рис. 2. Кластеры политических сторонников в современной России

на прогрессистском «левом» фланге в России объединяются рыночные и демократические ценности в противоположность социалистическим и демократическим на Западе.

В-первую очередь, настоящее обстоятельство позволяет заключить, что если пытаться перенести лево-правый идеологический континуум на российскую почву, то исходя из обстоятельства отношений к переменам, являющимся первичным для определения отношения к различным полюсам, «левыми» как сторонниками перемен будут группы, выступающие за рыночные и демократические ценности. В свою очередь, на правом фланге как выражающем стремление к консервации устоявшихся традиций взаимоотношения государства и общества окажутся приверженцы социалистических и державнических взглядов. Таким образом, сторонники партии КПРФ окажутся «правыми» исходя из отношения к традициям и патриотическим чувствам, а ранее называемые правыми сторонники либеральных взглядов и входившей в состав Государственной Думы партии «Союз правых сил» – на левом фланге.

Безусловно, настоящая констатация непривычна для устоявшегося восприятия, ведь по привычке левыми называют сторонников социалистических взглядов, а правыми – рыночников. Но получившая широкое распространение подобная ориентация, с одной стороны, объясняется обилием

на сей счет журналистских материалов, сделавших их общим местом в публичной дискуссии. С другой, корнем подобной идеологической картины мира является артикулируемая советской пропагандой идея о прогрессивном направлении строя, занимающегося построением коммунизма и обращением к странам по всему миру с призывом примкнуть к социалистическому лагерю, выступающему за отказ от традиционных ценностей. Наверное, подобный призыв мог считаться актуальным на протяжении 20-х годов XX века, но с разворотом советского руководства от идеи общемировой революции, вхождении в Лигу наций (1934) и последующему всплеску патриотических идей накануне Великой отечественной войны и в последующие годы, Советский Союз превращается в продолжателя патриотических идей и формирует соответствующую традицию, сохраняющую свое звучание по сей день.

Другим обстоятельством, вносящим сумятицу в вопрос четкого определения полюса сторонников различных политических взглядов на идеологической шкале, стал получивший в советское время подход, где идеология воспринималась как свод философских взглядов теоретиков. Основываясь на нем сложно представить, что взгляды Маркса, выступающего за уничтожение государства, семьи и частной собственности, могут лечь в основание государственных и патриотических теорий. Тем не менее, анализируя публикации отечественных строителей социализма, становится ясно, что идея об уничтожении государства переносится ими на неопределенно далекий срок при взятии политической власти, а в текущий момент, по их словам, революционное общество должно превратиться в военизированный лагерь, служащий уничтожению классовой борьбы [7]. Отдавая должное интеллектуальному противостоянию наследников марксизма, важно отметить, что фолианты философских теорий начинают оказывать влияние на политику, как только овладевают массами. А на уровне отдельных индивидов ценностные конструкты могут быть противоречивыми, имеющими внутреннюю взаимосвязь, связанную не с логикой, а эмоциональными переживаниями. Современная политика наглядно демонстрирует, как две главенствующие партии в США ведут противоречие не по поводу внятных и четко артикулируемых ценностей, а опираясь на сумму образов. Также не окажется неожиданным утверждение, что сторонники Сталина в позднем Советском Союзе и современности вряд ли могут быть названы носителями идей интернационализма. Как показала развернувшаяся на страницах печати в годы перестройки дискуссия [2] в наиболее полном виде государственных и патриотических взгляды на тот период, выражала именно это группа в обществе и органах власти.

В этом отношении представляет интерес анализ консервативных ценностей, проведенный на кафедре политической психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. В силу того обстоятельства, что на протяжении XX века Россия

дважды меняла идеалы общественного развития в 1917 и 1991 году неоднозначным оказывается вопрос, какие же ценности могут претендовать на нахождение на правом фланге. Прояснить этот вопрос было призвано политико-психологическое исследование с использованием наработок западной политической науки по изучению взаимосвязи между политическими ценностями и психологическими качествами личности.

В рамках работы [4] рядовые активисты политических партий, входивших в состав Государственной Думы, рассматривались на предмет наличия у них близких консервативному типу личности психологических качеств, получивших широкое методологическое распространение в работах по политической психологии второй половины XX века. В основу методологической части исследования легли наработки таких политических психологов как Ф. Тетлок, Х. Габениш, Г. Уилсон, Дж. Сиданиус [10; 11; 13; 17; 18], уделивших особое внимание доработке теории «авторитарной личности», что позволило выделить устойчивые психологические «правые» черты личности, носящие не столь крайне выраженный и предвзятый характер, как это рассматривалось представителями франкфутской школы в концепции авторитарной личности.

В частности, к 70-м годам XX века появилось множество работ, указывающих на зависимость политических ценностей от хорошо диагностируемого эмпирическими методами когнитивного стиля. Так, в работе М. Рокича [15; 16] указывается на зависимость политических взглядов и склонности индивида тяготеть к правым взглядам от ригидности мышления. Особый интерес в этом отношении представляют работы Ф. Тетлока, изучившего взаимосвязь стиля мышления и программных положений на основании анализа высказываний политиков. В одной из публикаций [12] показал это на примере английских парламентариев, а [14] продемонстрировал, что высказывания членов Политбюро КПСС явно демонстрируют черты консервативной личности исходя из психологической модели типа личности.

В рамках исследования методологическая модель консервативной личности была операционализирована до эмпирически измеряемых черт личности, и с ее использованием были проведены глубинные интервью и фокус-группы с рядовыми членами политических партий, входивших на тот момент в состав Государственной Думы. По результатам было установлено, что близость чертам консерваторов демонстрируют члены партий КПРФ и «Родина». Обратные в выраженности психологические качества присущи членам либеральных партий СПС и «Яблоко». Активисты партий «Единая Россия» и ЛДПР не демонстрируют общих психологических качеств, также как и на уровне политических ценностей выступают за идеалы, которые не могут быть сведены к обобщенной картине в силу их многообразия. В последующем в ходе глубинных интервью носители «правого» мировоззрения, условно называемые коммунистами и националистами, продемон-

Консервативные ценности

Рис. 2. Консервативные ценности по результатам исследования рядовых активистов политических партий

стрировали, что выступают сообща за социалистические и государственные взгляды, которые у них объединяются вокруг с одной стороны – идеалы восстановления советского строя, с другой – ценностей православия и здоровой нации (рис. 2).

По результатам исследования также обращает на себя внимание то обстоятельство, что в российских условиях обнаруживают себя политические силы, использующие для мобилизации электоральной поддержки в свою пользу не ценностные основания. В частности, по результатам серии глубинных интервью со сторонниками партии власти обнаруживает себя тенденция использования ими большого числа негативных ценностей, построенных с использованием отрицания, что с одной стороны позволяет обходить вопрос о четких взглядах на политические процессы в стране и власти быть гибкими, а с другой – объединяет сторонников лишь на основании использования медиа технологий, но не дает возможности сформировать ценностное ядро, способное к самовоспроизводству. Так, Активисты «пропрезидентских» политических организаций в своей аргументации используют разнопорядковые «негативные» ценности, каждая из которых построена с использованием отрицания: «не» допустить развала страны, «не» позволить вмешиваться другим странам во внутреннюю политику Рос-

сии, «не» подорвать национальную культуру, «не» допустить возвращения «уравниловки», «не» позволить доминировать национал-социалистическому популизму и др.

Настоящая ситуация в значительной мере обусловлена действиями идеологов нынешней власти, которые с одной стороны говорят о том, что Россия должна идти своим путем, а с другой – идеалом общественного развития объявляют все тот же набор либеральных ценностей.

На основании рассмотрения особенностей выражения лево-правого идеологического континуума в России представляется возможным сделать вывод, что в отечественной политической науке в силу изначальной зависимости от теоретических и методологических подходов, получивших распространение на Западе, а также сформировавшемся благодаря журналистике существует клише, указывающее на близость «левизне» социалистических взглядов. Подобное по сей день актуально для западного общества, где выступающие за построение социализма политические силы, не получили возможность реализовать на практике свои программные положения. Для государств, прошедших через период утверждения социалистических институтов, находящихся преимущественно в восточной Европе и странах бывших республиках СССР, наряду с Китаем, Кубой, Северной Кореей и другими, настоящая тенденция принимает обратное выраженности западного политического континуума звучание.

Настоящее обстоятельство позволяет заключить, что лево-правый идеологический континуум в каждом отдельном обществе принимает свое уникальное звучание и ошибочным оказывается проведение параллелей между «правыми» и «левыми» на западе и в других государствах на основании общности отдельных политических ценностей. Подобная теоретическая модель нуждается в операционализации в каждом отдельном научном изыскании, где будет конкретизироваться, что предполагается понимать под «левыми» и «правыми», а также говорить об особенностях их выделения исходя из развития публичной политике в рассматриваемом государстве. Решающую роль для отнесения к левым и правым оказывается отношение к переменам или стремлению сохранить традиционные устои. В случае, если традиции в обществе оказываются противоречивыми и вызывают множество мнений для интерпретации как в современной России, анализ ценностных предпочтений граждан с использованием методов социологии и психологии, позволяет раскрыть особенности лево-правого идеологического континуума за счет построения шкал ценностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аверьянов В.* Третий полюс. Что следует иметь в виду, когда мы толкуем о консерватизме. Эксперт. 2002.

2. Андреева Н.А. Не могу поступаться принципами // Советская Россия. 1988.

3. Блинов В.В. Типы идеологических сторонников в современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6 (100).

4. Блинов В.В. Политико-психологический анализ консервативных ценностей в современной России // Дис. на соискание ученой степени кандидата политических наук. 2007.

5. Вебер М. О некоторых категориях «понимающей социологии» // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб., 2014.

6. Колесников А. Обыкновенный консерватизм // Эксперт. 2002. № 14.

7. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. 1918.

8. Соколов М. Спаси и сохрани // Эксперт. 2002. № 28.

9. Социально-консервативные ценности и российские реформы. М.: 2006.

10. Gabennesch H. Authoritarianism as a World View // American Journal of Sociology. 1972. Vol. 77. № 5.

11. Tetlock P.E. Cognitive style and political ideology // Journal of personality and Social Psychology. 1983. Vol. 45.

12. Tetlock P.E. Cognitive style and Political Belief Systems in the British House of Commons // Journal of personality and Social Psychology. 1984. Vol. 46.

13. Tetlock P.E. Personality and Isolationism: Content Analysis of Senatorial Speeches // Journal of personality and Social Psychology. 1981. Vol. 41.

14. Tetlock P.E. Monitoring the Integrative Complexity of American and Soviet Policy Rhetoric: What can be learned? // Journal of social issues. 1988. Vol. 44. № 2.

15. Rokeach M. The open and closed mind. New York: Basic Books, 1960.

16. Rokeach M. Beliefs, attitudes, and values. New York: Free press, 1968.

17. Sidanius J. Intolerance of ambiguity, conservatism and racism: Whose fantasy, whose reality? A reply to Ray // Political Psychology. 1988. № 9.

19. Wilson G.D. The psychology of conservatism. New York: Academic Press, 1973.

V.V. BLINOV
Candidate of political sciences,
Associate Professor at the
Department of Political Science
Financial University at
Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

DIFFICULTIES OF TRANSLATION OF THE CLASSICAL LEFT-RIGHT MODEL OF IDEOLOGICAL CONTINUUM FOR ANALYSIS OF POLITICAL PREFERENCES OF MODERN RUSSIA

The article examines the methodological complexity of transferring the traditional left-right ideological continuum, which took shape in Western political science, to the alignment of political preferences in modern Russia. Sometimes in many political sciences works that consider the alignment of political values in public policy in Russia, by default, the idea is used that the forces close to socialist views are left, and those oriented towards market values are right. The present model took shape in Western countries, but when transferred to the soil of other societies, it encounters objective difficulties due to a special historical and cultural path. In the case of Russia, based on the results of empirical studies, it is shown that the model of the spread of ideological preferences in Russia does not fit into the traditional Western model and reducing the political spectrum to the Western model distorts the real situation.

Key words: *ideology, political values, ideological continuum, conservatism, liberalism.*

DOI 10.35775/PSI.2021.70.6.008

УДК 32. 324

М.Е. РОДИОНОВА

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент Департамента политологии
факультета социальных наук и
массовых коммуникаций
Финансового университета при
Правительстве РФ,
PR и GR Директор Celebrium-Labs,
Россия, г. Москва*

В.Г. ГИМАЛИЕВ

*кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков N2
Чувашского государственного университета
имени И.Н. Ульянова, Россия г. Чебоксары*

Н.А. НАЗАРОВА

*кандидат экономических наук,
доцент Департамента политологии,
директор Центра по финансовой грамотности
Финансового университета при Правительстве РФ,
Россия, г. Москва*

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ОТ 1993 ГОДА ДО НАШИХ ДНЕЙ)

В материале рассматриваются основные этапы становления избирательной системы Российской Федерации, анализируются основные направления ее совершенствования. Затрагиваются также причины изменений в избирательном законодательстве в том числе и с учетом периода пандемии. Авторы анализируют значимость правовых вопросов в электоральных процессах. Авторами составлена и подготовлена сводная таблица этапов развития избирательной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: *избирательная система Российской Федерации, электоральные процессы, политические партии, политическая конкуренция, свободные выборы, демократия, демократическое государство.*

В зарубежных странах развитой демократии выборы принципиально отличаются от выборов в России не способами организации, а состоянием общества – наличием партийной системы и гражданской системы, по словам Игоря Минтусова [8. С. 160]. Конечно, есть еще такие компоненты как разделение властей, диверсификация экономического базиса и СМИ и т.д. и именно поэтому международное наблюдение за выборами является полезным институтом для стран с молодой демократией или развивающихся в этом отношении стран. Многие актуальные аспекты и технологии последних избирательных кампаний стран Европы таких как Франция, Германия, Австрия, Чехия, Италия, Испания и др. были рассмотрены в отдельной монографии «Электоральные процессы в современной Европе: современные тенденции и перспективы» [5. С. 206; 6. С. 846-855], в данном материале мы предлагаем акцентировать внимание на трансформации избирательной системы в Российской Федерации, начиная с 1993 года. Проблематику легитимных выборов мы дополнили анализом изменений электоральных процессов, тенденций и цифровых технологий начиная с 2012 года, выделением этапов становления и развития избирательной системы в Российской Федерации, которую представили в отдельно сведенной таблице по этапам.

Итак, первый этап (1993-2000) связан с созданием необходимой законодательной базы выборов. Второй этап (2000-2004) характеризуется созданием прочных институциональных условий, направленных на усиление роли федерального центра, стимулирования объединительных тенденций в российской партийной системе и формированием крупных политических игроков в лице парламентских партий. Третий этап (2004-2012) связан с укреплением политической системы с сильными четырьмя парламентскими партиями – основными участниками избирательной системы. Явное доминирование одной из них и уход с политической сцены партий, не выдержавших конкуренции, на практике обеспечивали высокую степень управляемости политическими процессами. Вместе с тем, по мере накопления избыточных регуляторов происходило ее отторжение избирателями.

Четвертый этап развития избирательной системы, начавшийся в 2012 г. и продолжающийся до настоящего времени, характеризуется совершенствованием избирательного законодательства в части создания условий для проведения легитимных выборов. Речь идет о повышении доверия граждан к институту выборов посредством развития политической конкуренции, обеспечения прозрачности деятельности участников избирательного процесса, усиления ответственности депутатов и организаторов выборов, стимулирования молодых избирателей участвовать в выборах путем электронного голосования. Основные этапы избирательной системы представлены в таблице: «Этапы развития избирательной системы РФ».

Ограничителями электоральной системы России выступают президентская власть, которая прагматично стремится блокировать крайности, и либе-

ральная Конституция, оставшаяся в наследство от 90-х годов и вызывающая все большее неприятие у сторонников более жесткого курса – как во власти, так и в оппозиции. Приоритет прав человека, светский характер государства, запрет обязательной идеологии – ключевые положения Конституции подвергались большой критике [8. С. 160].

Таким образом, в 1993-2021 гг. был реализован целый комплекс правовых, организационных, технологических мероприятий. Во-первых, законодательное обеспечение получила избирательная система. Во-вторых, созданы правовые условия для стимулирования политической конкуренции, представления на выборах широкого спектра общественно-политических сил. В-третьих, сформированы благоприятные возможности для широкого политического участия и явки избирателей, стимулирования электоральной активности. В-четвертых, в избирательные кампании всех уровней внедрена прозрачность деятельности участников избирательного процесса, выборных процедур. В-пятых, законодательно обеспечено дистанционное электронное голосование. В-шестых, сформированы новые институциональные возможности и организационные механизмы общественного контроля на выборах.

Вместе с тем, в среднесрочной перспективе процесс развития избирательной системы требует дальнейшего законодательного совершенствования механизмов и практик политической конкуренции, в том числе система муниципального фильтра на выборах глав российских регионов, а также ряд процедур, обеспечивающих выдвижение и регистрацию кандидатов. По мнению ряда экспертов, вопрос оптимизации правового регулирования делает целесообразным разработку Избирательного кодекса Российской Федерации, в котором могут быть всесторонне регламентированы различные аспекты организации и проведения выборов с учетом накопленного политического опыта и правоприменительной практики.

О совершенствовании избирательного законодательства. Государства «старой демократии» имеют свои «электоральные страховки» для обеспечения поступательного развития своих государств и наций, начиная от «связанной» избирательной системы распределения мандатов в ФРГ и «бонусной надбавки» депутатских мест для получения абсолютного большинства в парламенте в Италии, до отсутствия института наблюдателей в Великобритании и допущения «законного» участия высших должностных лиц в агитационной кампании во Франции» [4].

В отличие от некоторых стран Европы Россия выстраивает, по словам, Эбзеева Б.С., устойчивое демократическое общество в условиях глобальных вызовов, что требует обеспечения «способности гарантировать национальные интересы страны, сохраняя ее цивилизованную и государственную идентичность». Именно основываясь на мировом опыте, мы должны смотреть на будущее развитие российской избирательной системы, которая подвергается сегодня постоянным проверкам и атакам на устойчивость и живучесть

как извне, так и изнутри [7. С. 8]. Российская избирательная система постоянно совершенствуется, ее изменения должны укреплять принципы открытости, честности и прозрачности всего выборного процесса, его независимости от внутреннего или внешнего вмешательства со стороны других государств, о чем неоднократно в своих выступлениях говорил В.В. Путин [2. С. 10]. Дальнейшее демократическое развитие электорального процесса стало более четко и однозначно увязываться с необходимостью обеспечения государственных интересов в построении демократических институтов, базирующихся на Конституции России и действующем законодательстве.

Последние избирательные кампании в России подтверждают ее поступательное развитие, свидетельствующее о становлении молодой российской демократии (обеспечивающей реализацию прав граждан на участие в управлении государством и местном самоуправлении). В отличие от ряда западных «старых демократий» российская избирательная система будет продолжать, по мнению И.Б. Борисова, свое поступательное развитие, поскольку: 1) отсутствуют конституционные ограничения для дальнейшего конструирования оптимальной избирательной системы; 2) на базе современных технологий накоплен значительный и неисчерпанный на сегодняшний момент потенциал общественных и научных идей; 3) готовность как самих политических партий, так и профильных общественных объединений и организаторов выборов к модернизации, к которой набраны хорошие темпы; 4) на всех уровнях отмечается готовность конструктивного взаимодействия со всеми представительствами и институтами общества: от вузов и НИИ до партий и НКО; 5) достигнут консенсус о необходимости дальнейшего развития и совершенствования избирательной системы между Государственной Думой, Советом Федерации, Федеральным Собранием Российской Федерации, Администрацией Президента Российской Федерации, созданы соответствующие профильные комиссии и рабочие группы; 6) существует объективная необходимость отвечать на новые вызовы и угрозы по защите государственного суверенитета.

Направления движения для дальнейшего оптимального развития избирательной системы, по мнению Борисова И.Б. [2. С. 10], могут быть следующими: 1) совершенствование системы избирательных органов низового уровня (УИК), что возможно потребует парадигмы организации работы низовых избирательных органов (так как «низы не могут» из-за усложнения процедур) и обращения внимания на зарубежный (европейский) опыт, в котором избирательные процедуры находятся под контролем партий и осуществляются государственными и муниципальными служащими; 2) дальнейшая оптимизация отдельно взятых элементов и процедур, ценов, установленных законом, под которыми могут пониматься «муниципальные фильтры», вопросы агитации в сети Интернет, взаимодействие с правоохранительными органами, а также система общественного контроля.

Каждое из направлений развития обладает своими внутренними и скрытыми рисками, поэтому должно проходить широкое обсуждение. К примеру, по фильтрам одним из обсуждаемых вопросов стало поиск форм поощрения партий за участие в местных выборах, помогающих кандидатам получать регистрацию без прохождения фильтра. Или, к примеру, еще в 2018 году на одной из конференций МГУ им М.В. Ломоносова был обозначен ряд вопросов, требующих именно «политического», а не юридического решения в рамках дальнейшего развития избирательной системы: голосование «против всех», порог явки, участие в выборах непартийных общественных объединений, финансирование избирательных кампаний, голосование по почте и Интернету, работа избирательных комиссий с обращениями граждан, необходимость высшего юридического образования для членов ЦИК и др.

На сегодняшний день вместо эмоциональной, иногда недостаточно проработанной и излишне политизированным решениям необходим системный подход в выработке государственной программы развития избирательной системы.

Отдельного внимания заслуживает вопрос создания избирательного кодекса Российской Федерации. По данному вопросу следует обратиться к точке зрения Р.Т. Биктамирова, который говорит о необходимости кодификации действующего законодательства, т.е. о систематизации законодательства. Упорядочение массива законов и основанных на их основе нормативных актов, нуждающихся в поддержании в контрольном состоянии, позволит эффективно регулировать общественные отношения в самых различных сферах экономической и политической жизни общества и государства [1. С. 24-26]. Речь идет о фундаментальной переработке многочисленных законов и других нормативных правовых актов, что обеспечит согласованность и компактность, расчистит нормативный массив, устранил противоречащий друг другу массив и на их основе будет создан совершенно новый консолидированный нормативно-правовой акт. По объективным причинам и конъюнктурным мотивам регулирующие избирательную систему законы и подзаконные акты часто изменяются и дополняются, что отрицательно сказывается на правоприменительной практике, усложняет деятельность избирательных комиссий и самих избирателей. Позитивный опыт зарубежных стран обсуждался, в частности, и на научно-практических мероприятиях Центральной избирательной Комиссией в 2016 и 2018 гг.

В процессе разработки проекта федерального избирательного кодекса Биктагиров Р.Т. выделяет три основных проблемных поля, которые необходимо решить [1. С. 24-26]: 1) вопрос наименования кодекса: Избирательный кодекс Российской Федерации, Федеральный избирательный кодекс, Кодекс Российской Федерации о выборах и референдумах; 2) предмет регулирования (избирательный кодекс, принимаемый на уровне федерального центра, должен регулировать организацию выборов в федеральные органы государственной власти, предусмотренные Конституцией и федеральными

законами) и судьбы таких актов как Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»; 3) структура проектируемого избирательного кодекса, основными частями которой являются общая и особенная части, на которых по нашему мнению целесообразно остановиться более подробно.

Как правило, общая часть кодекса должна включать такие пункты как: принципы подготовки и проведения выборов, избирательные системы, применяемые на выборах конкретных федеральных органов; институт государственной системы регистрации/учета избирателей; основы правового статуса субъектов избирательного процесса (исключая предвыборную агитацию); финансирование выборов, порядок обжалования решений и действий участников избирательного процесса, юридическую ответственность за нарушение законодательства о выборах, иные институты, имеющие общий для всех выборов характер.

Особенная часть, по мнению Бектагирова Р.Т., должна регламентировать все стадии избирательного процесса от порядка назначения выборов до определения и обнародования их результатов. Особенности выборов Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы, формируемых путем всеобщего голосования избирателей должны быть выделены в отдельные разделы/главы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бектагиров Р.Т.* Размышления о проблеме создания избирательного кодекса Российской Федерации // *Избирательное законодательство и практика.* 2019. № 1.

2. *Борисов И.Б.* Совершенствование избирательной системы: поиск устойчивого развития // *Избирательное законодательство и практика.* 2018. № 4.

3. *Заславский С.Е.* Институциональные основы избирательной системы в России: в перекрестье памятных дат // *Избирательное законодательство и практика.* 2018. № 4.

4. *Избирательное законодательство и выборы в современном мире: Европейско-Азиатский регион / В.И. Лысенко; под общ. ред. В.Е. Чурова // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 2015. Вып. 4.*

5. *Родионова М.Е.* Электоральные процессы в современной Европе: тенденции и перспективы: монография. Москва: Русайнс, 2020.

6. *Родионова М.Е., Назарова Н.А., Гималиев В.Г.* Современные тенденции электоральных процессов в государствах ЕС // *Вопросы политологии.* 2021. Т. 11. № 3 (67).

7. *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013.

8. *Электоральный суверенитет в глобальном мире. Национальные стратегии в развитии демократических институтов и обеспечении избирательных прав граждан: материалы Международной конференции. Москва, 17 сентября 2016 года. ЦИК РФ. М.: Ключ-С, 2016.*

Этапы развития избирательной системы РФ [З. С. 3-8]

Первый этап (1993-2000 гг.)

- Характеризуется созданием необходимой правовой базы и формированием в ходе трех электоральных циклов (1993, 1995-1996, 1999 гг.) ключевых условий и правил политической конкуренции.
- 1994-1996 гг. – сложилась институциональная правовая основа избирательной системы: были приняты Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан РФ, законы о выборах депутатов Государственной думы и президента РФ.
- Конец 1999 г. – выборный процесс охватывает все уровни публичной власти.
- Политическая инфраструктура: слабые и маловлиятельные политические партии, нестабильность партийно-фракционной структуры парламентов, отсутствие у действовавшей власти прочной системы общественно-политической поддержки, либеральные правила вхождения на политический рынок новых игроков, образование ситуативных блоков и коалиций.
- Становление институтов партийно-политического представительства, прежде всего избирательных объединений и избирательных блоков.
- Разработка и внесение в законодательство понятия политического общественного объединения. Оговаривалось, что статус политического общественного объединения не могут иметь отдельные виды общественных объединений, в том числе профсоюзы, национально-культурные автономии, фонды, религиозные и благотворительные организации, объединения, созданные для реализации любительских и иных неполитических интересов.

Второй этап (2000-2004 гг.)

- Означен созданием прочных институциональных условий, направленных на усиление роли федерального центра, стимулирование объединительных тенденций в российской партийной системе и появление крупных политических игроков в лице парламентских партий.
- Новые законы «О политических партиях», «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», поправки, внесенные в Закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ», отразили появление централизованных начал в системе избирательных комиссий, ужесточение требований к созданию политических партий и одновременно их роли политических партий в избирательном процессе, расширение применения механизмов пропорционального представительства на федеральном и региональном уровнях.
- Партии стали единственным видом общественного объединения, имеющего права участвовать в федеральных и региональных выборах.
- Партии, созданные по конфессиональному, религиозному или национальному признаку, лишаются возможности государственной регистрации. Одновременно с политической сцены сходят и региональные партии.
- С принятием Закона «О политических партиях» были определены минимально необходимая численность политических партий в 10 тысяч членов, требования к организационной структуре партий (индивидуальное членство, выборность, сменяемость органов партии), необходимость периодического участия в выборах, созданы стимулы

к созданию сильных политических партий, усилению объединительных тенденций в партийном строительстве.

- На уровне субъектов РФ обязательным условием становится избрание не менее половины депутатского корпуса по спискам избирательных объединений.

Третий этап (2004-2012 гг.)

- Курс на выстраивание системы с сильными и многочисленными политическими партиями как основными участниками избирательной системы выходит на новый уровень. Он характеризуется формированием системы четырех парламентских партий с явным доминированием одной из них и уходом с политической сцены партий, не выдерживающих возрастающих нагрузок.
- Пятикратное повышение требований к минимально необходимой численности политических партий (с 10 до 50 членов) (2004 г.), запрет (с 2005 г.) на создание избирательных блоков, после чего партии, выдвигая общий список, уже не могут суммировать свои ресурсы в избирательной компании.
- Установивалось, что партии, которые не смогут дотянуть свою численность к 2006 г. до новой требуемой планки, либо могли преобразоваться в непартийные объединения (утратив право выдвижения кандидатов), либо с 2007 года подлежали ликвидации.
- В целях повышения роли партий в избирательном процессе на федеральном уровне осуществляется переход от смешанной избирательной системы к системе исключительно пропорциональной.
- С 5 до 7% голосов избирателей повышается заградительный барьер для допущения списков партий к распределению депутатских мандатов на выборах депутатов Государственной Думы, повышаются требования к оформлению сбора подписей кандидатами и избирательными объединениями, расширяются возможности отказав регистрации по формальным основаниям.
- На региональном уровне происходит отказ от прямых выборов высших должностных лиц субъектов РФ, взамен предлагается модель наделения их полномочиями решением регионального парламента по представлению главы государства.
- На местном уровне вводится обязательность пропорциональной составляющей избирательных систем на выборах представительных систем на выборах представительных органов крупных муниципальных районов.
- Поправками в Закон «О политических партиях» предусматривается поэтапное снижение численности членов партий с 50 тыс. до 45 тыс. (с 2020 г.) и до 40 тыс. (с 2012 г.).

Четвертый этап (с 2012 г.)

- Был вызван функциональным кризисом в ходе избирательного цикла 2011-2012 гг., который, несмотря на его во многом конъюнктурное происхождение, был обусловлен и более глубинными причинами.
- Переосмысление основных параметров законодательства, регулирующего деятельность политических партий и избирательные процедуры, обеспечивающие открытый и конкурентный характер выборов, укрепление доверия к избирательной системе.
- Прежде всего изменения затронули порядок создания политических партий – основных коллективных участников выборов. Были значительно снижены требования к численности политических партий: с 40 тыс. до 500 членов, исключены требования к минимальной численности их региональных отделений.

-
- Радикальный пересмотр требований к созданию партий привел к бурному всплеску партийного строительства, вызвав к жизни новые партийные проекты и стимулировав возвращение в политику партийных брендов 90-х гг.
 - Федеральным законом от 2 мая 2012 г. № 41-ФЗ были внесены изменения в Закон «О выборах Президента Российской Федерации»: снижено количество подписей, необходимых для поддержки выдвижения для кандидатов-самовыдвиженцев и представителей непарламентских партий, – вместо ранее установленных 2 млн для регистрации стало достаточным набрать 300 тыс. для самовыдвиженцев и 100 тыс. для кандидатов от непарламентских партий.
 - Расширение пространства политической конкуренции на региональном уровне – главным стало возвращение выборности глав регионов (при этом регионам была предоставлена возможность избрать альтернативную модель не прямых выборов). Был осуществлен переход от двух ежегодных к одному единому дню голосования, проводимому во второе воскресенье сентября.
 - Важным условием участия в выборах стало прохождение кандидатами так называемого «муниципального фильтра» в виде сбора определенного числа подписей муниципальных депутатов и выборных глав местного самоуправления.
 - Одновременно было осуществлено снижение заградительных барьеров на федеральных и региональных парламентских выборах с 7 до 5%.
 - Отказ от императивного установления пропорциональной составляющей на выборах представительных органов крупных муниципальных районов.
 - В ходе подготовки к президентским выборам были внесены изменения, направленные на достижение открытости, конкурентности и прозрачности избирательных процедур. Был предусмотрен независимый институт общественного наблюдения на выборах: наряду с политическими партиями и кандидатами право направлять наблюдателей на избирательные участки получили общественные палаты по предложениям общественных объединений, некоммерческих организаций и граждан.
 - Изменения в системе регистрации избирателей, предусматривающие отмену открепительных удостоверений и вводимую вместо них возможность голосования избирателей по месту их фактического нахождения.
-

M.E. RODIONOVA

*Candidate of Science in Sociology,
Associate Professor, Ph.D.,
Associate Professor of the
Department of Political Sciences,
Financial University under the
Government of the Russian Federation
PR & GR Director Celebrium Labs,
Moscow, Russia*

V.G. GIMALIEV

*Doctor of Philosophy, Associate
Professor of Department of foreign languages N2,
I.N. Ulyanov Chuvash State University,
Cheboksary, Russia.*

N.A. NAZAROVA

*Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of
Political Science; Director, Center of financial,
of the Financial University of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

ON THE ISSUE OF TRANSFORMATION OF THE ELECTORAL SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION (FROM 1993 TO THE PRESENT DAY)

The article considers the main stages of the formation of the electoral system of the Russian Federation and analyzes the main directions of its improvement. IT also touches upon the reasons for changes in the electoral legislation, including those that took place during the pandemic period. The authors analyze the importance of legal issues in electoral processes. The authors have compiled and prepared a summary table of the stages of development of the electoral system of the Russian Federation.

Key words: *the electoral system of the Russian Federation, electoral processes, political parties, political competition, free elections, democracy, a democratic state.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ЛОББИЗМА В США В XX В.

В качестве особого элемента политической системы лоббизм начинает утверждаться за рубежом в первой половине XIX в. Наиболее активное развитие практика лоббизма получает в США в XX в., а в настоящее время сопровождает политику в любом государстве, обретая статус глобально-политического явления. Однако не в каждой стране созданы условия для цивилизованной лоббистской деятельности. Речь идет о правовом регулировании лоббизма. В данной работе, во-первых, рассматриваются исторические предпосылки усиления значимости данного явления в Соединенных Штатах Америки, во-вторых, прослеживается хронология развития законодательного регулирования лоббизма в США в XX столетии. Изученный исторический опыт легитимизации американского лоббизма показывает, что воздействие заинтересованных групп на объекты лоббирования (органы государственной власти) может происходить без применения механизмов коррупции.

Ключевые слова: история лоббизма, лоббирование, группы интересов, государство, политика, закон, политическая система, общество, экономика.

Лоббизм как специфическое явление общественно-политических отношений имеет долгую историю. Слово «лобби», придя из средневековой латыни, изначально «использовалось для обозначения проходов или крытых галерей в монастырях» [1. С. 5]. Спустя некоторое время, так стали называть помещение для прогулок в Палате общин. Хотя истоки лоббизма и связаны с эпохой развития английского парламентаризма, политическую окраску термин приобрел в Соединенных Штатах Америки. В сущности, сегодня лоббизм определяют, как «деятельность отдельных физических лиц или группировок в отношении органов государственной власти с целью оказания влияния от имени и в интересах конкретного клиента на разра-

ботку, принятие и осуществление указанными органами законодательных актов и административных решений» [6. С. 5].

Необходимо сказать о значении первой поправки к Конституции США для закрепления лоббизма как элемента национальной политической культуры. Согласно первому пункту Билля о правах США, граждане страны имеют право на мирные собрания и обращение к правительству с петициями об удовлетворении тех или иных жалоб. С этого начинается развитие лоббизма через систему правовых норм.

Американский опыт законодательного регулирования лоббизма связан в первую очередь с особенностями формирования социально-политической модели и государственности США. В целом, Соединенные Штаты Америки стали первым государством, где возникло законодательное регулирование лоббистской деятельности.

Немаловажным фактором для становления американского лоббизма являлся «рост государственного регулирования экономики и социальной сферы в XX веке» [7. С. 4]. В результате многие группы давления развили активную деятельность по отстаиванию собственных интересов. Также авторы одного из научно-исследовательских проектов указывают на другую «специфически американскую» предпосылку развития и усиления лоббизма в XX столетии – «высокий уровень разрешающих способностей политической системы» [7. С. 6]. Уровень этот определяется «количеством и качеством» элементов политической структуры, которые, в свою очередь, могут сыграть существенную роль в обсуждении того или иного вопроса (например, о принятии законопроекта или административного акта), важно-го для какой-либо группы интересов.

В целом, период с середины XIX до начала XX вв. в Соединенных Штатах Америки характеризуется быстрым накоплением частных капиталов. Что привело к попыткам представителей бизнеса «сломать унаследованную от Старого Света систему согласования интересов государства и буржуазии» [3. С. 156]. Со стороны политической власти Соединенных Штатов Америки, в свою очередь, возникает встречная инициатива, направленная на формирование «системы правовых запретов и ограничений в отношении противозаконных действий бизнесменов» [3. С. 156]. Таким образом, XX век в истории США стал периодом разработки целой системы законов, которые прямо или косвенно регулировали бы лоббистскую деятельность. Рассмотрим те из них, что оказали наиболее существенное влияние на американский лоббизм.

Важной составляющей процесса формирования института лоббизма в США, стали расследования злоупотреблений в лоббистской деятельности в первой половине XX в. Они проводились в Конгрессе в течение почти всего столетия. Например, одно из таких расследований было спровоцировано деятельностью лоббистов против принятия законопроекта Андервуда о та-

рифмах (1913 г.), который являлся частью реформ администрации В. Вильсона. Согласно этому законодательному акту (первому после Гражданской войны), тарифы на импорт должны были быть снижены, а по целому ряду товаров и вовсе отменены. Подобная попытка правительства защитить граждан страны от недобросовестных предпринимателей стала поводом для усиления беспокойства в деловых кругах и притока многочисленных лоббистов в столицу США. В качестве главного оппонента закона о тарифах выступала Национальная ассоциация промышленников (НАП). Итогом противостояния лоббистов и правительства стал политический скандал, в центре которого оказалась данная предпринимательская организация, которая, к слову, и сегодня занимает одно из лидирующих мест среди экономических групп давления Соединенных Штатов Америки.

В результате проведения расследования закон Андервуда о тарифах все же был принят, но это не единственный случай в истории США XX в., который наглядно демонстрировал проблему регулирования лоббистской деятельности. После упомянутого нами и ряда других примеров законодателями были накоплены практические знания относительно методов лоббистской деятельности, выявлены незаконные формы взаимодействия представителей органов власти и лоббистов и, как следствие, предложены Конгрессу варианты проектов федерального закона о регулировании лоббизма. Однако, несмотря на существующие основания, единый документ, определяющий основы и рамки деятельности лоббистов, был сформирован и принят не сразу.

Одним из этапов законодательного регулирования института лоббизма считается 1935 г., когда Конгрессом был принят закон о холдинговых компаниях в коммунальном хозяйстве, разработку которого поддерживал Ф.Д. Рузвельт. Закон «устанавливал, что все, кто оказывал влияние на Конгресс, Комиссию по ценным бумагам или Федеральную комиссию по энергетике, должны были сначала заполнить соответствующие документы в Комиссии по ценным бумагам» [4. С. 161]. Похожее положение было отражено в законе о торговом мореплавании 1936 г. Согласно ему, «представители судостроительных компаний и верфей, которые получали государственное финансирование, должны были ежемесячно предоставлять информацию о своих доходах, расходах и интересах» [4. С. 161]. Однако ограниченность действия и неравные условия для представителей различных отраслей стали существенным недостатком этих законов.

В преддверии Второй мировой войны на территории Соединенных Штатов Америки возросла активность пропаганды со стороны иностранных агентов, что во многом стало причиной создания закона «О регистрации иностранных агентов». Этот нормативный документ был разработан в ходе слушаний, проведенных специальным комитетом Конгресса, и принят в 1938 г. Закон обязывал иностранных лоббистов проходить регистра-

цию, уведомлять о своих намерениях государственный департамент Соединенных Штатов Америки. «Данная мера была главным образом направлена на прекращение фашистской и нацистской пропаганды на территории страны» [3. С. 157].

В послевоенный период закон, предусматривающий обязательную регистрацию иностранных агентов, достаточно долгое время не изменялся, даже практически не использовался. Но в 1960-е гг., когда восстановившие экономику страны начали активно представлять свои интересы в США, потребовалась его корректировка. Основные изменения в закон были внесены в 1966 г. «Акцент в законе был перенесен с иностранной политической пропаганды на лоббирование в органах власти США интересов иностранных правительств и различных иностранных организаций» [5. С. 22]. Тогда же было установлено, что власти США для внесения отдельного человека или организации в реестр иностранных агентов «должны были доказать (в случае необходимости и в суде), что они находятся под прямым либо косвенным контролем иностранного заказчика и представляют его интересы, занимаясь политической деятельностью» [5. С. 22].

Однако вернемся к хронологически более раннему промежутку. В целом, начало Второй мировой войны на время отодвинуло проблему лоббизма. Ведь сложившиеся условия военного времени требовали сотрудничества органов государственной власти и бизнеса. Таким образом, к вопросу законодательного обоснования лоббистской деятельности в Соединенных Штатах Америки снова обратились лишь в 1946 г. Тогда и был принят закон «О регистрации лоббистской деятельности» (вошел в закон о реорганизации Конгресса как третий раздел). И вновь этому предшествовала череда серьезных политических скандалов с участием многих крупных организаций страны. «В законе 1946 г. лоббизм определялся как деятельность физических лиц и организаций по связям с членами федеральных законодательных органов США с целью оказания влияния на законодательный процесс» [3. С. 157]. Теперь законопослушный лоббист, оказывая платные услуги, должен был уплатить налоги с этих доходов, а также быть готовым объяснить цель осуществляемой им деятельности. И, конечно, закон предписывал лоббистам проходить процесс официальной регистрации у секретарей Палаты представителей Сената. Стоит заметить, что действие закона «О регистрации лоббистской деятельности» «не распространялось на лоббирование исполнительных органов власти и особой сферы непрямого лоббизма» [2. С. 176]. Так же к числу недостатков нового закона относилось и то, что группы давления самостоятельно определяли, каков размер затрат был выделен на лоббирование. В сущности, контроль лоббистской деятельности по-прежнему оставался достаточно условным, не создавая ощутимых преград для нелегальных сделок. Хотя нельзя отрицать тот факт, что закон 1946 г. стал серьезным шагом в истории создания нормативно-правовой базы, регулирующей лоббизм в США.

Недостаточная проработанность закона о лоббизме стала поводом для обращения Национальной ассоциации промышленников (НАП) в суд. В 1948 г. НАП потребовала признать закон недействительным, основываясь на том, что в документе много неопределенности и неясности, соответственно, он не может отвечать принципам права. Согласно жалобе Национальной ассоциации промышленников, федеральный окружной суд Вашингтона признал закон «О регистрации лоббистской деятельности» неконституционным. Со временем это решение было отменено, однако никакого постановления, ограждающего закон от нападков в дальнейшем, не приняли.

Большинство недостатков первого закона были исправлены в другом, который в 1995 г. подписал Б. Клинтон. Закон «О раскрытии лоббистской деятельности» вступил в силу с 1 января 1996 г. и его действие распространялось как на лоббирование Конгресса, так и исполнительных органов власти. Кроме того, была введена новая терминология, установлены виды действий, не являющихся лоббизмом, закреплены критерии профессиональной деятельности лоббиста. «Были введены ограничения на использование федеральных и благотворительных фондов для лоббистской деятельности, поскольку они освобождены от уплаты налогов» [З. С. 157]. Помимо того, принятый закон за счет усиления правил идентификации клиентов и официальных лиц сделал американский лоббизм более прозрачным. Однако закон 1995 г. распространялся на официально зарегистрированных лоббистов. Те, кто осуществлял лоббистскую деятельность в качестве консультантов безвозмездно (или получая негласное вознаграждение) не входили в категорию «лоббисты», соответственно, на них закон не действовал.

Как уже отмечалось, XX в. в истории США стал периодом активного развития практики лоббизма, разработки ряда законов, которые оказали влияние на осуществление лоббистской деятельности. За XX столетие существенно расширилась социальная база лоббизма. Постепенно отстаивать свои интересы с помощью методов лоббистской деятельности начали почти все социальные группы, а не только крупные представители бизнес-сообщества. Таким образом, лоббизм обретает статус политического института, одновременно являясь важной составляющей гражданского общества.

С ростом бизнеса и усилением его влияния, в том числе на органы государственной власти, как показывает опыт Соединенных Штатов Америки, рано или поздно встает вопрос о необходимости законодательного регулирования лоббистской деятельности для того, чтобы уменьшить долю «теневое лоббизма», тем самым обеспечив сокращение коррупции. И, действительно, рассмотрев определенные исторические аспекты формирования законодательства, регулирующего лоббистскую деятельность в XX в. в США, мы убедились, что достижение цивилизованного лоббизма возможно при условии разработки механизмов правового регулирования данной сферы. Безусловно, американский опыт развития лоббизма в XX в. специ-

фичен, но, тем не менее, может быть полезен для изучения. В какой-то мере он предвосхитил тенденции, которые прослеживаются в настоящее время в политических институтах разных стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Автономов А.С. Азбука лоббирования. М.: Права человека, 2004.
2. Ачкасов В.А., Гуторов В.А. Политология. М.: Издательство Юрайт, 2010.
3. Богатуров А.Д. Экономическая политология: отношения бизнеса с государством и обществом. М.: Аспект Пресс, 2012.
4. Кремьянская Е.А. Правовые аспекты регулирования лоббизма в Соединенных Штатах Америки и Канаде // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 35 (2).
5. Лоббизм в США. Как осуществляется лоббизм в США и что можно позаимствовать для России. М.: Фонд «ИСЭПИ исследовательская группа Terra America», 2013.
6. Морозов О.А. Продвижение интересов компании в органах государственной власти: учебно-практическое пособие // ВШТЭ СПбГУПТД. СПб., 2017.
7. Перегудов С.П., Уткин А.И., Костяев С.С. Лоббизм российского бизнеса в США и ЕС: эволюция и перспективы. М.: ИСКРАН, 2009.

YU.K. VOLKONSKY

*Candidate of law, associate professor,
department of Russian and foreign
literature and mass communications, faculty
of philology, Bryansk State University
named after academician I.G. Petrovsky,
Bryansk, Russia*

HISTORICAL TRENDS IN THE FORMATION OF LOBBYING IN THE USA IN THE XX CENTURY

As a special element of the political system, lobbyism began to establish itself abroad in the first half of the 19th century. The practice of lobbying is most actively developed in the United States in the 20th century, and at present it accompanies politics in any state, acquiring the status of a global political phenomenon. However, not every country has created conditions for civilized lobbying activities. We are talking about the legal regulation of lobbying. This work, firstly, examines the historical prerequisites for the increasing significance of this phenomenon in the United States of America, and secondly, traces the chronology of the development of legislative regulation of lobbying in the United

States in the XX century. The studied historical experience of legitimizing American lobbyism shows that the influence of interest groups on the objects of lobbying (government bodies) can occur without the use of corruption mechanisms.

Key words: *history of lobbying, lobbying, interest groups, the state, politics, law, political system, society, economy.*

ФОРМИРОВАНИЕ «ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ» КАК ПРИОРИТЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

В данной статье рассматривается такая форма, как «гражданская нация» и ее становление в современной России. Она и сегодня вызывает много споров и разность взглядов к своей содержательной конструкции и перспективности. Также автор в идеале видит, что «гражданская нация» может стать приоритетом в формировании политической культуры демократического типа. Таким образом, автор пришел к следующему выводу: «гражданская нация» определяется не только общими политическими институтами, но и в большей степени сознательной сопричастности подданных к жизни государства с позиции своей гражданственности, чьи интересы не могут не быть сопричастны к другим гражданам, что в совокупности объединяет каждого гражданина. В заключение можно сказать, что основным источником «гражданской нации» является само общество, и оно же строит политическую культуру государства.

Ключевые слова: *«гражданская нация», политическая культура, идентичность, государство, общество, гражданин, демократия, этнос, традиция.*

Россия исторически сложилась как многонациональное государство, какой она является и сегодня. Определение национального статуса всегда представлялось одним из важнейших вопросов государственного преобразования, конструкция которого переживала разные стадии своего становления, непосредственно связанная со временем и механизмом власти.

На сегодняшний день существует понятие «новой» России – так многие ее называют после распада СССР, связывая это, очевидно, с развитием в ней демократии и либерально-правовой системы, что впервые формируется в ее многовековой истории, которая, бесспорно, богата как великими событиями, так и большим опытом взаимодействия между многоэтническим обществом и государством. Следует отметить, что национальный вопрос

всегда остается актуальным в любом государстве вследствие меняющейся самой жизни и ее требований. Также и современная Россия в данный момент в этой проблемной тематике пытается построить свой правильный и продуктивный механизм, который будет способен не только вызвать стимул у общества, но и создаст для него благоприятный климат в понимании и сознании необходимости сплочения всех этносов страны в единую многонациональную гражданскую общность государств, целью которой видится утверждение незыблемости закона и расширении политической и правовой культуры.

В своей статье В.В. Путин «Россия: национальный вопрос» характеризует Россию, как страну, которая веками развивалась как многонациональное государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивание народов на семейном, на дружеском, на служебном уровнях [6]. Эта статья стала символом для нового вдохновения в становлении прочного единства многонационально народа с упором на развитие всех его жизненных аспектов во благо каждого и на основе этой задачи построить гражданскую идентичность, «гражданскую нацию». Между тем, и в настоящее время не утихают споры среди ученых и политиков по поводу нациостроительства в современной России и научно-теоретического осмысления «гражданской нации».

Вопрос о «гражданской нации» в России был поставлен еще в середине 1990-х гг., как пишет В. Тишков: «Эта формула была позитивно воспринята многими интеллектуалами и политиками как единственно возможная для России и как полностью отвечающая существующему в мире опыту крупных многоэтничных государств» [7]. Однако у этой идеи тогда было много противников, и она не имела успеха. Сейчас, невзирая на имеющиеся продолжительные полемики вокруг ситуационной обстановки внутри общества, оно явно изменилась, стало более свободным и толерантным, и применение «гражданской нации» стало шире находить свое смысловое представление. Преамбула профессора В. Ю. Зорина «Слово «россиянин» не исключает нашу этническую принадлежность» [2] равнозначна «гражданской нации». Таким образом, под «гражданской нацией» следует понимать единство гражданских прав равное пользование всеми благами, сознание принадлежности к единому для всех государству. При этом не менее важным является сохранение и развитие культурных и традиционных ценностей всех народов страны, что непременно является ее силой и гордостью.

В современном мире национальная политика определяется Конституцией государства, федеральными законами, доктринальными документами и так далее, содержания которых, по сути, имеют признаки поставленных властью целей и, неизбежно, воли и согласия общества, учитывая его интересы в зависимости от политического режима. Как полагает автор и, возможно, многие другие, рассматривающие эту тему, «гражданская нация» по сво-

ему определенному свойству не может возникнуть по какому-либо закону или указу, она предполагает зародиться как мироощущение внутри человека, гражданина; это чувство самосознания единства общего плеча, братства, о котором писали и говорили в СССР. Но это отдельная большая тема.

В данном случае однозначна и точка зрения ученых Чеченской Республики, которая заключается в том, что гражданская нация не конструируется искусственно, либо – естественно-исторический процесс, политически управляемый государством, реализовывающим свои важнейшие функции, в том числе и контрольные. Невозможно этого добиться без сохранения этнических, религиозных ценностей. Для осуществления цели необходим взаимоприемлемый механизм выработки конкретной системы становления и развития нации. Конкретно, что сам этот процесс должен быть сопряжен с основательным достижением этнической идентичности, а затем – направлен на формирование общероссийской идентичности, как ключевого компонента становления и развития каждой этнической группы, нации в России [1].

Перспектива «гражданской нации» представляется приоритетом в формировании гражданского общества, демократических принципов, правовой и политической культуры. Ощущение единства консолидирует граждан в реализации общих интересов, активизирует их участие в политической жизни страны, что не может не стать фундаментом политической культуры демократического типа. Политическую культуру как базис освоения человеком и обществом политических идей, концепций, взглядов, программ, можно представить одним из главных механизмов в продвижении других социально-общественных аспектов, гражданского общества, правовой культуры. Таким образом, выстраивается определенная структурная система, которая в идеале должна соответствовать требованиям общества и государственной власти и сделать их ближе.

Следует признать, что и сегодня в России, не исключая сделанный шаг в этом направлении, остаются серьезные препятствия на пути к «гражданской нации». Прежде всего, это связано с экономическими и социальными проблемами внутри страны, которые обострились в связи с пандемией COVID-19. Также наблюдается большой раскол внутри общества между богатыми и бедными, разность интересов и взглядов.

Аналитики «гражданской нации» в России и на Западе Э.А. Паин и С.Ю. Федюнин пишут о том, что Россия, где политическая нация не сложилась все в большой мере «впадает в историческое детство». Российская элита мысленно погружается то ли в эпоху классических империй и «политики канонерок», то ли в эпоху сталинской империи с ее агрессивным подавлением инакомыслия, тогда как население самоустраивается от гражданской активности, уклоняется от взаимодействия с государством. В то же время Европа все чаще опьяняется «грезами постмодернистского будущего» – без нации, без границ, без социального контроля. Разумеется, «до-

национальная» Россия значительно отличается от кажущихся «постнациональными» стран Западной Европы, которые и сами немало различаются между собой [3. С. 172].

Очевидно, не в укор Западным странам, Россия имеет свою непохожую и неподражаемую историю, генезис которой имеет свои отличительные формы и своим зарождением и становлением в качестве многоэтнического государства – и сегодня она как абсолютно суверенная страна имеет свои позиции и решения. Важность имеет и то, что необходимо подчеркнуть, что современное российское общество в большей степени составляют образованные люди, личности, ориентируемые в современном мире и имеющие свои взгляды на его тенденции развития. У многих россиян имеются свои собственные взгляды на мировую тенденциозную глобализацию и в большой степени они за ограничительные ее масштабы в интересах сохранения отеческой культуры и его традиционных ценностей.

В данное время Россия, как и другие государства, находится на этапе продолжительной борьбы с пандемией коронавируса, где изначально не обошлось и без скептиков, но наибольшая часть ее граждан отнеслись к этой ситуации с долей ответственности и строго относились к исполнительному режиму. Многие из них вызвались стать волонтерами, оказывать помощь особо нуждающимся. Эти примеры подтверждают, что общую беду можно победить благодаря сплочению и гражданскому самосознанию, что принято называть в политологии идентичностью, о чем в своем послании говорил В. В. Путин: «Для решения задач, которые сегодня стоят перед нашей страной, необходима солидарность людей, чувства сопричастности к судьбе Отечества, то, что принято называть общероссийской идентичностью, гражданским самосознанием. Человек может принадлежать к той или иной этнической группе, но страна у нас всех – одна большая Россия» [4]. Вместе с убеждением, что консолидация – это шаг к победе над общей бедой, она также требует своего постоянства и укрепления в дальнейшей жизни страны, а не только в момент ее необходимости ее призыва.

Допустимо и такое предположение, что не каждый гражданин России имеет четкое представление о «гражданской нации» или готов потратить время на ее теоретическое познание, определенно, отталкиваясь от слова «нация» и понимая его как свое отношение к той или иной этнической группе. Но в то же время это не может помешать его взглядам и позициям, которые могут отвечать элементам национальной общности и гражданской идентичности.

В настоящее время существуют продолжительные споры по поводу «гражданской нации» о том, к примеру, что она не представляет этническое образование, что оно не может этого представлять в принципе как явление подсознательное, а не биологическое, и тому подтверждение ее конкретное определение и четкое понимание. Как видит автор, «гражданская нация» –

это сознательная сопричастность подданных к жизни государства с позиции своей гражданственности, мотивы которой могут быть разными, например, политическими, социальными, правовыми, гражданскими, чьи интересы не могут не быть сопричастны к другим гражданам, что в совокупности объединяет каждого гражданина, за исключением единичных случаев с их полным равнодушием. Из этого следует вывод о том, что «гражданская нация» – это моделированная конструкция, формирующаяся благодаря человеческому сознанию, имеющая как защитные, так и охранительные механизмы государственного и гражданского обустройства либерально-правового характера.

Модель «гражданской нации» рассматривают и с той точки зрения, что она близка имперской России, и структурности СССР. В царской России при свойственном механизме монархической власти и господстве православия и русской культуры, следует признать, что не ущемлялись как таковые традиции и религии других народов в интересах самого государства. Главная цель имперского обустройства заключалась в признании власти русского царя. Это государственное единение, очевидно, носило имперский характер, но со своими политическими и социальными нюансами вследствие построения дружеского территориального бытия в отличие от других империй.

СССР представлялся государством-братством, что было не пустым звуком – страной, пережившей и победившей страшную войну, и, конечно, национальному гражданскому единству большую силу давала советская идеология, которая имела свои ценности, одной из которых является патриотизм. О нем в последнее время говорят и современной России, в том числе и президент В.В. Путин, который заявил, что национальна идея России – в патриотизме, но он должен быть не «квасным», а направленным на развитие страны. При этом нужно не только оглядываться на героическое прошлое, но и смотреть в будущее. Также он подчеркнул, что «мы непобедимы, когда мы вместе» [5].

Патриотизм – это внутренне чувство, выражается через любовь к Родине, ее культуре, но, как и форма «гражданской нации», его нельзя насильно или искусственно навязать. Он может только зародиться с молоком матери, окружением, жизнью. Тем не менее, это не исключает его широкую трансляцию через систему воспитания и образования. Патриотизм можно назвать фундаментальной силой в формировании «гражданской нации». Сама же «гражданская нация» может стать приоритетом развития политической культуры страны.

Таким образом, вполне можно согласиться со многими исследователями, что национальная идентичность для своего утверждения имеет много механизмов и каналов. Как пишет В. Тишков – «через обеспечение гражданского равноправия системы воспитания и образования, государственный язык,

символы и календарь, культурное и масс-медийное производство», и далее он отмечает, что «после переустройства основ экономики и политической системы Российская Федерация нуждается в обновлении доктринально-идеологической солидарности и национальной идентичности» [7].

Сегодня в современной России остаются актуальными социальные экономические проблемы, кардинальная решаемость которых зависит от властных структур. Вопрос «гражданской нации» остается открытым и обсуждаемым. И, тем не менее, следует отметить, что в этом направлении есть точки сближения, которые заключаются в сознании граждан России, которые в последние годы стали более активно участвовать в политической жизни страны и понимают, что единство – это путь к победе. Как бы это не звучало парадоксально – необходима усиленная трансляция отечественной культуры, традиционных ценностей, в особенности – в направлении подрастающего поколения. Из этого следует, что основным источником становления «гражданской нации» является само общество, и оно же формирует политическую культуру страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Акаев В., Дадуев М., Газиев В.* Формирование гражданской нации в России – процесс естественно-исторический // <https://www.grozny-inform.ru/news/express/101963/>.
2. *Зорин В.Ю.* «Слово «россиянин» не исключает нашу этническую принадлежность» // <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/vladimiro-m-zorinim-23246.html>.
3. *Паин Э.А., Федюнин С.Ю.* Проблемы гражданской нации в России и на Западе: общее и особенное // Политическая концептология. 2018. № 1.
4. *Путин В.В.* Об укреплении общероссийской гражданской идентичности / https://www.1tv.ru/news/2021-03-30/404016-ob_ukreplenii_obscherossiyskoy_grazhdanskoy_identichnosti_govoril_prezident_na_sovete_po_mezhnatsionalnym_otnosheniyam/.
5. *Путин В.В.* Помнить все // <https://rg.ru/2020/05/11/vladimir-putin-rasskazal-o-svoem-ponimanii-nacionalnoj-idei-rossii.html>.
6. Статья Путина В.В. «Россия: национальный вопрос» // <https://www.putin-itogi.ru/2012/01/23/statya-v-v-putina-rossiya-nacionalnyj-vopros/>.
7. *Тишков В.* Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения // http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_rossisko.html.

N.S. SABIROVA

*Candidate of political sciences Moscow
State Regional University
Mytishchi, Moscow Region, Russia*

FORMATION OF A “CIVIL NATION” AS A PRIORITY OF RUSSIA’S POLITICAL CULTURE

This article examines such a form as the “civil nation” and its formation in modern Russia. Even today, it causes a lot of controversy and a difference of views on its content design and prospects. Also, the author ideally sees that the “civil nation” can become a priority in the formation of a political culture of a democratic type. Thus, the author came to the following conclusion: “a civil nation” is defined not only by common political institutions, but also to a greater extent by the consciousness of the participation of subjects in the life of the state from the position of their citizenship, whose interests cannot but be involved in other citizens, which collectively unites each citizen. In conclusion, we can say that the main source of the “civil nation” is the society itself, and it also builds the political culture of the state.

Key words: *“civil nation”, political culture, identity, state, society, citizen, democracy, ethnos, tradition.*

DOI 10.35775/PSI.2021.69.5.011

УДК 32

А.А. НИКОЛЕНКО

*кандидат политических наук,
доцент кафедры международных
отношений и права Владивостокского
государственного университета экономики
и сервиса, Россия, г. Владивосток*

Е.А. ШЕВЧЕНКО

*студент направления международных
отношений кафедры международных
отношений и права Владивостокского
государственного университета
экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток*

АНАЛИЗ ВОЗМОЖНЫХ СЦЕНАРИЕВ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО РОССИИ

Статья заявляет важную тему к исследованию, актуальность прогнозирования относительно геополитического будущего страны, а также геополитических сценариев, осуществляемых в данный момент времени, затрагивает большой комплекс явлений от экономических до культурных. Необходимо проанализировать реализацию потенциально возможных схем развития в реальности, в условиях современной международной обстановки. Также важной темы политической повести дня становятся процессы глобализации и деглобализации, приводящие к развитию конфликтного потенциала, что и делает необходимость изучения геополитических стратегий более пристально.

Ключевые слова: *русская локальная цивилизация, цивилизационный подход, общественный процесс, власть, особенности политического процесса, специфика политической власти.*

В современном мире сложно игнорировать и отрицать ключевую роль Российской Федерации на мировой арене. Во многом это связано с тем, что эта страна обладает огромным потенциалом и ресурсной базой, самобытной культурой и историей, а также значительным влиянием на миропорядок. Россия участвует во многих международных, глобальных и региональных организациях, имеет право «вето» в Совете безопасности ООН, а также заслуженное уважение и доверие со стороны многих международных акторов и партнеров. Все это позволяет ей занимать значительное положение на геополитическом поле.

Однако в мире, для которого процесс глобализации стал фундаментальной основой, сложно предсказать дальнейшую роль страны на мировой арене, так как перемены случаются повсеместно и в быстром темпе. Изменения, которые влечет за собой глобализация, затрагивают не только будущее РФ, но и будущее всех стран-участниц мирового сообщества. Из-за вышеупомянутого процесса смена правящей партии или введение тарифов на импорт или экспорт в одном государстве могут иметь значительные последствия для других стран, которые будут выражаться, в частности, в смене внешнеполитического курса или политической стратегии.

В отличие от географического положения государств, которое в наше время не часто подвергается изменениям, геополитическое положение может меняться достаточно быстро, так как оно зависит не только от географии, но и от экономики, демографии, социума, внутренней, а также внешней политики, которая, во многом, определяет влияние той или иной страны на других акторов международных отношений или международного сообщества. Все вышеперечисленное склонно стремительно меняться, тем самым открывая новые варианты развития геополитического будущего страны, которое сложно предугадать. Российская Федерация, по мнению авторов, является одной из стран, определить корректный вариант будущего которой достаточно сложно, так как оно зависит от множества факторов, связанных не только с самой страной, но и с политикой других акторов. Именно поэтому для того, чтобы определить геополитическое будущее России необходимо для начала проанализировать геополитические реалии страны.

У российских геополитических реалий существует ряд особенностей, первой из которых является территория государства и ее размер, а именно те возможности и риски, которые могут быть у России из-за ее географического положения. Географически Российская Федерация присутствует на западе и востоке, севере и юге. Территория предоставляет возможность внешней политике РФ носить глобальный характер. Эта глобальность должна выражаться в пристальном внимании к военным и политическим процессам как в регионах в общем (Америка, Европа, Азия), так и в более близких по географическому положению соседних странах [4].

Сейчас важное значение в геополитике РФ имеет Ближний Восток, где сохраняется нестабильная военная и политическая ситуации. Еще одной точкой напряжения является Закавказье из-за недавнего территориального конфликта Азербайджана и Армении, который перерос в войну. Можно утверждать, что практически все страны, находящиеся на территории бывшего СССР, находятся в политическом кризисе. Примерами таких стран, кроме вышеперечисленных, являются Беларусь, Киргизия и другие. Некоторые исследователи утверждают, что на границах Российской Федерации формируется так называемая «ось нестабильности», которая также должна получать

особое внимание российских властей. Это станет хорошей возможностью для Российской Федерации проявить себя как медиатора политических кризисов в соседних странах, что в свою очередь позволит занять еще больше влияния у зарубежных политических элит. Нахождение новых союзников, а также поддержание отношений со старыми могут позитивно повлиять на развитие России. Геополитические реалии страны таковы, что только тесное партнерство и общий политической курс соседей Российской Федерации дадут возможность в борьбе за свои ценности, а также в проведении своего независимого политического курса. Территория России позволяет граничить с такими странами как Китай, Монголия, Казахстан. С этими государствами России выгодно иметь партнерские отношения, которые в будущем дадут мощный толчок в развитии ее экономики, что также является положительной возможностью для страны. Также реализованные возможности могут повлиять на геополитическое будущее России, стремительно поменяв его в лучшую сторону.

Не отходя от вопроса территории, важно отметить, что отчасти из-за географического положения существуют угрозы безопасности РФ. Угрозы можно выделить на всех направлениях: Запад – Восток, Север – Юг. Как уже было упомянуто выше, такими угрозами является сформировавшаяся вокруг России «ось нестабильности», куда входят Беларусь, Киргизия, Армения, Азербайджан, Украина и так далее. С недавних пор КНДР стала активно проводить военные учения, а также угрожать применением ядерного оружия. Россия находится в непосредственной близости с КНДР, что также является опасным фактором для безопасности РФ. Другими угрозами является внешнеполитический курс стран, входящих в коллективный Запад, которые напрямую оказывают влияние на экономическую и информационную безопасность России. Например, страны Прибалтики, такие как Латвия, Литва и так далее, позволяют НАТО расширять свою зону влияния и размещать на своих территориях оружие, которое направлено с их слов на защиту от агрессии Российской Федерации.

Другой особенностью геополитических реалий России является наследие Советского Союза. Конец 20 века для России стал серьезным временем на проверку прочности. Дефолт, гиперинфляция, спад в экономике и производстве, обеднение населения – с этими и другими проблемами Российской Федерации пришлось столкнуться на пороге 21 века. После распада СССР геополитическое положение России значительно ухудшилось, так как сократилось влияние страны в мире по всем вопросам. Для определения последствий распада СССР и оценки современного геополитического положения России необходимо перечислить негативные и положительные факторы распада Советского Союза.

К негативным факторам можно отнести то, что:

– Россия потеряла четверть территорий СССР;

- Россия потеряла часть важных портов, которые обеспечивали национальную безопасность государства;
- на границах России появились так называемые «горячие точки»;
- сразу после распада Советского Союза Россия начала переживать серьезный экономический кризис. Два дефолта, потрясших страну в начале 90-х годов привели к тому, что сбережения у большинства граждан навсегда пропали, а экономика государства оказалась в критическом положении;
- распад СССР позволил странам Европы, США и ряду азиатских государств усилить свою мощь и увеличить свое присутствие на мировом пространстве.

Но можно выделить и ряд положительных факторов:

- на территории РФ осталась самая богатая ресурсная база стран СССР;
- Россия сохранила огромные территории;
- в стране осталась мощная армия и научные силы.

Следующей особенностью геополитических реалий России является внешнеполитический курс страны, который строится на задаче построения многополярного мира. В новом миропорядке Россия, как и другие крупные государства, планирует стать одним из его полюсов. Позицией РФ уже долгое время является то, что вся власть и влияние в мире не должны принадлежать одному государству или коалиции государств. Это аргументировано тем, что многополярный мир позволит избежать военных действий, серьезных экономических противостояний и других негативных черт современного однополярного мира, где полюсом является США и ее союзники.

Именно из-за политики, направленной на построение многополярного мира РФ состоит в ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) – субрегиональной международной организации взаимной защиты, основанной в 2001 году лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. Также РФ состоит в БРИКС – группе из пяти стран: Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики. Все страны-участницы данных организаций являются сторонниками позиций России о многополярном мире и хотят занять одну из главенствующих позиции в новом миропорядке.

Как одну из геополитических реалий можно выделить отношения с гегемоном на современной международной арене, которым, как указывалось выше, является США. Одним из аспектов отношений между двумя государствами является «дипломатическая война», начавшаяся в 2016. По решению администрации президента США Барака Обамы США выслали из страны группу из 35 российских дипломатов и членов их семей, а также закрыли доступ к двум жилым комплексам – так называемым загородным дачам постпредства России в Нью-Йорке и посольства России в Вашингтоне, которые являются российской дипломатической собственностью.

Это стало началом череды обоюдных санкций, когда власти США потребовали закрыть ряд российских дипломатических объектов, в частности, Генеральное консульство России в Сан-Франциско. В свою очередь российская сторона предложила США сократить персонал американских дипломатических миссий в России на 755 человек – до 455 сотрудников, что сопоставимо с количеством российских дипломатов в США.

Эта война продолжается и в настоящее время. Так, 23 апреля 2021 года российские власти уведомили о запрете нанимать на работу в дипмиссии США иностранных граждан. Ранее президент России Владимир Путин подписал указ, который ограничивает возможности найма на работу граждан страны в дипмиссии «недружественных государств». После этого посольство США в Москве объявило, что с 12 мая сократит до минимума оказание консульских услуг. Так, будет прекращена выдача туристических и деловых виз, не связанных с дипломатическими мероприятиями, однако глобальные последствия этой дипломатической войны нам еще предстоит увидеть в ближайшем будущем.

На геополитику государства также влияет и экономическая сфера, поэтому для более тщательного анализа геополитических реалий, в которых находится Россия, необходимо выделить факторы и угрозы экономической безопасности страны. Как факторы можно выделить такие особенности, как:

1. После распада СССР Российское государство уже не ставит задачу расширения геополитической зоны влияния преимущественно военно-политическими средствами. Исчезла необходимость поддерживать военный паритет с остальным миром, что принципиально изменило требования к экономике, вытекающие из задач обеспечения военной (внешней) безопасности. Резко сократилась ресурсная и иная нагрузка на экономику.

2. Одновременно с этим Россия стала более однородна по любому измерению по сравнению с СССР, что существенно ограничило ее возможности ресурсного маневра.

3. На мировом рынке очевидных свободных ниш для России не видно, а для успешного завоевания места в старых у российской экономики нет серьезных конкурентных преимуществ. Она фактически не обладает ни одним ресурсом, ни одной отраслью, которые были бы стратегически значимы для мировой экономики – даже в сырьевой сфере. Редкое исключение – российский газ и нефть, да и то не на мировом, а лишь на европейском рынке [1. С. 22-25].

В свою очередь угрозами экономической безопасности России являются:

Во-первых, существует опасность формирования такой модели экономического развития, которая опирается, главным образом, на экспорт сырья (нефть, газ, лес). Как это видно сейчас эффективный сырьевой сектор, торгующий импортным товаром и обслуживающий сопутствующих финансовых потоков не могут занять десятки миллионов людей. Более того, подобная

экономика почти не создает высококачественных рабочих мест, то есть таких, где должны работать образованные и высококвалифицированные специалисты.

Во-вторых, бесперебойное функционирование магистральной энергетической и транспортной инфраструктуры может стать еще одной угрозой для экономики РФ. Россия громадна по территории, а большая ее часть еще и находится на севере, который характеризуется холодным климатом. Ни рынку, ни силовым ведомствам без объединения усилий невозможно предотвратить губительные последствия массовых отключений электроэнергии, аварий на нефтепроводах, железных дорогах или резкого падения добычи газа [2].

В-третьих, в топливно-энергетическом комплексе действуют нефтяные компании, обеспечивающие горючими материалами сельское хозяйство независимо от его реальной платежеспособности. Тем самым они поддерживают социально-политическую стабильность в стране, ибо отсутствие горючих материалов для посевной и уборочной кампаний даже при избытке продовольствия способно привести к политическому взрыву непредсказуемой силы.

В-четвертых, техногенные катастрофы являются тем, что может оказать довольно сильное негативное влияние на экономику, а также на экологию страны. Проблема техногенных катастроф в России очень острая, потому что в стране сохранилось большое число особо опасных объектов, построенных в советское время. Они существуют, прежде всего, в Вооруженных силах (атомные подводные лодки и точки их базирования, места складирования отработанных атомных реакторов и ядерных отходов, районы хранения и уничтожения химического оружия) и в высокотехнологичных отраслях промышленности (атомные электростанции, предприятия ядерного топливного цикла, некоторые объекты химической и аэрокосмической промышленности).

Оценив геополитические реалии современной России, можно выделить несколько вариантов геополитического будущего страны.

Первым является жесткая глобализация. Для РФ первый сценарий является пессимистическим. В нем США и Европейский союз продолжают сближаться, проводя единую политику в отношении иностранных государств. В этом сценарии у России и других государств не получится построить многополярный мир, так как США и Евросоюз в своих руках сконцентрируют большую часть высокотехнологического производства и будут извлекать из этого прибыль, что означает однополярность мирового порядка. Другим государствам будет отведена второстепенная роль [3]. Данные страны будут снабжать США и европейские государства необходимыми ресурсами, на своих территориях размещать вредное производство, давать дешевую рабочую силу. Если такой сценарий осуществится, то с большой вероятностью коалиция США и Европы будет проводить совместную политику против РФ и Китая. Те ограничения на применение военной силы,

которые существуют сейчас, с большой вероятностью перестанут действовать. Тогда США смогут обеспечивать свои интересы на международной арене в полной мере. Россия в первое время сможет держать свои позиции, но если политика коалиции будет жесткой и бескомпромиссной, то РФ уйдет на второй план. Худшее, что может произойти – территориальный распад России вплоть до полного исчезновения государства.

Вторым сценарием также является жесткая глобализация, однако он является относительно позитивным сценарием для РФ. В данном случае этот вариант геополитического будущего наполовину повторяет описанный выше. Во время того пока США и Европа проводят совместную бескомпромиссную политику, РФ и Китай сближаются. Из-за этого мир становится биполярным. Два могущественных блока противостоят друг другу. Вероятно, Китай и РФ будут обладать более мощной армией, а Европа и США высокотехнологическим производством. Именно эти страны будут делить мир на сферы влияния, сконцентрируют в своих руках капитал, ресурсы.

Третьим сценарием является умеренная глобализация. Данный вариант является позитивным для Российской Федерации. В этом варианте Азиатско-Тихоокеанский регион становится центром мира, здесь будет сконцентрирован весь мировой капитал. Находясь в одном регионе, «Четыре азиатских тигра» (Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань), Китай, Индия и Россия образуют мощный мировой экономический центр [5]. Европейские и американские санкции уже в наше время подтолкнули Россию к повороту на восток, поэтому бурный рост азиатских экономик позволит на равных конкурировать со странами Европы и США. Индия и Китай входят в ШОС и в БРИКС, благодаря чему Россия принимает непосредственное участие в азиатских делах, реализуя совместные проекты. Так как город Владивосток играет важную роль для России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и ежегодно принимает гостей из различных стран в рамках Восточного экономического форума, есть основная полгать, что в будущем по самым смелым предположениям Владивосток станет столицей РФ. Тогда отношения между азиатскими странами и Россией станут более близкими, дружественными, партнерскими.

Четвертым вариантом является сценарий «Хаос». Однако здесь необходимо рассмотреть два сценария. При одном из них в будущем начнется усиление террористической деятельности: разрушение предприятий промышленности, в особенности ядерной и химической, получение доступа к производству оружия массового уничтожения и так далее. Терроризм возрастет до таких масштабов, что будет разрушать страны изнутри, серьезно подрывать экономику государств. Будет создано одно большое террористическое государство или много мелких, которые будут враждовать между собой, уничтожая при этом мирное население. Ни одна страна в мире не защищена от терроризма, в том числе и Россия. Однако, данный сценарий маловероятен, так как Российская Федерация обладает мощным военным

потенциалом, а также грамотно построенной политикой внутренней безопасности. Также необходимо добавить, что Российская Федерация активно борется с мировым терроризмом, участвуя в локальных конфликтах, всегда выступая на стороне легитимной власти. Однако это не означает, что террористические организации не смогут увеличить свое влияние, что коснется всех акторов на международной арене.

Второй сценарий, входящий в четвертый вариант, связан с природными аномалиями. «Парниковый эффект», космическая катастрофа, череда крупных извержений вулканов или землетрясений сильно изменят не только геополитику, но и жизнь всех людей. Поэтому про геополитическое будущее России при таком сценарии говорить нецелесообразно.

В заключении необходимо выделить то, что пессимистические сценарии, которые были описаны выше, конечно, имеют шанс произойти в будущем, но этот шанс крайне низок. В настоящее время политическая власть в Российской Федерации имеет огромную силу и влияние на мир. Россия, как уже было упомянуто выше, участвует в решение всех важных мировых проблем и имеет право вето. Это означает, что иностранные государства в любом случае будут прислушиваться к мнению России по тем или иным вопросам.

Еще одной причиной маловероятности пессимистических сценариев является то, что Российская Федерация проводит независимую геополитику, отстаивая свои интересы на мировой арене. Однако в ближайшем будущем Россия должна заняться геоэкономикой, связать свои рынки с рынками быстро развивающихся азиатских стран, стать не мостом, а связующим звеном Азии и Европы. Если Россия окажется в центре глобальных рыночных процессов, это даст объективный импульс центростремительным тенденциям в СНГ и превратит его в реальное содружество. Тогда все постсоветское пространство и в самом деле станет Евразией. В этом и состоит экономическая миссия России – завершить начатый много веков назад процесс освоения евразийских просторов, сделать «срединную землю» глобальной осью развития мирового рынка. Наконец, это позволит России осуществить ее глобальную миссию – замкнуть Северное Кольцо (Европа – Россия – Япония – Северная Америка). Тем самым Россия может внести решающий вклад в создание единого пространства развитых демократических стран, разделяющих ответственность за мировое развитие и мировую безопасность. Однако, как будет развиваться геополитическое будущее России и сможет ли страна еще сильнее укрепить свое влияние в мире, посредством вклада в создание многополярного миропорядка – покажет время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Арчаков В.Ю., Макаров О.С.* Информационные технологии гибридных войн // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2017. № 4 (40).

2. Дисэн Г. Общевразийский дом и консервативная политэкономия // Россия в глобальной политике Т. 19. № 3 (109). 2021.

3. Кременюк В.А. Система взаимодействия между Россией и США // Россия и США в XXI веке. 2014. № 3.

4. Указ Президента Российской Федерации от 05 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации».

5. Шмаков Р.В. К вопросу о «наднациональности» права Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10 (89).

A.A. NIKOLENKO

*Graduate Institute of law and
administration of the Vladivostok
State University of Economics
and service, Vladivostok, Russia*

YE.A. SHEVCHENKO

*International Relations Student,
Department of International Relations
and Law, Vladivostok State University of
Economics and service, Vladivostok, Russia*

ANALYSIS OF POSSIBLE SCENARIOS OF RUSSIA'S GEOPOLITICAL FUTURE

The article states an important topic for research, the relevance of forecasting the geopolitical future of the country, as well as the geopolitical scenarios implemented at a given time, affects a large complex of phenomena from economic to cultural. The need to analyze the implementation of potentially possible development schemes in reality, in the current international situation. The processes of globalization and deglobalization, which lead to the development of conflict potential, also become an important topic on the political agenda, which makes it necessary to study geopolitical strategies more closely.

Key words: *Russian local civilization, civilizational approach, social process, power, features of the political process, specifics of political power.*

ВЛИЯНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ НА ПРОГРАММНЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ (КОНЕЦ 1990-Х ГОДОВ)

Статья посвящена анализу изменений установок политических партий России вследствие увеличения террористической угрозы в конце 1990-х годов. Она основывается на стенографических отчетах Государственной думы, брошюрах и программах политических партий, а также материалах СМИ. Актуальность исследования обуславливается необходимостью разработки в современное время эффективных методов борьбы с угрозой нового типа, начало которой в России относится как раз на конце 1990-х годов. В статье автор приходит к выводу, что в конце 1990-х гг. партии еще не пришли к единому мнению по поводу решения чеченского вопроса и эффективных методов борьбы с терроризмом.

Ключевые слова: чеченский кризис, политические партии, контртеррористическая операция, Григорий Явлинский, Владимир Жириновский, сепаратизм, внутривнутриполитический процесс.

В 1990-х годах российская общественность столкнулась, помимо серьезных экономических проблем и внутривнутриполитических конфликтов, с новой угрозой – распространением терроризма на территории Российской Федерации. Эта явление было, во многом, следствием чеченского кризиса, начало которого пришлось на 1994-1996 гг., когда для восстановления законности и порядка в конце 1994 года были введены федеральные войска на территорию Чеченской республики. В ходе войны не раз чеченские сепаратисты прибегали к террористическим методам, приведшим к гибели населения (теракт в Буденновске, теракт в Кизляре и т.д.). В 1996 году были подписаны Хасавюртовские соглашения, прекращавшие боевые действия между федеральной и чеченской стороной, однако это не привело к прекращению распространения терроризма на территории страны. Наоборот, российский политолог Д.С. Полянский считает, что соглашения привели к распространению терроризма и экстремизма в стране, очаг которых находился

в Чечне [8. С. 21]. Хасавюртовские соглашения отложили статус Чеченской республики на 2001 год, а количество террористических актов с 1996 года по 2001 год только возросло, что привело к началу контртеррористической операции уже в 1999 году. Безусловно российская политическая общественность не могла остаться в стороне в связи с этими событиями.

В августе 1999 года началось вторжение чеченских боевиков на территорию Дагестана, что фактически является началом второй чеченской войны, а 4-16 сентября 1999 года произошли террористические акты в трех городах России. В Москве, Волгодонске и Буйнакске произошли взрывы домов, в результате которых погибло 307 человек и ранеными оказались 1700 человек. По данным следствия, эти ужасные теракты были организованы и профинансированы лидерами незаконного вооруженного формирования Исламский институт «Кавказ» Эмиром аль-Хаттабом и Абу Умаром [9]. Хаттаб же был тесно связан с террористом Усамой бен Ладеном, руководителем запрещенной организации «Аль-Каида» [1].

Надо отметить, что до середины-конца 1990-х годов политические партии особо не обсуждали и тем более не включали в свои программы тему о возросшей террористической угрозе, однако в связи с эскалацией терроризма в стране российские политические партии пытались выдвинуть свои способы решения данного вопроса. Важно понимать, что еще в годы первой чеченской войны лидеры многих политических партий высказывались против действий Президента РФ Б.Н. Ельцина, который самовольно санкционировал ввод войск в Чечню, тем самым, спровоцировав действия чеченских сепаратистов. Так, 16 июня 1995 года ЦК КПРФ приняло постановление «О событиях в Буденновске», осудив «варварскую террористическую акцию, имеющую антирусскую и античеченскую направленность» [4. С. 198-199]. В этом же заявлении партия обращает внимание на то, что с самого начала она настаивала на том, что «не существует чисто силового решения чеченской проблемы» [4] и федеральное правительство не способно обеспечить безопасность в сложившихся условиях на территориях, непосредственно примыкающих к военным действиям. В связи с этим партия выступила с критикой самовольных действий Президента РФ, не считавшегося с мнением Государственной Думы. В дальнейшем, тема террористической угрозы и в принципе тема Чечни поднималась в выступлениях Г.А. Зюганова не так часто. Если лидер партии КПРФ и говорил о Чечне, то только об истории этой войны, о причинах конфликта, о ходе событий, не выдвигая никаких конструктивных предложений по выходу из кризиса [5]. Если говорить о террористических актах, совершенных чеченскими террористами, то Г.А. Зюганов вообще не употребляет таких выражений как «террористический акт» или «терроризм». Надо отметить, что, высказываясь по поводу Чеченской войны и событиями, связанными с этим конфликтом, Г.А. Зюганов демонстрирует свое отношение к политике Прези-

дента. В 1999 году на пленарном заседании ГД ФС РФ он сказал, что все это следствие «рукотворного предприятия», развязанного непосредственно Б.Н. Ельциным и его ближайшим окружением для того, чтобы «парализовать этот гигантский регион, где между Каспием и Черным морем живут 20 миллионов человек, где проходят основные энергокоммуникации» [11]. 15 мая Ельцину был выдвинут импичмент и одной из претензий, выдвинутых Президенту РФ был конфликт в Чечне. КПРФ выступала за поддержку импичмента. Члены партии признавали весь ужас, происходивший в годы первой чеченской войны, но как говорил член партии КПРФ В.И. Никитин, ввод войск только ухудшил ситуацию, к 1999 году Чеченская республика не только не признавала себя субъектом Российской Федерации, но и у власти оказался еще более криминальный режим, чем дудаевский, таким образом, обвиняя Президента РФ во всем случившемся и в последствиях [10]. Как считал сам Г.А. Зюганов, на протяжении всех этапов чеченской драмы, действия исполнительной власти были не только не направлены на погашения этого конфликта, но всячески способствовали его разжиганию [5]. Таким образом, деятельность КПРФ была направлена, в основном, на критику соперника Г.А. Зюганова на президентских выборах 1996 г. Б.Н. Ельцина, однако, в действительности, никаких методов по прекращению эскалации террористической угрозы и решению чеченского вопроса ни партия, ни их лидер не предлагали.

Другая партия – ЛДПР во главе со своим лидером В.В. Жириновским, наоборот, поддержала Б.Н. Ельцина. В.В. Жириновский считал, что если и говорить о начале конфликта с Чечней, то необходимо вести его с 1990 года: «Так вот, если взять эпизоды Чеченской войны, давайте начнем с 1990 года. Кто дал право тому руководству Чеченской республики провозгласить независимость? Ноябрь 1990 года. Ельцина у власти? Нет никакого Ельцина! Есть Советский Союз!» [11]. Таким образом, в противовес КПРФ, лидер ЛДПР В.В. Жириновский не поддержал «чеченский пункт» тогда, когда Ельцину был выдвинут импичмент. После терактов в Москве, Волгодонске и Буйнакске В.В. Жириновский потребовал полного уничтожения экстремистов. Лидер партии призвал остальных депутатов поддержать Правительство и продемонстрировать мировому сообществу, что в России на этот счет существует единая позиция всего политического руководства страны: чеченская проблема – исключительно внутреннее дело России, Чечня – в составе России, антитеррористическая операция будет завершена, переговоров с боевиками не начинать, порядок будет наведен [12]. В действительности, мировая общественность негативно отзывалась о силовых действиях федеральных войск в Чечне, тогда терроризм не представлял собой мировой угрозы, из европейских стран Россия была первой страной, столкнувшейся с такой угрозой, поэтому единая позиция всех политических сил в России могла вызвать поддержку со стороны международного сообщества, разоб-

ценность же могла сковывать действия исполнительной власти, что, в свою очередь, могло привести к еще большим жертвам. Ответственность за затягивание конфликта в Чечне и «разгул» чеченских террористов лидер партии накладывает на СМИ, которые и делают то, что необходимо террористам – постоянно упоминают о проблемном регионе, что является рекламой для боевиков и психологическим давлением на граждан России» [12]. Необходимо понимать, что террористам очень важен общественный резонанс, поэтому нельзя не согласиться с мнением В.В. Жириновского в том, что СМИ муслировали происходящие события, удовлетворяя тем самым спрос террористов на необходимый резонанс.

Говоря о партии «ЯБЛоко», надо сказать, что, если в годы первой чеченской войны они крайне критически, в отличие от ЛДПР, высказывались о действиях федеральных войск в Чечне, то в 1999 году, когда началась контртеррористическая операция, они поддержали действия российской вооруженных сил в Чечне. В заявлении Сергея Митрохина говорится, что, по их мнению, военные с честью выполняют поставленные перед ними задачу [6]. В заявлении Митрохина приводится ультиматум Масхадову, который был предложен Г. Явлинским: потребовать от Масхадова выдать террористов Басаева, Хоттаба и других российским властям без всяких предварительных условий; выслать за пределы Чечни всех иностранных наемников и расформировать вооруженные формирования террористов [6]. В данном случае, как и в годы первой чеченской войны, члены партии «ЯБЛоко» хотели использовать не только военные, но и политические методы, дабы в будущем, в случае отказа Масхадова, «никто уже не смог обвинить Россию в том, что она не пыталась решить проблему политическими методами» [6]. Таким образом, в 1999 году «ЯБЛоко» подчеркивает, что ни в коем случае не выступает за прекращение военных действий, направленных на полное уничтожение террористов. Члены партии ЯБЛоко поднимают тему сохранения жизни как можно большего количества мирного населения и, что боевые действия должны быть совершены с минимальными жертвами. Несмотря на такую позицию члена партии и ультиматум, предложенный Явлинским, в 1999 году Валерий Борщев – член партии «ЯБЛоко» выпустил брошюру «ЯБЛоко за права человека!», в которой он осуждает действия российских войск как в первую, так и во вторую чеченскую войну. Он говорит, что позиция их партии по чеченскому вопросу основана на тех же принципах приоритета ценности человеческих жизней. «Война до победного конца» невозможна, военные действия принесут российским семьям лишь тысячи новых солдатских гробов [2]. В противовес заявлению С. Митрохина, в данной брошюре говорится, что «ЯБЛоко» настаивает на политическом решении вопроса, на переговорной основе, с ультимативными требованиями выдачи всех террористов либо депортации их из страны и освобождения всех заложников, что является уже делом политиков [2]. Причиной таких

заявлений является негодование политика по поводу неумелых действий армии, которые ведут к массовой гибели мирного населения. Он подчеркивает, что «терроризм – страшное зло XX века, террористы – вне морали, они подлежат самому суровому наказанию... но нельзя же за жизнь злодея платить десятками-сотнями жизнями наших людей» [2]. Таким образом, можно заметить, что единства в партии по поводу методов борьбы с террористами на 1999 год в партии не существовало. Одни члены партии подчеркивали важность человеческих жизней, однако выступали за проведение боевых действий, другие же, как и в годы первой чеченской войны, стремились свести все к переговорам. Лидер партии – Г.Я. Явлинский, как пишет А.Л. Кобринский, проблеме чеченского конфликта после 1996 года уделял не очень значительное внимание, считая одним из главных вопросов в разрешении сложившейся ситуации принципиальную смену политики Правительства в отношении Чечни и ужесточение контроля за использованием материальных средств, направляемых в регион [5. С. 406]. В основном, он настаивал на укреплении законодательной базы, которая должна была обезопасить Россию от поступления оружия, наркотиков и проникновения бандформирований на ее территорию [5]. Можно заметить, что автор брошюры воспринимает террористическую угрозу чисто как следствие чеченского конфликта, считая, что это является следствием военных действий, проводимых на территории республики. По его мнению, политические методы могли бы уменьшить угрозу, однако надо помнить, что Хасавюртовские соглашения, подписанные в 1996 году, откладывали статус Чечни до 2001 года, но террористические действия были и после, а с большой силой возобновились уже в 1999 году, что уже не могло исключить действия федеральных войск.

В противовес такой позиции «ЯБЛока» партия «Наш дом – Россия» по вопросу ситуации на Северном Кавказе считала, что Чечня является неотъемлемой частью территории Российской Федерации, на которой должны действовать федеральные законы [14. С. 5]. Партия подчеркивает, что «Чечня фактически превратилась в плацдарм международного терроризма, контролируемого бандформирования» [14]. Лидеры партии не считают рост терроризма следствием чеченского кризиса, скорее наоборот, чеченский кризис является следствием того, что «мирное население Чечни стало заложником бандитов». В связи с этим, НДР выразило свою полную поддержку жестких мер правительства В.В. Путина по наведению конституционного порядка в Чечне, подавлению терроризма.

Так же, в 1999 году избирательный блок «Межрегиональное движение «Единство» (Медведь)», главой которого являлся С.К. Шойгу, выпустило свои тезисы, в которых отчетливо прослеживается позиция членов блока по поводу ситуации в Чечне. «Единство» считает, что проблему необходимо решать и силовыми, и политическими методами, при этом обеспечив максим-

мальную заботу детям, женщинам, стариками, которые стали невольными заложниками этой войны [13. С. 140]. По мнению членов блока, властям Чечни должно быть предъявлено требование, согласно которому, сначала необходимо выдать властям террористов, освободить заложников, полностью разоружить бандформирования [13]. Только после выполнения этих требований возможны какие-либо переговоры о политическом устройстве и будущем статусе Чечни в составе России. Таким образом, без каких-либо разногласий блок предложил конкретные действия по поводу борьбы с терроризмом и возможным дальнейшим разрешением чеченского кризиса.

Блок «Отечество – вся Россия» в сентябре высказали свое мнение по поводу взрывов домов в Москве, Буйнакске и Волгодонске, а также по поводу террористической агрессии в Дагестане. Лидеры блока считают, что эти события выявили всю глубину переживаемого обществом кризиса, который заключается в слабости гарантий безопасности граждан, нерешенности проблемы противодействия сепаратизму, неспособности предложить реалистическую и понятную населению политику на Кавказе, а также в пренебрежении жизненно важными вопросами обеспечения безопасности территории и населения Российской Федерации [3. С. 127]. В своей брошюре лидеры блока заявили, что часть ответственности за эти деяния несут околокремлевские олигархи и политиканствующие генералы [3. С. 128]. В связи с этим они считают необходимым укрепить руководство силовых ведомств и обеспечить четкую координацию их деятельности; принять чрезвычайный бюджет для силовых ведомств; создать потенциал быстрого реагирования, который должен быть готов и к активным противодействиям, и к превентивным действиям против боевиков; полностью исключить возможности отправки в районы боевых действий неподготовленных военнослужащих; создать на местах антитеррористические центры; начать ускоренное создание зоны безопасности вокруг Чечни; осуществить оперативный порядок интернирования лиц, не имеющих документов для установления их личности; обеспечить выезд из России всех лиц, не имеющих законно оформленных документов для проживания здесь; объявить об отмене паспортов бывшего СССР [3. С. 128]. Члены блока считают, что эти принципиально жесткие требования непременно дадут результат. Они подчеркивают, что террористы не имеют ни национальности, ни религии [3. С. 129], возможно, стараясь не вызывать какой-либо национальной или религиозной неприязни. Таким образом, избирательный блок «Отечество – вся Россия» среди остальных политических сил, подготовил наиболее организованную и четкую программу, которая содержала в себе четкие действия, направленные именно на борьбу с терроризмом.

Надо сказать, что остальные политические организации уделяли мало внимания данному вопросу. На парламентских выборах 1999 года, помимо вышеперечисленных партий, в свою программу пункт о необходимости

борьбы с терроризмом включило общероссийское политическое движение «В поддержку армии»: «террористы, в том числе и иностранные, должны уничтожаться любыми средствами, независимо от их числа и местонахождения» [7]. Говоря о Чеченской республике, члены движения заявляли, что пока эта территория является угрозой безопасности народам России, по отношению к ней должен применяться весь комплекс мер по ее изоляции, а именно: закрытие наземных и воздушных границ, экономические санкции, вплоть до отключения электроэнергии и отказа от перекачки нефти через ее территорию; жесткий контроль и запрет деятельности на территории России коммерческих структур, возглавляемых чеченскими представителями и обеспечивающих эту республику финансами; представители чеченской национальности, оказывающие какое-либо содействие бандитам и террористам, должны быть привлечены к уголовной ответственности или депортированы в Чеченскую республику [7].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сказать, что тема эскалации терроризма в заявлениях и документах политических партий часто являлась следствием чеченского конфликта. Такой позиции придерживались «ЯБЛоко» и «КПРФ». Члены этих партий считали, что необходимы политические методы решения подобных конфликтов. ЛДПР, ОВР, НДР же считали, что с терроризмом надо бороться силовыми методами и никаких переговоров с террористами не вести. Единства по этому вопросу тогда не существовало, возможно потому, что тогда терроризм еще не перерос в действительно угрозу мирового масштаба. Не все политические партии предлагали действительно конкретные методы борьбы с терроризмом. ЛДПР и КПРФ не включали в свои программы способы пресечения этой угрозы. Некоторые лидеры, например, Г.А. Зюганов, использовали чеченский кризис и эскалацию терроризма, возможно, только как критику своих оппонентов, ограничиваясь историческими сводками конфликта. Блок «Единство» и движение «НДР» подходили к решению проблемы более серьезно, смотря на чеченский конфликт не только как на региональную проблему, но и учитывали рост терроризма в те времена, предлагая, в первую очередь, разобраться с этой проблемой и только потом, приступить к решению вопроса со статусом Чечни.

В целом, среди политических партий России не было единого мнения на счет того, как власти следует реагировать на чеченскую проблему и, в частности, на проблематику терроризма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Автор «Корпорации террора» отвечает на ваши вопросы от 2004 г. // http://news.bbc.co.uk/hi/russian/talking_point/newsid_3683000/3683650.stm.

2. *Борщев В.* Яблоко за права человека. 1999 г. // <https://www.yabloko.ru/Publ/Broshures/rights-borshev.html#5>.

3. Заявление координационного совета избирательного блока «Отечество – вся Россия» (сентябрь 1999 г.) // Политические партии и движения России. Документы и материалы. Том 3: от однопартийной системы к многопартийности (1985-1999 гг.), книга вторая.

4. Заявление Президиума ЦК и фракции КПРФ в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации «О событиях в г. Буденновске» от 16.06.1995 г. // Политические партии и движения России. Документы и материалы. Том 3: от однопартийной системы к многопартийности (1985-1999 гг.), книга вторая.

5. *Кобринский А.Л.* Лидеры ЛДПР, КПРФ и ЯБЛока в Государственной Думе 1995-1999 гг. по материалам стенограмм пленарных заседаний Государственной Думы. М.: Издательство Московского Университета, 2003.

6. *Митрохин С.* Уничтожить террористов с минимальными потерями – в этом смысл предложений «Яблока» от 11.11.1999 г. // <https://www.yabloko.ru/Themes/Chechnja/chech-46.html>.

7. Парламентские выборы в России: год 1999. Избирательные объединения и блоки, их лидеры и программные документы, результаты выборов. М.: НОУ МЭЛИ, 2000.

8. *Полянский Д.С.* Терроризм как политическое явление в современной России: автореферат канд. полит. наук. Ставрополь, 2006.

9. Приговор Московского городского суда от 12 января 2004 года по делу Юсуфа Крымшамхалова и Адама Деккушева // <http://terror1999.narod.ru/sud/delokd/prigovor.html>.

10. Стенограмма заседания ГД ФС РФ от 14 мая 1999 г. // <http://transcript.duma.gov.ru/node/2369/>.

11. Стенограмма пленарного заседания ГД ФС РФ от 15 мая 1999 г.

12. Стенограмма пленарного заседания ГД ФС РФ от 17 ноября 1999 г.

13. Тезисы платформы избирательного блока «Межрегиональное движение «Единство» (Медведь)» // Политические партии и движения России. Документы и материалы. Том 3: от однопартийной системы к многопартийности (1985-1999 гг.), книга вторая.

14. 25 вопросов. 25 ответов: НДР – «Наш дом – Россия». М., 1999.

D.M. HUSEINOVA

*Postgraduate student of the Faculty of
History of the Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia*

THE TERRORIST THREAT IMPACT ON THE PROGRAMS AND TACTICAL ATTITUDES OF POLITICAL PARTIES IN RUSSIA (LATE 1990S)

The article analyses changes in the attitudes of political parties in Russia as a result of the increase in the terrorist threat in the late 1990s. It is based on the State Duma verbatim reports, brochures and programs of political parties, as well as media materials. The relevance of the research is determined by the need to develop effective methods of combating a new type of threat in modern times, the beginning of which in Russia dates back to the late 1990s. In the article, the author comes to the conclusion that at the end of the 1990s, the parties had not yet come to a common opinion regarding the solution of the Chechen issue and effective methods of combating terrorism.

Key words: *chechen crisis, political parties, counter-terrorist operation, Grigory Yavlinsky, Vladimir Zhirinovskiy, separatism, internal political process.*

ОБРАЗ РОССИИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА БЕЛОРУССКОЙ ОППОЗИЦИИ (2019-2020 гг.)

В статье проанализирован образ России, который формировали крупнейшие социальные медиа белорусской оппозиции в мессенджере Telegram с декабря 2019 по август 2020 гг. Особое внимание уделено Telegram-каналу NEXTA, взявшему на себя роль координатора протестов в Республике Беларусь после объявления итогов президентских выборов 9 августа 2020 г. Результаты исследования свидетельствуют о том, что восприятие России оппозиционными белорусскими социальными медиа менялось на протяжении рассматриваемого периода. В конце 2019 г., выступая против углубления интеграции, они представляли Россию в качестве отсталого и агрессивного государства. Однако в ходе избирательной кампании и с началом антиправительственных акций в августе 2020 г. восприятие России частично улучшилось в надежде на помощь оппозиции или нейтралитет.

Ключевые слова: Беларусь, Белоруссия, Лукашенко, протесты в Беларуси, Telegram, Россия, Восточная Европа.

Протесты лета-осени 2020 г. в Республике Беларусь существенно отличаются от масштабных акций протеста, которые проходили в постсоветской республике ранее, в марте 2006 и декабре 2010 гг. Главной отличительной чертой стало резко возросшее влияние социальных медиа на ход событий, в особенности крупных Telegram-каналов. Об этом говорят, как представители власти, так и оппозиции.

В авторском комментарии на портале главного государственного информагентства Беларуси БЕЛТА помощник президента РБ В. Бельский отмечает, что развитие высокоскоростного интернета и информационных технологий, помимо позитивных изменений в жизни человечества, имеет побочный эффект – «риск деструктивной мобилизации масс в режиме реального времени». Эксперт прямо называет белорусские протесты «телеграм-революцией» по аналогии с «твиттер-революциями» ближнего и дальнего зарубежья («Евромайдан», «Арабская весна» и др.) [2]. Такое же определение

событий в Беларуси приводит диаметрально противоположное по своей идеологической ориентации СМИ – «Радио Свобода», называя «голосом» этой революции Telegram-канал С. Путило NEXTA [4].

В рамках данной статьи мы рассмотрим, какой образ России формировали крупнейшие Telegram-каналы белорусской оппозиции (NEXTA, NEXTA Live, «Беларусь головного мозга», «Чай з малиновым варэннем», «Мая краіна Беларусь») в период с декабря 2019 по август 2020 гг. – от митингов против углубления интеграции в рамках Союзного государства до наиболее масштабных акций протеста после президентских выборов. Более детально будет рассмотрен канал NEXTA как ключевой актер в белорусском политическом кризисе 2020 г.

Прежде всего, следует дать краткую характеристику вышеупомянутым социальным медиа. Все они появились в 2017-2018 гг. (NEXTA Live как запасная площадка основного канала – в феврале 2019 г.) и к концу 2019 г. уже оказывали весомое информационное влияние на наиболее политически активную часть общества – молодых горожан с высоким образовательным уровнем. Именно эта категория граждан РБ, если верить немецким социологам, впоследствии сформировала костяк уличной оппозиции [8. С. 7].

Число подписчиков пяти самых популярных в Беларуси Telegram-каналов планомерно росло на протяжении всей избирательной кампании 2020 года. Из-за несогласия значительной части общества с итогами президентской гонки в стране начались массовые акции протеста. Власти попытались максимально ограничить медийную поддержку оппозиции: 9-12 августа 2020 г. блокировался Интернет, возникли проблемы с доступом к ряду популярных оппозиционных интернет-СМИ [7]. Эти шаги спровоцировали взрывной рост интереса к общественно-политическим каналам антиправительственной направленности в мессенджере Telegram.

Таким образом, чуть более чем за 8 месяцев их аудитория увеличилась многократно. Координировавший протесты канал NEXTA Live вырос в 35 раз (при этом стоит также учитывать, что отчасти эти показатели обеспечены русскоязычной аудиторией стран СНГ). Соответственно, выросло и влияние, которое данные медиа оказывают на белорусское общество, в том числе на восприятие белорусами образа России. И, несмотря на спад протестной активности к концу 2020 г., крупные Telegram-каналы продолжают во многом формировать общественное мнение, особенно в среде молодежи.

Анализируемый нами хронологический отрезок времени можно разделить на три отдельных периода, в течение которых образ России менялся и корректировался в зависимости от политической конъюнктуры.

Первый период – декабрь 2019 – май 2020 гг. Его главными событиями стали переговоры об углублении интеграции между Российской Федерации

**Рост числа подписчиков крупнейших оппозиционных Telegram-каналов
в декабре 2019 – августе 2020 г. (по данным портала tgstat.com)**

Telegram-канал	Число подписчиков на 8.12.2019 г.	Число подписчиков на 1.08.2020 г.	Число подписчиков на 31.08.2020 г.
NEXТА	187 445	365 124	746 751
NEXТА Live	61 470	317 402	2 141 458
«Беларусь головного мозга»	67 260	187 487	458 844
«Чай з малинавым варэннем»	27 621	50 388	190 382
«Мая краіна Беларусь»	18 541	95 755	235 755

ей и Республикой Беларусь в рамках Союзного государства, а также связанные с этим акции оппозиции.

Крупнейшие оппозиционные Telegram-каналы выступили резко против активизации объединительных процессов. 3 декабря 2019 г., «реагируя на слухи об усилении интеграции», NEXТА, «Беларусь головного мозга», «Чай з малинавым варэннем» и «Мая краіна Беларусь», вместе с рядом других каналов, заявили, что независимость РБ не является «предметом торга», подписание интеграционных дорожных карт неприемлемо, а углубление интеграции с РФ «вредит национальным интересам нашей страны» [12].

К 20-летию подписания Договора о создании Союзного государства NEXТА опубликовал видео с алармистским заголовком: «Беларуси не станет 9 декабря?» [1]. В ролике говорилось о неравноправности интеграции, «традиционных имперских амбициях России». Глава российского государства назывался «императором», зрителей запугивали превращением республики в российскую «колонию», приводя исторические примеры (Запорожская Сечь, Речь Посполитая, Финляндия, Грузия), которые якобы должны подтверждать то, что жить в одном государстве с Россией – очень плохо.

Последствия реализации Договора 8 декабря 1999 г. рисовались в мрачных тонах: усиление санкций со стороны Запада, крест на туризме и иностранных инвестициях, заморозка экономических связей с «цивилизованным миром», отсутствие какого-либо развития, обнищание, массовая эмиграция, этнопреступность, наплыв «гостей с Кавказа», отсутствие свободы слова, сроки за репосты, захват белорусских предприятий, земли и недр российскими олигархами и коррумпированными чиновниками и даже ухудшение экологической ситуации (белорусские города, по мнению редакции канала,

станут подобны Челябинску, Нижнему Тагилу и Уфе). Приводились и конкретные примеры, призванные убедить граждан РБ в бесперспективности объединения с РФ: белорусы больше не смогут оформить tax-free после покупки смартфона в Польше, молодые люди будут служить на китайской границе в тысячах километров от дома, а в Беларусь начнут приезжать цинковые гробы из Сирии, Донбасса и других горячих точек.

Примечательно, что негативными красками рисовались не только российская власть и политическая система РФ, но и русский народ. Для русских, в отличие от белорусов, по версии NEXTA, привычны мусор, хамство на дорогах и бардак.

В конце видеоролика России грозили партизанской войной в случае, если восточный сосед решит присоединить Беларусь силой.

Следующие пять месяцев российская тематика стала для крупнейшего белорусского Telegram-канала периферийной, уступив место социально-экономическим проблемам Беларуси и, в частности, началу пандемии коронавируса. Точно такая же картина наблюдается в остальных рассматриваемых нами социальных медиа.

Второй период – май – август 2020 г., время кампании по выборам президента Республики Беларусь и обострение риторики белорусских властей в отношении России. В эти месяцы крупнейшие социальные медиа Беларуси почти полностью фокусируют свое внимание на внутривнутриполитической борьбе. Однако полностью исключить Россию из информационной повестки не позволили власти РБ: в предвыборной кампании действующего президента «российский фактор» и защита независимости Беларуси от Кремля заняли едва ли не основную роль [3].

Невзирая на то, что противники Лукашенко однозначно стояли за независимость республики и крайне отрицательно оценивали Союзное государство, антироссийская риторика власти не нашла поддержки у оппозиционного Telegram-сообщества. Антироссийские послы были расценены как политическая уловка президента.

В ходе всей предвыборной гонки глава государства обвинял «оппозиционное трио» (В. Бабарико, В. Цепкало и С. Тихановская) в связях с Кремлем и крупным российским бизнесом. За несколько дней до выборов в интервью украинскому журналисту Д. Гордону Лукашенко заявил, что Бабарико и Цепкало имеют к Москве «абсолютное» отношение и «больше, чем финансируются» ею, а кампания Тихановской – проект их штабов [5]. NEXTA напротив оценивал трех упомянутых кандидатов как реальную оппозицию в отличие от других претендентов на пост президента – А. Дмитриева и «других явных спойлеров» (под ними, судя по всему, подразумевались С. Черечень и А. Канопацкая) [13]. Возбужденное против Бабарико уголовное дело по факту уклонения от налогов в особо крупном размере и легализации средств, полученных преступным путем, крупнейший белорусский

Telegram-канал назвал сфабрикованным [14]. Канал «Беларусь головного мозга» оценил арест Бабарико как проявление страха со стороны власти, которая якобы осознает свой «трехпроцентный рейтинг» [9].

29 июля 2020 г. белорусские силовики задержали 32 сотрудника ЧВК Вагнера. Лукашенко заявил, что эти люди были направлены в Беларусь с деструктивными целями и не без санкции со стороны Путина [6]. Тем не менее сеть оппозиционных социальных медиа восприняла официальную версию событий без какого-либо доверия («очевиднейшая манипуляция» [10], «веры [белорусским] властям безусловно нет» [15], «психоз пробил отметку ниже трех процентов» [11], канал «Чай з малинавым варэннем» несколько дней размещал у себя мемы, высмеивающие риторику Лукашенко на этот счет).

Избирательная кампания снизила градус русофобии в крупнейших белорусских Telegram-каналах, поскольку власть в качестве главного инструмента диффамации политических противников выбрала обвинение их в пророссийскости и подчиненности Москве.

Третий период можно отсчитывать с начала протестов 9 августа 2020 г. Фактически он продолжается до сих пор, но мы ограничимся лишь августом, когда проходили наиболее многочисленные антиправительственные демонстрации.

Хотя В. Путин поздравил А. Лукашенко с победой на выборах президента уже 10 августа, это не вызвало одномоментной отрицательной реакции оппозиционного сообщества. НЕХТА пытался представить ситуацию так, что с белорусским протестом солидаризируются простые люди во всех странах мира, не исключая и РФ [16], «народы России против войны и насилия, они с нами» [18].

15 августа С. Путило перепостил заметку политолога, автора самого посещаемого белорусского портала TUT.BY А. Шрайбмана «10 причин, почему не будет вторжения России» [17] (общий охват этого поста составил более 1,6 млн просмотров). В ней эксперт назвал «страшилкой» угрозы Лукашенко запросить военную помощь у России и ОДКБ, поскольку Москва, как правило, не спасает политические режимы войсками (а Устав ОДКБ предполагает лишь защиту от внешней агрессии), опасается новых санкций Запада и осознает, что большинство населения не хочет потери суверенитета. Кроме того, по мнению Шрайбмана, вооруженная интервенция не имеет для Кремля никакого смысла: протест не носит антироссийского характера, не ставит своей целью выход из ЕАЭС, отказ от внешнего долга перед РФ, вступление в ЕС. В аналогичных ситуациях в Армении и Киргизии Москва ориентировалась на победившую сторону. Подводя итог, политолог увещевал новую переходную власть не трогать «на эйфории» советских памятников, не лишать русский язык статуса государственного, не менять символику, тем более, что большинство белорусов не поддержит эти меры.

18 августа NEXTA разместил пост, в котором отверг все обвинения властей о том, что протестующие – «нацисты» и «бандеровцы». Редакция канала утверждала: «русофобской повестки в протестах нет», с акциями в Беларуси солидарно огромное число россиян, среди них и либеральные «хипстеры», и правые фанаты, и левые активисты – «тысячи самых обычных людей всех возможных наций и конфессий, живущих в Российской Федерации» [19]. Лукашенко выставлялся в роли обманщика, желающего при случае всадить России нож в спину [20]. Заявления Дмитрия Пескова, приветствующие отказ Координационного совета оппозиции от антироссийской риторики, были восприняты как готовность властей РФ начать диалог «новой законной властью Беларуси» [21].

Таким способом ресурс, фактически исполнявший роль руководителя протестов, пытался изолировать Лукашенко от российской поддержки, которая играла в этих событиях решающую роль, учитывая степень экономической зависимости Беларуси от России и военные возможности РФ. Политическая и экономическая помощь, оказанная Москвой Лукашенко в конце августа – сентябре 2020 г., продемонстрировала тщетность этих попыток и заставила белорусскую оппозицию корректировать свою риторику.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что образ России в крупнейших социальных медиа белорусской оппозиции с декабря 2019 по август 2020 гг. претерпевал существенные изменения. Во время протестов против углубления интеграции оппозиционные социальные медиа заняли резко антироссийскую позицию и представляли Россию в качестве отсталого и агрессивного государства. В ходе избирательной кампании весны-лета 2020 г. антироссийский накал спал на фоне обострения риторики официального Минска в отношении РФ. Telegram-сообщество отвергало обвинения Лукашенко, адресованные российскому руководству, о вмешательстве в дела РБ. После начала массовых акций протеста крупнейшие социальные медиа белорусской оппозиции предпринимали попытки изолировать Лукашенко от поддержки со стороны России, заверяли российскую аудиторию в том, что митинги не носят русофобского подтекста, а простые россияне поддерживают братский народ в борьбе с «диктатурой».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Беларуси не станет 9 декабря? // <https://www.youtube.com/watch?v=Ck-kT2rCd4Hg>.
2. *Бельский В.* Демократия должна быть эффективной. Что не так в уличных протестах // <https://www.belta.by/comments/view/demokratija-dolzha-byt-effektivnoj-chto-ne-tak-v-ulichnyh-protestah-7486/>.
3. *Еловик А.* Влияние «российского фактора» на президентские выборы в Белоруссии в 2020 г. // Свободная мысль. 2021. № 1 (1685).

4. Лукашенко не уважает людей. Как работает NEXTA – голос революции // <https://www.svoboda.org/a/30822836.htm.l>.

5. Лукашенко считает, что Россия поддерживает Бабарико и Цепкало // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9139811>.

6. Никогда с территории Беларуси в Украину не придут россияне. Полный текст интервью Лукашенко Гордону // <https://gordonua.com/publications/nikogda-s-territorii-belarusi-v-ukrainu-ne-privdut-rossijane-polnyj-tekst-intervju-lukashenko-gordonu-1512658.html>.

7. Цифровой железный занавес: почему в Белоруссии отключился интернет // <https://www.forbes.ru/tehnologii/406783-cifrovoy-zheleznyu-zanaves-rochemu-v-belorussii-otklyuchilsya-internet>.

8. *Douglas N., Elsner R., Krawatzek F., Langbein J., Sasse G.* Belarus at a crossroads: attitudes on social and political change // ZOIS Report. March 2021. № 3.

9. <https://t.me/belamova/5888>.

10. <https://t.me/belamova/7604>.

11. <https://t.me/mkbelarus/7120>.

12. https://t.me/nexta_tv/2655.

13. https://t.me/nexta_tv/3262.

14. https://t.me/nexta_tv/3273.

15. https://t.me/nexta_tv/3479.

16. https://t.me/nexta_live/8107.

17. https://t.me/nexta_live/8214.

18. https://t.me/nexta_live/8651.

19. https://t.me/nexta_live/8826.

20. https://t.me/nexta_live/8978.

21. https://t.me/nexta_live/9493.

A.A. ELOVIK

Postgraduate student, Faculty of History,

Moscow State University,

Moscow, Russia

THE IMAGE OF RUSSIA IN SOCIAL MEDIA OF THE BELARUSIAN OPPOSITION (2019-2020)

The article analyzes the image of Russia that was formed by the largest social media of the Belarusian opposition in the Telegram messenger from December 2019 to August 2020. Particular attention is paid to the Telegram channel NEXTA, which took on the role of coordinator of protests in the Republic of Belarus after the announcement of the results of the presidential elections on August 9, 2020. The results of the study indicate that the perception of Russia by

opposition Belarusian social media has changed over the period under review. At the end of 2019, opposing the deepening of integration, they presented Russia as a backward and aggressive state. However, during the election campaign and with the start of anti-government rallies in August 2020, perceptions of Russia partially improved in the hope of opposition assistance or neutrality.

Key words: *Belarus, Byelorussia, Lukashenko, protests in Belarus, Telegram, Russia, Eastern Europe.*

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В представленной статье автором анализируются технологии формирования имиджа Русской православной церкви. Рассматривается использование РПЦ как стандартных технологий формирования имиджа (создание веб-сайтов, позиционирование института в СМИ), так и задействование специфических имиджевых технологий, характерных для религиозных институтов (социальная реклама и инициация различных социальных проектов). Делаются выводы о специфике Русской православной церкви как политического актора.

Ключевые слова: имидж, имидж религиозной организации, PR-технологии, социальная реклама, русская православная церковь.

Современное благосостояние и популярность религиозных институтов во многом зависят от наличия и использования ими современных каналов и механизмов коммуникации. В связи с высокой потребностью популяризации Русская православная церковь (далее – РПЦ) все активнее стремится к поиску и применению эффективных инструментов своего продвижения, в том числе новых, таких как миссия и имидж.

Целью данной статьи является анализ технологий формирования имиджа РПЦ в европейском информационном пространстве.

Проблема имиджа анализируется сегодня разными науками. Различные ученые по-разному понимают явление имиджа. Например, если психологи рассматривают имидж как способ индивидуализации личности, то социологи и политологи описывают собирательный имидж социальных групп. Н.В. Быстрова [2. С. 320] понимает имидж как образное психологически обусловленное восприятие людьми организации, а также ее политики, культуры, инвестиционного потенциала и других ресурсов, которое формируется под влиянием каких-то определенных причин и факторов – объективных или субъективных. И.В. Алешина определяет данное явление с позиций системно-структурного подхода, понимая под имиджем совокупность со-

гласованных между собой определенных структурных элементов, которые, образуя систему, доносят до потенциального потребителя желаемый формируемый ими «образ» и конкретную идею об объекте. Целью формирования имиджа, как считает И.В. Алешиной [1], является увеличение лояльности целевой аудитории к объекту и формирование положительного образа данного объекта. Вопросы непосредственно имиджа церкви рассматривает З.Г. Большакова [3], анализируя периоды до образования СССР, советский и постсоветский период.

Обращает на себя внимание отсутствие анализа механизмов формирования имиджа церкви в России на современном этапе, и именно данному вопросу посвящено наше исследование.

Выбор определенной технологии формирования имиджа сопряжен с несколькими особенностями. Так, например, технология должна выбираться в соответствии с территорией проживания целевой аудитории, а также в соответствии с видением задач, которые необходимо выполнить при формировании имиджа социального института.

Традиционно выделяются следующие технологии формирования имиджа социальных и политических институтов:

- информационные кампании, имиджевая реклама;
- public relations (PR);
- технология лидера мнений;
- разработка сайта института (выполняющего такие основные функции как – информационная, коммуникационная, а также презентационная);
- создание собственных СМИ;
- технология работы с традиционными СМИ и др.;
- участие в различных мероприятиях;
- проведение рекламы.

Говоря о технологиях формирования имиджа социальных и политических институтов, следует непосредственно затронуть понятие рекламы. Реклама – это, прежде всего форма коммуникации, которая становится средством социально-психологического воздействия; то есть это один из тех коммуникативных механизмов, которые формируют ценностные ориентации в обществе.

Широкая общественность в лице отдельных физических лиц, а также и организаций, представляющих интересы определенного круга лиц, могут бороться и борются за этичность рекламы с использованием религиозных образов. Федеральная Антимонопольная Служба РФ [8], осуществляя меры по предупреждению и пресечению нарушений законодательства о рекламе в соответствии с Законом о рекламе. Здесь при доказательстве нарушений реклама снимается с эфира, а рекламодатель наказывается согласно Федеральному закону о рекламе РФ [9].

Так, церковь не проводит информационных кампаний и имиджевой рекламы, поскольку не считает себя коммерческим проектом. Однако церковь

активно использует современные достижения техники, чтобы презентовать себя в сети Интернет. Еще в докладе на Архиерейском Соборе 2013 г. Святейший Патриарх Кирилл особо подчеркнул необходимость развития миссионерской деятельности в Сети, заявив: «Миссия Церкви может и должна быть широко распространена в Интернет-пространстве. Блоги, социальные сети – все это дает новые возможности для христианского свидетельства. Не присутствовать там – значит расписаться в собственной беспомощности и нерадении о спасении собратьев».

У Русской православной церкви имеется свой сайт – Официальный сайт московского патриархата <http://www.patriarchia.ru/> [6], также Патриарх Кирилл имеет свои официальные страницы в социальных сетях «Инстаграм» и «Твиттер».

Активно используется Русской православной церковью инструмент религиозной рекламы. Религиозная реклама – это не реклама в обывательском понимании, направленная на повышение у массовой аудитории спроса на тот или иной товар. Религиозная реклама представляет собой особый вид социальной информации, исходящей от православных религиозных организаций, направленной на формирование, поддержание и корректировку моральных ценностей верующих людей, формирование позитивных жизненных установок, толерантности и снижение проявлений конфликтности, экстремизма, подверженности людей алкоголизму, наркомании, а также направленной на объединение людей для благотворительной помощи и сбора средств и т.п. Например, на сайте радиостанции «Вера» [3] есть рубрика «Дело дня» (благотворительная рубрика, в том числе социальные акции по сбору средств для больных людей и отчеты и пои сборам).

Также на радио «Вера» [4] есть программы, в которых производится социальная реклама: «Светлый вечер» - философская православная беседа ведущих и гостей радиостанции, гости передачи – священники, актеры, музыканты, общественные и культурные деятели, «Апостольские чтения» – толкование из новозаветного чтения, которое звучит в этот день в православных храмах, «Дело дня» – благотворительная передача, сбор средств на помощь нуждающимся, «Родники небесные» – вопросы о Боге, о вере и о жизни – живыми голосами и во фрагментах аудиокниг, «Семейный час» – беседа в студии с участием священника, в программе поднимаются духовные и нравственные темы, связанные с семейной жизнью и прочие программы.

Православная церковь активно участвует в реализации социальных проектов. За последнее десятилетие РПЦ реализовала 6 тысяч социальных проектов, выступив важным партнером государства в социальной сфере.

Ежегодно Русской православной церковью реализуется свыше 100 новых социальных проектов, в том числе 6-7 приютов для матерей с малолетними детьми, до 10 проектов помощи зависимым людям, десятки центров гуманитарной помощи. Церковь организовала более 400 проектов помощи

инвалидам, 95 приютов для бездомных и множество других, нередко уникальных для всей страны, социальных учреждений и инициатив. В общей сложности в церкви заняты около 8 000 социальных работников и несколько тысяч волонтеров.

Если говорить об официальной статистике, касающейся религиозной принадлежности граждан Российской Федерации, то полноценные данные отсутствуют. Обусловлено это тем, что информация об этом собирается исключительно при статистических и социологических опросах.

Поэтому, рассматривая наиболее распространенные религиозные группы, конфессии, объединения и организация в РФ, стоит опираться исключительно на определенную статистическую выборку опрошенных из различных по численности населенных пунктов (городов и деревень) в разных субъектах России.

Официальная статистика рассматривает РПЦ не как совокупность храмов, а как совокупность входящих в ее состав юридических лиц, которые зарегистрированы в статусе некоммерческих организаций. Таким религиозным НКО может быть как церковный приход какого-либо храма, так и церковная община, на балансе которой есть одно или несколько помещений для проведения богослужений. Ежегодно Росстат публикует данные о количестве религиозных организаций в России. Данные в статистическую службу передает Минюст, который ведет соответствующие реестры. Статистика разбита по разным конфессиям и типам религиозных организаций. В общей сложности в России зарегистрировано 30 896 религиозных организаций всех конфессий и всех типов на конец 2018 года. Преобладает в этом перечне Русская Православная церковь, у которой зарегистрировано 18 550 организаций, на втором месте – Ислам (5954 организации), на третьем месте организации христиан – пятидесятников – 1034 организации [7].

Подведем итог анализу технологий формирования имиджа РПЦ. Учитывая некоммерческий характер организации РПЦ, ею используются такие специфические технологии формирования имиджа как социальная реклама и социальные проекты, также у РПЦ, различных ее епархий есть свои сайты в сети Интернет. Для привлечения молодежной целевой аудитории Русская православная церковь использует такие ресурсы, как Твиттер и Инстаграм. Пресс-службы РПЦ взаимодействуют с различными СМИ, освещающими события в жизни РПЦ. Также церковь имеет и свои традиционные СМИ, например, журнал «Фома» [5], радио «Вера», различные газеты, выпускаемые епархиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алешина И.В.* Поведение потребителей. М.: Фаир-пресс, 2011.
2. *Быстрова Н.В.* Имидж организации как фактор повышения ее конкурентоспособности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 8-2.

3. Большакова З.Г. Взаимодействие Русской православной церкви и СМИ на региональном и федеральном уровне // Медиаскоп. 2011. № 4.

4. Вера. Светлое радио онлайн // Онлайн-портал радиостанции «Вера» // <https://radiovera.ru/>.

5. Православный журнал «Фома» // <https://foma.ru/>.

6. Портал Патриархия.ру // <http://www.patriarchia.ru/db/text/2770923.html>.

7. Статистика и показатели. Региональные и федеральные. Религиозные организации в России // <https://rosinfostat.ru/religioznye-organizatsii/>.

8. Федеральная Антимонопольная Служба РФ // <https://fas.gov.ru>.

9. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/.

T.M. BELYAKOVA

*Postgraduate student of the Faculty of State
Office of the Moscow State University
Lomonosov, Moscow, Russia*

TECHNOLOGIES OF THE IMAGE-MAKING OF THE MODERN RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

The author of the article analyzes the technologies of forming the image of the Russian Orthodox Church. The article deals with the use of the Russian Orthodox Church as standard image formation technologies (creation of websites, positioning of the institute in the media), and the use of specific image technologies characteristic of religious institutions (social advertising and the initiation of various social projects). Conclusions are drawn about the specifics of the Russian Orthodox Church as a political actor.

Key words: *image, image of a religious organization, PR-technologies, social advertising, the Russian Orthodox Church.*

DOI 10.35775/PSI.2021.69.5.015

УДК 32.321.6/8

А.Г. ЛАЗЕБНИК

аспирант кафедры истории и теории
политики факультета политологии

Московского государственного университета

им. М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Автор делает обзор и анализирует ценностный фактор трансформации политического режима. Ценности понимаются как убеждения, оказывающие влияние на выбор человека. Автор полагает, что такие институциональные изменения как трансформация политического режима должна соответствовать укорененным в обществе ценностям. Проведена операционализация понятия политический режим. Выделено шесть аспектов политического режима: участия граждан в развитии институтов власти; права и свободы личности; место и роль негосударственных структур; учет интересов меньшинства; политический плюрализм; механизмы привлечения к ответственности должностных лиц. Охарактеризовано как ценности влияют на каждый аспект. Описаны ценности, оказывающие влияние на политический режим. Определены ценности демократических и недемократических режимов. Участие в создании и развитии политических институтов соотносится с такой ценностью как участие в политике. Права и свободы будут соблюдаться, если в обществе распространена ценность честной игры. В политической системе могут существовать негосударственные структуры при условии наличия доверия. Такой аспект политического режима как учет интересов меньшинства возможен при наличии ценности терпимости. Плюрализм политической системы определяется наличием в обществе открытости новому. Должностные лица будут привлечены с большей вероятностью к ответственности, если в обществе распространен широкий радиус идентификации. Таким образом, демократическим режимам соответствует следующий набор ценностей: участие в политике, игра по правилам, доверие, терпимость, открытость новому, широкий радиус идентификации. Такие ценности как безразличие к политике, игра без правил, недоверие, нетерпимость, закрытость общества, узкий радиус идентификации, соответствуют недемократическим режимам.

Ключевые слова: культурный поворот, ценности, политическая культура, политические режимы, политическая трансформация, демократизация.

Постановка проблемы. Политическая трансформация это одна из базовых тем политологии и политической философии. Каковы причины трансформации, ее акторы, последствия, факторы и механизмы? В социальных науках разные точки зрения на этот вопрос.

Пытаясь ответить на поставленный вопрос в социальных науках, выдвигались различные гипотезы и теории: экономическое объяснение (С. Липсет [6]), институциональное объяснение (Д. Норд [8]), культурное объяснение (С. Хантингтон [12]) и ценностное объяснение (Р. Инглхарт [4]). Необходимо сказать, что культурное и ценностное объяснение являются частью культурной парадигмы исследования или «культурного поворота». Их взаимозависимость бесспорна, поэтому их изучение также неразделимо.

На наш взгляд освещение вопроса влияния ценностей на политическую трансформацию описан не в достаточной мере. Дается общий вектор влияния ценностей на политические режимы. Открытыми остаются следующие вопросы: во-первых, механизмы влияния ценностей на политические трансформации; во-вторых, нет конкретики в вопросе какие именно ценности оказывают влияние; и, в-третьих, на какие именно элементы политических режимов какие ценности оказывают влияние. В данной статье мы рассмотрим ряд аспектов третьего вопроса.

Ключевые дефиниции. Согласно Э. Гидденсу и Ф. Саттону культура – это «способ жизни, включающий знание, обычаи, нормы, законы и верования, которые характерны для отдельного общества или социальной группы» [3. С. 227]. Культура включает в себя все те элементы, которые усваиваются, то есть язык, ценности, социальные нормы, верования, обычаи и законы. Здесь ценности рассматриваются как неотъемлемая часть культуры.

Под ценностями же М. Рокич понимает «твердое убеждение в том, что определенный специфический способ поведения или целевое жизненное состояние являются предпочтительным – с личной или общественной точки зрения – противоположному или обратному способу поведения или целевому жизненному состоянию» [9. С. 111]. Ш. Шварц отмечает: «Ценности – это понятия или убеждения, которые относятся к желаемым конечным целям или поступкам, выходят за пределы конкретных ситуаций, управляют выбором или оценкой поведения и событий и упорядочены относительной важностью» [9. С. 112]. Данные определения рассматривают ценности как убеждения, представляющие для личности особое значение, являющиеся фактором выбора.

В исследованиях политических явлений ценности играют существенную, а в ряде случаев и определяющую роль в процессах политической трансформации. Эту позицию подтверждают исследователи Батанина И.А. и Бродовская Е.В. Они пишут: «Трансформация политической системы, формирование гражданского общества, становление субъекта политического участия, образующие ключевые проблемы демократических преобразований, сопряжены с изменениями в ценностной системе» [1. С. 110].

Политическая энциклопедия под трансформацией предлагает понимать качественное изменение политической формы и переходы между политическими режимами [7]. Мы солидаризируемся с данным пониманием и используем его в исследовании.

Операционализация понятия политический режим. Требуется рассмотрение дефиниции и элементов политического режима. Под политическим режимом многие ученые (М.Н. Марченко, В.В. Мамчун, В.С. Нерсесянц) понимают совокупность методов, приемов и средств, с помощью которых властные органы управляют обществом и обеспечивают стабильность политической организации [5]. На основании качественных признаков политического режима Медушевского А.Н. мы выделили шесть аспектов для характеристики режима:

- 1) уровень участия народа в создании и развитии различных институтов политической власти;
- 2) гарантированность прав и свобод личности;
- 3) место и роль негосударственных структур в политической системе общества;
- 4) учет интересов меньшинства при принятии политических решений;
- 5) меру политического плюрализма;
- 6) существование реальных механизмов привлечения к политической и государственной ответственности должностных лиц, включая самых высших [5].

Сопоставление ценностей и операциональных признаков политических режимов. Говоря, что ценности влияют на политический режим, остается не раскрытым момент, какие именно ценности на какие аспекты политического режима влияют.

На основе современных разработок исследования ценностей охарактеризуем, как и какие ценности влияют на аспекты политического режима (1) (Таблица 1):

1. «Уровень участия народа в создании и развитии различных институтов политической власти». Р. Инглхарт связывает изменение ценностей общества с модернизацией. В сущности, модернизация предполагает ряд взаимосвязанных процессов: индустриализация, урбанизация, распространение образования, переход к нуклеарной семье и др. Эти процессы меняют характер деятельности людей и создают новую модель поведения, соответствующую новым условиям. Экономически активные люди, получившие образование, живущие в городе, приобретая экзистенциальную безопасность, переходят на другой уровень пирамиды потребностей и нуждаются в *участи во власти*. В частности, Р. Инглхарт пишет: «...это меняет жизнь общества и политические институты, приводя к массовому участию в политике, и в долгосрочной перспективе увеличивает вероятность возникновения демократических институтов» [4. С. 165].

2. «Гарантированность прав и свобод». Права и свободы требуют законодательного оформления. Только моральные нормы не могут регулировать общество, требуется и правовой механизм, основанный на государственном принуждении. Но опыт показал, что закрепление в законе прав и свобод еще не гарантирует их исполнение. В культурах ряда обществ нет уважения к закону. Сложно воспитать уважение к закону, когда для многих он является средством достижения своих корыстных интересов. По своему смыслу закон должен защищать всех граждан. Когда будет уважение к закону как к универсальному регулятору общественных отношений, тогда и будут гарантированы права и свободы. Такую же точку зрения высказывает Л. Харрисон, говоря о честной игре: «демократия первоначально возникла и прижилась в тех странах, где укоренена ценность честной игры по правилам, имеющая центральное значение для англо-протестантской традиции» [11. С. 38]. Следование закону как *честной игре по правилам* создает стимулы, гарантирующие права и свободы.

3. «Место и роль негосударственных структур в политической системе общества». Государственная власть является воплощением иерархической структуры общества. Она необходима, когда высоки издержки ведения переговоров. «В обществах, где распространены ценности самовыражения, обычно более высокий уровень доверия и терпимости, больше ценится индивидуальная свобода и преобладают активистские политические установки» [4. С. 67] – отмечает Р. Инглхарт. Это благодатная почва для появления сети в противовес иерархии. Сетью являются негосударственные структуры, основанные на совместной деятельности людей. По определению Ф. Фукуямы: «сеть – это моральные взаимоотношения доверия» [10. С. 273]. Высокий уровень самовыражения, *доверия* и терпимости способствует деятельности негосударственных структур.

4. «Учет интересов меньшинства при принятии политических решений». Мало какое общество можно охарактеризовать как гомогенное. По целому ряду факторов общество дифференцируется на группы. Непременно будут возникать те или иные меньшинства. Но ключевым вопросом для характеристики политического режима будет вопрос отношения к этим меньшинствам. Р. Инглхарт утверждает: «ценности самовыражения подчеркивают гендерное равенство, толерантность по отношению к аут группам и гомосексуалам, свободу выражения и участие индивида в принятии решений в экономической и политической сфере» [4. С. 22]. То есть *терпимость* дает условие для открытого высказывания позиций для меньшинств, тем самым с большей вероятностью их мнение будет учтено.

5. «Мера политического плюрализма». Политический плюрализм, то есть признание разных точек зрения не может существовать без *открытости общества новому*. «Высокий уровень безопасности оставляет больше возможностей для индивидуальной свободы выбора и большей

открытости по отношению к представителям других групп и к новым идеям» [4. С. 22]. Закостенелость и закрытость общества, отрицание возможности изменений лишает плюрализм всякой почвы. Например, характеризуя ислам, Л. Харрисон пишет: «...Его доктрина порождает фатализм, абсолютизм и нетерпимость, которые в свою очередь питают авторитаризм» [11. С. 48].

6. «Существование реальных механизмов привлечения к политической и государственной ответственности должностных лиц, включая самых высших». Привлечение к ответственности должностных лиц сложная задача. Разобщенное общество неспособно к коллективным действиям. Слабость механизма коллективных действий в обществе предпосылка диктатуры [13]. Противостоять иерархии возможно лишь сплочением граждан. Условием такого сплочения является *радиус идентификации*. Ярким примером является дело журналиста Ивана Голунова. Именно кратно увеличившийся радиус идентификации, выраженный лозунгом «Я/МЫ Иван Голунов» [2] сделал возможными снятие обвинений. Было начато расследование деятельности должностных лиц. «Если человек идентифицирует себя с другими членами общества, то он с большей вероятностью будет добровольно платить налоги, участвовать в благотворительной и филантропической деятельности, сотрудничать с другими для достижения общих целей политического, экономического или социального характера» [11. С. 44] – пишет Л. Харрисон.

Таблица 1

Соотношение аспектов политического режима и ценностей

Аспект политического режима	Ценности, оказывающие влияние
1) уровень участия народа в создании и развитии различных институтов политической власти	участие в политике
2) гарантированность прав и свобод	честная игра/игра по правилам
3) место и роль негосударственных структур в политической системе общества	доверие
4) учет интересов меньшинства при принятии политических решений	терпимость
5) меру политического плюрализма	открытость новому
6) существование реальных механизмов привлечения к политической и государственной ответственности должностных лиц, включая самых высших	радиус идентификации

Выводы. Мы показали, как конкретные ценности оказывают влияние на отдельные аспекты политических режимов. В силу внутренней логики наличие или отсутствие тех или иных ценностей отражается в аспектах политического режима, а значит, оказывает влияние на режим в целом. Конкретизируя это положение, скажем, что такие ценности как участие в политике, игра по правилам, доверие, терпимость, открытость новому, широкий радиус идентификации характерны для демократического режима. А обратные ценности, такие как безразличие к политике, игра без правил, недоверие, нетерпимость, закрытость общества, узкий радиус идентификации черты недемократических режимов. Таким образом, трансформация политического режима напрямую связана с изменениями ценностей людей. Преобладание «демократических» ценностей формирует определенные мотивации и модели поведения, создающие демократию. Преобладание «недемократических ценностей», актуализируется иерархический способ создания порядка, включающий в себя систему приказов, централизованного распределения, отсутствие обратной связи и силовые методы.

Зарубежные и отечественные исследователи приходят к одним выводам. Культура играет значительную роль в становлении демократии. Возникновение ценностей доверия, терпимости, благосостояния и соучастия, кажутся особенно важным. Демократию невозможно учредить только с помощью институциональных перемен. Ее выживание в основном зависит от ценностных установок и убеждений простых граждан. Базовым механизмом, обеспечивающим воспроизводство демократического режима, выступает консенсус большинства в обществе по поводу соответствующих норм, ценностей и форм поведения. Ценности способны выполнять как роль катализатора, ускоряющего процессы политической трансформации, так и барьера, существенно замедляющего их. Ценности одновременно выступают как фактор и как результат политической трансформации.

Ценности не только абстрактно связаны с политическим режимом, но как было показано в нашей обзорной статье, оказывают влияние на аспекты (качественные признаки) политических режимов.

ПРИМЕЧАНИЕ:

(1) Для каждого аспекта политического режима определена одна ценность. Это сделано намеренно, соотносясь с целью статьи – продемонстрировать на какие аспекты политического режима ценности оказывают влияние. Охарактеризовать полный спектр ценностей, оказывающих влияние не является целью данной статьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Батанина И.А., Бродовская Е.В. Категории «Ценности» и «Ценностные ориентации» в дискурсе политологического сообщества: к истории вопроса // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 3.

2. Газета ВЕДОМОСТИ «Ведомости», «Коммерсантъ» и РБК впервые выйдут с одинаковой первой полосой // <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/06/09/803826-vedomosti-rbk-vpervie-viidut-pervoi-polosoi>.

3. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. ред. С. Гавриленко; Нац. иссл.-ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

4. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. Рональд Инглхарт; пер. с англ. С.Л. Лопатиной / под ред. М.А. Завадской, В.В. Косенко, А.А. Широкановой, научн. ред. Э.Д. Панарин. М.: Мысль, 2018.

5. Корниенко Т.А., Ярмонова Е.Н. Политический режим как функциональный аспект политической системы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № S 5 // <http://ekoncept.ru/2016/76048.htm>.

6. Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. М. Липсет; пер. с англ. Е. Г. Генделя, В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. М.: Мысль, 2016.

7. Национальная политическая энциклопедия // <https://politike.ru/termin/transformacija.html>.

8. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.

9. Селезнева А.В. Основные подходы к исследованию политических ценностей // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 3.

10. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. Под общ. ред. А.В. Александровой. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

11. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма / Лоуренс Харрисон; пер. с англ. Ю. Кузнецова. М.: Мысль, 2016.

12. Харрисон Л. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под. ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона (Lawrence Harrison, Samuel Huntington (eds.) Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York: Basic Books, 2000.). М.: Московская школа политических исследований, 2002.

13. Barzel Y.A. Theory of the State: Economic Rights, Legal Rights and the Scope of the State, mimeo, 1999.

A.G. LAZEBNIK

*Post-graduate student of the Department of
History and Theory of Politics,
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

VALUES AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF POLITICAL REGIMES

The author analyzes the value factor of the transformation of the political regime. Values are understood as beliefs that influence a person's choices. The author considers that such institutional changes as the transformation of the political regime should correspond to the values rooted in society. The concept of political regime has been operationalized. Six aspects of the political regime are highlighted: citizens' participation in the development of government institutions; individual rights and freedoms; the place and role of non-state structures; consideration of minority interests; political pluralism; mechanisms for holding officials accountable. It is described how values affect each aspect. The values that influence the political regime are described. The values of democratic and non-democratic regimes are defined. Participation in the creation and development of political institutions is related to the value of participation in politics. Rights and freedoms will be respected if the value of fair play is widespread in society. Non-State structures can exist in the political system, provided that there is trust. Such an aspect of a political regime as taking into account the interests of a minority is possible if there is a value of tolerance. The pluralism of the political system is determined by the presence of openness to the new in society. Officials are more likely to be held accountable if a wide identification radius is common in the community. Thus, the following set of values corresponds to democratic regimes: participation in politics, playing by the rules, trust, tolerance, openness to new things, a wide range of identification. Such values as indifference to politics, playing without rules, distrust, intolerance, closed society, a narrow radius of identification, correspond to undemocratic regimes.

Key words: *cultural turn, values, values, political culture, political regime political transformation, democratization.*

DOI 10.35775/PSI.2021.70.6.016

УДК 32.327

Н.А. ЗОЛОТАРЕВ

*аспирант кафедры политологии и
политического управления*

Института общественных наук

Российской академии народного

хозяйства и государственной службы

при Президенте РФ, Россия, г. Москва

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ВНЕШНИХ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В исследовании рассматриваются особенности процесса интеграции внешних мигрантов в государствах приема, а также особенности формирования государственной политики в данной сфере. Автор анализирует миграционные процессы в контексте экономических потребностей и демографических вызовов, с которыми сталкиваются в настоящее время государства приема внешних мигрантов. Отдельное внимание в статье уделено проблематике недостатка внимания со стороны институтов государственной власти к процессам интеграции внешних мигрантов, что приводит к росту конфликтного потенциала, радикализации и маргинализации мигрантов, роста идей правого популизма в принимающем обществе.

Ключевые слова: *миграция, миграционные процессы, интеграция мигрантов, политическая система, государство, идентичность.*

Сегодня одной из главных тенденция развития мирового сообщества является увеличение мобильности населения. С каждым годом все больше государств становятся участниками иммиграционных процессов. Это становится одним из главных аспектов развития политики регулирования иммиграционных потоков, а также мер по предоставлению убежища и охраны границ.

Все передвижения населения состоят из иммиграционных и эмиграционных потоков. Иммиграция (от лат. *Immigrare* – вселяться) – это въезд в страну граждан других государств с целью постоянного или временного проживания. Гражданин, совершивший иммиграцию, называется иммигрантом. Эмиграция (от лат. *Emigrare* – выселяться) – это переселение граждан за пределы своего государства, как правило, на длительный срок. Гражданин, который совершил эмиграцию, называется эмигрантом.

По данным информационного ресурса Международной организации миграции (МОМ) MIGRATION DATA PORTAL, количество международных мигрантов, в период с 1995 по 2019 гг. включительно, увеличилось более чем на 120 млн. чел. и составило порядка 271,6 млн. чел. [13].

В российской политической науке попытки унифицировать миграционные показатели предпринимались еще с 90-х годов XX века. Как пишет, В.А. Ионцев «примером служит то, что в Германии иммигрантами считаются лица, пересекающие границу с намерением устроиться в стране, в Японии – национальные граждане и иностранцы, приезжающие из-за границы, в США – иностранцы, допущенные на законных основаниях с целью постоянного проживания в стране, а в Российской Федерации – лица, приезжающие работать или учиться (за исключением обучения сроком менее 1,5 месяца), и лица, их сопровождающие» [5].

Современные исследователи классифицируют миграцию как безвозвратную и временную, выделяют сезонную миграцию, которая зачастую связана с временной трудовой деятельностью, например на агропромышленных предприятиях, а также маятниковую миграцию, которая в большей степени характерна для соотношения центр-периферия, в рамках одного региона. Следует отметить, что главной отличительной чертой безвозвратной миграции является изменение постоянного места жительства, а если речь идет о трансграничной безвозвратной миграции, то и изменении правового статуса мигрирующего лица [12].

При этом международная трудовая миграция крайне выгодна для демографически активных государств-доноров, где миграция рассматривается как механизм, не только позволяющий минимизировать внутривнутриполитические риски, связанные с невысоким уровнем жизни и безработицей, но и как условие стабилизации экономической ситуации в стране за счет денежных переводов мигрантов [8].

Следует отметить, что внешняя трудовая миграция представляет определенную выгоду и для государства-реципиента. Так пребывающие мигранты, как правило, платят больше налогов, чем получают от социальных услуг. Также, труд иммигрантов становится необходимым для поддержания рабочей силы в богатых странах со стареющим населением и для защиты отраслей, которые зависят от рабочей силы иммигрантов.

Однако современная миграция – это не только перемещение людей, или рабочей силы, мигранты «привозят» в принимающие страны многие обычаи, обычаи и модели поведения из своей страны. Многоэтничность наблюдается в крупных городских сообществах. Однако многокультурное общество может представлять опасность для коренных граждан принимающих стран. Это может вызвать негодование среди граждан, что может спровоцировать социальные конфликты. Миграционная политика во многих западных странах не является интегративной. Результатом такой политики является маргинализация рабочих-мигрантов и их сообществ.

Как показывают демографические прогнозы, в будущем появится сильная зависимость численности населения развитых стран от масштабов миграции. Большинство мигрантов переезжают в поисках работы, тем самым восполняют трудовые ресурсы развитых государств. На сегодняшний день, существующие культурные различия между мигрантами и гражданами той страны, куда они приезжают, становятся фактором развития конфликтных ситуаций.

Идеи правого популизма и актуализация антиэмигрантской риторики обусловлена прогрессирующим кризисом национально-государственной идентичности внешних мигрантов и на этом фоне повышения конфликтного потенциала местных сообществ, не готовых воспринимать отсутствие толерантности части мигрантов к традиционным ценностям принимающего общества, сложившемуся укладу и образу жизни.

В этой связи, в современных условиях повышенных миграционных потоков, создается множество предпосылок для урегулирования вопросов миграции на государственном уровне каждой принимающей страны. На основании этого появляется важная структура в общей системе политики государства, а именно – политика интеграции мигрантов.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 3; 4; 7; 9; 10; 11].

Однако проблему интеграции внешних мигрантов нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Как отмечает В.А. Волох и В.А. Суворова, политика интеграции выражается в комплексе реализуемых государством правовых, экономических, социальных и других мер [2].

В современном мире значение интеграционных процессов по введению мигрантов в социум принимающей страны считается одним из важных вопросов политики европейских стран, так как создание благоприятных условий для пребывания мигрантов напрямую зависит от социальной политики каждого государства. Наибольший интерес вызывают вопросы, касающиеся интеграционных моделей.

Понятие «интеграции мигрантов» базируется на трех основных подходах. Первый подход предполагает, что мигранты идентифицируют себя наряду с местным населением, перенимают их модели поведения, нормы и ценности, для того чтобы полностью соответствовать социуму, принимающей страны. Второй подход определяет интеграцию мигрантов как их вовлечение во все общественные структуры принимающего государства, также для этого подхода характерно отсутствие трансляции мигрантами ценностей своей культуры, т.е. культурные границы стираются. Третий подход подразумевает под собой адаптацию мигрантов к новому месту, а именно вовлечение в социальную структуру общества. В данном подходе отли-

чительной чертой является то, что мигранты и коренное население имеют схожесть по социально-экономическим показателям.

Интеграция мигрантов как социальный процесс их вовлечения в принимающее общество является весьма неоднозначным явлением, которое находится под сильным воздействием различных факторов. Среди факторов влияния стоит выделить такие как географическое положение, экономическая ситуация, социальная политика и инфраструктура в принимающем государстве. Некоторая часть мигрантов находится в уязвимом положении в связи с тем, что экономическая ситуация носит нестабильный характер. В таких условиях зачастую нарушаются права мигрантов, как рабочей силы, что проявляется в низкой заработной плате, присваиваются статусы «нелегальных мигрантов».

Одной из популярных моделей интеграции мигрантов в принимающий социум является локальная модель. Данная модель базируется на принципах культурной солидарности обеих сторон, в связи с этим происходит приспособление мигрантов к принимающему обществу и наоборот. Локальная модель позволяет определить, насколько развиты интеграционные меры в том или ином социуме. Главными исполнителями мер, направленных на интеграцию мигрантов в принимающее общество, в данной модели являются органы местного самоуправления, различные организации как коммерческие, так и некоммерческие, непосредственно работодатели, а также представители диаспор. Но стоит отметить, что их действия по интеграции трудовых мигрантов могут иметь как положительный, так и отрицательный эффект.

Как пишет Т.С. Кондратьева, «учитывая множество существующих подходов по вопросам интеграции мигрантов, эксперты и исследователи выделяют три основных интеграционных модели – этническая, политическая и мультикультурная» [6].

Данные модели в разной степени успешности используются всеми европейскими странами в различных модификациях, в том числе характерные черты этих моделей в большей степени наблюдаются в политике интеграции таких европейских стран, как Германия, Великобритания и Франция и других государств, активно привлекающих внешних мигрантов, или являющихся конечной точкой маршрута перемещения беженцев.

Миграционный кризис в Европе 2015-2016 гг. продемонстрировал, что общепринятые интеграционные модели не способны оперативно реагировать на современные угрозы и риски массовой внешней миграции, что оказывает негативное влияние на стабильность политической системы государства в части обеспечения суверенных интересов и национальной безопасности. Сформировавшийся в отдельных европейских государствах опыт перехода от политики ассимиляции мигрантов к политике разнообразия (мультикультурализма) оказал существенное влияние на конфликтный потенциал национальной и религиозной идентичности внешних мигрантов и принимающего общества.

При этом, необходимо отметить, что интеграция представляет собой вовлечение в социум всех иммигрантов, подразумевая их взаимодействие с местным населением, которое основано на принципе равенства. В противном случае, это может привести к ряду проблем в социально-политической и этнокультурной сферах:

- отчуждение иммигрантов и создание параллельных иммиграционных сообществ;
- рост ксенофобии и правых настроений;
- увеличение конфликтности межэтнического и межконфессионального характера.

Государства, активно привлекающие в свою экономику внешних мигрантов, рано или поздно сталкиваются с проблемами формирования толерантных взаимоотношений мигрантов и местного населения в принимающем государстве. Различия в языке, культуре, ментальности зачастую приводит к накалу социально-политической обстановки. Принимая во внимание имеющиеся различия ценностных установок у мигрантов и принимающего сообщества, недостаточное внимание к организации процессов интеграции внешних мигрантов становится дестабилизирующим фактором государственной миграционной политики и несет риски для сохранения политической стабильности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аюпова З.К., Кусаинов Д.У.* Правовые основы современных миграционных процессов в Республике Казахстан // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. № 1.

2. *Волох В.А., Суворова В.А.* Международная и внутренняя миграция населения – ресурс демографического развития Российской Федерации // Государство, власть, управление и право: материалы X Всероссийской научно-практической конференции. М., 2019.

3. *Воронина Н.А.* Модели обеспечения прав трудовых мигрантов на постсоветском пространстве: центрально-азиатский регион // Вопросы политологии. 2021. № 5.

4. *Ежова М.Ю.* Миграционная политика в контексте стратегических задач России на постсоветском пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 1.

5. *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999.

6. *Кондратьева Т.С.* Иммигранты в Европе: Модели интеграции / Т.С. Кондратьева, И.С. Новоженова // Актуальные проблемы Европы. 2006. № 1.

7. *Линдо А.В.* Политика трудовой миграции в регионах: сетевая теория в контексте принятия политических решений // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 3.

8. Михайлова Н.В., Бурда М.А., Гришин О.Е. Государственная миграционная политика России: актуальные вопросы внешней трудовой миграции // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 4 (142).

9. Попов С.И., Шошич М. Системный кризис миграционной политики стран Европейского Союза в условиях третьей волны пандемии КОВИД-19 // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 4.

10. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Перемышлин С.Н. Положение трудовых мигрантов из стран Центральной Азии на российском рынке труда // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 5.

11. Слизовский Д.Е. Дискуссионные размышления о статье Н.П. Пархитко и А.И. Пензиной «Популяризация науки в России: характеристика, жанровые особенности» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 4.

12. Burda M., Ochacha M., Gerasimova I. Migration policy as instrument of ensuring national security // Przegląd Strategiczny. 2019. № 12.

13. MIGRATION DATA PORTAL // https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019.

N.A. ZOLOTAREV

*Postgraduate student of the Department
of Political Science and Political Management
Institute of Social Sciences of the Russian
Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the
Russian Federation, Moscow, Russia*

MIGRATION PROCESSES AND PECULIARITIES OF INTEGRATION OF EXTERNAL MIGRANTS IN MODERN SOCIETY

The study examines the peculiarities of the process of integration of external migrants in the receiving states, as well as the peculiarities of the formation of state policy in this area. The author analyzes the migration processes in the context of the economic needs and demographic challenges currently faced by the receiving states of external migrants. Special attention is paid to the problem of the lack of attention on the part of state authorities to the processes of integration of external migrants, which leads to an increase in conflict potential, radicalization and marginalization of migrants, and the growth of ideas of right-wing populism in the host society.

Key words: migration, migration processes, integration of migrants, political system, state, identity.

DOI 10.35775/PSI.2021.70.6.017

УДК 32.327

А.В. МАКАРОВ

*аспирант кафедры государственного
управления и национальной безопасности
Факультета национальной безопасности
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
(РАНХиГС), Россия, г. Москва*

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена рассмотрению и формализации приоритетных направлений реформирования образовательной политики суверенного государства. Отдельное внимание в процессе исследования уделено увеличивающейся с каждым годом роли образовательной системы в обеспечении экономического роста и прогресса страны, а также необходимости сосредоточения всех достижений и наработок, научного потенциала и человеческого капитала согласно неделимому триумвирату «преподавание/обучение, научные исследования и услуги обществу» исключительно в пределах национального, суверенного государства. Также особый акцент сделан на противоречиях, которые должны быть решены в процессе разработки направлений реформирования образовательной политики государства, отдельные выделены принципы ее реализации и ключевые задачи.

Ключевые слова: образовательная политика, реформирование, суверенное государство, интеграция, качество, экономика, принципы, ВВП, рост, стандарты.

В настоящее время можно наблюдать принципиально новые, качественные изменения, которые переживает современное общество на рубеже XX-XXI веков. Эти системные трансформации обусловлены распространением интеграционных и глобализационных процессов во всех сферах человеческой жизни. К числу одного из наиболее значимых и заметных социальных сдвигов относится увеличение функциональной роли образования в достижении экономического и социального прогресса, усиление его воздействия на человека и общество [2]. Данный вывод наглядно подтвержда-

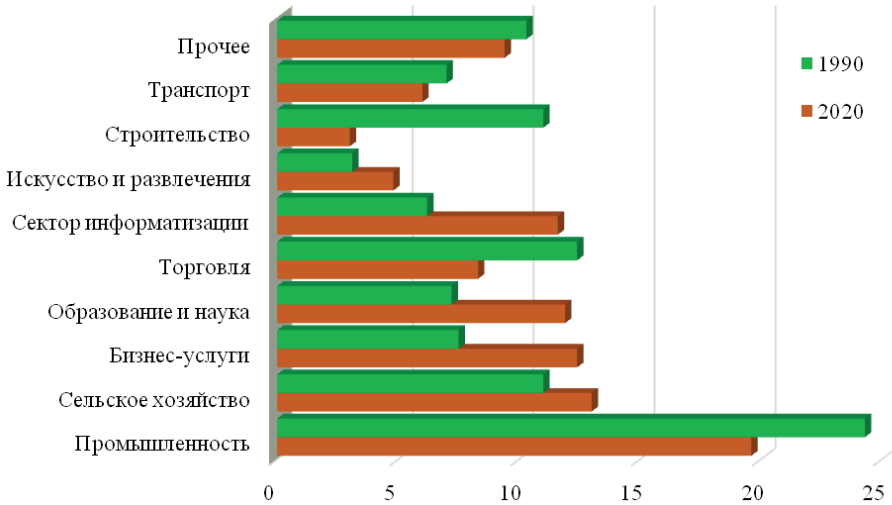

Рис. 1. Вклад различных отраслей промышленности и секторов экономики в ВВП, % [9]

ют статистические данные, которые свидетельствуют о том, что в рамках временного лага 30 лет вклад образования и науки в прирост ВВП увеличился более чем на 65% (см. рис. 1).

Ученые и эксперты обозначили такие направления непосредственного воздействия системы образования и науки на экономическое развитие и рост на сегодняшний день:

1. Образование стимулирует развитие деловых навыков и предприимчивости. В международной практике данное явление трактуется как «распределительный эффект образования».

2. Профессиональная подготовка и регулярное повышение квалификации способствует высокой продуктивности труда каждого занятого на производстве. Доказательством этого является тесная корреляционная связь между уровнем образования персонала на предприятии и их оплатой труда.

3. Образование позволяет увеличить восприимчивость людей к инновациям и прорывным технологиям, новым научным идеям, что способствует их более активному внедрению на практике [4].

Очевидно, что обеспечить формирование обозначенных связей и их успешную реализацию в рамках национальной экономики в целом возможно только при условии реализации взвешенной, эффективной образовательной политики. И в данном случае необходимо особое внимание уделять тому, что в эпоху академической мобильности и глобализации научного

пространства, в контексте приобретения образовательной услугой статуса международного товара, неделимый триумвират «преподавание/обучение, научные исследования и услуги обществу», а именно его вклад в социальное, культурное, человеческое, научное и экономическое развитие должен реализовываться исключительно в рамках национального, суверенного государства.

В противном случае общая мировая тенденция, международные и внутренние процессы способны создавать ситуации, в которых могут появиться акторы, способные угрожать национальному суверенитету страны. И в этом смысле вопрос защиты и укрепления национального суверенитета в образовательной сфере может считаться «ежедневно актуальным». Несмотря на то, что решение данного вопроса находится в рамках политической и государственной плоскости, оно не в меньшей степени требует научного анализа и осмысления как в прогностическом, так и в рекомендательном аспектах.

С учетом вышеизложенного, особую значимость приобретает исследование особенностей выбора приоритетных направлений реформирования образовательной политики суверенного государства в контексте реализации перспективы методологического космополитизма, которая позволит не разрушить национальную систему образования, руководствуясь абстрактными требованиями ее интернационализации, а существенно повысить ее эффективность, интегрировав в национальный контекст новые и лучшие международные стандарты качества и механизмы их обеспечения.

Обозначенная научно-практическая задача в целом предопределяет целевую направленность проводимого исследования, а также очерчивает методологический инструментарий познания.

Исследованию государственной образовательной политики с точки зрения разработки ее теоретических основ посвятили свои труды такие ученые, как: Gábor Halász, Péter Lukács, Doug White, Allington R. L., Байханов И.Б., Трофимов К.В., Медведев Н.П., Слизовский Д.Е., Жалнин В.А.

Пересмотру основных принципов образовательной политики, исходя из современных социокультурных тенденций, влияющих на процесс обучения, посвятили свои труды Блинова Т.Н., Федотов А.В., Joel Spring, Grosland, Tanetha; Roberts, LaSonja.

Ключевые направления улучшения подготовки кадров в высших учебных заведениях с акцентированием внимания на необходимости обучения компетентных специалистов для работы в условиях новых производственных парадигм, основанных на знаниях и их прикладном использовании, активно разрабатывают Батарчук Д.С., Танцева А.В., Любимов А.П., Юдин В.И., Солдатов Р.В., Mintz, Jessica A.; Kelly, Angela M.

Однако, несмотря на широкое освещение отдельных аспектов деятельности государства в образовательной сфере, проблема управления модер-

низацией системы образования в соответствии с актуальными вызовами времени требует комплексного анализа и глубокого исследования. При этом особого внимания заслуживают вопросы разработки принципов, стратегических, оперативных и трансформационных направлений государственной политики с точки зрения сохранения баланса между национально-обоснованным изоляционизмом образовательной системы и ее органичным включением в международное пространство с поддержкой авторитетного имиджа и высоких конкурентных позиций страны.

Образовательная политика государства – одна из фундаментальных, ведущих составляющих существования и развития общества, которая формируется на основе экономических, духовно-культурных и демографических потребностей на конкретном историческом этапе его функционирования с учетом вызовов и ключевых тенденций в международном окружении и глобальной среде [7].

Прежде всего отметим, что в процессе выбора приоритетных направлений реформирования образовательной политики суверенного государства необходимо артикулировать такие векторы развития, которые позволят устранить существующие на сегодняшний день противоречия:

1) между необходимостью проведения взвешенной государственной политики в направлении модернизации и развития отрасли образования с учетом общенациональных интересов и передовых мировых образовательных тенденций, с одной стороны, и ориентацией содержания профессиональной подготовки специалистов отдельных специальностей на отраслевые стандарты, с другой;

2) между обострением потребности в реализации инновационных образовательных технологий в практике высшей школы, с одной стороны, и отсутствием соответствующего механизма государственного управления и регулятивного инструментария воздействия на этот процесс, с другой стороны;

3) между стремлением обеспечить высокий уровень конкуренции на национальном образовательном рынке и повысить качество соответствующих услуг, что находит свое проявление в поддержке государственных учебных заведений и стимулировании развития частных организаций, с одной стороны, и активным стремлением ВУЗов в большей степени продвигать свой интерес в международном измерении образования, чем реализовывать образовательный продукт в дефинициях национального государства;

4) между объективной потребностью включаться в глобальное сообщество путем присоединения к международным организациям и договорам и рисками, которые данная политика несет. В частности, речь идет о присоединении страны к ВТО, что естественно, будет иметь для национальной системы образования, как положительные, так и отрицательные последствия. Риски обусловлены внедрением новых принципов функционирования системы образования в стране, ухудшением качественных и количественных

характеристик обучения, отдельных уровней и элементов получения образования, а также отношений в обществе, которые связаны с образовательной деятельностью, национальными интересами по ее усовершенствованию или социальными угрозами [10];

5) между требованиями к аккредитации программ, внедрению систем оценки качества в учебных заведениях, соответствию международным критериям и увеличением на национальном рынке самозванных и корыстных образовательных провайдеров, которые просто продают «фиктивные» аккредитационные бумажки, дипломы и свидетельства, тогда как национальные университеты тратят значительные средства на маркетинговые и рекламные кампании, чтобы добиться признания и, таким образом, увеличить контингент студентов [3].

С учетом вышеизложенного отметим, что приоритетные направления реформирования образовательной политики суверенного государства должны включать в себя решение неотложных задач и актуальных проблем, которые будут не только создавать благоприятную основу для интеграции в международное пространство национальной системы образования, но и предупреждать, а также нивелировать негативные последствия для страны и ее граждан в целом в условиях глобализации образовательных услуг. Содержательные приоритеты стратегии государственной образовательной политики в сфере социализации и государственно-национального воспитания будущего поколения должны быть ориентированы на формирование, прежде всего, моральных, государственно-патриотических, гражданских качеств, гуманизма, демократичности и общественной толерантности, а также развитие способности к жизни и труду в динамических условиях конкурентной среды в стране и мире в целом.

По мнению автора, для защиты национальных интересов и поддержки устойчивости национальной системы образования на международном уровне, современная государственная образовательная политика должна претворяться в жизни с учетом следующих основных принципов:

1. Принцип приоритетности: отрасль образования должна развиваться как одна из приоритетных отраслей экономики, что требует признания ее продуктивного характера и высокой экономической и социальной эффективности.

2. Принцип стабильности: государство должно позаботиться о создании стабильных условий для функционирования образования путем кардинального совершенствования организационно-экономического механизма развития образовательного потенциала, в частности: внедрить модель двухсекторного бюджетирования образовательной области (первый сектор будет предусматривать средства на нормативное финансирование учебных заведений, а второй – на финансирование развития потенциала отрасли); обеспечить диверсификацию источников финансирования образования, прежде всего, за счет внедрения новых механизмов кредитования и страхования образования; сформировать отечественную модель опережающего

образования как залог обеспечения занятости выпускников учебных заведений и основы развития образования ноосферного типа [5].

3. Принцип соответствия имеющихся ресурсов осуществляемым в образовании реформам: планирование и практическая реализация мер государственной образовательной политики должны осуществляться в строгом соответствии с имеющимися финансовыми, материально-техническими и кадровыми ресурсами.

4. Принцип комплексности: направления, меры государственной образовательной политики должны охватывать все звенья образования и быть взаимосогласованными между собой.

5. Принцип преемственности: разработку новых мер государственной образовательной политики целесообразно проводить с сохранением отечественных образовательных традиций и учетом зарубежного опыта, а также последних научных достижений.

6. Принцип гласности: обеспечение максимально полного и правдивого информирования общества об образовательных реформах, учет общественного мнения относительно целесообразности и эффективности их внедрения [6].

Отдельный акцент необходимо сделать на задачах, которые следует решить в процессе реформирования образовательной политики суверенного государства:

- содействие экономическому прогрессу страны в целом, это позволит обеспечить высокие конкурентные преимущества и привлекательность национального рынка труда;

- демократизация системы высшего образования и внедрение объективной системы оценивания полученных выпускниками знаний;

- развитие прогрессивной инфраструктуры для удаленной, самостоятельной работы учеников и получения практических навыков студентами;

- обеспечение роста социального престижа и усиление мотивационной составляющей работы научно-педагогических кадров;

- радикальное обновление материально-технической базы учебных заведений в соответствии с ключевыми тенденциями цифровизации.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что в настоящее время государственная образовательная политика должна предполагать гармоничное объединение и сочетание трансформационных, оперативных и стратегических направлений. Трансформационный вектор предполагает имплементацию передовых достижений науки и техники, лучших практик преподавания и обучения. Стратегические ориентиры позволят внедрение виртуально-дистанционной концепции обучения, ускорить интеграцию национальной образовательной системы в международное пространство, разработать и внедрить передовые образовательные стандарты [8]. Оперативные направления дадут возможность достичь наиболее актуальных целей в краткосрочном периоде, что позволит улучшить финансовое положение учебных заведений,

расширить свободный доступ к системе образования разных слоев населения, внедрить непрерывную многоступенчатую систему образования [1].

При этом особый акцент необходимо сделать на том, что разработка и реализация направлений реформирования образовательной политики суверенного государства должны быть направлены на развитие и приобретение новых качественных признаков национальной образовательной системы, а не на снижение стандартов ее качества и утрату всех лучших традиций, создаваемых годами. Ориентация на включение в глобальное образовательное пространство не должны вести к радикальной перестройке национальной системы образования. Напротив, ее текущее положение необходимо фундаментально осмыслить, сравнить с международными стандартами и критериями, и определить перспективные векторы развития на новом этапе исключительно с учетом национальных интересов суверенного государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Андриенко Е.В. Влияние мировых трендов на реализацию стратегических проектов развития российского образования // *Философия образования*. 2020. Т. 20. № 2.

2. Антюхова Е.А. Движущие силы в сценариях глобальной образовательной политики // *Социально-политические науки*. 2020. Т. 10. № 2.

3. Антюхова Е.А. Глобальная образовательная политика в условиях влияния неополитических рисков // *Международная жизнь*. 2020. № 10.

4. Болгова Е.В., Курникова М.В., Болгов С.А. Образовательная политика ЕС и развитие высшего образования // *Экономика образования*. 2020. № 1 (116).

5. Домогатский К.И. Национальный проект «образование» как стратегия реализации региональной образовательной политики // *Социальная политика и социальное партнерство*. 2020. № 4.

6. Дуран Т.В., Костина Н.Б. Образовательная политика и управление качеством высшего образования: понимание и особенности оценки // *Вопросы управления*. 2020. № 5 (66).

7. Любимов А.П., Юдин В.И., Солдатов Р.В. О стратегии государственной образовательной политики России в XXI веке // *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. 2021. № 3 (186).

8. Нестерчук О.А., Галкина Г.М., Беляева В.П. Образование как условие регионального развития человеческого капитала в России // *Вопросы политологии*. 2020. Т. 10. № 8 (60).

9. Karim Shahid. Acculturation in a globalised world: implications for theory and educational policy and practice // *International journal of comparative education and development*. 2021. Volume 23. Number 1.

10. Smolarek Bailey B. Examining business-driven education reform by new policy actors: a discursive analysis of UpSkill Houston // *Journal of education policy*. 2021. Volume 36. Number 3.

A.V. MAKAROV
*Postgraduate student of the
Department of Public Administration and
National Security, Faculty of National
Security, Institute of Law and National Security,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russia*

PRIORITY DIRECTIONS OF REFORMING THE EDUCATIONAL POLICY OF A SOVEREIGN STATE

The article is devoted to the consideration and formalization of the priority directions of reforming the educational policy of a sovereign state. Special attention in the research process is paid to the increasing role of the educational system in ensuring economic growth and progress of the country every year, as well as the need to concentrate all achievements and developments, scientific potential and human capital according to the indivisible triumvirate of «teaching / learning, research and services to society» exclusively within the national, sovereign state. Also, a separate emphasis is made on the contradictions that must be resolved in the process of developing directions for reforming the educational policy of the state, the principles of its implementation and key tasks are separately highlighted.

Key words: *educational policy, reform, sovereign state, integration, quality, economics, principles, GDP, growth, standards.*

*докторант кафедры гражданского общества
и правового образования Национального университета
Узбекистана имени Мирзо Улугбека; ассистент кафедры
философии Ташкентского педиатрического медицинского
института, Республика Узбекистан, г. Ташкент*

ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ИНТЕРНЕТЕ

В статье классифицируются технологии политических манипуляций, используемые в Интернете, и предлагаются их векторные, ризоморфные, конвергентные группы. Однако, исходя из объема статьи, в ней приводится сравнительный анализ технологий политических манипуляций, которые попадают в конвергентную группу. В этом случае на примере каждой анализируемой технологии выявляется тот факт, что конвергентные технологии формируются путем гибридизации свойств технологий, принадлежащих к группе векторных и ризоморфных.

Ключевые слова: векторная технология, ризоморфная технология, конвергентная технология, технология яркого обобщения, игровая технология социальной ответственности, технология простых народных игр, технология авторитетных цитат, технология многократного повторения, технология наклеивания этикеток, технология рейтингового метода, троллинг, ненависть, флэш-технология.

B.T. KUILIEV

*Postgraduate student working for the
Doctoral Degree at the Chair of civil
society and legal education of the
Mirzo Ulugbek National University of
Uzbekistan; teaching fellow at the Chair of
philosophy of the Tashkent Pediatric
Medical Institute, Tashkent, the
Republic of Uzbekistan*

CHARACTERISTICS OF CONVERGENT POLITICAL MANIPULATION TECHNOLOGIES USED ON THE INTERNET

This article classifies the technologies of political manipulation used on the Internet and suggests their vector, rhizomorphic, convergent groups. However, based on the size of the article, it provides a comparative analysis of political manipulation technologies that fall into a convergent group. In this case, the fact that convergent technologies are formed by hybridization of the properties of technologies belonging to the vector and rhizomorph group is revealed in the example of each analyzed technology.

Key words: *Vector technology, rhizomorph technology, convergent technology, bright generalization technology, social responsibility game technology, simple folk game technology, authority quote technology, multiple repetition technology, label pasting technology, rating method technology, trolling, hatering, flashing technology.*

Today, Internet communications are emerging as a unique means of creating and interpreting political reality, both real and virtual. In many cases, media constructs created in the virtual world violate the boundaries of the virtual space, going as far as the realm of reality, where they become strong competitors of real political actors. Political manipulation plays a crucial role in this process.

The technologies of political manipulation used on the Internet can be divided into three major groups:

1. Vector political manipulations. In the technologies included in this direction, the subject and object of manipulation are clearly manifested, while the subject has a direct influence on the object of manipulation. In this case, the form and content of the manipulative content is selected in accordance with the purpose, based on the socio-cultural, political, economic characteristics of the object.

2. Rhizomorphic political manipulation technologies. This type of manipulation has a wide range, in the absence of a strict boundary between the ob-

ject and the subject, and in the absence of a definite direction. Internet content designed for such manipulation is generated and distributed in a self-impulsive manner without regard to the characteristics of a specific target audience.

Convergent or hybrid political manipulation. Political manipulation technologies belonging to this group synthesize the properties of vector and rhizomorphic manipulation technologies.

This article provides a comparative analysis of some of the technologies of political manipulation used on the Internet, which belong to a convergent group in terms of size.

1. Bright generalization.

In the process of implementing this technology, the real essence of the material presented to the Internet user is overshadowed and the emotional aspects are exaggerated. In addition, the use of visual media such as memes, pictures, gifs, images, short videos, comics in the implementation of this technology will increase the effectiveness of its impact. In general, the technology of “bright generalization” is widely used in the coverage of global political realities. Types of this technology can be distinguished, such as the use of fear or humor.

The technology of using fear often relies on superstitions, labels, and forms of belief that cannot be rationally explained. Eliot Aronson, in his book *The Age of Propaganda*, says that fear forces people to avoid the factors that provoke them. “Fear keeps people away from the subject” [6. P. 161]. In turn, fear games (fear of reality, personality, and information) create a certain cognitive barrier so that the object of manipulation does not deepen in the study of what is frightening. Aronson also said that “the more frightening the news, the more likely he is to take protective measures” [2. P. 229].

1.1. Political “Хеппинг”.

The manipulative effect of laughter occurs according to several characteristics. Among them are: publicity and teamwork, mood swings and the ability to synchronize the feelings of those who laugh, as well as the ability to harmonize the commonality. When a person laughs, he gets rid of psychological pressure and relaxes. As a result, his attention is reduced and he is practically unable to assess the situation almost rationally. From this it can be said that a person who laughs is a person who is open to manipulation.

This technology can be used in two different ways. In the first case, it is used to ridicule a particular element of a political process or system. This method is used to reduce the prestige of the subject of laughter [5]. Sarcasm and ridicule Any political event in a particular country can lead to a slight decline in the prestige of the individual [7]. In the second case, humor with a positive content is widely used to overcome the hesitations in society about individuals who have shown certain contradictions, and to arouse people’s sympathy for him.

The presence of the subject gives the listed technologies the properties of the technologies belonging to the vector group. Any of the emotional aspects of

the network are exaggerated, especially those that are able to attract the attention of many and the information that is widely disseminated in the virtual space can be deliberately leaked to the Internet. Using these technologies, the dissemination of information in a manipulative spirit is carried out in a chaotic manner. This means that this technology has a rhizomorphic property. It can be seen that the third group in the classification of political manipulation technologies used on the Internet proposed in this article combines both rhizomorphic and vector features.

2. Social responsibility game.

At the heart of this technology is the process of mutual exchange [3. P. 34]. When this technology is used, the purpose of manipulation is to form accountability to society. As Robert Chaldini points out, “responsibility wants to get rid of a person because he has put a certain burden or pressure on them” [3. P. 48]. In turn, when the responsibility placed on the object of manipulation is not justified, it is subjected to serious critical discussion by the whole society or any social group that is important to that person. This naturally forces the object of manipulation to move in accordance with the purpose of the manipulator.

The principle of social proof is an important tool in the implementation of the “social responsibility game” technology, which states that “the more people who know the idea is true, the more it will come true” [3. P. 124]. Public opinion on the Internet is reflected in the amount of reposts, subscribers, likes, as well as activity in the process of writing comments and online voting. At the same time, it should be borne in mind that the above-mentioned indicators that determine public opinion in the virtual world can also be falsified through fakes. However, it is a bit difficult to distinguish an ordinary internet user from a fake account. The manipulative effect of the “game of social responsibility” technology is manifested in the same way. On the one hand, the object of manipulation is concerned with social responsibility, especially participation in rallies, elections and flash mobs, and on the other hand, due to pressure from public opinion, he will not be able to escape from them. This naturally causes it to act in accordance with the demands of the public.

The vector feature of this technology is that it has a subject, and the impact is targeted at a specific social category, such as young people, for a specific purpose. At the same time, this technology also has a rhizomorphic property, according to which the person under the influence of manipulation becomes a propagandist and encourages others to perform the actions he once performed.

3. Simple folk game technology.

This technology is widely used in the electoral process, allowing a candidate for a particular political position to increase the number of supporters by forming his/her own image, providing a high level of trust and a strong connection between the candidate and the audience [7]. In recent times, social networks have become an important tool in the widespread use of this technology.

According to S.V. Volodenkov, “the prestige of a particular political figure is determined not only by what he does in real life, but also by his virtual activity,

which is considered the social capital in the virtual world. For the electorate, the candidate's social network subscribers, the number of views and likes, the comments on its content, as well as the attitude of other famous politicians about him on social networks are important" [9. P. 301]. A politician who uses this technology will allegedly run in the elections as a popular candidate.

The vector feature of this technology seems to be that in order to run a social media page of a candidate for a particular political position, a group of experts is required to develop a strategy for running the same page on a regular basis. In the process of developing the strategy, the target audience and its socio-political, economic and cultural identifiers will be formed, and the methods of political advertising and PR will be selected accordingly. Usually, a candidate's social media profile is required to reflect not only his or her professional activities, but also details related to his or her personal life. Such a view of the content leads to the formation of a large number of subscribers and an audience. Internet users who subscribe to the candidate's social network page will increase the number of supporters of the politician by disseminating the manipulative message in the form of "sensational" information.

4. Quote to authorities.

This technology is one of the "most basic, fundamental" and most common technologies of manipulation. In its implementation, the opinions of celebrities are quoted to prove the veracity of any dubious position. The fact that the quotations are used as an argument to prove the authenticity of the manipulative information when it is cut separately from the context of the text also distorts its true content. This, in turn, shows the manipulative effect of the same technology. In this way, an idea that a certain influential person has not said or written anywhere is attributed to him.

The implementation of this technology is also done by quoting the opinions of popular bloggers whose activities are funded by advertisers.

The vector feature of this technology seems to be that according to it, politicians are purposefully appealing to the opinions of influential people. When addressing an audience, individuals who have the same authority and whose opinion evokes goodwill in the audience are selected. Its rhizomorphic feature is seen in the use of the opinions of influential bloggers who have won the trust of internet users to a high degree, and as a result serve the dissemination of manipulative information.

5. Multiplerepeat.

In the implementation of this technology, a particular political message is disseminated simultaneously through several sources, including news sites, political groups on social media, pubs, and websites. The mutual coordination of independent Internet sources in the dissemination of a particular political message suggests that this technology has a vector character.

Re-broadcasting a particular political message by adopting "Multiple-repeat" technology ensures that it reaches a large number of Internet users. Even an In-

ternet user who has absolutely no interest in the manipulative message being spread will sooner or later find out about it due to the use of this technology. If the message repost method is used in the application of this technology, it acquires a rhizomorphic property. Simply put, an internet user who sees a message circulating frequently on a friend's page on a social network will start posting it actively on their pages, instilling a sense of sympathy for the same information.

6. Label gluing technology.

This technology is one of the classic and fundamental propaganda technologies [2. P. 92]. A label is a brief piece of information that reflects a positive or negative rating about a particular object [8. P. 258]. The history of political action and advertising testifies to the fact that because of the simplification of the living process, people prefer to live according to the labels. The label is also widely used in today's rapidly evolving Internet communications. The vector feature of label technology is seen in the fact that it is deliberately designed to make a person's name famous for a specific purpose and is widely applied to the virtual world. As mentioned above, people often use shortcuts in terms of saving the amount of resources spent on detailed study of certain information. This naturally leads to the rapid spread of the labels. The fact that this technology is also characterized by rhizomorphic properties.

7. Rating method.

Although the rating method technology is somewhat similar to the false statistics technology, the scope of its application is wide. Indicators such as rating, likes, comments, views, subscribers, reposts on the Internet are marked in the online survey for this or that position. In this sense, a person who reacts to a position that is widely supported on the internet is more likely to gain a lot of negatives and ratings.

If the rating is open, it becomes a means of effectively absorbing any political idea into the consciousness of the object of manipulation, relying on public opinion [10. P. 213].

The possibility of the creation of fake ratings that serve the purposes of the manipulator using fakes indicates the vector nature of this technology. Its widespread dissemination by accepting information that has been popularized or misrepresented by Internet users without verification determines the rhizomorphic nature of the rating method technology.

8. Trolling/Flighting/Flaming.

In a general sense, trolling means fishing. Trolling is also reminiscent of online fishing, in which the object of manipulation is "fish", provocation acts as "food" [4. P. 63]. Provocateurs, malicious "trolls", and the activity of posting resources of the same nature on the Internet are called "trolling". The purpose of trolling is to provoke conflicts, social tensions and even mutual insults among Internet users [1. P. 48].

Heather trolling is a type of activity that involves reacting negatively to various events on the internet. As a result of heathering, more precisely, there are

sharp arguments, contradictions and endless conflicts. Trolling can be compared to black PR technology. A troll internet user seeks to increase his or her rating by engaging others in meaningless, endless debates.

The vector feature of trolling technology can be seen at a glance. After all, any provocation can be pre-planned and targeted. The rhizomorphic feature of this technology appears to be that the trolling participant can be both a subject and an object of manipulation at the same time. On the one hand, he enters into an argument by expressing a negative attitude towards information that was positive before the debate. This is the intended action of the troll. On the other hand, the debate initiated by the troll will continue indefinitely, causing other users to interfere in this debate as well.

The technologies proposed in this article, which belong to the convergent group of political manipulation technologies used on the Internet, were initially purely vector in nature and later emerged as a result of hybridization of certain technologies. Their emergence may be related to the factor of ease for people to live in the political reality created by the manipulator. There is no need for in-depth research in the political sphere, to determine who is right and who is wrong, to make an effort to create a consciously chosen strong political position. Man is an antientropic being, more precisely, a creature that seeks to overcome chaos. In this sense, manipulation gives people the impression that it is a psychological tool that presents the world in a form that is easy to understand and observe, with an ordered structure.

Summarizing the analysis of the considerations put forward in this article, it can be said that the convergent political manipulation technologies used on the Internet have been little studied in research in the political sciences and need to be studied extensively. Indeed, the effectiveness of convergent technologies of political manipulation can be seen at a glance. Because they are inextricably linked with the political reality in the virtual world, which is happening in the eyes of everyone interested in the Internet. It is impossible to fill the gap in research on technologies belonging to the same group in a single article. In this sense, the same article is of reference and prepares the ground for further research.

REFERENCES:

1. *Akulich M.M.* Internet trolling: concept, content and forms // Bulletin of the Tyumen State University. 2012. № 8.
2. *Aronson E., Pratkanis E.R.* The Age of Propaganda: Persuasion Mechanisms, Everyday Use and Abuse. SPb.: Prime – EVROZNAK, 2003.
3. *Cialdini R.* Psychology of influence. SPb.: Peter, 2006.
4. *Efremova N.Ya.* Manipulation of human consciousness within the framework of virtual reality. Territory of new opportunities // Vestnik VSUES. 2012. No. 4.
5. *Giancarlo Elia Valori.* Politics of Emotions: How Political Leaders Manipulate Mass Psychology // <https://www.israeldefense.co.il/en/node/33610>.

6. *Soskina S.N.* The specifics of using manipulative techniques to influence public opinion (based on the 2012 US presidential election campaigns) / S.N. Soskina, E.I. Sur // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. 2015. No. 2.

7. *Victoria S.L.d.* Media Manipulation of the Masses: How the Media Psychologically Manipulates // <https://psychcentral.com/blog/media-manipulation-of-the-masses-how-the-media-psychologically-manipulate>.

8. *Voeten E.* The practice of political manipulation // Cambridge University Press. 2012. No. 4.

9. *Volodenkov S.V.* Social media as a tool of modern public policy: features and prospects of application // Political Science. 2017. No. S.

10. *Volodenkov S.V.* Management of modern political campaigns. M.: Publishing house of Moscow University, 2012.

DOI 10.35775/PSI.2021.70.6.019

УДК 32.321

Д.К. ГОНЧАРОВ

доцент кафедры информатики
РЭУ им. Г.В. Плеханова, Россия, г. Москва

ORCID: 0000-0002-3408-5036

Д.Д. ГОНЧАРОВА

студент бакалавриата МГИМО(У) МИД РФ,
Россия, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В СИСТЕМЕ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ

В области политики, как и в других областях социальной ответственности, лицо, принимающее решение, руководствуется оценками экспертов, которые можно нормализовать, используя математические методы, объединенные в систему поддержки принятия решений. В данной работе рассматривались методы многокритериальной оценки и аналитической иерархии Саати. Отмечается, что методы носят рекомендательный характер в силу отсутствия современной юридической и иной ответственности за решения, принимаемые искусственным интеллектом (ИИ).

Ключевые слова: система поддержки принятия решений, метод аналитической иерархии, политическая ответственность.

Введение. В последнее десятилетие увеличилась применяемость математических методов в областях, связанных с ответственным принятием решений, касающихся жизнедеятельности широких слоев общества: в медицине, образовании, а также, политике. В планах МИД РФ потратить 2,3 млрд. рублей на 2021-2023 годы на построение и запуск собственной технологической цифровой платформы и развитие цифровых сервисов. Таким образом, министерство планирует запустить информационно-аналитическую систему, в основе которой будут лежать технологии искусственного интеллекта, обеспечивающие поддержку внешнеполитической деятельности [4].

Целью данного исследования является исследование возможностей и особенностей применения математических методов в политике при принятии решений.

Материалы и методы исследования. В основе выбора для лиц, принимающих решения (ЛПР) в политике, традиционно лежат организационные психо-

логические и социальные подходы, описываемые различными концепциями: «ограниченной рациональности», «динамического цикла», «организационного институционализма», «бихевиоралистской модели», «всеобщей рациональности», «инкременталистской модели» и других. В области использования математических методов для принятия решений при моделировании для случаев определенностей чаще всего применяется метод анализа иерархий или метод Парето решения многокритериальных задач. В условиях неопределенности используются вероятностно-статистические методы; методы теории игр; методы теории нечеткости; методы искусственного интеллекта, в частности, нейросети. Также часто требуется оценивать риски в случае принятия решения.

Наиболее часто применяемыми способами управления рисками является метод многокритериального принятия решений, который включает в себя как компромиссные методы VIKOR, ELECTRA и TOPSIS, аналитический процесс иерархий; метод многокритериальной функции полезности и другие.

В научных обзорах под искусственным интеллектом, как компьютерной алгоритмизированной системой, понимается самообучающаяся структура, способная заменить или даже превзойти человека во всех областях, включая творчество и принятие решений. Однако, на сегодняшнем этапе под искусственным интеллектом чаще понимают программно-аппаратный комплекс, способный заменить человека на рутинных операциях, в опасных местах и при проведении большого объема вычислений. Также часто под искусственным интеллектом понимают цифрового помощника в принятии решений, предлагающего прогнозирование на основе внешних факторов; разделение наблюдаемой группы на классы по схожим признакам; распознавание образов; отнесение наблюдения к различным классам на основе категориальных признаков; предложения по планированию и оптимизации различных задач.

История разработки систем искусственного интеллекта началась в 1956 году в Дартмуте, когда прошел первый научный семинар, а уже в 1960 году Фрэнк Розенблатт создал систему «Марк-1» на основе предположения, что компьютер должен имитировать человеческий мозг и строиться на имитационном моделировании искусственных перцептронов, и которую начал учить читать, то есть распознавать латинские буквы [7]. Однако для того времени вычислительные возможности были недостаточны, да и энтузиаст этого дела погиб, и только в 80-е годы вернулись к активным научным исследованиям использования возможностей нейросети для вычислений, позволяющих считаться искусственным интеллектом.

За последние годы развитие технологий сильно продвинулось в этой сфере, однако способна ли будет нейросеть в будущем, даже учитывая скорость прогресса, заменить представителей таких профессий, в которых высокую роль играет креативность и есть объективное место влиянию человеческого фактора?

Занятие политикой, и принятие решений в том числе, относится к творческим профессиям. Хотя это не рисование или сочинение пресловутых симфоний – но это своего рода искусство построения особым образом человеческих отношений, расчет и баланс, принятие во внимание личностного фактора других участников процесса, который может вмешаться в ход событий и изменить его. В отличие от рутинных операций, механических, конвейерных, бюрократических, политика представляет собой живой процесс, требующий постоянного поиска решений, которые затрагивают жизнь и деятельность большого количества людей, процесс, сопряженный с риском, а также с большими ресурсами административного и материального характера.

При этом в политике, безусловно, есть шаблонные механизмы, связанные с документооборотом, какими-либо стандартными процедурами, – в подобных делах нейросеть вполне сможет выполнять обязанности рядового бюрократического работника. Еще одна сфера, где роботизация политики может быть возможной, – это оказание государственных услуг населению. Член комитета Государственной думы по информационной политике Антон Горелкин на встрече с министром цифрового развития Максудом Шадаевым заявил, что политиков в будущем необходимо заменять роботами для более эффективного оказания таких услуг. Депутат провел опрос среди своей аудитории в социальных сетях относительно того, к кому людям будет предпочтительней обратиться – к живому человеку или «киборгу». Большинство выбрало второго. На это Горелкин заметил, что «это полностью соответствует серьезным исследованиям на эту тему. Не исключаю, что через 150 лет законотворческой деятельностью будут заниматься роботы, а политикой – киборги» [3].

Если же рассматривать государственную или национальную политику, включающую в себя процесс принятия решений, а тем более – геополитику, то здесь возникающие проблемы имеют больший масштаб, и, соответственно, требуют более внимательного анализа и отношения.

Первый момент связан с вопросом ответственности перед законом. Как уже было отмечено, политика во многом сопряжена с принятием решений, а если есть решения, то есть и их последствия и те, кто за них ответственен. Если, к примеру, политик заключает тот или иной международный договор или подписывает соглашение, то он несет ответственность за свое решение. А как решить вопрос ответственности, если решение принял компьютер? Кто будет виноват в случае, если участие в этой сделке или договоре приведет к колоссальным финансовым потерям или вообще к вооруженному противостоянию – машина? Ее создатель? Специалист технического обслуживания?

Глава совета директоров российской компании Mail.ru и основатель компании Grishin Robotics Дмитрий Гришин в декабре 2016 разработал

и представил общественности проект закона о робототехнике с учетом юридических аспектов распределения ответственности и определения виновности. Гришин в своем законопроекте предложил приравнивать права роботов к правам животных, и к юридическим лицам одновременно. Сходство с животными проявляется в отсутствии эмоций человеческого типа и проявления, однако искусственный интеллект при этом может, как и животные, принимать самостоятельные решения. А статус юридического лица объясняется тем, что робот, по его словам, является особенной юридической конструкцией, соответственно, для учета всех систем ИИ должен быть создан государственный реестр по аналогии с ЕГРЮЛ. При этом владельцы роботов тоже, в случае чего, не жертвы обстоятельств, а как раз вполне наделенные ответственностью лица. По проекту Гришина, они приравниваются к владельцам источниками повышенной опасности, так как не исключены ситуации нанесения вреда в той или иной форме даже высокоразвитыми роботами. Также уточняется, что ответственность за поступки нейросети может нести не только владелец, но и, собственно, производитель. Кто именно будет ответственным, зависит от конкретного типа сети и организации ее функционирования [2].

Однако, как говорится в проекте, автономность робота должна также приниматься в расчет – чем более развита и обучена нейросеть, тем более самостоятельна она в несении ответственности. Тем не менее, пока что сложно сказать, какие санкции можно применить к самому роботу, потому оговаривается, что в случае причинения ущерба со стороны ИИ вводится обязательная страховка, которую будет выплачивать производитель.

Приведем ситуации, которые, по мнению Гришина, однозначно влекут уголовную ответственность:

1. Создание робота для совершения противозаконных действий.
2. Отключение функций, блокирующих возможность причинения вреда людям или создание робота, у которого такого блока нет изначально (раскрытие момента нанесения вреда человеку было представлено еще Айзеком Азимовым в его законах робототехники, которые все еще являются основополагающими в этой сфере).
3. Создание робота без осознания того, что он впоследствии может быть использован в целях причинения вреда людям.

Разумеется, проект Гришина не единственный, однако еще ни в одной стране мира нет полноценного законодательства, посвященного автономным роботам. Большинство действующих правовых актов регулируют вопросы создания благоприятных условий для развития инноваций или контроля конкретного вида ИИ, чаще всего уже распространенного в бытовой жизни.

Все вышесказанное стоит принимать во внимание при рассмотрении возможности замены роботом/ИИ/нейросетью политика, который в силу профессии несет огромную ответственность за свои решения и поступки.

Однако ответственность бывает разного рода, и если с юридической это может быть вопросом, решаемым в ближайшем времени, то как будут обстоять дела с моральной стороной? Если ответственность перед законом можно концептуализировать, основываясь на нормативно-правовых актах, что можно сейчас наблюдать на рассмотрении практических юридических казусов попадания в аварии машин Tesla, находящихся под управлением компьютера и без участия водителя, сидящего там же в машине, то моральную ответственность политика-нейросети перед гражданами определить крайне сложно. Не говоря о том, что сейчас ответственность политика за принимаемые решения зачастую может свестись всего лишь в неучастии в очередных выборах. В сфере социальных отношений политического контура очень важен момент так называемого осознания совершаемого зла: в отношении традиционных политических акторов есть критерии принятия общественно значимых решений. «Их сочетание предполагает, что нарушение права (запрета) оказывается нравственно допустимым и обязательным лишь в случае угрозы возникновения значительного совокупного ущерба, иными словами, в случае, когда совершение морально предосудительного действия позволяет предотвратить неминуемую катастрофу» [5]. Можем ли мы применить тот же подход к роботу-политику? С учетом того факта, что некоторые вопросы морали носят характер «вечных», то есть до сих пор однозначно не решенных, и вообще моменты нравственности ввиду их нематериальности разрешать даже с людьми крайне проблематично, то скорее нет.

Нам кажется, что данный аспект будет сильно зависеть от того, как общество в большинстве своем будет воспринимать роботов с нравственной точки зрения, будет ли считать их моральными созданиями, ибо сейчас, несмотря на уровень технической разработанности роботов, люди воспринимают их все же как бездушных (в данном случае в смысле «лишенных морали по определению») машин. Однако общественное восприятие чего-либо конструируемо. Это значит, что проблема морального принятия роботов населением, в том числе на политических постах, может быть решена долгосрочным и активным лоббированием прав роботов, что не выглядит таким уж фантастическим, если вспомнить тот факт, что еще в первой половине XX века сексуальные меньшинства подвергались остракизму, а сегодня ситуация скорее дискриминационна по отношению к традиционным предпочтениям. Второй путь – официальное и формальное закрепление факта наличия морали у роботов на законодательном уровне. На самом деле это может быть определенной фазой первого пути, но может и просто констатироваться без стремления сделать мысль о человечности роботов естественной для населения, ведь если такой закон будет действовать и применяться, со временем люди привыкнут к мысли о подобном восприятии нейроличностей.

Следующую сложность, связанную с заменой политика системой искусственного интеллекта, хотелось бы проследить на основе работы Санкт-

Петербургского университета. СПбГУ провел исследование с целью выяснения, смогут ли нейросети заменить юристов [1], и те ключевые моменты, которые они выделили в своем исследовании также помогут объяснить, почему политиков большого масштаба не заменят компьютерные программы.

Также рассматриваемая проблема носит этический характер в глубоком смысле понимания того, что есть этика. Ее сущность тесно связана с описанным выше аспектом моральной ответственности. Но в нашем конкретном случае мне бы хотелось сделать акцент на двух моментах: свободе воли и коммуникации.

«Свобода – это состояние субъекта, при наличии которого он становится определяющей причиной своих действий, а не выполняет их под влиянием каких-то внешних факторов» [9]. Можно ли будет судить о роботе-политике и его поступках независимо от его создателей, владельцев? Людей часто осуждают за тот самый человеческий фактор, когда они оказываются под влиянием других людей, денег, обстоятельств. А робот не может оказаться под влиянием финансиста с профессиональными хакерами, которые сумеют перестроить робота-политика в интересах своего начальника? На данный момент этот вопрос пока остается без четкого ответа.

Следующий момент затрагивает вопрос взаимодействия системы ИИ и человека в ходе профессиональной деятельности. Вот в государстве есть некий пул политиков разного звена – они все должны быть заменены роботами? Или все – одной нейросетью? Или будет один робот, а все остальные – люди? Каждый вариант развития событий вызывает много вопросов в сфере организации коммуникации – работы в коллективе, деловом и неформальном общении.

И, наконец, ключевая, на мой взгляд, проблема. Можно выработать законодательное оформление замены политика андроидом, можно заставить людей свыкнуться с этим, научить их принимать робота, общаться с ним. Но, по нашему мнению, робот априори не может полностью заменить человека. Его функцию работника – может быть, но человека со всей совокупностью эволюционного развития, эмоциональных переживаний, жизненного опыта, иррациональным поведением, нечеткой логикой, ценностями, осознаваемыми и неосознаваемыми, – нет.

Это навсегда сохранит сферу социальных отношений, сферу искусства и сферу таких профессий как занятие политикой за человеком. В этой деятельности огромную роль играет творческий подход, понимание тонкости момента. Политик, особенно высокого ранга, особенно глава государства – это человек, в котором, как и в каждом из нас, заложен культурный код своего народа, менталитет, который влияет на понимание и исполнение своих функций. Более того, искренняя принципиальность, черта, которую мы считаем неотъемлемой для политика, не может быть привнесена извне, создана искусственно.

Работа можно научить что-то делать, можно научить учиться, можно научить мимикрировать под человека максимально реалистично, но его нельзя научить быть человеком.

Но, если за человеком оставить возможность принятия результирующего решения, используя ранжирование экспертных оценок, то применение математических методов поможет осуществить подготовку принятия решения. В научной литературе описан метод «Дельфи» как, вообще говоря, многотуровое, но чаще всего двухтуровое анкетирование экспертов. При чем во втором туре эксперты видели общие и поименованные результаты участия в опросе и после этого либо меняли свою оценку, либо оставляли ее неизменной. Важным являлся и выбор участников, куда приглашались те, кого другие эксперты признавали за эксперта. Таким образом достигалась компетентность и взвешенность оценок, основанная на согласованности экспертных мнений.

Результаты исследования и их обсуждение. Во многих задачах многокритериального выбора для принятия решений используют метод анализа иерархий (МАИ), предложенный Саати [8]. Согласно этому методу экспертами формируется матрица парных сравнений, а искомый весовой вектор или вектор приоритетов вычисляется как собственный вектор матрицы парных сравнений, отвечающий максимальному собственному значению. Этот вектор определяет компромиссный выбор критериев в задаче принятия решений, представленный в форме весовых коэффициентов.

Применим данный метод к ситуации выбора поставок гуманитарной помощи трем непризнанным республикам. Создадим косодиагональную матрицу попарных сравнений для выбранных критериев и заполним ее экспертными оценками.

Таблица 1

Критерий	1	2	3	4	Оценки компонентов	Нормализован- ные оценки
Доставка продовольствия	1	7	9	3	3,71	0,62
Доставка медикаментов	1/7	1	5	1	0,92	0,16
Поставка энергоносителей	1/9	1/5	1	1/3	0,76	0,05
Эвакуация жителей	1/3	1	3	1	1,0	0,17
Сумма	6,48	9,2	9,2	5,33	4,11	

Для этой матрицы коэффициент согласованности составляет:
 $0,07/0,9 \cdot 100\% = 7\%$.

Таблица 2

Доставка продовольствия					
Альтернативы	Республика 1	Республика 2	Республика 3	Оценки компонентов	Нормализованные оценки
Республика 1	1	1/3	1/7	0,47	0,12
Республика 2	3	1	1/5	0,88	0,23
Республика 3	7	5	1	2,43	0,64
Сумма	11,00	6,33	1,34	3,78	
Доставка медикаментов					
Альтернативы	Республика 1	Республика 2	Республика 3	Оценки компонентов	Нормализованные оценки
Республика 1	1	1/5	7	1,09	0,27
Республика 2	5	1	9	2,59	0,64
Республика 3	1/7	1/9	1	0,35	0,09
Сумма	6,15	1,31	17,0	4,03	
Доставка энергоносителей					
Альтернативы	Республика 1	Республика 2	Республика 3	Оценки компонентов	Нормализованные оценки
Республика 1	1	5	1/7	0,91	0,26
Республика 2	1/5	1	1/3	0,51	0,14
Республика 3	7	3	1	2,14	0,60
Сумма	13	4,20	1,48	3,57	
Эвакуация жителей					
Альтернативы	Республика 1	Республика 2	Республика 3	Оценки компонентов	Нормализованные оценки
Республика 1	1	5	3	1,97	0,56
Республика 2	1/5	1	7	1,09	0,31
Республика 3	1/3	1/7	1	0,46	0,13
Сумма	1,53	6,14	11,0	3,52	

Для приведенных матриц коэффициенты согласованности составляют соответственно 11,1%; 0,2%; 10,3%; 7,8%.

Глобальный критерий:

Таблица 3

Альтернативы	Доставка продовольствия	Доставка медикаментов	Доставка энергоносителей	Эвакуация жителей	Глобальные приоритеты
	0,62	0,16	0,05	0,17	
Республика 1	0,12	0,27	0,26	0,56	0,24
Республика 2	0,23	0,64	0,14	0,31	0,30
Республика 3	0,64	0,09	0,60	0,13	0,46

Согласно приведенным расчетам, можно рекомендовать к помощи для Республики 1 – эвакуацию жителей как предпочтительный вариант, для Республики 2 – доставку медикаментов, для Республики 3 – доставку продовольствия и энергоносителей. И приоритетным направлением для помощи – Республику 3.

Рассмотрим применения метода ELECTRE, состоящего в том, что для каждой пары альтернатив выдвигается предположение о предпочтительности одного из решений, для которых вычисляются два индекса – согласия и несогласия, рассматриваются пороги применимости и таким образом осуществляется выбор [6].

Предположим, два эксперта, которые в предыдущем случае выставляли согласованную оценку для метода Саати, составили свою матрицу важности критериев:

Таблица 4

Доставка продовольствия	Доставка медикаментов	Доставка энергоносителей	Эвакуация населения
10	9	7	5
10	6	9	5

Обработав данные по методу ранга, получаем веса критериев:

$$V_1=0,33; V_2=0,25; V_3=0,26; V_4=0,16.$$

Оценки альтернатив приводим к безразмерному виду:

Таблица 5

	Республика 1	Республика 2	Республика 3
Доставка продовольствия	1,00	1,00	1,00
Доставка медикаментов	0,89	0,72	0,67
Доставка энергоносителей	0,78	0,98	0,56
Эвакуация населения	0,34	0,45	0,55

Матрица индексов согласия:

Таблица 6

	Республика 1	Республика 2	Республика 3
Республика 1		0,58	0,84
Республика 2	0,75		0,84
Республика 3	0,49	0,49	

Матрица индексов несогласия:

Таблица 7

	Республика 1	Республика 2	Республика 3
Республика 1		0,2	0,21
Республика 2	0,17		0,1
Республика 3	0,22	0,42	

Если назначим пороговые значения для матрицы согласия 0,6, а для матрицы несогласия 0,2, то единственной альтернативой будет Республика 2 как объект приложения политических усилий согласно поставленным весам.

Однако, решение принимает лицо, принимающее решение, руководствуясь при этом как консолидированными рекомендациями экспертов, так и степенью ответственности, которую несет перед обществом, которое представляет.

Заключение. Были рассмотрены аспекты принятия решений в политической деятельности, позволяющие применять системы поддержки принятия решений, а также особенности использования систем искусственного интеллекта в социальных и политических областях. Были отмечены контуры области применения математических методов для принятия решений и особенности применимости многокритериальных методов Electre и метода анализа иерархий Саати. В связи с тем, что математические методы содержат весовые коэффициенты, выставляемые экспертами в области рассматриваемой проблемы, полученные результаты не противоречат традиционным способам принятия решений и позволяют взвешенно и корректно определить измеряемые критерии рассматриваемой проблемы и принять взвешенное и грамотное решение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. В области права нейросети не заменят человека полностью // Официальный сайт СПбГУ // <https://spbu.ru/news-events/novosti/v-oblasti-prava-neuroseti-ne-zamenyat-cheloveka-polnostyu>.
2. Все законы робототехники. Как будут законодательно регулировать машины с искусственным интеллектом // Meduza // <https://meduza.io/feature/2016/12/17/vse-zakony-robototehniki>.
3. Депутат Госдумы оценил перспективы роботизации российской политики // РИА Новости // <https://ria.ru/20200209/1564459012.html>.
4. Искусственный интеллект в дипломатическом корпусе // Коммерсант // <https://www.kommersant.ru/doc/4147794>.
5. Прокофьев А.В. Моральная ответственность в политике: взгляд через призму этики меньшего зла // Философский журнал. 2011. № 1 (6) // <https://cyberleninka.ru/article/n/moralnaya-otvetstvennost-v-politike-vzglyad-cherez-prizmu-etiki-menshego-zla>.

6. Путивцева Н.П., Пусная О.П., Изрунова С.В., Зайцева Т.В., Нестерова Е.В. Сравнительный анализ применения многокритериальных методов // Научный результат. Информационные технологии. 2017. Т. 2. № 1.

7. Розенблатт Ф. Принципы нейродинамики: Перцептроны и теория механизмов мозга. М.: Мир, 1965.

8. Саати Т. «Принятие решений. Метод анализа иерархий»; пер. с англ. Р.Г. Вачнадзе. М.: Радио и связь, 1993.

9. Теория политики: Практикум: Учеб. пособие для вузов / Под ред. Т.А. Алексеевой, И.Д. Лошкарева. М.: Аспект Пресс, 2019.

D.K. GONCHAROV

*Associate Professor at the Chair of informatics,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia*

D.D. GONCHAROVA

*Undergraduate student of MGIMO(U) Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

PECULIARITIES OF APPLYING MATHEMATICAL METHODS IN SUPPORT OF THE DECISION MAKING IN POLITICS

In the field of politics, as in other areas of social responsibility, the decision-maker is guided by expert assessments, which can be normalized using mathematical methods combined into a decision support system. This paper considers the methods of multi-criteria evaluation and Saati's analytical hierarchy method. The authors note that the methods are advisory in nature due to the lack of modern legal and other responsibility for the decisions made by artificial intelligence (AI).

Key words: *decision support system, analytical hierarchy method, political responsibility.*

DOI 10.35775/PSI.2021.70.6.020

УДК 32.323

Д.Ю. ПЕТРОВ

*старший преподаватель кафедры
Управления информационными
процессами отделения журналистики
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(РАНХиГС), Россия, г. Москва*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ

Проведен анализ реализации национальных проектов на основе экспертных оценок и компетентного мнения политических деятелей. Рассмотрена нормативно-правовая база регулирования по ключевым направлениям социальной сферы. Обоснована необходимость развития собственного производства для решения важных стратегических задач социального развития общества.

Ключевые слова: *социальная политика, национальные проекты, социальное развитие общества.*

Реализация Федеральных целевых программ на территории современной России начала с 2002 года. В течении трех лет было объявлено о внедрении сразу нескольких национальных проектов касаемых: агропромышленного комплекса, здоровья, образования и доступного жилья. К 2010 году федеральные целевые программы были переименованы в государственные, но далеко не все из них были реализованы. В начале 2012 года появилось более 10 Указов Президента по всем основным направлениям развития, ключевые показатели по которым должны быть достигнуты к 2018-2020 годам. Но в 2016 годы произошел ряд изменений, в ходе которого управление стратегическими проектами реорганизовали в Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Таким образом, появился перечень из 11 национальных проектов по основным направления стратегического развития нашей страны до 2025 года, который в последствии претерпел ряд изменений [3].

Основываясь на официальную информацию Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Т.А. Голиковой, главной задачей по реализации национальных проектов является социальная сфера – одна из основных направлений развития страны с целью повышения уровня

жизни населения. Основные принятые в этом направлении нормативно-правовые акты регулирования: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 01.03.2018 года [6; 5].

Для достижения поставленной цели Правительством еще в 2019 году был принят бюджет. В соответствии с ним финансовые вливания в развитие проектов социальной направленности составят более шести миллиардов рублей. Они будут распределены по четырем направлениям:

- демография;
- здравоохранение;
- образование;
- наука.

В рамках национального проект «Демография» планируется всесторонняя поддержка семей с детьми и обеспечение потребности в дошкольном образовании детей, а также создание около 255 тысяч мест в яслях. А с начала текущего года дан старт реализации программы переобучения женщин, находящихся в декретном отпуске. Таким образом, за пять лет предполагается обучить новым для себя профессиям более чем 200 тысяч женщин. Более того, уделяется повышенное внимание к качеству и уровню жизни людей пенсионного возраста, включая реформирование долгосрочного ухода за ними. А для улучшения демографической ситуации в России планируется уменьшить смертность трудоспособного населения 27,8% [3].

Национальный проект «Здравоохранение» направлен на снижение смертности, в том числе младенческой, благодаря внедрению современных информационных технологий, таких как: «бережливые технологии», «скрининги» [2; 7]. Повышение доступности и качества оказания медицинской помощи, масштабной профилактики от различных болезней, включая онкологию и заболевания, связанные с кровообращением. Стоит отметить, что Правительством планируется решить вопрос кадрового дефицита медицинских учреждений на всех уровнях.

Другой национальный проект, взятый на контроль – «Образование». Он предусматривает повышение социальной ответственности детей школьного возраста, формирование центров и подготовку соответствующих кадров по выявлению потенциала ребенка и его дальнейшего развития. Таким образом, в сфере профессиональной подготовки (переподготовки), повышении квалификации будут задействованы более 500 тысяч школьных учителей, что, в свою очередь, будет способствовать повышению уровня образования в стране.

Кроме того, уже в ближайшее время планируется реконструкции детских образовательных учреждений и создание порядка 200 тысяч новых мест для

учеников в рамках федеральной и региональной программы, а также около 25 тысяч мест на муниципальном уровне. В соответствии с действующим постановлением правительства необходимо обеспечить доступным дополнительного образования до 80 процентов детей и подростков от 5 до 18 лет. А к 2024 году будет построено порядка 100 центров опережающего развития и профессиональной подготовки. В том числе, 5 тысяч мастерских, оборудованных в соответствии со стандартами «Молодые профессионалы» (World skills Russia), а порядка 60 высших учебных заведений после реконструкции и строительства смогут получить международную аккредитацию и возможность разместить более 78 тысяч студентов [5].

В рамках научно-технического развития государства был разработан национальный проект «Наука». По прогнозам руководства страны уже к 2024 году Российская Федерация войдет в пятерку ведущих стран мира по разработке научных исследований по основным направлениям развития государства, включая социальную.

Для достижения национальных целей и решения основных задач 29 сентября 2018 года Председателем Правительства Российской Федерации утверждены Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года.

Обобщая вышеизложенное, национальные проекты Российской Федерации, связанные с социальным развитием общества способны:

- помочь внедрению современных цифровых технологий социальной сферы и экономики;
- увеличить численность населения Российской Федерации и повысить продолжительность к 2030 году до 78-80 лет;
- снизить уровень бедности;
- повысить темпы роста реальных доходов граждан и уровень пенсионного обеспечения;
- сформировать региональные проекты развития. Общий объем выделяемых средств в период с 2019 до 2024 года должен превысить 6,5 триллионов рублей [5].

Согласно данным официального сайта Портала национальных проектов на 2019 год в России 75 национальных проектов, включающих в себя 12 федеральных проектов. А на 2020 год уже 78 и 13 проектов федерального уровня.

В 2019 году сотрудниками Счетной Палаты Российской Федерации был подготовлен аналитический отчет об исполнении федерального бюджета за 2019 год. Так расходы на исполнение национальных проектов велись по 37 федеральным проектам из 75. Расходы по национальному проекту «Производительность труда и поддержка занятости» вообще не проводились. Федеральный проект «Укрепление общественного здоровья» в рамках национального проекта «Старшее поколение» по итогам 1 квартала

реализован только на 1,4%; «Безопасные и качественные автомобильные дороги» – 0,1%; «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры» – 5,1%; в рамках национального проекта «Образование» – 3,2%, более того, финансирование велось только по трем из десяти федеральных проектов.

Общие расходы по нацпроектам за первый квартал составили почти 221 млрд. рублей, или всего 12,8% показателя сводной росписи, что на 8,7% ниже среднего уровня исполнения расходов федерального бюджета (21,5%). Ниже этого уровня (12,8%) оказались расходы сразу по восьми национальным проектам (программам) и Комплексному плану, выше – только по четырём нацпроектам («Здравоохранение», «Наука», «Демография», «Международная кооперация и экспорт»).

Однако и по этим проектам достижения оказались весьма фрагментарными. Например, в рамках проекта «Здравоохранение» высокого уровня исполнения расходов удалось достичь лишь за счет одного из восьми федеральных проектов («Борьба с онкологическими заболеваниями»), при этом по 4 федеральным проектам исполнение расходов не осуществлялось, а по еще трем сложилось на крайне низком уровне (менее 3%). В проекте «Наука» на низком уровне были расходы на реализацию федерального проекта «Развитие передовой инфраструктуры для проведения исследований и разработок в РФ, не велось расходов по проекту «Развитие научной и научно-производственной кооперации». По нацпроекту «Международная кооперация и экспорт» не осуществлялись расходы по четырём из пяти федеральных проектов: относительно высокий уровень расходов в сравнении с общей картиной здесь обеспечил проект по экспорту продукции АПК.

Р10 ошибок запуска бизнеса бухслуж

Сотрудники Счетной Палаты также отметили ряд других проблем, к их числу можно отнести: отсутствие общей методики расчета показателей, недостатки в формировании нормативно-правовой базы регулирования, несоответствие действительности показателей и результатов [1].

Михаил Шапов – депутат Госдумы, член Комитета по бюджету и налогам назвал две основные причины неисполнения федеральных проектов в полном объеме: Первая – слабая дееспособность предыдущего Правительства Российской Федерации.

Вторая – проекты требуют доработок, так как готовятся в большой спешке.

Основываясь на его мнение, только высокие целевые показатели эффективности смогут достигнуть желаемых результатов, но для того, чтобы добиться этого, необходимо своевременно исполнять свои непосредственные обязанности в полном объеме. Об этом также упоминал Вячеслав Володин – председатель Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации – когда отчитывал бывшего Министра экономического

развития Орешкина за неготовность ответить на вопрос об объеме средств, заявленных для реализации Национальных проектов страны. К числу актуальных вопросов по оптимизации работы с национальными проектами можно считать упрощение процедур, установленных Федеральным законом «О контрактной системе», так как далеко не всегда удается уложиться в установленные сроки [4].

Все это позволяет дифференцировать существующие проблемы на две большие группы:

1. Управление и контроль. Слабое взаимодействие органов государственной власти друг с другом, общественными институтами и гражданами страны. Даже после утверждения Президентом страны в 2016 году, президиума Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам Департамента проектной деятельности Аппарата правительства Российской федерации общественного контроля по-прежнему не хватает. Более того, отсутствует сквозной контроль и ответственность за неисполнение поставленных задач. То есть многие целевые показатели по основным национальным проектам и разработанным на их основе программ не достигаются в полном объеме. Стоит отметить, что нынешние национальные проекты вносят большой вклад в социальное и экономическое развитие России даже в условиях глобального экономического кризиса и пандемии.

2. Мотивационная составляющая. Бизнес-элита не ассоциирует собственные интересы с общественными, а также со страной в целом. Появляется много сопутствующих проблем, связанных с «утечкой умов», оттоком капитала, увеличением неравенства, коррупцией, высоким уровнем налогооблагаемой базы, приводящий к спаду предпринимательской активности.

Для решения столь важных и актуальных задач будет недостаточно изменений в нормативно-правовой базе регулирования. Необходим целый комплекс мер, включающий в себя: повышение уровня заработной платы, снижение налогооблагаемой базы, работа с молодым поколением для воспитания граждан умеющих в ключевые моменты брать на себя ответственность и способных вывести нашу страну на качественно новый уровень развития. Более того, до сих пор не раскрыт транзитный потенциал нашей страны, объемы промышленного производства постепенно сокращаются, так как производственный сектор экономики требует модернизации. Но это не значит, что мы должны «самоизолироваться» от внешнего мира, важно перестать надеется на помощь других стран и начать работать над собой, особенно по таким ключевым вопросам как повышения уровня и качества жизни. Важно понять, что другим странам, включая наших стратегических партнеров, не нужна сильная Россия с высокотехнологичным производством, а природный потенциал, территория и находящиеся на ней ресурсы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аналитический отчет о ходе исполнения федерального бюджета за декабрь 2019 // <http://audit.gov.ru/promo/analytical-report-federal-budget-2019-4/index.html>.
2. Вумек Джеймс П., Джонс Даниел Т. Бережливое производство. Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании. М.: «Альпина Паблишер», 2011.
3. Законодательство Российской Федерации // <https://tass.ru/info/6101471>.
4. Неуд по нацпроектам // <https://mv-schapov.ru/news/neud-po-natsproektam-schetnaya-palata-stavit-neudobnyie-voprosyi-pravitelstvu/>.
5. Послание президента РФ от 01.03.2018 «Послание Президента Федеральному Собранию» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/.
6. Президент России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>.
7. North A.F. Screening in child health care, where are we now and where are we going? // *Pediatrics*. 1974. Vol. 54.

D.YU. PETROV

*Senior lecturer at the Department of
information management of the
Department of journalism of the Russian
Presidential Academy of national
economy and public administration,
Moscow, Russia*

SOCIAL POLICY AND IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS IN RUSSIA

The analysis of the implementation of national projects based on expert assessments and the competent opinion of political figures is carried out. The article considers the legal framework for regulating key areas of the social sphere. The necessity of development of own production for solving important strategic tasks of social development of society is proved.

Key word: *social policy, national projects, social development of society.*

DOI 10.35775/PSI.2021.70.6.021

УДК 32.321.01

А.И. КОПАСОВ

старший юрист-консультант

ООО «ЧТО ДЕЛАТЬ КОНСАЛТ»;

выпускник аспирантуры

Национального исследовательского

Мордовского государственного

университета имени Н.П. Огарева,

Россия, г. Саранск

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДЕФИНИЦИИ «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ»

В статье анализируются текущие подходы к определению территориального развития и государственной политики территориального развития в законодательстве и научных работах. Поставлена задача сформировать определение государственной политики территориального развития посредством методов формальной логики и категориально-системной методологии. Выявлены необходимые и достаточные признаки рассматриваемого явления. В результате применения метода триадической дешифровки получено определение государственной политики территориального развития - разновидность государственной политики, реализуемой органами государственной власти на федеральном региональном и местном уровнях посредством раскрытия природно-ресурсного, социально-экономического и инвестиционного потенциалов для удовлетворения потребностей в сферах инфраструктуры, производства и оказания услуг.

Ключевые слова: *государство, политика, территория государства, территориальное развитие, пространственное развитие, государственная политика, конструирование дефиниции.*

Обзор существующих дефиниций категории «государственная политика территориального развития». Вопросы политики территориального развития являются предметом изучения многих экономистов и политологов. Актуальность территориального развития связывают с актуальностью процессов децентрализации [7. С. 34]. Основу для реализации политики территориального развития составляют федеративные отношения, которые в наших реалиях испытывают на себе последствия практики договорных отношений в начале 1990-х годов, последствия перераспределения полномо-

чий между центром и периферией, особенности бюджетного федерализма, бюджетной системы [6].

В НПА не закрепляется определение категории «государственная политика территориального развития» или «территориальное развитие», однако есть, на первый взгляд, схожие термины. К примеру, Градостроительный кодекс содержит определение деятельности по комплексному и устойчивому развитию территории.

Так приведенное в статье 1 ГрК РФ (в редакции от 29.12.2020 г.) определение деятельности по комплексному и устойчивому развитию территории в качестве цели утверждает достижение наиболее эффективного использования территории. Средствами названы планировка размещения объектов капитального строительства жилого, производственного, общественно-делового и иного назначения, а также инфраструктурных элементов. Определение деятельности по комплексному и устойчивому развитию территории носит инструментальный характер и позволяет достаточно полно понять, что именно должно быть сделано для достижения заданной цели. В той же статье приводится термин устойчивое развитие территорий, который определяется как гарантирование безопасности и благоприятных условий жизни человека и общества в целом, ограничение отрицательного влияния хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и обеспечение не только охраны природных ресурсов, но и их рационального использования в интересах настоящего и будущего поколений в процессе градостроительной деятельности. В отличие от предыдущего этот термин носит более концептуальный характер.

Можно сделать вывод, что в контексте градостроительного законодательства развитие территорий это – деятельность по наиболее выгодному использованию территории. То есть задается цель так разместить объекты необходимые для жизнедеятельности человека и функционирования общества, чтобы извлечь из этих объектов максимум пользы с учетом безопасности и сохранения благоприятных условий для текущего и будущих поколений.

В федеральном законе «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дается определение зоны территориального развития (п. 1 ст. 2) как части территории субъекта РФ, на которой в целях ускорения социально-экономического развития субъекта РФ путем формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций в его экономику резидентам зоны территориального развития предоставляются меры государственной поддержки. В такой дефиниции определяется цель и основной способ ее достижения. Согласно приведенному толкованию, цель территориального развития заключается в ускорении социально-экономического развития. Способ же заключается в привлечении инвестиций, посредством государственной поддержки.

В ст. 2 Федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» территория опережающего социально-экономического развития – часть территории субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование, и (или) акватории водных объектов, на которых в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения.

В п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» особая экономическая зона – часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны.

С лета 2020 года перечень публично-правовых образований в РФ пополнился федеральными территориями. Как уже не раз отмечалось (В.А. Мойборода [5], С.С. Зенин [3]) особый режим публичной власти еще до поправок распространялся на внутренние воды, моря, воздушное пространство, берега, континентальный шельф. Однако влияние этих объектов на хозяйственную жизнь не столь активно ввиду отсутствия населения. Первая федеральная территория на суше учреждена с вступлением в силу ФЗ от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»». Согласно ст. 2 указанного закона Федеральная территория «Сириус» является публично-правовое образование, в котором устанавливаются особенности организации публичной власти и осуществления экономической и иной деятельности для достижения таких целей как: комплексное устойчивое социально-экономическое развитие территории, инновационное развитие названной территории, повышение ее привлекательности для вложения инвестиций, сохранение олимпийского спортивного, культурного и природного наследия, реализация условий благоприятных для выявления, самореализации и развития талантов, реализации приоритетов научно-технологического развития России.

В легальных определениях можно отметить, что законодатель подразумевает под территориями части субъектов федерации, т.е. государственная политика в области территориального развития распространяется на часть субъекта или часть РФ.

Целесообразно соотносить понятие «государственная политика в области территориального развития» с понятиями «региональная политика/политика регионального развития», «политика пространственного развития». В стратегии пространственного развития (утв. Распоряжением Правитель-

ства РФ от 13.02.2019 № 207-р) приводится определение «пространственно-го развития» – совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития. К названному определению есть вопросы с точки зрения терминологии, поскольку в законодательстве чаще применяется категория «территория». Отмечается, что приоритеты, которые несет определение «система расселения», «территориальная организация экономики» и «государственная политика» – это не одно и то же, что «развитие пространства экономики» [2].

Определение государственной политики регионального развития приводится в Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года. Согласно ему, государственная политика регионального развития – система приоритетов, целей, задач, мер и действий федеральных органов государственной власти по политическому и социально-экономическому развитию субъектов РФ и муниципальных образований.

Можно прийти к выводу, что политика пространственного развития имеет в качестве объекта всю территорию РФ, государственная политика регионального развития – земли субъектов и муниципалитетов, части субъектов или части РФ уже относятся к объектам государственной политики в области территориального развития.

Как видно из определения, региональное развитие относится законодателем к инструментам пространственного развития. По нашему мнению, уместно говорить, что государственная политика в области территориального развития также может рассматриваться как инструмент пространственного развития, поскольку в конечном результате призвана способствовать совершенствованию территориальной организации экономики. Однако объектом этой политики являются части территорий субъектов (ЗТР, ТОСЭР) или часть РФ (ОЭЗ).

В научном дискурсе, при определении территориального развития, не упоминается часть субъекта как объект влияния государственной политики, а используется более широкое понятие «территория».

К примеру, Лаженцев В.Н. следующим образом толкует **территориальное развитие** – «прогрессивное изменение пространственной структуры производительных сил, процесс сбалансированного и эффективного использования человеческого, природно-ресурсного и материально-технического потенциалов конкретных территорий, экономико-географическая деятельность, направленная на формирование территориально-хозяйственных систем» [4. С. 9].

Управление социально-экономическим развитием территории по мнению Елисеевой Е.Ю., Барабановой И.Е. [1. С. 444] определяется как особая деятельность, организуемая для достижения стабильного и сбалансирован-

ного воспроизводства социального, хозяйственного и природного потенциалов территории при позитивной динамике параметров уровня и качества жизни населения.

Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. [2] определяют пространственное развитие как сферу управления и жизнедеятельности, состоящую из системы экономических, культурных, экологических, организационных и социальных связей, возникающих между субъектами с различным правовым статусом.

Конструирование краткой дефиниции категории «Государственная политика территориального развития» методом формальной логики. Используя метод формальной логики, можно представить государственную политику территориального развития как класс. Множеством объектов (универсумом), в пределах которых определяется класс и все остальные части для рассматриваемого объекта выступает Государственная политика. Дополнение к классу будет выражено множеством других видов государственной политики.

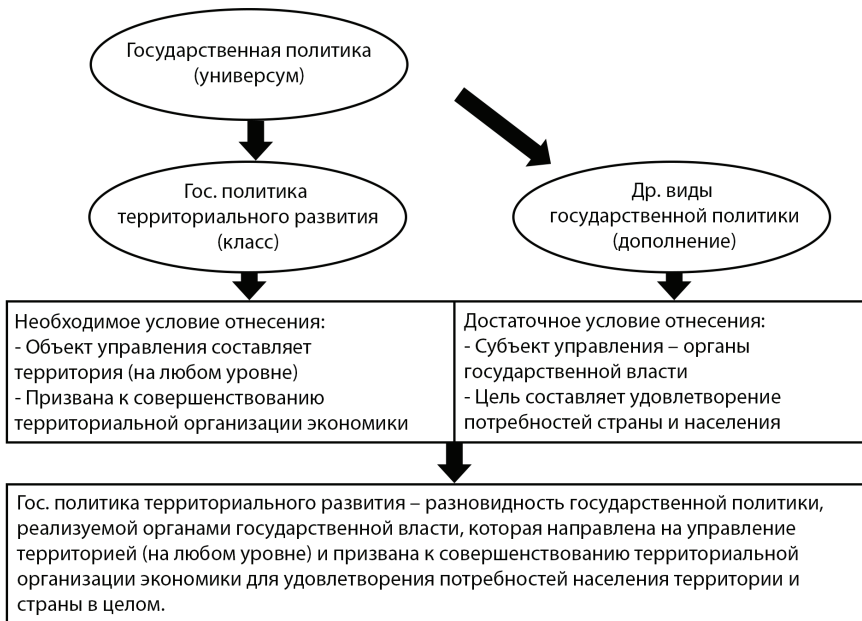
Для конструирования краткой дефиниции нужно подобрать необходимые и достаточные признаки, которые позволят отграничить класс из группы сходных, но не тождественных объектов. В данном случае это другие виды государственной политики.

Необходимым условием отнесения деятельности по управлению к государственной политике в области территориального развития является объект управления – территория (на любом уровне). Также к этим условиям относится назначение, которое заключается в совершенствовании территориальной организации экономики. Достаточными условиями являются: субъект управления в лице органов государственной власти и цель, которая состоит в удовлетворении потребностей страны и населения (Модель краткого определения государственной политики в области территориального развития).

Краткое определение государственной политики в области территориального развития будет иметь следующий вид: государственная политика в области территориального развития – разновидность государственной политики, реализуемой органами государственной власти, которая направлена на управление территорией (на любом уровне) и призвана к совершенствованию территориальной организации экономики для удовлетворения потребностей населения территории и страны в целом.

Конструирование развернутой дефиниции категории «Государственная политика территориального развития» методом триадической дешифровки. Этап конструирования развернутой дефиниции «Государственная политика территориального развития» основан на применении метода двухуровневой триадической дешифровки. Суть метода заключается в представлении категории посредством дешифрования триадой категорий перво-

*Модель краткого определения
государственной политики в области территориального развития*

*Модель триадической дешифровки категории
“Государственная политика территориального развития”*

го уровня. Категории первого уровня с достаточной полнотой описывают существо описываемого объекта. Далее подобным образом дешифруются сами категории первого уровня категориями второго уровня.

Среди категорий первого уровня можно выделить следующие: масштаб деятельности, потенциал, сферы хозяйства. Выбор указанных категорий первого уровня объясняется их частым упоминанием в иных определениях территориального развития или политики территориального развития (Лаженцев, Елисеева, Барабанова).

Масштаб деятельности – характеристика, которая позволяет рассматривать особенности территориального развития в разных масштабах применительно к Российской Федерации.

Потенциал – категория первого уровня, раскрывающая ключевые инструменты достижения наибольших результатов развития при минимальных затратах.

Сферы хозяйства – качественная характеристика территориального развития, которая представляет собой объект развития.

Для формирования второго уровня необходимо выделить еще один комплекс категорий.

Среди масштабов деятельности, применительно к территориальному устройству России, целесообразно выделить федеральный региональный, местный (локальный) уровни, опираясь на текущее территориальное деление. Наряду с указанными также можно выделить другие уровни, к примеру, субфедеральный, который охватывает несколько субъектов федерации и базируется на институте федеральных округов РФ, но, на наш взгляд, в настоящее время институт федеральных округов оказывает меньшее влияние, чем указанная триада. Выделение мезо-уровней, наподобие федеральных округов или военных округов, могут быть представлены уже на третьем уровне дешифровки.

Таким образом категория «масштаб деятельности» дешифруется категориями второго уровня: федеральный уровень, региональный уровень, местный (локальный) уровень.

Категория «потенциал» дешифруется по принципу выделения основных средств территориального развития. Под средствами территориального развития следует понимать совокупность инструментов, направленных на количественное и качественное улучшение жизни населения отдельной территории.

Первым, по нашему мнению, стоит упомянуть природно-ресурсный потенциал. Эта категория отражает существующие на определенной территории материальные блага природного происхождения. Используя их, в качестве основы экономического развития, можно достигать различные цели без дополнительных вложений. К примеру, это может быть продажа ресурсов или их переработка.

Категория «хозяйство» отражает хозяйственную самостоятельность территории.

Первым, по нашему мнению, стоит упомянуть именно инфраструктуру. Значимость транспортного сообщения, связи и прочих коммуникаций при отсутствии материального результата способствует повышению экономического роста территории и обеспечивает качество жизни населения. Отмечается значимость развития инфраструктуры в целях достижения единства экономического пространства и целостности территории [8. С. 163].

Категория «производство» направлена на конечный результат при создании объектов материального мира для практического использования и удовлетворения различных потребностей населения. Производство

Категория «сфера услуг» отражает процесс оказания услуг, результатом которых не является создание материальных вещей. Рассматриваемая категория подразумевает непосредственно процесс, а не материальный результат.

Таким образом категория «хозяйство» дешифруется категориями: инфраструктура, производство, сфера услуг.

Следующим рассмотрим социально-экономический потенциал. Указанная категория отражает количественную величину и степень реализации возможностей, созданных в регионе (территории). Роль социально-экономического потенциала заключается в использовании его одновременно как основного ресурса, целевого ориентира и конечного результата развития территории.

Инвестиционный потенциал представляет собой количественную характеристику, которая учитывает насыщенность территории факторами производства, потребительский спрос населения и другие показатели.

Таким образом категория «потенциал» дешифруется категориями: природно-ресурсный потенциал, социально-экономический потенциал, инвестиционный потенциал.

Использование метода формальной логики и метода двухуровневой триадической дешифровки позволило получить следующее определение государственной политики территориального развития – разновидность государственной политики, реализуемой органами государственной власти на федеральном региональном и местном уровнях посредством раскрытия природно-ресурсного, социально-экономического и инвестиционного потенциалов для удовлетворения потребностей в сферах инфраструктуры, производства и оказания услуг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Елисеева Е.Ю., Барабанова И.Е.* Понятие и сущность социально-экономического развития муниципальных образований // В сборнике: Научный взгляд: Труды международной научной конференции. 2015.

2. Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Правовые проблемы пространственного развития Российской Федерации: вопросы стратегического планирования // Юрист. 2020. № 5.

3. Зенин С.С. Система публичной власти в российской федерации: новые подходы к правовому регулированию в условиях конституционной реформы // Lex Russica. 2020. № 12 (169).

4. Лаженцев В.Н. Теория территориального развития и практика территориального планирования // Вопросы территориального развития. 2014. № 8 (18).

5. Майборода В.А. Градостроительное регулирование развития федеральной территории // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 4.

6. Осадчая Т.Г., Абдукаримов В.И., Кулакова А.Е. Проблемы реализации политики территориального развития в дотационных регионах // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 8.

7. Пяткова Н.П. Предпосылки возникновения политики территориального развития // The Scientific Heritage. 2021. № 58-4.

8. Фофанова А.Ю. Транспортный комплекс и его роль в развитии регионов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 1-2.

A.I. KOPASOV

Senior legal consultant

*LLC «WHAT TO DO CONSULT»,
Graduate student National Research
Mordovian state University named
after N.P. Ogareva, Saransk, Russia*

CREATION OF THE DEFINITION “STATE POLICY OF TERRITORIAL DEVELOPMENT”

The author analyzes current approaches to determining territorial development and state policy of territorial development in legislation and scientific works. The task is to define the state policy of territorial development through methods of formal logic and categorical-system methodology. The article revealed the necessary and sufficient signs of the phenomenon under consideration. As a result of the triadic decryption method, a definition of the State policy of territorial development has been obtained - a form of State policy implemented by State authorities at the federal regional and local levels through the disclosure of natural resource, socio-economic and investment potential to meet the needs in the areas of infrastructure, production and provision of services.

Key words: *state, politics, state territory, territorial development, spatial development, state policy, creation of definition.*

АКТУАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ В РОССИЙСКОМ НЕФТЕГАЗОВОМ КОМПЛЕКСЕ

Политический риск – это сложное многоаспектное явление, которое проявляет себя в форме изменений условий экономической деятельности и поведения игроков на рынке. Именно ТЭК зачастую наиболее подвержены влиянию политических рисков, в силу своей важности для экономического развития страны, достижения стратегических государственных целей и в связи с высокими ценами на энергосырье. При этом как направление этого влияния, так и источники возникновения политических рисков могут быть совершенно разными и труднопредсказуемыми, делиться на категории и виды. В статье рассмотрены такие ключевые для нефтегазовой отрасли РФ политические риски как: международные санкции, неравные налоговые условия, геополитические риски транзита, противодействия региональных элит, национализации/экспроприации собственности. Автор изучает воздействие данных рисков и пути их нивелирования на примерах конкретных кейсов и компаний, выявляя существующую специфику. В конце приводятся выводы о причинах столь значительной подверженности отрасли ТЭК полит. рискам.

Ключевые слова: политические риски в ТЭК, санкции против нефтегазовой отрасли РФ, налогообложение в ТЭК, национализация.

Проекты, связанные с освоением ресурсов углеводородного сырья, являющиеся для нашей страны системообразующими, характеризуются повышенной степенью риска, вызываемого рядом специфических особенностей процессов поиска, разведки и разработки месторождений. Кроме прямых видов риска (риск неоткрытия месторождения, открытие нерентабельного месторождения и т.п.) огромное значение играют косвенные – политический, социальный, экономический, валютный и прочие риски. В этой связи анализ политических рисков, влияние которых в условиях консервации экономической политики, нарастания дирижистских настроений в правительстве и актуализацией внешних угроз, представляется важной и необхо-

димой мерой сокращения вероятности возможных потерь нефтегазовыми компаниями и инвесторами.

Автор, основываясь на существующих исследованиях феномена политического риска, в соответствии с целями данной статьи определяет его как возможность в результате принимаемых под воздействием внешних и внутренних факторов политических решений или политического процесса наступления неблагоприятных последствий для компании в виде убытков, потери инвесторами полностью или частично вложенных финансовых средств, лишения лояльности представителей госорганов, обеспечивающих экономические преференции, снижения темпов экономического роста фирмы или даже ее ликвидации, поглощения, национализации.

Существует целый ряд причин, по которым рынок России продолжает оцениваться в международных финансово-промышленных кругах, как высокорисковый. Во-первых, в результате снижения экономических темпов роста правительство пыталось кейнсианскими методами разогнать экономику, в результате возросли как дирижистские настроения во власти, так и роль государства на рынке. Дополнительным бременем на бюджет легло присоединение Крыма, издержки от которого, даже без учета санкций, в виде многомиллиардных дотаций из госбюджета не способствовали экономической стабильности и вели к дефициту денежных средств. Во-вторых, общемировая практика привлечение инвестиций через механизмы фондового рынка в России по факту не реализуема, ввиду недостаточных объемов рынка, который остался спекулятивным инструментом, игрушкой, в руках крупных компаний. В-третьих, низкая эффективность инструментов улучшения инвестиционного климата в субъектах, а также плохой пиар региональными администрациями достигнутых успехов, приводят к тому, что позитивные изменения на местах «тонут» в массе общестранового негатива, а региональная специфика остается незамеченной крупными отечественными и иностранными инвесторами.

Ключевым политическим риском для ТЭК на сегодняшний день являются санкции Запада, суть которых состоит в запрете на предоставления технологий добычи и бурения на шельфе и сланцевых месторождениях, сервисных услуг, финансирования. После их введения российским компаниям пришлось прервать множество проектов по бурению и разведке и начать поиск новых партнеров и поставщиков. Они столкнулись с тем, что у отечественных сервисных компаний зачастую отсутствует необходимое оборудование и опыт. Китайские же партнеры, с которыми на данный момент активно работает «НОВАТЭК», «Роснефть» и «Газпром» не способны напрямую обеспечить российские предприятия всем необходимым. В то же время тот мощный научный и производственный задел, созданный в КНР, и отработанные технологии производственного шпионажа все же могут, хоть и с задержкой в несколько лет, обеспечить российский нефтегазовый рынок большинством необходимых технологий.

Китайские компании частично заменили западные при разработке труднодоступной нефти. Однако, их участия недостаточно, так как лидируют в этой области все же западные компании и заменить их быстро не получится. Такая ситуация может привести к сокращению добычи нефти в нашей стране через несколько лет, так как старые месторождения постепенно исчерпаются, а новые будут требовать все более совершенных технологий добычи, что сформирует дополнительные риски для нефтегазовых концернов [4]. Это также можно считать еще одним политическим риском данной отрасли в РФ, а именно – технологическая зависимость от импортных работ.

Серьезным политическим риском выступают неравные условия предоставления налоговых льгот компаниям ТЭК [2]. Особенно актуальным этот риск стал после запуска налогового маневра, суть которого заключается в постепенном повышении ставки НДС и обнулении экспортных пошлин, что лишало компаний существенной прибыли. Наибольших успехов в этом деле добилась «Роснефть» и «НОВАТЭК»: первоначально планировалось выплачивать возвратные акцизы в рамках маневра только НПЗ, которые поставляют на рынок не меньше 10% бензина класс не ниже Евро-5, однако стараниями нефтегазовых корпораций список «льготников» был расширен, и в него включили компании, попавшие под санкции, и заводы, которые до 2024 года завершат модернизацию для производства топлива класса Евро-5. Кроме того, опасаясь финансовых потерь от поставок топлива с заводов, удаленных от рынков сбыта, нефтяникам удалось получить полные компенсации за транспортировку топлива с таких НПЗ. Хотя немаловажную роль также сыграло стремление государства сохранить стимулы в отрасли, особенно в части глубокой переработки.

Кроме того, «Роснефть» запросила льготы по НДС для разработки Приобского месторождения, аргументируя это высокой обводненностью продукции. В результате таких льгот компания получит 460 млрд рублей за 10 лет. Последовав примеру «Роснефти», «Газпромнефть» также направила запрос в Минфин на получение льгот для южной части этого месторождения, разработкой которого занимается. Но ей, в отличие от конкурента, было отказано.

В целом среди крупных российских нефтяных компаний, «ЛУКОЙЛ» и «Газпромнефть» выглядят наиболее уязвимыми к неблагоприятным фискальным изменениям, учитывая доминирующую долю внутренней переработки в их выручке. Этот риск частично смягчается высоким выходом светлых нефтепродуктов на российских НПЗ этих компаний (более 65%) после модернизации и благоприятной географией расположения заводов. «ЛУКОЙЛ» и «Газпромнефть» также поставляют больше всего нефтепродуктов на внутренний рынок (свыше 60%). Это делает их чрезвычайно подверженными рискам от трансформаций в ходе налогового маневра, если

правительство решит разделить с ними социальную ответственность удержания темпов роста цен на бензин и дизельное топливо близко к уровню инфляции [3].

Последний заметный пример реализации вышеописанного политического риска – неравномерное выделение льгот нефтяным компаниям после налоговой реформы в отрасли в 2020 году, в ходе которой были отменены преференции по НДС, экспортной пошлине, НДС для сверхвязкой и трудноизвлекаемой нефти. После этого «Роснефти», обладающей самым весомым админресурсом, удалось заполучить наибольшие компенсации за недополученные доходы из-за реформы. Благодаря лоббистским усилиям, прочным личным связям Сечина с президентом и значимости компании для экономики страны, она получила не только 46 млрд рублей в год для Приобского месторождения, но и вычет на 60 млрд рублей для «Восток Ойла».

«Газпромнефти» и «Татнефти» повезло меньше, им предоставили налоговый вычет в размере 36 млрд рублей каждой на 3 года для Новопортовского и Ромашкинского месторождений. При этом подобных мер все равно оказалось решительно недостаточно для компенсации всех потерь компаний, поэтому «Татнефть» была вынуждена перевести 20 участков добычи на режим НДС, который, в условиях отмены льгот по НДС для сверхвязкой нефти, стал более предпочтительным, но все же менее выгодным, чем условия предыдущих лет. «ЛУКОЙЛ» же в свою очередь не получил абсолютно никаких послаблений и стал добывать сверхвязкую нефть в невыгодных условиях. Компания рассчитывала на льготы для сверхвязкой нефти Ярегского месторождения, аналогичного Ромашкинскому, но получила отказ. В итоге «ЛУКОЙЛ» принял решение свернуть все инвестиции в разработку Ярегского, кроме поддерживающих.

Другим внешним политическим риском являются сложности в отношениях с Белоруссией, через которую проходит один из крупнейших нефтепроводов из России в Европу – нефтепровод «Дружба». Причиной возрастания напряженности, а вместе с ней и уровня риска, может стать в первую очередь тот самый налоговый маневр, из-за которого Белорусские НПЗ будут вынуждены покупать российскую нефть по мировым ценам, что лишит бюджет Белоруссии значительных поступлений от ее перепродажи третьим странам, то есть одной из ключевых статей дохода. В этих условиях остается, во-первых, не давать Минску поводов для придинок, сохраняя качество нефти на высоком уровне, что зависит, в первую очередь, от компании-транспортера («Транснефти»), а, во-вторых, следует понимать, что непосредственно нефтегазовые компании не имеют возможности самостоятельно нивелировать подобного рода риски, так как они являются результатом геополитических противоречий, и, в-третьих, необходимо продолжать процесс диверсификации путей транспортировок нефти, с целью снижения зависимости от одной страны-транспортера.

Но если Беларусь представляется не столь рискованным направлением транзита, особенно в свете усиления интеграционных процессов с РФ в условиях внутривнутриполитической нестабильности и международной изоляции, то с Украиной дела обстоят иначе. Здесь риском является не опасность остановки транзита, а, напротив, его сохранение на невыгодных для «Газпрома» условиях. После завершения «Северного потока-2» компании было бы выгодно полностью перевести поставки на него, отказавшись от менее выгодного и более проблемного украинского маршрута. Но по независящим от «Газпрома» геополитическим причинам компания вынуждена будет его сохранять.

Существует две основные модели взаимодействия нефтегазовых компаний и местных политических элит: корпоративная и этатистская. Первая модель базируется на зависимости региональных властей от предприятий ТЭК, она характерна для дотационных регионов, где бюджет постоянно нуждается во вливаниях как со стороны федерального центра, так и со стороны крупного бизнеса. В таких регионах бизнес помогает дофинансировать некоторые проекты местных властей, а взамен рассчитывать на лояльность по отношению к своей деятельности. В результате происходит сращивание интересов бизнеса и политической элиты, особенно часто это происходит в городах, где предприятия ТЭКа являются градообразующими. В областях с такой формой взаимодействия (ЯНАО, ХМАО, Тюменская область и т.д.) обычно риск конфронтации с местными элитами доминирующих в регионе нефтегазовых компаний крайне низок, так как существуют неформальные механизмы разрешения всех споров, однако ведение бизнеса частными предпринимателями здесь связано с дополнительными рисками.

Другая модель взаимодействия государства и бизнеса – этатистская – предполагает доминирование руководства региона, которое формулирует основные правила игры для представителей бизнес-сообщества. В большинстве случаев подобная ситуация складывается в регионах с диверсифицированной структурой экономики. Это, к примеру, Свердловская, Новосибирская, Нижегородская, Самарская обл. Региональная власть при данной модели выступает неким арбитром в условиях разнонаправленных интересов представителей бизнеса. Однако большой ресурсный потенциал позволяет корпорациям ТЭК претендовать на особое положение по отношению к другим крупным компаниям региона. Несмотря на то, что итоговые решения по участию крупных компаний в региональных проектах принимаются на сегодняшний день с обязательным учетом мнения федерального центра, в ряде регионов корпорации ТЭК вынуждены выстраивать свою деятельность в соответствии с мнением и пожеланиями местного руководства [1].

В России так же существует специфический политический риск национализации компаний ТЭКа. Специфичность его обусловлена тем, что национализация как правило происходит на полузаконных основаниях, ис-

тинной же причиной является борьба политических и экономических элит. Примером реализации такого политического риска последних лет стал процесс поглощения «Башнефти», принадлежащей АФК «Система», государством с последующей передачей ее «Роснефти». Согласно материалам суда, «Башнефть» была незаконно передана во владение республики, тогда как согласно постановлению Верховного Совета РСФСР предприятия ТЭКа, относились исключительно к федеральной собственности, а значит все последующие сделки с ее приватизацией и продажей неправомерны.

Основной причиной, по которой государство потребовало возвращения компании под ее управление, стало, по мнению большинства аналитиков, желание Игоря Сечина приобрести «Башнефть». Председатель совета директоров «Башнефти» Феликс Евтушенко отверг предложения Сечина, и тогда самая влиятельная нефтяная компания России, глава которой тесно связан с высшими государственными чиновниками и лично с президентом Путиным, решила забрать «Башнефть» силой под надуманным предлогом. Это подтверждает и следующая за национализацией реприватизация «Башнефти» все той же «Роснефтью». Примечательно и то, что Евтушенко, находившейся под домашним арестом на протяжении всего судебного разбирательства между государством и АФК «Система» по обвинению в отмывании денег, был выпущен на свободу сразу после полного удовлетворения иска прокуратуры о национализации «Башнефти». В данном случае именно политический риск оказал определяющее влияние на потери компаний АФК «Система» своих активов.

В российском нефтегазовом секторе существуют и другие гораздо более «экстремальные» политические риски, такие как: военные конфликты, забастовки, свержение правящего режима, введение чрезвычайного положения, народные волнения. Однако их влияние на реальную экономическую деятельность в сложившихся политических реалиях не велико, что признают все нефтегазовые компании, работающие на российском рынке.

Таким образом, следует заключить, что российский ТЭК остается крайне подвержен политическим рискам. Этому способствует несколько факторов: компании Нефтегаза в РФ, в силу сложившихся традиций, как правило, пытаются оказать влияние на центры принятия полит. решений в обход существующих формальных правил и процедур, в силу мощных клиентелистских тенденций; крупные компании отрасли полностью подконтрольны представителям российских властных элит в силу моноцентричного и авторитарного характера полит. системы; отрасль является самым крупным налогоплательщиком в бюджет РФ и поставляет на внутренний рынок ключевые для экономики ресурсы; компании ТЭК почти всегда ведут свою деятельность на международном уровне, а потому неизбежно зависят от геополитических процессов.

По мере демократизации российского общества и политической системы подверженность одним политическим рискам будет снижаться, а другим

нарастать. Поэтому в любых условиях крайне важно проводить своевременный и эффективный учет, анализ и оценку существующих политических рисков и заранее выстраивать возможные стратегии их нивелирования. Вместе с тем далеко не всегда прослеживалась прямая связь между определенными отраслевыми полит. рисками и конкретными изменениями в поведении компаний, а потому элемент неопределенности и непредсказуемости такой угрозы предопределяет регулярную и неотвратимую подверженность им. Именно лоббистский и административный ресурс, финансовые показатели конкретной компании и проекта, как мы убедились, определяют способность бизнеса противостоять таким рискам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Долгов В.В. Модели взаимодействия топливно-энергетических компаний и российской власти на регионально уровне // <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-vzaimodeystviya-toplivno-energeticheskikh-kompaniy-i-rossiyskoy-vlasti-na-regionalnom-urovne>.

2. Родионова М.Е. Комплексное управление рисками: обзор зарубежных стандартов // Управленческие науки. 2013. № 4.

3. Финанс. Налоговый маневр в нефтянке: такой, какой есть, 2018 // <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/nalogovyy-manevr-v-neftyanke-takoiy-kakoiy-est-20180918-125726/>.

4. Энергетика в современном мире. кол. Монография / под общ ред. М.Е. Родионовой, П.С. Селезнева, И.В. Юшкова, С.П. Митраховича. М.: Кнорус, 2019.

D.I. DMITRIEV

*Expert-researcher of the Center
«Eurasian Development» and
Editor of «Alliance-Industry»,
Moscow, Russia*

CURRENT POLITICAL RISKS IN THE RUSSIAN OIL AND GAS INDUSTRY

Political risk is a complex multidimensional phenomenon that manifests itself in the form of changes in the conditions of economic activity and the behavior of market players. It is the fuel and energy sector that is often most affected by political risks, due to its importance for the country's economic development, the achievement of strategic state goals, and due to high energy prices. At the same time, both the direction of this influence and the sources of political risks can be completely different and difficult to predict, divided into categories and types. The article considers such key political risks for the oil and gas industry of

the Russian Federation such as: international sanctions, unequal tax conditions, geopolitical risks of transit, opposition of regional elites, nationalization/expropriation of property. The author studies the impact of these risks and the ways of their leveling on the examples of specific cases and companies, identifying the existing specifics. At the end, we draw conclusions about the reasons for such a significant exposure of the fuel and energy industry to political risks.

Key words: *political risks in the fuel and energy sector, sanctions against the Russian oil and gas industry, taxation in the fuel and energy sector, nationalization.*

СИНЕРГИЯ МЕЖДУ ГЕОПОЛИТИКОЙ И БИОПОЛИТИКОЙ: В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ ВАКЦИНЫ ОТ COVID-19

Статья проливает свет на причины и последствия геополитики в отношении вакцин от COVID-19. Ключевая предпосылка заключается в том, что в гибридной международной системе геополитика приобретает еще большее значение, чем раньше. В этом контексте пандемия COVID-19 и вакцины превратились в инструменты политики власти, а не в медицинские проблемы и актив для спасения жизней. Источниками исследований в основном являются средства массовой информации, но из различных географических районов, которые затем соотносятся с имеющимся научным анализом в отношении так называемой пандемополитики во многих частях мира. В статье показаны текущие тенденции, формирующие мир: внешняя геополитика и внутренняя биополитика. Частные корпорации усилили свою власть над государствами и их населением. Результат этих двух сочетающихся тенденций (геополитики и биополитики) показывает реальный баланс сил: преобладают корпоративные интересы, в то время как государство склоняется к авторитаризму.

Ключевые слова: *геополитика, COVID-19, вакцины, многополярность, пандемополитика, глобальная солидарность.*

B. VANKOVSKA

*Professor of political science and international
Relations, Faculty of Philosophy, Ss. Cyril
and Methodius University,
Skopje, Macedonia*

THE SYNERGY BETWEEN GEOPOLITICS AND BIOPOLITICS: COVID-19 VACCINES IN FOCUS

The article sheds light on the causes and consequences of the geopolitics of vaccines against COVID-19. The key premise is that in the hybrid international system, the geopolitics gets more importance than before. In that context, the COVID-19 pandemic and the vaccines have turned into power politics tools rather than a medical issues and an asset to save lives. The research sources are mostly media-based, but from a variety of geographical areas, and then are correlated with available academic analyses concerning the so-called pandemopolitics in many parts of the world. The article displays the ongoing tendencies that shape the world: geopolitics externally and biopolitics internally. Private corporations have strengthened their grip on the states and their populations. The outcome of these two combining tendencies (geopolitics and biopolitics) reveals the real power balance: the corporate interest is prevailing, while the State succumbs to authoritarianism.

Key words: *geopolitics, COVID-19, vaccines, multipolarism, pandemopolitics, global solidarity.*

Introduction. For some time after the end of the (first) Cold War, it looked as if the applicability of geopolitical theory was seriously questioned and even abandoned in some academic circles. But as soon as Fukuyama's prophesied "end of history" proved to be just a pipe dream, or better as an expression of another hegemonic geopolitical agenda in disguise, there was a shift. The use of geopolitical lenses in various contexts witnesses a revival: it implies a new dynamic of the changing international order with no unanimously accepted definition. The COVID-19 pandemic is just the latest instance that speaks of the regained importance of geopolitics in 21 century, which is especially emphasized in the world of so-called second global bipolarity and/or bi-multipolarity [9]. The line between potential 'friends and foes' is hardly defined. Fouskas and Roy-Mukherjee rightly point out that "global politics can no longer be premised on the binary Schmittian divide of 'friend-enemy', as was the case during the Cold War ('us against Communism') and after 9/11 ('us against the terrorists') – domestic politics is a different ballgame." [5]

The State's Comeback: Good or Bad News? The State has always been a Janus-like entity: it is all about a dialectic unity of the two sides of the state's functions. The façade of the public and good things done for the sake of the people provides legitimacy even for the policies that go in the opposite direction. The most developed Western states have compromised the idea of a welfare state due to the global impact of neoliberal medicines of the 70s. National leaders openly declared that “the welfare state of the 20th century is over” and a new “participation society” should take its place, in which people must save and invest to create their own social safety net with less help from the government [4].

The wake-up call of the COVID-19 in 2020 was not gentle at all. The State has revamped its traditional mission (*res publica*) since ‘participation society’ has proved unable to deal with such a dramatic health crisis. It was more than 50 years ago when Margaret Thatcher called for a reduction of social institutions because they were “too costly”. All societies that were saving on public services now faced the consequences of the disastrous economic logic applied primarily to health sector. Having been unable to change things amidst the havoc, they have resorted to other measures, such as lockdowns, disciplining the masses, fear mongering, and even stigmatization and punishment for the disobedient ones. The biopolitical power for the sake of Life is in the hands of the State, but the medical protection (be it in a form of medical equipment, research, therapy, and/or vaccines) is merely out of state control – except in the states (such as China and Russia) where the market is not as ‘free’ as it should be according to the neoliberal paradigm.

An insightful analysis shows that there is nothing novel in the recent turn. There has always been a hidden bond between corporate capital and state – ever since the Great Deal, or the bail-out operations during the 2008 global financial crisis. Without state support (and public money) the financial sector could not have got out of the deep crisis imposed by bubble financialization. The only novelty now is the both State and Capital have been enforced to take care of Life (and Death), i.e. population as such (which is a definition of biopolitics).

The pandemic has proved the validity of the dictum “socialism for the rich and capitalism for the poor” since state policies assure that more resources flow to the rich than to the needy. Sharma [14] argues:

“Modern society looks increasingly to government for protection from major crises, whether recessions, public-health disasters or, as now, a painful combination of both. Such rescues have their place, and few would deny that the COVID-19 pandemic called for dramatic intervention. But there is a downside to this reflex to intervene, which has become more automatic over the past four decades. Our growing intolerance for economic risk and loss is undermining the natural resilience of capitalism and now threatens its very survival. The world economy went into this pandemic vulnerable to another financial crisis precisely because it had already become so fragile, so heavily dependent on constant government help.”

Despite all the critical tones and promises that “once the pandemic is over, we all need to talk”, there is still a major concern about how to save and beautify the capitalist system and thus hide the structural violence embedded in it. A recent Oxfam study [11] found that since the start of the pandemic, the world’s richest 10 billionaires have seen a wealth increase of half a trillion dollars – enough to pay for every person on the planet to get a vaccine.

Vaccines (Dis)Order: Competition vs Health Protection? With no intention to go deeper into the issue of the virus’ origin (Boyle 2020), it seems appropriate to agree that the notion of pandemopolitics may help understand how a public health problem becomes a geopolitical and geo-economic issue [20]. Like in any war, here too truth was the first victim: China was almost immediately blamed by the Trump administration as the main culprit for the origin and the spread of the disease. In other words, great powers acted and positioned themselves internationally in the face of the pandemic in a strongly geopolitical way along areas of divergence which had persisted for a long time.

China indeed quickly imposed censorship on academic and research findings, while across the ocean there was hate speech on the “Chinese virus”. For President Trump the pandemic was a bigger attack on the US than the one on Pearl Harbor and the 9/11 [16]. The rare critical voices were either ‘canceled’ or downplayed. One state after another were undertaking measures that had been heavily criticized in the time when Wuhan was the center of attention. The lockdowns and various means of intrusion into people’s privacy have become commonplace. The rise of state responsibility and the borders re-appeared even within the EU. The growing and urgent needs for medical equipment quickly exposed the fractures of the EU’s alleged solidarity. Only when China, Russia, and Cuba appeared as leading powers in the so-called ‘mask diplomacy’ did the West see the geopolitical danger.

The road to vaccines has not differed much. The West have become aware of its dependency and vulnerability in the pharmaceutical field especially because the most medicines were produced in Asia. The pandemopolitics called for a new marriage of interest between pharmaceutical companies and politicians in the risk society. The issue of having control over ‘national’ pharmaceutical capacities (but also in others, such as food production) was seen as an issue related to national sovereignty and society’s resilience. As said in the media “a shortage of masks, gloves, swabs... and now health has become a matter of sovereignty and national security” [10].

Promoting the idea that the pandemic was not only a global health issue but rather a geopolitical and geo-economic one, some scholars joined the blame game. They argue that “humanity has entered a new geopolitical cycle in which China’s centrality cannot be ignored”, i.e. that the multipolar world would be increasingly dominated by China, who will not be shy to use all geopolitical and geo-economic levers to discourage its competitors [20]. This position echoes that

of NATO: China has been identified as a key danger for the Alliance in the coming period, in addition to Russia. In fact, the expert report *NATO 2030: United for a New Era* [12] directly points out to Russia and China, as key enemies.

At first, the scientists were cautious with regard to vaccine production. What used to take a few years, all a sudden obtained a dimension of geopolitical urgency and it became a matter of international prestige. According to the WHO, as of 18 February 2021 [21], at least seven different vaccines across three platforms have been rolled out. More than 200 additional vaccine candidates are in development, of which more than 60 are in clinical development. The experience with the SARS virus and vaccine made the entire endeavor less demanding. WHO officials stress the unprecedented amount of financial means invested: the COVID-19 crisis caused a huge impact that resulted in the highest allocation of money ever recorded in world history in making a vaccine [18]. However, one can hardly disregard competitiveness, secretive efforts, and the lack of wider global cooperation, which speaks volumes about the state of affairs when it comes to humanity.

The corporate media have had their role in the creation of the overall atmosphere of the vaccine race on a global level. Russia was the first country to register a COVID-19 vaccine (Sputnik V) in August 2020, followed by Pfizer and others. Instead of relief and joy over the discovery, the media fueled distrust that came close to a conspiracy theory – as if it was not enough that the world population had already been exposed to numerous paranoid versions of the “real goals” behind the mass vaccination process.

Instead of Conclusion: Vaccines as Global Public Good. Even before the promotion of the first vaccines, many guessed that the ultimate geopolitical game would be that of vaccine distribution: “Who will get the coronavirus vaccine first? All the lofty rhetoric aside, geopolitics and money talk. It’s not purely about protecting a population’s health” [15]. A vaccine is also vital in getting economies back on track. In the first months of 2021, not only USA (in cooperation with Germany), China, and Great Britain (in cooperation with India) licensed their vaccines, but in addition to Russia there were other producers, such as Cuba. In the best case scenario, smaller states may appear as subcontractors/hubs. Belorussia and Serbia come to mind thanks to their close relations with Russia [13]. The lack of empathy and fair distribution is evident as solidarity is closer to science fiction than a realistic scenario. Probably, the most discouraging example is the EU itself. The smaller and weaker states could hardly get a fair share of the vaccines. They are rather pawns in the geopolitical games in which major producers give ‘vaccine packages’ in a pompous way, through ceremonies and in front of cameras, to promote their alleged solidarity and closeness to one or another country/region.

A global alliance known as COVAX, established with an aim to accelerate the manufacturing of COVID-19 vaccines and to ensure fair and equitable access, failed too. *De facto* there is no efficient global alliance yet, and the states are try-

ing to find their own way to vaccines. Two contrasting examples from the heavily dependent Balkans come to mind. The Croatian president said: “This is not about sovereignty but about loyalty to the citizens. I would have bought vaccines even from the Chechen mafia, if available. That’s right, I’m caricaturing. Of course, Russia does not have enough. But this concerns my citizens, and who asks Brussels... Just like with the migrants, one should work based on one’s own interests.” [8] On the other hand, the Bulgarian parliament rejected the proposal of the largest opposition party to start negotiating the delivery of the Russian vaccine. [2]. The Macedonian case is illustrative too: the newest NATO member state has been wavering between its commitment and loyalty to the West at any cost, including the health of its population. Paradoxically, the first vaccines (even in a symbolic number) were delivered by a non-NATO neighbor Serbia and by the new ‘archetypal’ enemy – Russia. Next on the row are the Chinese vaccines. Vaccines are not only a matter of global geopolitical rivalries but they create similar effects on a regional level too. From a wider point of view, it is interesting to point out that Macedonia and Ukraine, two countries that went through colored revolutions/regime change inspired from the West, seem to be forgotten and left in the lurch – both leaderships lamented that their allies had forgotten them [6]. Macedonian Prime Minister Zaev explicitly said that he had talked first with the Western allies to ask for understanding (i.e. permission) if the government purchase non-Western vaccines. But the Western partners did not totally forget its Macedonian partners: “when there is no Pfizer, there is Schmeisser. A US donation of 1,269 M4 automatic rifles for the Army of the Republic of Macedonia is set to arrive in the country today”, reported the media [7].

Serbia appeared as one of the most successful states in providing vaccines even beyond the region. The surplus of vaccines allowed even the non-popular president Vučić to play the card of vaccine diplomacy and thus increase the country’s soft power in its once hostile neighborhood. The Bosnian foreign minister however openly expressed her dissatisfaction arguing that the vaccines were of low quality and usually used in poor countries [17]. In the otherwise divided Bosnian society, this statement was met with strong criticism for the incompetent minister who believed that Bosnia was not a poor state. The loyal pro-Western activists and analysts from the Balkans were immediately alarmed about the shift towards the East as something that was more threatening than the virus itself [for instance [3; 20].

The lack of global solidarity and unfair distribution of vaccines and other medicines across the world is no surprise. The cries for making vaccines a public good that should be subject to humanitarian principles sound reasonable but at the same time they are just empty words when spelled out by top politicians. In addition to the tragic record of the pandemic, rich countries and benefactors have had a huge number of occasions to save lives from hunger, lack of drinking water, curable diseases, etc. In 2020 Arundhati Roy hoped for a radical change

and a “new portal” for a better world. A year later her words are just proof of failed hopes. The injustice is deeply embedded, both nationally and internationally, in the political, economic, and societal structures. The world’s foundations lie on structural injustice, and the COVID-19 pandemic has mostly affected the poorest layers of any society. People have been discriminated against on various grounds, but the pandemic has proven that class differentiation is the most important (yet least taken into account) line of differentiation between worthy and expendable lives.

From a geopolitical perspective, vaccine production and distribution is just a continuation of the geopolitical clash with different means (but the goal remains the same). The issues are securitized and a war-like rhetoric between the great powers, i.e. the West and the Rest, is thriving. It goes so far to blame the Russian, Chinese, and Iranian sides for an alleged crime against humanity due to their claims that the vaccines they produce are more efficient, less expensive, and more affordable than the Western ones. Yet the geopolitics of the pandemic and vaccines (just like the geopolitics of energy) have confirmed the deep cracks within and among states, which is consistent with the hybrid international system. The struggle between biopolitics and geopolitics give a grim picture of world and its future.

REFERENCES:

1. Boyle A. F. SARS-cov-2 is a biological warfare weapon // Security Dialogues. Vol. 11, no. 2, 2020.

2. Bulgarian Parliament Says No to Russian Vaccine // Novinite. 5 March 2021 // <https://www.novinite.com/articles/208324/Bulgarian+Parliament+Says+No+to+Russian+Vaccine>.

3. China’s Strategic Vaccine Diplomacy Gains a Foothold in The Balkans” // Radio Free Europe (RFE) // 16 February 2021, online // <https://www.rferl.org/a/china-strategic-vaccine-diplomacy-gains-a-foothold-in-the-balkans/31106320.html>.

4. Dutch King Willem-Alexander declares the end of the welfare state // Independent. 17 September 2013 // <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/dutch-king-willem-alexander-declares-end-welfare-state-8822421.html>.

5. Fouskas V. and Roy-Mukherjee S. Neo-liberalism and Ordoliberalism – One or Two Critiques? An Introduction // Critical Sociology. 2019. Vol. 45, no. 7-8, 2019.

6. In Vaccine Geopolitics, a Great Game Played With Ukrainians’ Health // New York Times. 9 January 2021 // <https://www.nytimes.com/2021/01/09/world/europe/covid-vaccines-ukraine.html?>

7. Instead of vaccines the country will get rifles // Republika. 1 March 2021 // <https://english.republika.mk/news/macedonia/instead-of-vaccines-the-country-will-get-rifles/>.

8. Intervju s Milanovićem // Dnevnik. 18 February 2021 // <https://dnevnik.hr/vijesti/hrvatska/gost-dnevnika-nove-tv-predsjednik-zoran-milanovic---640704.html>.

9. *Kirkova R.* The Second Global Bipolarity or Bi-Multipolarity // Security Dialogues. Vol. 6, no. 1.

10. Le COVID-19 pousse la France à relocaliser son industrie pharmaceutique // France 24. 13 May 2020, online // <https://www.france24.com/fr/20200513-le-covid-19-pousse-la-france-%C3%A0-relocaliser-son-industrie-pharmaceutique>.

11. Mega-rich recoup COVID-losses in record-time yet billions will live in poverty for at least a decade // Oxfam. 25 February 2021 // <https://www.oxfam.org/en/press-releases/mega-rich-recoup-covid-losses-record-time-yet-billions-will-live-poverty-least>.

12. NATO 2030: United for a New Era 2020 // https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf.

13. Serbia to become vaccine production hub for the Western Balkans // Intellinews. 17 February 2021 // <https://intellinews.com/serbia-to-become-vaccine-production-hub-for-the-western-balkans-203135/>.

14. *Sharma R.* The Rescues Ruining Capitalism // The Wall Street Journal. 24 July 2020 // <https://www.wsj.com/articles/the-rescues-ruining-capitalism-11595603720>.

15. The ultimate geopolitical game – distributing a coronavirus vaccine // Politico. 27 July 2020 // <https://www.politico.eu/article/the-ultimate-geopolitical-game-distributing-a-coronavirus-vaccine/>.

16. Trump Says Coronavirus Worse ‘Attack’ than Pearl Harbor // BBC News. 7 May 2020 // <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-52568405>.

17. Turković: Vakcine koje je donio Vučić koriste se u siromašnim zemljama // Buka. 2 mart 2021 // <https://www.6yka.com/novosti/turkovic-vakcine-koje-je-donio-vucic-koriste-se-u-siromasnim-zemljama>.

18. Vaccines and geopolitical implication of COVID-19 crisis // Newsletter for the EU (NEU). 9 January 2021 // <http://www.newslettereuropean.eu/vaccines-geopolitical-implication-covid-19-crisis/>.

19. *Viorel M., Silviu N. & Mionel O.* Pandemopolitics: How a public health problem become a geopolitical and geoeconomic issue // Eurasian Geography and Economics. Vol. 61, no. 4-5, 2020.

20. Voice for CHOICE Regional Roundtable: Assessing 17+1 Fallout, Vaccine Diplomacy, and More // CHOICE. 18 February 2021 // <https://chinaobservers.eu/voice-for-choice-regional-roundtable-assessing-171-fallout-vaccine-diplomacy-and-more/?fbclid=IwAR16dPmzXsmScZWwf-fjVNjKLHAI3iNcxb7Q-IQJQ5wYULRerQ-Y0qZqJNLI>.

21. WHO Guidance Document. Status of COVID-19 Vaccines within WHO EUL/PQ evaluation process. 18 February 2021 // https://extranet.who.int/pqweb/sites/default/files/documents/Status_COVID_VAX_16Feb2021.pdf.

доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института философии и права СО РАН;
профессор Сибирского государственного
университета телекоммуникаций и
информатики, Россия, г. Новосибирск

РОССИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ – ПРИЧИНЫ ОБРАЩЕНИЯ К ТЕМЕ

Дискурс об особом положении России, ее большей схожести с Западом или Востоком укоренен в нашей истории и обусловлен ее физической и культурной географией. Этой теме посвящена обширная научная и публицистическая литература, тем не менее, на каждом новом витке социально-политической истории, как будто погаснувшая, дискуссия возобновляется. Этот интерес не является чем-то новым или неожиданным. Он традиционен для российской истории, подтвержден временем.

Обращение к работам современных и дореволюционных авторов позволило выделить ряд факторов, обуславливающих как историческую укорененность, так и своевременность и долгосрочность евразийского геополитического вектора. Среди оснований актуализации евразийской проблематики – пограничность России и ее роль в международной политике, этнокультурный и религиозный факторы, изменение международного экономико-политического баланса и введение санкций.

Ключевые слова: *Большая Евразия, евразийство, территориально-географическое положение, изменение международного баланса.*

Начнем с неутешительных вердиктов – «судьба евразийства – история духовной неудачи... Евразийство не удалось. Вместо пути проложен тупик. Он никуда не ведет. Нужно вернуться к исходной точке. И оттуда, быть может, откроются новые кругозоры, протянутся новые и верные пути» [9. С. 335]. Спустя почти век А.И. Солженицын в книге «Россия в обвале» делает вывод, что евразийство – это «упадок мужества, упадок веры в силы русского народа; у других – прикрытая форма желательного им восстановления СССР. Но это – отказ от русского культурного своеобразия, от тысячелетия за нашей спиной, – он повлечет к утоплению редющего русско-

го народа в бурно растущем мусульманском большинстве». А, по мнению В. Аксючица, «евразийские концепции сегодня используются в основном теми, кто стремится легализовать превращение русской государственности – России в многонациональную, а по сути, тюркскую государственность – Евразию» [7].

И тем не менее, вопрос о российской роли и стратегии именно в евразийском контексте и пространстве приобретает новое значение и актуальность. Попробуем обозначить некоторые факторы, подтверждающие обоснованность и своевременность такого интереса.

1. Географический фактор. Первая и очевидная причина – Россия самая большая страна на Евразийском материке, расположенная на двух континентах. В географическом плане она, включает огромное внутреннее пространство Евразии и воспринимается как особый феномен государственной территориально-географической целостности.

2. Религиозная, этническая однородность и многообразие российского общества, пограничность России. Среди истоков дискуссии о российской стратегии и идентичности лежит не только географическая составляющая, но и этнокультурный и религиозный фактор. При высокой этнической и конфессиональной однородности – по результатам переписи 2010 г. русские составляют 80,9% от общего числа жителей современной России – в стране живут представители 193 народов, говорящие на 298 языках мира. Географическое положение, государственная политика позволили впитать и обогатить русскую, российскую культуру культурами входящих в страну народов. Обмен не был односторонним – русская, российская культура становилась питательным бульоном для всех народов страны на всех этапах ее истории. В этом смысле примечательно высказывание известного русского востоковеда, одного из первых исследователей Туркестана Н.П. Остроумова: «Коренной русский народ, по воле Проведения, соединил свою историческую жизнь с инородцами-мусульманами и живет с ними общею государственною жизнью. В культурных целях, инородцы должны стремиться к сближению с русским народом, а прямой путь к этому – образование, при посредстве государственного языка. В свою очередь, для русских исламоведение обязательно, чтобы знать и уметь правильно удовлетворять естественные потребности многомиллионной части населения России» [6. С. 3] Как говорил словами своего героя русский философ К.Н. Леонтьев, «только двуглавый орел ... может осенить мирно крылами своими эллинский крест и луну ислама».

Как результат – многовековое вхождение, принадлежность к европейской христианской культуре, с одной стороны, наряду с этим – глубоко укорененные связи с тюркской, восточно-мусульманской традицией. Вместе с тем, подобная культурно-географическая пограничность и двойственность породила дилемму цивилизационной идентичности, философскую практику противопоставления восточной и западной идентичностей.

Распад Советского Союза и выход союзных республик из состава общего государства в этом смысле даже усугубил культурную неоднородность. Даже снижение потока мигрантов из центральноазиатских стран, произошедшее в предшествующие годы, не означает отсутствия межкультурных контактов и взаимодействий. Значительная доля выходцев из Центральной Азии уже прочно обосновалась в России, получила российское гражданство, стала ее полноправными гражданами. Не учитывать культурную, экономическую и демографическую значимость и потенциал этой многомиллионной части населения невозможно. Влияние миграционных процессов и их результатов не всегда однозначно. С одной стороны – укрепление межкультурных, межстрановых связей, с другой – выстраивание отношений между принимающим обществом и приезжими, степень их интеграция в российское общество и культуру.

Центральная Азия – территория, с давней и, что более важно, глубоко укоренившейся религиозной традицией. Небольшое уточнение – данное утверждение в большей степени справедливо для юго-азиатских регионов. Распространение ислама в собственно центрально-азиатских регионах, с одной стороны происходило в более поздний период, с другой, среди преимущественно кочевых народов. Данное обстоятельство способствовало функциональности и более длительному сохранению сложившихся местных верований, определенной поверхности и формальности новой веры. Отсюда и неоднородность мигрантских потоков с точки зрения религиозной включенности. Как пишет, А. Малащенко, «относительно новой для России проблемой стала исламизация мигрантов». Иными словами, если ранее прибывавшие на заработки уроженцы Центральной Азии не проявляли большого интереса к религии, то с начала 2010-х годов в этой среде наблюдается укрепление исламской идентичности» [4. С. 25]. Рост демонстрируемой религиозности мигрантов, актуализация исламской идентичности являются одной из причин настороженности со стороны принимающего общества. При этом вполне очевидным является, недопустимость конфликтов, использующих религиозно-политический фактор.

Наличие внутренних разногласий в оценке места России в евразийском пространстве имеет давнюю историю. Петровская вестернизация России – один из примеров реформ, приведших к внутреннему разделению страны. До Петра Великого для дискуссий о европейской или восточной принадлежности не было оснований. Как пишет А.В. Лукин, «со времен принятия православия Русь считала себя частью христианской цивилизации независимо от того, находилась ли она в Европе или частично в Азии... Европейский статус обновленной России был официально закреплен в 1767 году Екатериной II в «Наказе комиссии о сочинении проекта нового Уложения», в котором прямо утверждалось: «Россия есть европейская держава». И лишь при Николае I, опасавшемся революционного влияния Европы, была сфор-

мулирована идеологическая триада «православие – самодержавие – народность», подчеркивавшая самобытную социальную и политическую структуру России [3].

Модернизационные реформы Петра Великого, раскололи российское общество на либералов-западников, стремящихся инкорпорироваться в западно-европейскую культуру и консерваторов-славянофилов, тяготеющих к сохранению культурных и духовных истоков, преемственности и самобытности. Практическим результатом этого стало то, что российская политическая, экономическая история тесным образом связана с Европой, а Россия по своей культуре – европейское государство. Как отмечал Г.В. Флоровский, «...имя Христа соединяет Россию и Европу, как бы ни было оно искажено и даже поругано на Западе. Есть глубокая и неснятая религиозная грань между Россией и Западом, но она не устраняет внутренней мистико-метафизической их сопряженности и круговой христианской поруки. Россия, как живая преемница Византии, останется православным Востоком для неправославного, но христианского Запада внутри единого культурно-исторического цикла» [9. С. 335].

Обращаясь к истории вопроса, заметим, что новое решение и подход в культурно-исторической самоидентификации провозглашены не сегодня. Еще П.Н. Милуковым выдвинут тезис – «Россия не является ни Европой, ни Азией. Россия – это Евразия». Зародившись в русской эмиграции первой волны в «атмосфере мировой катастрофы», евразийцы обосновывали закономерность смены цивилизаций, приход новой общей с туранскими (финны, тюрки и монголы, в дальнейшем использовалось понятие урало-алтайские) народами и самодостаточной евразийской цивилизации [5. С. 58-62].

3. Роль России в международной политике. Наряду с Китаем и Индией, Россия остается важным игроком международных взаимодействий и задает важный вектор евразийского развития. Геополитическая целостность, связующая Восток и Запад, она воспринимается как балансир и поле диалога между государствами евразийского пространства.

4. Изменение международного экономико-политического баланса. Известный ученый-международник С.А. Караганов выделяет семь факторов появления концепции Большой Евразии. Остановимся на трех из них. Во-первых, перемещение центра мировой экономики и политики на Восток, что связано с быстрым подъемом Китая, Индии и других азиатских стран. На глубинном уровне этот сдвиг скорее всего был обеспечен окончательной потерей европейского военного превосходства, которым он завладел с XVI-XVII веков и которое послужило фундаментом его доминирования в политике, экономике, идейной сфере, культуре. Во-вторых, нарастание тенденции «Азия для Азии», когда экономический рост азиатских стран начинает все больше опираться на внутриконтинентальную торговлю и рост внутренних рынков. В-третьих, завершение в начале 2010-х годов краткого «века АТР».

Раньше считалось, что центром мировой торговли и политики станет Тихий океан, объединяемый США и Китаем. Но с начала 2000-х годов и по нарастающей американская элита стала рассматривать Китай не как партнера, а как конкурента и геополитического соперника [2. С. 10].

Еще один фактор связан с самой Европой – снижением ее экономико-политической роли и самостоятельности, появлением квазикультурных тенденций и идей «политкорректности и толерантности» кардинально несовпадающих с российскими традиционными, в том числе религиозными – православными и исламскими ценностями.

Все это создает предпосылки и «открывает возможности для создания общеконтинентальной системы экономического сотрудничества, развития и безопасности уже не по европоцентричной модели» [2. С. 11].

5. Отсутствие устойчивого и равноправного сотрудничества с Европой, введение санкций. Современная ситуация порождает новые импульсы в евразийской ориентации России. Поворот на Восток и развитие восточных территорий связаны с обострением противоречий с Западом. Введение широкого спектра санкций, определенная отрезанность и экономическая эксклюзия объективно ведут к поиску новых партнеров и союзников, каналов международной торговли и ресурсов модернизации и развития. Как следствие все больше говорят о геостратегическом развороте на Восток, большом евразийском партнерстве, Большой Евразии и перспективности евразийского вектора в целом.

Данная задача не является чем-то принципиально новым. Будучи министром финансов, выдающийся государственный деятель С.Ю. Витте всеподданнейше докладывал: «Экономические отношения России к Западной Европе вполне сходны с отношениями колониальных стран к своим метрополиям: последние смотрят на свои колонии, как на выгодный рынок, куда они могут свободно сбывать произведения своего труда, своей промышленности и откуда могут властной рукой вычерпывать необходимое для них сырье... Но есть одно коренное отличие от положения колоний: Россия – политически независимая могущественная держава; она имеет право и силу не хотеть быть вечной данницей экономически более развитых государств; она должна знать цену своего сырья и естественных богатств, скрытых в недрах ее обильной земли, она чувствует великую, еще не вполне развернувшуюся, трудовую силу своего народа, она имеет твердую и гордую власть, которая ревниво охраняет не только политическую, но и экономическую самостоятельность империи, она сама хочет быть метрополией, – и на почве освободившегося от крепостных уз народного труда у нас стала вырастать своя собственная национальная промышленность, обещающая стать надежным противовесом иностранному промышленному владычеству. Создание своей собственной промышленности – это и есть та коренная, не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольное осно-

вание нашей протекционной системы» [1]. Удивительно, но столь длинная и вроде бы вековой давности цитата более чем актуальна сегодня.

В качестве некоего итога, отметим, что в современных условиях актуализируется задача выработки геополитической и геоэкономической стратегии, которая бы позволяла сочетать многовекторное сотрудничество с государственным суверенитетом. Принципы рациональной международной политики и практики предполагают нахождение баланса между сохранением независимости и укреплением культурных, экономических и политических связей и сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте Николаю II о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи.

2. *Караганов С.А.* Россия – возвращение домой (вместо предисловия) // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии. 2019.

3. *Лукин А.В.* Замысел о большой Евразии. Сможет ли Россия стать новым мировым центром силы // https://www.ng.ru/ideas/2019-03-04/7_7523_ideas.html.

4. *Малашенко А.* Интересы и шансы России в Центральной Азии // Pro et Contra. 27 апреля 2013.

5. *Милуков П.* Евразизм и европеизм в русской истории // Европейский альманах. История. Традиция. Культура. М.: Наука, 1995.

6. *Остроумов Н.П.* Исламоведение: Введение в курс исламоведения / Издание Туркестанских Ведомостей. Ташкент: Тип. при Канц. Турк. Ген.-губернатора, 1914.

7. *Работяжев Н.В.* Российскому обществу необходима новая самоидентификация // https://www.ng.ru/ideas/2019-04-03/5_7547_eurasia.html.

8. *Солодова Г.С.* Управление Туркестанским краем – некоторые принципы установления российского влияния // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51.

9. *Флоровский Г.В.* Евразийский соблазн // Современные записки. 1924. Кн. 24.

G.S. SOLODOVA
*Institute of Philosophy and Law of the
Siberian Branch of Russian Academy of
Sciences, Siberian State University of
Telecommunications and Information
Sciences, Novosibirsk, Russia*

RUSSIA IN THE EURASIAN SPACE – REASONS FOR ADDRESSING THE ISSUE

The discourse about Russia's special position, its greater similarity to the West or the East, is rooted in our history and conditioned by its physical and cultural geography. Extensive scholarly and journalistic literature is devoted to this topic; nevertheless, at each new turn in social and political history, as if extinguished, the discussion is renewed. This interest is not something new or unexpected. It is traditional for Russian history, confirmed by time.

Reference to the works of contemporary and pre-revolutionary authors has allowed us to identify a number of factors that determine both the historical roots and the timeliness and durability of the Eurasian geopolitical vector. Among the grounds for the relevance of Eurasian issues are Russia's frontier and its role in international politics, ethno-cultural and religious factors, changes in the international economic and political balance and the imposition of sanctions.

Key words: *Greater Eurasia, Eurasianism, territorial and geographic position, changing international balance.*

DOI 10.35775/PSI.2021.70.6.025

УДК 32.327

Е.Г. НИКИТЕНКО

генерал-майор, кандидат исторических наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

О.А. МУРАВЫХ

старший преподаватель Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ – ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

В статье проведен анализ угроз международного терроризма, а также основных подходов по их нейтрализации. Особую опасность представляет международный терроризм как инструмент внешней политики. Рассмотрены перспективы контртеррористической деятельности государств и роль России. В ближайшей и среднесрочной перспективе борьба с террористической угрозой останется одним из приоритетных направлений деятельности мирового сообщества.

Ключевые слова: *международный терроризм, мировая политика, экстремизм, Россия, США, противодействие международному терроризму, антитеррористическое сотрудничество, ООН.*

Сегодня международный терроризм представляет собой угрозу для всего мирового сообщества. Международная террористическая угроза вышла на одно из первых мест среди вызовов глобальной безопасности. Развитию и распространению данного феномена способствуют многие факторы, некоторые из них: появление новых технологических возможностей и внедрение новых информационных систем; формирование глобального информационного пространства; развитие процессов глобализации; использование рядом стран террористических группировок для расширения своего гео-

политического влияния. Протестное сознание беднейших слоев населения, национальный и религиозный фанатизм также подпитывают международный терроризм.

Международный терроризм с течением времени принимает все более сложные формы, эволюционируя вместе с техническим развитием и с развитием мировой политической системы. В настоящее время все сложнее определить принадлежность террористической группировки, поскольку они становятся все более децентрализованными и появляется много мелких террористических групп, которые труднее выявить и искоренить. Например, если в XX веке террористические организации имели либо правую, либо левую идеологию, то крушение биполярного мироустройства привело к деидеологизации международного терроризма. Сегодня в мире существует два основных вида международного терроризма – этнонациональный / сепаратистский и религиозный / «священный». Наибольшую опасность представляет собой последний вид, так как он является воплощением внесистемной оппозиции международно-политической системы и представлен организациями исламистского толка, которые сегодня широко распространены во многих регионах мира.

Международный терроризм носит преднамеренный характер. Он нацелен на достижение политических целей, направлен против мирного населения и используется субнациональными группами. Все более очевидно, что международный терроризм становится фактором геополитического влияния мировых центров силы. Распространение международного терроризма в глобальном масштабе представляет собой угрозу безопасности для всего мирового сообщества. Однополярное устройство мира не справляется с искоренением террористического зла, поэтому такое мироустройство опасно как для всего мира, так и для государства инициатора.

Действия американской и натовской политики в ряде стран привели к дестабилизации ситуации, к локальным и внутригосударственным конфликтам, распаду и ослаблению государств [5]. В условиях нестабильности и отсутствия безопасности активно развивается деятельность преступных и террористических сетей. Появляющийся вакуум власти приводит к возникновению зон анархии, которые быстро заполняются террористами и экстремистами. Такие территории нестабильности называются «серыми зонами». Подобная ситуация возникла в Ираке, где нет этнической и культурной гомогенности среди населения и нет прошлого опыта государственного строительства. Военная операция США и их союзников против Ирака разрушила то шаткое равновесие и те бюрократические структуры, включая армию, на которые можно было опереться для институционального строительства. По мнению политического обозревателя Д. Рифу, «12 мая 2003 года США превратили 450 тысяч жителей Ирака в своих врагов» [7]. Президент Российской Федерации Владимир Путин на 70 сессии Генераль-

ной Ассамблеи ООН в 2015 году заявил, что «агрессивное внешнее вмешательство в страны Ближнего Востока и Северной Африки привело к тому, что государственные институты и уклад жизни были разрушены. Появилась нищета, насилие и социальная катастрофа вместо торжества демократии и прогресса» [8].

Среди западных исследователей международного терроризма есть немало тех, кто возлагает ответственность за международный терроризм не на Запад или на исламистские террористические группировки, а на власти Саудовской Аравии. Тимоти Митчел, политолог и профессор Колумбийского университета, ввел в обращение термин «Макджихад». Данный термин не только объединяет слова «Макдональдс» и «джихад», а отражает долгосрочную и стратегическую модель сотрудничества между саудовской правящей семьей, нефтяными корпорациями (Big Oil), правительством США, американскими торговцами оружием и консервативными ваххабитскими клириками [6].

Существует немало примеров, когда террористические организации используются некоторыми странами в качестве предлога для разрушения государственных структур и военно-политического баланса сил. Впоследствии такие государства стремятся заполнить образовавшийся геополитический вакуум, встроиться в региональные структуры в качестве балансира и миротворца. Заместитель министра обороны России Александр Фомин в преддверии VI Международной конференции по безопасности заявил, что «террористические организации не возникают сами по себе, это плод и творение политических, военных и финансовых усилий извне». Террористические организации являются марионетками и созданы для «исполнения чьей-то воли» [4]. Последствия вмешательства во внутренние дела государств под предлогом борьбы с международным терроризмом могут быть крайне опасными и трудно прогнозируемыми, учитывая, что проблемой становятся вопросы национально-государственного строительства в «побежденных странах». Удивительно, что каждый раз оказывается, что такого плана нет или он не выдерживает испытания временем, а возможно страны просто не заинтересованы в установлении порядка, ведь поддерживать хаос намного легче и выгоднее [3]. Например, образуются финансовые потоки за счет торговли оружием и людьми, наркотиками.

Международный терроризм препятствует становлению миропорядка, основанного на морально – этических императивах и на международных нормах. Анархическое состояние международной среды является благоприятным состоянием для достижения джихадистами своих целей, также оно ограничивает возможности стран в согласовании позиций по ключевым вопросам мировой политики. Государства используют террористическую угрозу и для внутренних целей, например, чтобы напугать народ и внушить ему необходимость принятия «жестких» мер, часто прибегая к ограниче-

нию прав и свобод граждан. Современный международный терроризм превратился в сложную, разветвленную транснациональную систему и стал одним из наиболее эффективных инструментов глобальной, внутренней и внешней политики государств и ТНК [1]. Такое сложное переплетение интересов делает практически невозможной задачу найти настоящего заказчика теракта.

На глобальном уровне Организация Объединенных Наций остается на сегодняшний день единственной площадкой, на которой обсуждаются все общемировые проблемы. ООН должна обеспечить решение всех вопросов борьбы с международным терроризмом и сохранить консенсус по поводу недопустимости попадания в руки террористов ОМУ и поддержки террористических группировок государствами. Именно в рамках ООН необходимо обсуждать проблемы по постконфликтному миростроительству.

Однако проблема состоит в том, что даже на площадке ООН действуют скрытые процессы оказания влияния на принятие решений. Учитывая тот факт, что большинство стран ЕС входят в блок НАТО, вряд ли получится сделать международную повестку дня более справедливой. В этих условиях встает вопрос о реформировании системы ООН. Данный вопрос является острым для большинства стран мира, и он обсуждается уже не первый год. Выдвигаются предложения по увеличению количества постоянных стран-членов в СБ ООН, по созданию дополнительных институтов в рамках ООН, выработанные решения которых могли бы впоследствии утверждаться в СБ ООН.

Помимо этого, ООН отличается тем, что принимает решения *постфактум*. Действующее международное законодательство сосредоточено на отражение уже произошедшей агрессии, а не на мерах по ее предупреждению. Следует дополнить международное право статьями, которые бы пресекали акты международного терроризма до их реализации. Также на глобальном уровне могли бы получить развитие добровольные коалиции, которые формировались *ad hoc* для решения конкретных проблем. Необходимо уделять внимание и развивать международные организации, которые вносят большой вклад в контртеррористическую борьбу, например, в рамках Интерпола можно создать структуры, которые бы целенаправленно занимались пресечением террористических актов. Помимо Интерпола, можно инициировать обсуждение на тему борьбы с международным терроризмом в рамках G20.

На сегодняшний день сотрудничество между государствами на региональном уровне является наиболее эффективным и действенным. Создано немало организаций, целью которых является обеспечение безопасности в регионе и отражение агрессии: ОБСЕ, ОДКБ, ШОС и другие. Региональный уровень сотрудничества является наиболее перспективным, поскольку позволяет кругу близлежащих стран обмениваться разведанными и другой информацией по поводу террористических организаций. Таким образом, создается специализированный информационный банк данных. Также

в рамках регионального сотрудничества легче скоординировать действия государств и выработать единый подход по вопросам борьбы с международным терроризмом.

Для проведения более эффективных контртеррористических операций следует наладить сотрудничество между региональными структурами, что позволит дополнить и обновить сведения по поводу деятельности террористических организаций, их финансирования и распространения.

Помимо контртеррористических операций необходимо уделять внимание социальным и экономическим вопросам развития стран региона. Международный терроризм имеет глубокие корни и многообразные причины возникновения и распространения, но в основном к террористическим группировкам примыкают люди, которые недовольны своим социально-экономическим положением. В связи с этим, страны должны содействовать развитию и поддержанию уровня жизни населения наиболее бедных стран региона, в противном случае, будет происходить миграция радикально настроенных молодых людей и снизить уровень террористической опасности не получится.

Двустороннее сотрудничество концентрируется на заключении соглашений и разовых договоренностей. Данный тип сотрудничества носит дифференцированный и долгосрочный характер. В рамках этого формата необходимо заключить договоренности, предусматривающие сотрудничество по оказанию взаимной правовой помощи по преступлениям террористического характера между правоохранительными, следственными и судебными органами, а также в области выдачи лиц, причастных к совершению террористических актов. Следует помимо традиционных сфер сотрудничества развивать сотрудничество в сфере кибертерроризма.

Переходя к вопросу о роли России в деле борьбы с международным терроризмом следует начать с того, что угроза международного терроризма для РФ реальна. Россия является многонациональной и многоконфессиональной страной. На ее территории проживает около 20 млн. мусульман. За последние годы усиление исламистских настроений в ряде южных регионов России переросло в реальную проблему Россия является второй страной после США по числу иностранных мигрантов, большая часть которых приезжает из Центральной Азии. Дополнительный миграционный потенциал региона в ближайшие годы увеличится примерно в 10 млн. человек и по некоторым оценкам, до 5% таких иммигрантов будут связаны с террористическими организациями [2]. В связи с этим Россия в основном сосредоточена на проблеме распространения международного терроризма в республиках Северного Кавказа, Поволжья и в государствах Центральной Азии.

Обостряется проблема использования территории России для вербовки наемников из числа центральноазиатских трудовых мигрантов, нарастают риски, связанные с проецированием террористических угроз на Таджикистан, Киргизию и Узбекистан, исходящие из Афганистана, возрастает

опасность распространения подпольной религиозной пропаганды для рекрутирования молодежи, существует вероятность возврата боевиков для распространения своих воззрений и создания новых террористических ячеек. Угрозу представляет сложная обстановка в Афганистане, где на афганской границе с центральноазиатскими странами продолжают скапливаться боевики террористических организаций, связанных с «Исламским государством». Не исключена возможность сотрудничества между группировкой «Галибан» и «ИГ». Опасность представляет также тот факт, что даже слабые внешние толчки способны разрушить и без того хрупкое положение некоторых центральноазиатских стран и Афганистана. Может сработать «модель домино», где одно «падающее» государство потянет за собой все остальные.

Существует мнение, что активное влияние на развитие международного терроризма как внутри России, так и на ее границах способствуют некоторые страны для экономического и политического ослабления страны. В данном случае проявляются геополитические интересы в доступе к российским природным ресурсам, а неконтролируемая миграция ведет к межэтнической напряженности.

Помимо традиционных угроз безопасности в военно-политическом плане нарастает опасность ведения информационных войн и информационного противоборства между государствами. Сегодня интернет-технологии используются в качестве информационного оружия для достижения, в частности, террористических и преступных целей. Трансграничный характер, анонимность, общедоступность и динамическое развитие интернет-технологий усложняют решение проблем. Появляются новые виды информационного оружия, вирусных атак и вредоносного программного обеспечения. Возникают опасные для безопасности РФ ситуации в геополитической и геостратегической обстановке.

Россия активно участвует в международном антитеррористическом сотрудничестве, как на глобальном уровне – на площадке ООН, на региональном уровне в формате ОДКБ, РАТС ШОС, АТЦ СНГ и на двустороннем. Российская Федерация исходит из того, что необходимо бороться сообща и при центральной роли ООН. Следует соблюдать международное право и не прибегать к политике «двойных стандартов». Россия давно вносит весомый вклад в укрепление международной системы противодействия международному терроризму в рамках ООН, придавая особое значение выполнению Глобальной контртеррористической стратегии ООН, антитеррористических резолюций СБ ООН и ГА ООН, а также универсальных антитеррористических конвенций. Россия поддерживает усилия Контртеррористического комитета СБ ООН, Целевой группы по имплементации Глобальной контртеррористической стратегии ООН и Центра ООН по вопросам борьбы с международным терроризмом. Россия также уделяет особое внимание борьбе с финансированием международного терроризма и отмыванию денег

в рамках ФАТХ. При оптимистическом сценарии, эти стимулы могут быть настолько сильными что позволяет преодолеть или, по крайней мере, как-то микшировать возникшие в последнее время обрушение отношений между Россией и Западом.

К сожалению, параллельно с оптимистическими надеждами на этот счет возникают и сомнения, или, по крайней мере, вопросы, на которые нет очевидных ответов. Международный терроризм – это не самостоятельное явление, а инструмент для решения теми или иными странами, финансовыми и политическими группами своих внешнеполитических и внутривнутриполитических вопросов. Так, борьба с международным терроризмом часто является предлогом для введения «жестких» мер внутри страны и для проведения военных операций за ее пределами.

Рассматривая проблемы и перспективы контртеррористической деятельности, стоит уделить внимание международно-правовым основам борьбы с международным терроризмом. На сегодняшний день не выработано общепринятого определения понятия «международный терроризм», не согласованы признаки «международности» данного явления и не разработаны стандарты отчетности в сфере борьбы с международным терроризмом. Без общепризнанного определения, государства могут произвольно выполнять свои обязательства в области борьбы с международным терроризмом. Также отмечается высокая политизированность проблемы борьбы с международным терроризмом и ее значимость для соблюдения национальных интересов и обеспечения внутригосударственной безопасности.

Сегодня наблюдается разрыв между теорией международного права и практикой по противодействию международному терроризму. Хотя страны и объявляют о приоритете борьбы с международным терроризмом, часто такие заявления остаются не подкрепленными практическими мерами. Более того, не редкость, когда страны под предлогом борьбы с международным терроризмом пытаются извлечь как можно больше выгоды из ситуации и решить свои геополитические и экономические проблемы.

В этой связи необходимо выработать меры, которые позволят странам избавиться от террористической угрозы. В настоящее время наблюдается активное сотрудничество стран на глобальном, региональном и двустороннем уровне. Организация Объединенных Наций, несмотря на ее многочисленные недостатки, остается единственной площадкой, на которой обсуждаются общемировые проблемы. Именно эта организация должна обеспечить решение вопросов, касающихся борьбы с международным терроризмом и сохранить консенсус по поводу недопустимости попадания в руки террористов ОМУ. В то же время сотрудничество государств на региональном уровне является более эффективным и действенным, поскольку страны могут обменяться разведанными и другой информацией по поводу деятельности террористических организаций. В свою очередь, двусторон-

нее сотрудничество носит дифференцированный и долгосрочный характер и концентрируется на заключении соглашений и разовых договоренностей.

Таким образом, международный терроризм представляет собой сложное социально-политическое явление. И сегодня, несмотря на масштабность контртеррористических усилий большинства стран, террористы продолжают распространять свое влияние и расширять географию присутствия. В ближайшей и среднесрочной перспективе борьба с террористической угрозой останется одним из приоритетных направлений деятельности мирового сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Гурия Мурклинская*. Геополитические шахматы: искусство побеждать без войны. М., 2014.
2. Ежегодник ИМИ // Мировая политика: старые проблемы и новые вызовы. 2015. Вып. 3 (13).
3. *Овчинский В.С.* Пять лет «войны» с международным терроризмом и Новый мировой беспорядок. Аналитический доклад. М.: ИНФРА-М, 2006.
4. Террористические организации не возникают сами по себе. Замглавы Минобороны // Top-news. 10.04.2017 // <http://top-n.ru/18211-terroristicheskie-organizacii-ne-voznikayut-sami-po-sebe--zamglavi-minoboroni.html>.
5. *Шаклеина Т.А.* Россия и США в мировой политике. М., 2017.
6. *Mitchel T.* McJihad: Islam in the US Global Order // Social Text 20. 2002. No. 4.
7. *Rieff D.* Blueprint for a Mess // The New York Times Magazine. 2003. November 2.
8. 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН // Сайт Президента России. 28.09.2015 // <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.

E.G. NIKITENKO

*Major General, Cand. Sc. (History),
professor, Department of Public
administration and National safety of the
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

O.A. MURAVYKH

*Senior Lecturer of the Center for
Linguistics and Professional Communication,
Institute of Law and National Security,
Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

INTERNATIONAL TERRORISM – THE PHENOMENON OF MODERN WORLD POLITICS

The article analyzes the threats of international terrorism, as well as the main approaches to their neutralization. International terrorism as an instrument of foreign policy is particularly dangerous. The prospects of counter-terrorism activities of states and the role of Russia are considered. In the short and medium term, the fight against the terrorist threat remains one of the priorities of the international community.

Key words: *international terrorism, world politics, extremism, Russia, the United States, countering international terrorism, anti-terrorist cooperation, the United Nations Organization (the UN).*

ХРИСТИАНСКОЕ ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

В статье исследуется история взаимоотношений католицизма, православия и протестантизма в контексте мировой политики. Рассматривается генезис христианского экуменического движения, деятельность Всемирного совета церквей (ВСЦ) и его участие в мировом политическом процессе, особенно в период «холодной войны». Исследуется роль Русской Православной Церкви в христианском межконфессиональном взаимодействии. Рассматривается сотрудничество христианских церквей в деле защиты прав христиан.

Ключевые слова: Христианский межконфессиональный диалог, католицизм, православие, протестантизм, экуменическое движение, Всемирный совет церквей (ВСС).

Экуменическое движение родилось из общего для всех христиан понимания единства Церкви как Тела Христова, выраженного еще апостолом Павлом в Священном Писании, в связи с чем разделение христианского мира как таковое в корне противоестественно христианству. Трагическая страница в истории христианства – Великая схизма 1054 г., разделившая некогда единую христианскую ойкумену (οἰκουμένη – греч. «обитаемую землю», вселенную) на Восточную (православную) с центром в Константинополе и Западную (Римско-Католическую) Церковь с центром в Риме, стала закономерным следствием распада Римской Империи и оказалась тесно переплетенной с социально-политическими процессами. В XVI – первой половине XVII вв. широкое религиозное и общественно-политическое движение Реформации в Европе способствовало возникновению многообразных протестантских общин. При этом движение было обусловлено не только религиозными причинами: оно несло в себе антифеодальный характер и было направлено на ограничение политической, экономической и идеологической власти Католической церкви.

Реформаторы положили начало новому религиозному обществу без преемствующего апостолам епископата, и для этого общества выработали новую еkkлезиологию и новые вероисповедные догматы, опираясь на собственное

прочтение и толкование Священного Писания. В связи с этими тенденция-ми католическая и православная церкви, сохраняющие апостольское преемство и церковную иерархию, воспринимают протестантские общины как христиан, уклонившихся от истинной веры и находящихся за пределами церковной ограды. С точки зрения этих церквей протестантские таинства, совершаемые мирянами, являются безблагодатными.

В связи с этим протестанты предпринимали многочисленные попытки обрести признание в христианском мире. В частности, в XIX в. в протестантской среде возникла т.н. «теория ветвей», разработанная британским богословом Уильямом Палмером. Согласно этой теории, единая христианская апостольская Церковь, распространившись по всему миру, разделилась на многие ветви, каждая из которых в равной мере сохраняет связь с перво-христианским наследием как стволом общехристианского древа. Дробление христианского мира, согласно этой теории, становится напротив проявлением многообразия и всеобъемлющей полноты христианской жизни. Однако такой подход вызвал негативную реакцию католиков и православных, которые отвергают «теорию ветвей».

В начале XX в. протестантские деноминации стали инициаторами т.н. экуменического движения, направленного на объединение всей христианской ойкумены. Первым шагом к практической реализации целей экуменического движения стала Всемирная миссионерская конференция, прошедшая в Эдинбурге в 1910 г., где впервые был применен термин «экуменизм». Среди участников конференции были только протестантские конфессии. В том же году в США начала работу комиссия по подготовке Всемирной конференции по вопросам веры и устройства церкви. Впоследствии экуменическое движение начало искать контакты не только в среде протестантизма, но и попыталась привлечь к своей деятельности православных и католиков. Попытка становления контактов протестантского экуменического движения с Римско-Католической церковью встретила резкую критику последней, что отразилось в энциклике папы Пия XI «Души смертных» (лат. “Mortalium Animos”), опубликованной в январе 1928 г. [11].

Отношение православного мира к экуменическому движению исходило из первостепенного значения вероучительного согласия в любом взаимообращении с инославием, при этом выражалось искреннее стремление содействовать единению христиан.

В 20-е-30-е гг. XX столетия в рамках экуменизма сформировалось два основных движения: «Вера и устройство Церкви» (течение по своей сути являлось богословским, полагая вероисповедное единство христиан главной целью экуменического движения) и «Жизнь и деятельность» (ставило под сомнение возможность достижения единства в вере и стремилось к межхристианскому сотрудничеству в решении практических задач). Важно отметить, что в деятельности движения «Вера и устройство Церкви» активное

участие принимали Православные Церкви, в том числе и русское церковное зарубежье.

В послевоенный период складывается концепция создания международной организации для осуществления христианского межконфессионального взаимодействия. В 1948 г. в Амстердаме состоялась первая учредительная Ассамблея Всемирного совета церквей (ВСЦ), в который вошли преимущественно протестантские церкви и церковные организации. В результате произошло слияние движений «Вера и устройство Церкви», «Жизнь и деятельность», а также «Международного миссионерского совета».

Из Православных Церквей в работе Амстердамской ассамблеи участвовали представители Константинопольской и Элладской Церкви, а русское зарубежье было представлено Свято-Сергиевским богословским институтом (Париж). Отношение Русской Православной Церкви к деятельности Ассамблеи в тот период было критическим.

Ключевым моментом, позволившим развитие диалога, а позже и вступление РПЦ во Всемирный совет церквей стало принятие т.н. Торонтской декларации 1950 г., которая определила, что «Всемирный совет церквей не является и никогда не должен стать сверх-Церковью». Целью совета было провозглашено: «способствовать изучению и обсуждению вопросов единства Церкви» [9]. Также указывалось на то, что членство в ВСЦ «не означает, что каждая Церковь должна признавать другие Церкви, входящие в Совет как Церкви в полном и подлинном смысле этого слова». Это положение реально открывало двери для диалога.

В 1961 г. на третьей Ассамблее в Нью-Дели Русская Православная Церковь вступила в ВСЦ. Участие РПЦ в экуменической площадке рассматривалось как задача «нести свидетельство о вероучении и католическом предании Церкви, и в первую очередь истину о единстве Церкви, как оно осуществляется в жизни Поместных Православных церквей» [7].

Деятельность ВСЦ нельзя рассматривать вне мирового политического контекста, поскольку в ней отразились события не только церковной, но и политической жизни второй половины XX в. Период «холодной войны» с ее блоковым противоборством породил значительные споры и противоречия в ее работе. В частности, в работе Совета принимал активное участие американский политик-республиканец Джон Фостер Даллес, демонстрировавший непримиримую позицию по отношению к Советскому Союзу [3]. Швейцарский теолог Карл Барт предложил ВСЦ быть нейтральным в отношении блокового мышления, что нашло свое отражение в заключении Совета о том, что «Христианская церковь должна отказаться от идеологий обеих стран – от коммунизма и нерегулируемого капитализма – и стремиться к тому, чтобы освободить людей от заблуждения, будто эти идеологии являются единственной альтернативой... На христианах лежит ответственность за поиск новых и созидательных решений, которые не попустят по-

прания справедливости и свободы с обеих сторон» [12]. Однако на практике абстрагироваться от политических идеологий вряд ли было возможно. Как отмечает немецкий исследователь Катарина Кунтер, «холодная война» сформировала «метаисторию» ВСЦ, поскольку блоковое противостояние во многом определяло направленность его решений [4. С. 147-163].

В период «разрядки» деятельность ВСЦ активизировалась. Члены Комиссии церковей по международным делам включились в обсуждение проблематики прав человека в рамках СБСЕ. В частности, в 1973 г. в Австрии состоялось совещание ВСЦ на тему «Права человека и христианская ответственность» [10]. В декабре 1975 г. на пятой Ассамблее ВСЦ в Найроби рассматривалось открытое письмо верующих из СССР священника Глеба Якунина и мирянина Льва Регельсона, в котором они предложили Совету осудить нарушение религиозных свобод в СССР [5]. Официальные представители РПЦ отказались обсуждать эту тему, усматривая в ней провокацию Запада. Для сохранения хрупкого баланса интересов участников ВСЦ приняло резолюцию, в которой был сформулирован абстрактный тезис о том, что экуменическое движение объединяет христиан из обоих политических блоков. Церкви как Телу Христову не следует замалчивать существующие проблемы, однако решать их нужно в духе христианской любви [6]. После Ассамблеи в Найроби были организованы два совещания в Монтре в 1966-1967 гг., посвященные нарушениям религиозной свободы.

VI Ассамблея ВСЦ состоялась в Ванкувере в 1983 г. На ней церкви-члены ВСЦ были призваны нести ответственность за мир и справедливость в мировом сообществе. На VII Ассамблее в Канберре в 1991 г., проходившей во время войны в Персидском заливе, помимо богословских дискуссий и взаимного изучения молитвенного опыта, обсуждались вопросы допустимости ведения т.н. справедливых войн. VIII юбилейная Ассамблея ВСЦ состоялась в 1998 г. в Хараре (Зимбабве). Значительное внимание на Ассамблее было уделено положению христианских церквей в Африке и роли ВСЦ в борьбе с расизмом и апартеидом. На IX Ассамблее ВСЦ, прошедшей в 2006 г. в Порту-Алегри (Бразилия), говорилось о необходимости принятия совместных шагов против вызовов Церквам и человечеству в целом [8].

X Ассамблея ВСЦ состоялась в Пусане (Южная Корея) в октябре 2013 г. По количеству делегатов она стала самой масштабной за всю историю деятельности Совета. В ее работе приняли участие представители 345 христианских деноминаций. На ней обсуждалось положение христианских церквей в Азии, участие христиан в решении глобальной экологической проблемы, забота о бедных, а также был затронут вопрос о мирном объединении двух корейских государств.

Отношение к участию в этой организации Русской Православной Церкви остается неоднозначным. В 2000 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, проходивший в августе 2000 г. в Москве, принял документ

под названием «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию», где указывается: «Членство во Всемирном Совете Церквей не означает признания ВСЦ церковной реальностью более всеобъемлющего порядка, чем сама Православная Церковь, поскольку она и есть Единая, Святая, Соборная и апостольская Церковь, или даже просто признание того, что ВСЦ и экуменическое движение обладают хоть какой-то церковной реальностью сами по себе. Духовная ценность и значимость ВСЦ обуславливается готовностью и стремлением членов ВСЦ слышать и отвечать на свидетельство католической Истины» [6].

Еще более осторожную позицию в отношении ВСЦ продолжает занимать Римско-католическая Церковь, участвуя в ее деятельности лишь в качестве наблюдателя. В вопросах экуменического общения католики опираются на Декрет «Unitatis Redintegratio» (лат. – «Восстановление единства»), принятый в 1964 г. на II Ватиканском Соборе. В Преамбуле Декрета констатируется, что стремление к христианскому единству является важнейшей задачей для всех христиан. При этом в первой главе уточняются католические принципы экуменизма. Тех, кто по историческим причинам отделился от Католической Церкви, последняя «приемлет с братским уважением и любовью» [1]. Однако в документе подчеркивается, что Единая Церковь Христова пребывает в Католической Церкви: «Лишь через Католическую Церковь Христову, представляющую собой всеобщее орудие спасения, можно получить всю полноту спасительных средств» [1].

Тот факт, что Католическая церковь как крупнейший христианский институт в мире и как актер мирового политического процесса не является полноправным участником ВСЦ, во многом ослабляет организацию. Тем не менее, ВСЦ продолжает оставаться единственной в своем роде международной площадкой, на которой на регулярной основе осуществляется диалог более трехста христианских церквей. Что касается православных участников, совместно с представителями дохалкидонских ортодоксальных общин, они составляют около одной четверти участников ВСЦ.

Можно констатировать, что на сегодняшний день экуменическое движение представляет собой одно из неоднозначных явлений в области межконфессионального общения, поскольку существует две диаметрально противоположных трактовки термина «экуменизм».

Первая трактовка предполагает эффективные механизмы межхристианского диалога и координацию взаимных усилий для отстаивания общих интересов и ценностей в нехристианском мире с особым акцентом на решение социальных проблем. Такой диалог направлен на межконфессиональное взаимодействие и сплочение христианских сил в международном масштабе, и его польза не отрицается ни одной из христианских конфессий.

Однако вторая трактовка рассматривает экуменизм как либеральное течение с тенденцией к объединению конфессиональных семей в единую

христианскую церковь. Экуменизм как движение, направленное на слияние христианских конфессий, предполагает достижение полного единения в истине – т.е. в идеале он должен реализоваться в совместной Евхаристии и совместной молитве – в том единстве Церкви, которое существовало до схизм и разделительных линий. Подобная форма экуменизма, предлагаемая протестантами, отрицается католицизмом и православием, сохраняющими догматическое учение и церковную иерархию и рассматривается ими не как попытка восстановления утраченного церковного единства, а как стремление к созданию новой христианской церкви. Осознавая утопичность идеи объединения Церкви при наличии «теории ветвей» и неоднозначности догматических суждений о Таинствах и Церковной иерархии, православные и католики не приемлют экуменизм в такой его трактовке.

Только первая форма экуменического движения как межконфессиональный диалог, направленный на эффективное взаимодействие для решения как внутрехристианских проблем (таких как прозелитизм и территориальная экспансия одних конфессий в ареалах традиционного распространения других конфессий), так и общих глобальных и региональных проблем, стоящих перед христианским миром и мировым сообществом в целом (сохранение христианских ценностей и преодоление нравственного релятивизма постсекулярного общества и др.) воспринимается традиционными церквями как адекватное межконфессиональное сотрудничество. Одной из главных тем на повестке дня межхристианского диалога является защита прав и свобод христиан, что является актуальной задачей в XXI в. В частности, одной из актуальных практических задач межхристианского сотрудничества является защита прав христиан в регионе Ближнего Востока и Северной Африки [2].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Документы II Ватиканского Собора. Москва, 2004 // https://cathmos.ru/wp-content/uploads/2019/12/dokumenty_vtorogo_vatikanskogo_sobora.pdf.
2. Межрелигиозный диалог и его роль в деле защиты христиан Ближнего Востока и Северной Африки от преследований: сборник научных статей / под ред. свящ. Д. Сафонова. М.: «Познание», 2017.
3. Киселев К.В. Записки советского дипломата. Москва, 1974 // <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000007/index.shtml>.
4. Кунтер К. Был ли третий путь: Всемирный совет церквей в период холодной войны // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1.
5. Обращение к делегатам V Ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Найроби. Священник Глеб Якунин, Лев Регельсон // <http://www.regels.org/Appeal-to-Nairobi-Assambly.htm>.
6. Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию. Архиерейский Собор 2000 г. // <http://www.patriarchia.ru/db/text/418840>.

7. Официальный сайт Московского Патриархата // Архиерейский Собор 2000 г.: Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославиям // <http://www.patriarchia.ru/db/text/418840.html>.

8. Призваны быть единой Церковью. Призыв к Церквам возродить свое стремление к поиску единства и углубить диалог между собой. Всемирный совет церквей. IX Ассамблея. 14-23 февраля 2006 г. Порту-Алегри. Бразилия // http://wcc2006.info/fileadmin/files/wcc-main/documents/p2/9thAssembly_Statement_ru.pdf.

9. Церковь, Церкви и Всемирный Совет Церквей. Июль 1950 г. Торонто // <http://www.ortho-hetero.ru/doc-ecum/51>.

10. Human Rights and Christian Responsibility (1975). Geneva: Commission of the Churches on International Affairs (CCIA) // <https://archive.org/details/human-rights-and-christian-responsibility/page/4/mode/2up>.

11. Mortalium Animos. Encyclical of Pope Pius XI on Religious Unity to our Venerable Brethren the Patriarchs, Primate, Archbishops, Bishops, and Other Local Ordinaries in Peace and Communion with the Apostolic See. January, 6. 1928 // http://www.vatican.va/content/pius-xi/en/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_19280106_mortalium-animos.html.

12. Ökumenische Rat der Kirchen. Amsterdamer Dokumente. Bericht und Reden auf der Weltkirchenkonferenz in Amsterdam, 1948. Bethel.

I.V. KOLOSOVA

*PhD (History) Diplomatic Academy
of the Russian Foreign Ministry,
Moscow, Russia*

CHRISTIAN ECUMENICAL MOVEMENT IN THE CONTEXT OF WORLD POLITICS

The article explores the history of relations among Catholicism, Orthodoxy and Protestantism in the context of world politics. It encompasses the genesis of the Christian ecumenical movement, the activities of the World Council of Churches (WCC) and its participation in the world political process, especially in the cold war period. It considers the role of the Russian Orthodox Church in the Christian interfaith co-operation and collaboration of the Christian Churches in defending the rights of Christians.

Key words: *Christian interfaith dialogue, Catholicism, Orthodoxy, Protestantism, ecumenical movement, World Council of Churches (WCC).*

DOI 10.35775/PSI.2021.70.6.027

УДК 32.327

Д.В. КРАСАВИН

*студент программы магистратуры
международных отношений на
постсоветском пространстве
Санкт-Петербургского
государственного университета,
Россия, г. Санкт-Петербург*

Д.Г. ПОПОВ

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры международных
отношений Северо-Западного
института управления РАНХиГС
Россия, г. Санкт-Петербург*

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ – ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВЕКТОРОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТОВ ЕАЭС И «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»)

Статья посвящена вопросу отношения, приближенного к власти экспертного сообщества стран Центральной Азии к российскому проекту Евразийского экономического союза и китайской инициативе «Один пояс – Один Путь». В работе использовался контент-анализ открытых материалов аналитических центров, с последующим выявлением коннотаций и общей оценки при упоминании интеграционных проектов. Полученная информация была классифицирована и систематизирована. Определено, что китайский проект поддерживается фабриками мысли всех стран региона. Отношение к ЕАЭС в основном положительное, но некоторыми экспертами Союз рассматривается как препятствие в развитии отношений с Китаем. Наиболее позитивно ЕАЭС воспринимается в Киргизии. Неожиданно большое количество критики исходит от специалистов Казахстана. Восприятие возможной интеграции с Россией в Узбекистане лучше, чем в Таджикистане. Впервые сделан обзор текстов наиболее влиятельных фабрик мысли региона. Полученные результаты отражают основные проблемы ЕАЭС, могут применяться для определения задач российской дипломатии второго трека, мониторинга ситуации и определения векторности внешней политики стран Центральной Азии.

Ключевые слова: *аналитические центры, фабрики мысли, Центральная Азия, Инициатива Пояс и Путь, интеграционные проекты, Евразийский экономический союз, векторы внешней политики.*

Начавшиеся в ходе Перестройки социально-политические преобразования создали условия, в которых стали возможны принципиально новые для советских реалий формы институционализации экспертного сообщества. Так, на постсоветском пространстве появились фабрики мысли (аналитические центры, «think tanks»), организации, «занимающиеся политико-ориентированными исследованиями и разработкой практических рекомендаций по вопросам внутренней и внешней политики» [7. С. 154]. Консультируя государственных служащих, они способны опосредованно или напрямую влиять на процесс принятия политических решений.

Сегодня Россия стремится к расширению проекта Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в то время как Китай объявил о начале инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП), предполагающей экономическое сближение стран Азии [6].

В постсоветской экспертной среде существует два основных подхода к пониманию политической векторности стран Центральной Азии. Так, В. Лапкин и В. Пантин считают, что на постсоветском пространстве конку-

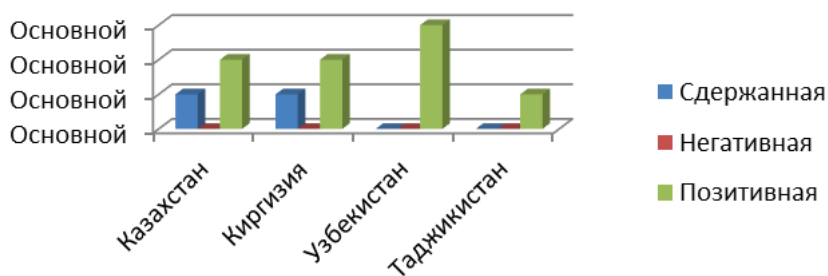

Рис. 1. Оценка экспертным сообществом китайского проекта ОПОП (составлено автором)

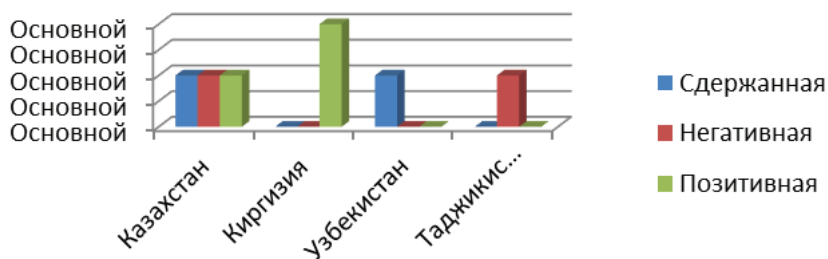

Рис. 2. Оценка экспертным сообществом российского проекта ЕАЭС (составлено автором)

рируют разные центры силы, длительное балансирование между которыми невозможно. Государства, не вошедшие в геоэкономические и геополитические объединения, рискуют столкнуться с нестабильностью. Соответственно, им приходится делать выбор в пользу одного из игроков [11. С. 87]. Другая точка зрения, представленная, например, В. Шамаховым и В. Случевским, заключается в убежденности, что Россия и КНР являются не региональными конкурентами, а потенциальными партнерами [16. С. 31].

Учитывая низкую степень открытости процесса принятия политических решений в странах Центральной Азии, отметим, что экспертный дискурс важен как индикатор настроений, сомнений и вопросов элит.

Целью работы является систематизация существующих экспертных оценок по вопросам интеграционных проектов на территории постсоветской Центральной Азии с последующим выявлением их коннотаций. Анализ полученных данных может помочь в определении векторности внешней политики государств постсоветской Центральной Азии.

Основным методом исследования для анализа дискурса выбран контент-анализ (поиск упоминания интеграционного проекта с выявлением коннотации среди мнений политических аналитиков). При выявлении коннотаций экспертных оценок нами использовались следующие обозначения:

- Негативная. Оценка, в которой, по мнению эксперта, риски и издержки значительно перевешивают преимущества.
- Сдержанная. Оценка, содержащая в себе упоминание как рисков, так и положительных сторон. Экспертная оценка с этой отметкой не дает однозначного ответа на поставленный вопрос.
- Положительная. Оценка, в которой риски и издержки либо игнорируются, либо являются незначительными в сравнении с преимуществами.

По вопросу проекта «Один пояс – один путь» Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) дает в целом *положительные* оценки. Предполагается, что в результате сопряжения финансовые показатели в Казахстане покажут рост [14]. Институт экономических исследований дает *положительную* оценку, отмечая существенное сокращение времени, затрачиваемого на транспортировку товаров. Обозначенные риски (рост экономической зависимости от Китая, возможное недовольство РФ) не так значительны, как возможные выгоды [18]. При всех положительных эффектах от китайского проекта, серьезными остаются *риски* усиления зависимости от КНР [3].

В Киргизии максимально приближенный к власти Национальный институт стратегических исследований (НИСИ) *положительно* характеризует евразийскую интеграцию. Киргизские эксперты отмечают, что от сопряжения проектов ОПОП и ЕАЭС ожидается синергетический эффект [5]. ОПОП рассматривается как «новый способ мироустройства», крайне выгодный для Кыргызстана и не нарушающий его суверенитет [10]. Однако, имеют место *риски* – со стороны РФ и КНР необходима выработка двусто-

ронных механизмов интеграции, предполагающих экономическую помощь, без которой невозможна экономическая стабильность Киргизии [6].

В Таджикистане Центр свободного рынка *положительно* воспринимает китайский проект, отмечая, что он является наиболее выгодной альтернативой ЕАЭС [4].

В Узбекистане Институтом стратегических и межрегиональных исследований (ИСМИ) при Президенте Республики Узбекистан даются однозначно позитивные оценки возможности участия в инициативе ОПОП. Аналитики поддерживают Китай по уйгурской проблематике, а репрессии в отношении населения региона обозначаются эвфемизмами («мероприятия по улучшению экономической ситуации», «внедрение современных систем цифрового контроля») [12]. ОПОП рассматривается исключительно в позитивном ключе («мегавозможности – мегапроект»), риски игнорируются [2]. Считается, что для сотрудничества с Китаем есть все необходимые предпосылки, в т.ч. культурно-исторические [13].

Перейдем к оценкам проекта ЕАЭС. Исследователи КИСИ считают, что проект по-прежнему актуален для РК, однако исключает любую интеграцию, кроме экономической [17]. При построении сценариев развития экономики ожидается, что эффекты от интеграции будут *положительными* – хорошую динамику продемонстрируют все секторы экономики [1]. При этом ИЭИ дает *негативную* оценку ЕАЭС, который рассматривается как препятствие для развития отношений с Китаем. Сопряжение ЕАЭС с ОПОП нереально, а «возможности РФ инвестировать в регион значительно уступают китайским» [18. С. 60].

Киргизский ИИСИ однозначно позитивно воспринимает участие страны в ЕАЭС. Считается, что вступление в ЕАЭС поможет в обеспечении высокого уровня жизни, стабильных темпов роста, значительных перспектив для экономического развития, несмотря на риск стать периферией интеграционного объединения [15]. Экономические выгоды от вступления в ЕАЭС не реализовались в полной мере из-за экзогенных факторов, однако, «вступление в ЕАЭС было исторически правильным, экономически обусловленным, политически продуманным и своевременным решением» [8].

Таджикистанский Центр свободного рынка *негативно* относится к возможности вступления в ЕАЭС, поскольку «таможенный союз напоминает реинкарнацию СССР», а управление им идет из Кремля. Основной риск – потеря политической независимости [4].

В Узбекистане ИСМИ при Президенте Республики Узбекистан *сдержанно* относится к идее участия в ЕАЭС [9]. Правительству рекомендуется синхронизировать вступление в ЕАЭС и ВТО, чтобы избежать взаимоисключающих соглашений, предлагается развивать альтернативные модели сотрудничества со странами-членами.

Выводы исследования.

Публикации казахстанских экспертов почти не идеологизированы, но, необходимо учитывать, что критика Евразийского союза во всех работах является достаточно мягкой по понятным политическим причинам. В Киргизии наблюдается исключительно высокая степень поддержки проекта ЕАЭС. В Таджикистане возможное вступление в ЕАЭС воспринимается негативно, при этом поддерживается идея углубления отношений с Китаем. Аналитические центры Узбекистана в целом позитивно, но без особого энтузиазма относятся к идее вступления в ЕАЭС. Для исследователей в странах Центральной Азии характерна сверхоптимистичная оценка инициативы КНР, в большинстве случаев игнорируются возможные риски и издержки.

Политика России сталкивается с критикой со стороны экспертного сообщества стран Центральной Азии. Отношение к ее проекту хуже, однако позиции китайской инициативы представляют собой скорее завышенный «рейтинг ожидания». Оценивая перспективы расширения ЕАЭС, можно предположить, что наиболее вероятным кандидатом на вступление в интеграционное объединение является Узбекистан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алтысбаева С.Н., Шунеев Ш.Ж.* Моделирование долгосрочных макроэкономических эффектов интеграции Казахстана в ЕАЭС // Торговая политика. 2018. № 1/13.

2. *Арипов Э.* Один пояс и один путь – мегавозможности, мегапроект // Сайт ИСМИ // <http://www.isrs.uz/ru/maqolalar/odin-poas-odin-put-megavozmoznosti-megaproekt>.

3. *Ахметжаров С.* Центральная Азия в десятилетнем периоде: сценарии и рекомендации. // Сайт КИСИ // <http://www.kisi.kz/index.php/en/library/article/130-akhmetzharov-slyamzhar-berikbekovich/3470-central-asia-in-ten-years-period-scenarios-and-recommendations>.

4. *Бондаренко К.* Таджикистан – Россия: «дружба по привычке» // Сайт Таджикистанского центра свободного рынка. 2016 // <http://freemarket.tj/2016/05/tadzhikistan-rossiya-druzhba-po-privyichke/>.

5. Взаимодействие ЕАЭС и инициативы «Один пояс – один путь». // Сайт НИСИ. 2017 // <http://nisi.kg/component/content/article/137-novosti-nisi-na-glavnuyu-2/403-provedeny-gajdarovskie-chteniya-na-temu-vzaimodejstvie-evrazijskogo-ekonomicheskogo-soyuza-i-initsiativy-odin-poyas-odin-put.html>.

6. Вопросы строительства и сотрудничества между ЭППИ и ЕАЭС // 2017 // <http://nisi.kg/component/content/article/111-novosti-nisi-na-glavnuyu/447-nisi-kr-i-imep-kaon-obsudili-voprosy-stroitelstva-i-sotrudnichestva-mezhdu-epshep-i-eaes.html>.

7. *Ивченко М.С.* Функционирование российских «фабрик мысли» в информационном обществе // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3.

8. *Кожошев А.О.* Киргизия в ЕАЭС // Презентация эксперта НИСИ // <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/Kyrg%20EAEU%20Results%202018.pdf>.

9. Курс на экономическую интеграцию – минимизация рисков // Сайт ИСМИ // <http://www.isrs.uz/maqolalar/kurs-na-ekonomiceskuu-integraciu-minimizacia-riskov-i-maksimizacia-vygod>.

10. Кыргызстан – Китай: есть к чему стремиться // Сайт НИСИ // <http://www.nisi.kg/niss-kg/kyrgyzstan-kitaj-est-k-chemu-stremitsya/>.

11. *Лапкин В.В., Пантин В.И.* Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты // Полис. Политические исследования. 2014. № 5.

12. Материалы международного круглого стола «Китай-Узбекистан: перспективы совместной реализации инициативы ОПОП» // <http://www.isrs.uz/ru/80/xalqaro-davra-suhbati-materiallari-ozbekiston-va-xitoy-bir-belbog-bir-yol-tashabbusini-hamkorlikda-amalga-oshirish-istiqbollari>.

13. *Нуруллаева Ш.* Развитие гуманитарного сотрудничества между Узбекистаном и Китаем // Сайт ИСМИ // <http://www.isrs.uz/ru/maqolalar/razvitie-sotrudnicstva-mezdu-uzbekistanom-i-kitaem-cerez-prizmu-ukrepleniakulturno-gumanitarnyh-osnov-vzaimoponimania-mezdu-narodami-dvuh-stranistoria-i-sovremennost>.

14. Современный Шелковый путь – больше, чем экономика // Сайт КИСИ. 2018 // <http://kisi.kz/ru/categories/meropriyatiya-2018/posts/eksperty-kisi-prinyaliuchastie-v-rabote-seminara-%C2%ABsovreme>.

15. *Умурзаков К.С., Тюлюндиева Н.М.* Перспективы участия Кыргызской республики в ЕАЭС: плюсы и минусы // Доклад НИСИ // <http://nisi.kg/component/search/?searchword=81&searchphrase=all&Itemid=792>.

16. *Шамахов В.А., Случевский В.В.* Некоторые аспекты сопряжения проектов ЕАЭС – «Один пояс – один путь» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1.

17. *Шаукенова З.* Выгодность ЕАЭС // Сайт КИСИ. 2017 // <http://www.kisi.kz/index.php/ru/allcategories-ru-ru/96-aktualnye-kommentarii/shaukenovazarema-kaukenovna/178-zarema-shaukenova-postepenno-prikhodit-ponimanievygodnosti-evrazijskogo-ekonomicheskogo-soyuza>.

18. *Юнусова С.* Перспективы Казахстана в рамках китайской инициативы «Один пояс один путь» // Экономика. Финансы. Исследования. 2018. № 3-4 (44).

D.V. KRASAVIN

*Master`s Degree Student of International
Relations in the Post-Soviet Space Program
Saint-Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

D.G. POPOV

*Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the
Department of International Relations
North-West Institute of Management RANEPA
St. Petersburg, Russia*

THINK TANKS IN THE POST-SOVIET COUNTRIES OF CENTRAL ASIA – PECULIARITIES OF FOREIGN POLICY VECTORS PERCEPTION (ON THE EXAMPLE OF THE EAEU AND BELT AND ROAD INITIATIVE)

The aim of the article is to identify the attitude of the close to government expert community in Central Asian countries to the Russian project of the Eurasian Economic Union and the Chinese Belt and Road Initiative. Main method is content analysis of think tanks open materials, identification of connotations and general assessment to both of integration projects, generalization and classification of the information. We have found that the Chinese project is supported by majority of regional think tanks. The attitude towards the EAEU is mostly positive, but some experts see it as an obstacle to the development of relations with China. The most positive perception of the EAEU is in Kyrgyzstan. An unexpectedly large amount of criticism comes from experts in Kazakhstan. The perception of possible integration with Russia in Uzbekistan is better than in Tajikistan. For the first time, a review of the texts of the most influential regional think tanks was made. A convenient analytical algorithm of actions has been formed, the use of which will help other researchers to update the data. The results reflect the main problems of the EAEU, and can be used to determine the tasks of Russian second track and official diplomacy. The results can be used for monitoring and identification of the foreign policy vectors of the Central Asian countries.

Key words: *think tanks, Central Asia, integration, Belt and Road Initiative, Eurasian Economic Union, expert community, foreign policy vectors.*

DOI 10.35775/PSI.2021.70.6.028

УДК 32. 327

В.А. МАНОВИЦКАЯ

студент, член Совета молодых ученых
Дипломатической академии МИД России,

Россия, г. Москва

Р.Н. ШАНГАРАЕВ

кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного
управления во внешнеполитической
деятельности Дипломатической
академии МИД России, Россия, г. Москва

ПОСЛЕДСТВИЯ СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Актуальность настоящего исследования обусловлена появлением новых вызовов и угроз, связанных с принудительной трансформацией политических режимов, возникающей в результате применения технологий «цветных революций», и определяется следующими факторами. Феномен «арабской весны» повлек за собой социально-политические изменения в ряде арабских государств. События, происходившие в ту пору, во многом повлияли на глобальную ситуацию в мире, в связи с чем этот феномен не утрачивает свою актуальность и по сей день.

Ключевые слова: Египет, Тунис, Сирия, Ливия, «Арабская весна», социальные сети, неправительственные организации, революция.

Хотя с момента зарождения волны протестов в 2010 году на Ближнем Востоке прошло чуть больше 10 лет, термин «арабская весна» по сей день остается предметом полемики: кто-то соотносит его лишь с начальным этапом развития событий в 2010-2011 гг., т.е. связывает с первыми протестными движениями в Тунисе и Египте. Поскольку народные восстания в арабских странах носили скорее волнообразный характер и сами процессы «арабской весны» вероятнее всего еще не завершились, этот феномен пока остается конвенциональным [12].

Во-первых, широко применяемые сегодня технологии «цветных революций» угрожают суверенитету и территориальной целостности современных государств, в особенности осуществляющих независимую внешнюю поли-

тику. К их числу относится и Россия. В редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (от 31.12.2015 г., п. 43) «цветные революции» отнесены к основным угрозам государственной и общественной безопасности [9]. Указанный факт подчеркивает необходимость выработки эффективных форм и методов противодействия данному классу угроз.

Во-вторых, технологии «цветных революций» не стоят на месте – они постоянно развиваются и эволюционируют, адаптируются к новым политическим и культурно-цивилизационным условиям, новым разновидностям политических режимов. В этом смысле между «цветной революцией» 2013-2014 гг. на Украине и «цветными революциями» «арабской весны» есть прямая эволюционная связь, так как на Украине в 2013-2014 гг. применялись технологии, которые до этого уже погрузили Арабский Восток в «управляемый хаос», но при этом были учтены особенности украинского менталитета и национальную специфику.

В-третьих, события «арабской весны» привели к свержению правящих режимов в Ливии, Тунисе и Египте и в значительной степени дестабилизировали ситуацию в регионе. Причины революционных событий носят как внутренний, так и внешний характер. В то же время в каждой стране они обусловлены спецификой исторического развития, социально-экономической, политической, религиозной ситуацией.

В-четвертых, прямым следствием «арабской весны» стало распространение влияния террористических группировок на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в том числе группировки «Исламское государство», которая сегодня представляет собой мощную террористическую организацию, и которой за несколько лет удалось расширить зону своего влияния от Ирака и Сирии до Ливии и Нигерии.

Анализ событий «арабской весны» и последующих политических трансформаций в арабских государствах с 2011 года по 2021 год позволяет сделать выводы о том, что революционные протесты в этих странах были порождены сложным комплексом политических и социально-экономических проблем, которые, накапливаясь и переплетаясь, вызвали мощный всплеск народного недовольства. События «арабской весны» привели к резкому ухудшению социально-экономической обстановки в исследуемых государствах. Основными причинами этого являются уничтожение объектов промышленной, энергетической и транспортно-коммуникационной инфраструктуры, нарушение производственно-хозяйственных связей между государствами и субъектами национальной экономики.

Военно-политическая обстановка на Ближнем Востоке и в Северной Африке сохраняет сложный и напряженный характер, что обусловлено продолжающимися внутренними вооруженными конфликтами и, как следствие, тяжелым социально-экономическим положением в регионе.

«Арабская весна» способствовала повышению конфликтного потенциала и борьбы за влияние на Ближнем Востоке между Исламской Республикой

Иран, Саудовской Аравией и Турцией, что создает серьезную угрозу региональной стабильности и безопасности в условиях эскалации этно-религиозной напряженности. Отмечаются тенденции распространения радикализма за пределы Ближнего Востока и Северной Африки.

В каждой стране были свои особые причины для народных волнений, но вместе с тем существует целый ряд причин, которые в той или иной степени делают революционные события в Сирии, Ливии и Египте связанными друг с другом. Основными внутренними предпосылками «арабской весны» в Египте, Сирии и Ливии являются:

1. Накопившиеся в обществе социальные проблемы;
2. Политические противоречия;
3. Религиозные конфликты, межклановое и межплеменное противоборство.

В свою очередь, следует подчеркнуть значительную роль внешних факторов, повлиявших на начало и ход революционных событий в Египте, Ливии и Сирии.

Если в Египте влияние внешних факторов можно оценить как вспомогательное, то в Ливии силы НАТО значительно способствовали победе революции. В причинах происходящих событий в Сирии также доминирует внешний фактор: сирийской оппозиции оказывается практически неограниченная финансовая, материальная и военная помощь, не говоря уже о помощи в подготовке бойцов так называемой «умеренной оппозиции» на территории соседних государств для противодействия правящему режиму.

Преследуя свои экономические и геополитические интересы, европейские государства и Соединенные Штаты всячески способствовали свержению правящего режима в Ливии. При этом, США, страны Европы, государства Персидского залива, а также Иордания и Турция, будучи заинтересованы в уходе Башара Асада в качестве основного инструмента для достижения своих целей, используют группы незаконных вооруженных формирований.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: «Практика свержения легитимных политических режимов, провоцирования внутригосударственной нестабильности и конфликтов получает все более широкое распространение». В документе отмечено, что «основными угрозами государственной и общественной безопасности являются: деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций» [9]. Угроза применения технологий «цветных революций» распространяется и на Российскую Федерацию, поэтому существует необходимость в выработке защитных мер, способствующих предотвращению «цветных революций».

Вопрос о вызовах, связанных с реализацией сценариев «цветных революций» на сегодняшний день стоит на повестке дня. На собрании Академии

военных наук начальник Генштаба ВС РФ В. Герасимов отметил: «Поскольку «цветные революции», которые в Минобороны считают, по сути, государственными переворотами, являются одной из форм проведения гибридной войны, ответ на них с применением обычных войск невозможен: противодействовать им необходимо только такими же гибридными методами» [2]. На форуме «Армия-2015» министр обороны России С.К. Шойгу отметил, что его ведомство собирается заказать «глубокую научно-исследовательскую работу о противодействии «цветным революциям» [7].

Касаясь вопроса главных угроз для безопасности, Секретарь Совбеза РФ Николай Патрушев отметил, что «за дестабилизацией Украины скрывается попытка радикального ослабления России» [11]. Неспokoйная ситуация в Украине волнует не только политологов, но и широкую общественность и средства массовой информации. Несмотря на антироссийские настроения в Украине, жители России по-прежнему воспринимают своих соседей как братский народ. «То, что произошло 19-22 февраля 2014 г. на Украине, бесспорно, является скрытой (впрочем, не очень скрываеваемой) формой агрессии США против «русского мира» [10].

Одним из основных приоритетов внешней и внутренней политики России в условиях XXI в. является выработка мер противодействия, а также изучение механизмов «цветных революций».

Культивирование антигосударственных настроений имеет негативное влияние на образование общественного мнения, формирование гражданского общества и воспитание молодой части населения. Существует немало доказательств того, что «несистемная оппозиция» России существует за счет финансирования западных политических элит (а отстаивание интересов иностранных инвесторов является для них основной целью, без выполнения которой потоки финансирования могут вполне закономерно оборваться). К примеру, А. Мухин в книге «Навальный. Итоги» называет деятельность «оппозиционера № 1» «бизнес-системой» и отмечает его связь с иностранными политиками, дипломатами и финансистами [6]. Таким образом, оппозиционная часть нашей страны занимается, скорее, отстаиванием интересов зарубежных инвесторов, нежели самой России.

Проблема пресечения деятельности, которая имеет главной целью разрушение политических режимов, выходит за рамки внутренней политики. Поэтому в настоящее время существует необходимость в разработке новых мер противодействия «цветным революциям» не только на государственном, но и на общерегиональном уровне.

Итальянский журналист и писатель Дж. Кьеза в своей работе «Что вместо катастрофы» размышляет о роли России на современном этапе, акцентируя внимание на приоритете возрождения национальных традиций. «Очень важен диалог между культурами. Надо умножать возможность сближения России с остальным миром. Важно, чтобы присутствие русских в мире было

воспринято как положительный фактор. Требуется новое видение международных отношений <...> идет воссоздание идеи сохранения вашей (российской) ценности. Я считаю, что тема сохранения ценностей, истории, языка – очень важный элемент защиты. Ваше поколение должно формироваться в духе защиты своих ценностей от идей Запада, которые ничего демократического уже давно не имеют» [4].

Проведение самостоятельной национальной политики (курс которой Россия взяла впервые с момента распада СССР) было встречено антироссийскими настроениями в США и Европе. М.В. Джабаров, заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, отмечает, что «за последние год-два мы стали свидетелями резкой эскалации международной напряженности, ставшей следствием глубинных сдвигов во всей системе международных отношений. Исторический выбор руководства России на проведение независимой внешней политики и евразийскую интеграцию вызвал ожесточенное противостояние со стороны США и их ближайших западных союзников. Такая геополитическая агрессия Запада особенно рельефно проявилась в Украине, которую пытаются не просто «оторвать» от евразийского интеграционного ядра, но и превратить в колониальный придаток и одновременно натовский форпост на востоке Европы» [3]. При этом эксперт подчеркивает: «Россия последовательно и целеустремленно проводит линию на выстраивание конструктивных отношений со всеми странами и объединениями, которые готовы к равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству» [1].

Таким образом, «цветные революции» являются технологией с четко отработанным сценарием реализации, поэтому существует необходимость в понимании действительных причин и целей политической стратегии стран евроатлантического сообщества для эффективной борьбы с их распространением.

Подводя итог, следует отметить, что при применении технологий «цветных революций» трансформация политического режима не происходит в результате естественного завершения эволюции государственной власти, а организуется силами извне и в интересах этих сил, т.е. в интересах других стран [5].

«Цветные революции» не реализуют конструктивных преобразований политической, экономической, государственной, идеологической и социальной сфер, а лишь меняют аппарат управления, демонтируя существующие политические отношения. В отдельных случаях государства остаются без легитимной власти, что, в свою очередь, порождает хаос.

В большинстве случаев, на примере стран, где произошли «цветные революции», положительной динамики в жизни государства и общества не наблюдается. Скорее, наоборот, под лозунгом борьбы за права человека и социальную справедливость к власти приходят экстремисты различного толка.

В итоге «цветные революции» под предлогом демократизации ставят целые страны и регионы на грань экономической и социальной катастрофы,

происходит потеря территорий, отток населения, возникает угроза распада самих государств.

Одной из основных целей реализации технологий «цветных революций» является организация государственного переворота.

«Арабская весна» была организована с помощью технологий «цветных революций», в том числе при внешнем (порой военном) вмешательстве. Такие страны, как Ирак и Ливия, подверглись прямой военной агрессии, вследствие которой было свергнуто легитимное правительство и свергнуты действующие главы государств. В случае Ирака и Ливии – разрушена государственность. «Цветные революции» Египта и Туниса были организованы и контролировались политтехнологами посредством финансирования, идеологических манипуляций общественным сознанием, консультирования представителей оппозиции и т.д.

Технологии «цветных революций» реализуются по стандартному шаблону. Изначально усугубляется дестабилизация внутривластной обстановки в стране. Поводом является спровоцированное обострение реальных проблем, существующих в обществе (социально-экономические, национально-этнические, религиозные и др.) [1]. Необходимо отметить, что сложно представить государство, где такие противоречия полностью отсутствуют. Далее организуются митинги и демонстрации. Население, выведенное на улицы, мобилизуется в агрессивную политическую толпу, направляемую против действующей власти. При помощи специально подготовленных военизированных формирований, участники которых выдают себя за «мирных» демонстрантов, происходит захват правительственных зданий и блокировка деятельности государственных органов власти. Затем в процесс включается политическое руководство Соединенных Штатов и западноевропейских стран, а также ангажированные ими международные организации и СМИ [8], которые синхронно заявляют о деспотизме и «недемократичности» правительства и о необходимости принять действующей властью «демократический» выбор народа. Зачастую именно внешнее давление вынуждает легитимные правительства капитулировать. В случае сопротивления со стороны властей происходит вмешательство объединенных сил евроатлантического сообщества во главе с США. Такие сценарии были реализованы в Ираке, Ливии и отчасти в Сирии.

Отдельно необходимо отметить роль так называемого «управляемого хаоса». Эта технология активно применялась в арабских странах. «Управляемый хаос» – техника создания и поддержания перманентной нестабильности и хаоса, которые в реальности контролируются внешними игроками в пользу их же интересов. Соединенные Штаты и их союзники применили технологию «управляемого хаоса» в странах Ближнего Востока и Северной Африки с целью:

- контролировать территории и природные ресурсы этого региона;

- контролировать и влиять на режимы соседних с регионом стран;
- оставаться единственным полюсом политического могущества [12].

Таким образом, «цветные революции», произошедшие в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, требуют глубокого понимания. Эти процессы запустили механизмы деформации политического, территориально-религиозного, финансово-экономического устройства арабского мира и имеют глобальные последствия для всей цивилизации. Сегодня многие страны ощущают на себе последствия «арабской весны». Регион находится в состоянии политической турбулентности. Уничтожение государственности Ирака и Ливии, а также дестабилизация режима Б. Асада и гражданская война в Сирии стали причинами массовой миграции населения этих и соседних стран в Европу. Разрушены преграды на пути формирования транснациональных террористических организаций. Действия Исламского Государства Ирака и Леванта (ИГИЛ¹) оказывают ощутимое влияние на формирование актуальной повестки дня и несет угрозу государственной безопасности и стабильности многих арабских и европейских стран, в том числе и России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бажанов Е.П., Карпович О.Г., Литвинов В.О.* «Революция зонтиков» в Гонконге: новая страница «цветных революций» // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 1 (23).
2. Военные теоретики РФ планируют разработать концепцию «мягкой силы» // <http://www.avnrf.ru/index.php/vse-novosti-sajta/820-voennye-teoretiki-rf-planiruyut-razrabotat-kontseptsiyu-qmyagkojsilyq>.
3. *Джабаров М.В.* Вступительное слово В. М. Джабарова – первого заместителя председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, члена правления Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации // Актуальные вопросы внешней политики российской Федерации (к «правительственному часу» 374 заседания СФФСРФ 25 мая 2015 г.). Аналитический вестник. 2015. № 16 (569).
4. *Къеза Дж.* Что вместо катастрофы. М.: Издательский дом «Трибуна», 2014.
5. *Мустафин Т.А., Шангараев Р.Н.* Трансформация партийной системы Испании: монография. Москва: «Сам Полиграфист», 2021.
6. *Мухин А., Гафарова А.* Навальный. Итоги. М.: Алгоритм, 2016.
7. *Нагорных И., Сафронов И.* Минобороны подключается к борьбе с «цветными революциями» // <http://www.kommersant.ru/doc/2753508>.

¹ Запрещенная в Российской Федерации организация.

8. Сурма И.В. «Твиттер-дипломатия» как инструмент внешнеполитической коммуникации // Дипломатическая служба. 2020. № 1.

9. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391/page/1>.

10. Фурсов А.И. Холодный восточный ветер русской весны. М.: Книжный мир, 2015.

11. Черненко Е. «За дестабилизацией Украины скрывается попытка радикального ослабления России» // <http://www.kommersant.ru/doc/2752250>.

12. Шангараев Р.Н., Мановицкая В.А. Феномен «арабской весны» – 10 лет спустя // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Том 11. № 5 (74).

V.A. MANOVITSKAYA

*Student, Member of the Young Scientists Council,
Diplomatic Academy of Ministry of Foreign
Affairs of Russian Federation, Moscow, Russia*

R.N. SHANGARAEV

*Ph.D. of Economic Sciences Associate Professor
of the Department of Public Administration in
Foreign Policy, Diplomatic Academy of the
Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia*

CONSEQUENCES OF THE EVENTS OF THE “ARAB SPRING” IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS

The relevance of this study is due to the emergence of new challenges and threats associated with the forced transformation of political regimes resulting from the use of technologies of “color revolutions”, and is determined by the following factors. The phenomenon of the “Arab Spring” brought about socio-political changes in a number of Arab states. The events that took place at that time largely influenced the global situation in the world, and therefore this phenomenon does not lose its relevance to this day.

Key words: *Egypt, Tunisia, Syria, Libya, “Arab Spring”, social networks, non-governmental organizations, revolution.*

ВОПРОСЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

В статье автором поднимается вопрос развития системы здравоохранения в странах Центральной Азии. Был проведен краткий анализ нынешнего состояния, а также те вызовы и угрозы, которые стоят перед каждой страной в отдельности из-за распространения новой коронавирусной инфекции. Учитывая, что страны Центральной Азии во многом имеют схожие этнические и культурные особенности, к одному из интересных подходов для проведения реформ, выделенных автором, является создание единой системы здравоохранения для региона.

Ключевые слова: *здравоохранение, Центральная Азия, обеспечение национальной безопасности, коронавирус, пандемия, противодействие угрозам, социальный вопрос, медицина.*

В 2020 году с проблемой обеспечения здравоохранения столкнулись все страны – пандемия коронавируса охватила мир. Несмотря на то, что сфере здравоохранения всегда уделялось существенное внимание и финансирование как одному из ключевых сегментов обеспечения национальной безопасности страны, то в 2020 году были получены новые факторы и обстоятельства, которые выявили и еще больше усугубили все имеющиеся недостатки. Правительства всех стран мира убедились, что система здравоохранения является той сферой, где необходим постоянный мониторинг, совершенствование и активное решение имеющихся проблем.

Центрально-азиатский регион является достаточно уязвимым при распространении каких-либо заболеваний, поскольку является одним из ключевых центров производства и сбыта различной миграции, а обеспечение стран во многом зависит от трудовой миграции.

Пять государств постсоветского пространства имеют общие экотипы, агроэкологические зоны, показатели плотности населения и популяций животных, подходы к ведению сельского хозяйства, логистики и торговли, а также имеющиеся механизмы регионального взаимодействия [2].

В последние несколько десятков лет объем международного туризма и торговли увеличился, а коммуникационные технологии претерпели заметное развитие. В области контроля за возникающими и рецидивирующими инфекционными заболеваниями появились новые задачи. Учитывая изложенное, не удивительно, что мир сталкивается с новыми угрозами в области обеспечения здоровья населения, а также в целом поддержания уровня национальной безопасности на должном уровне. Вопрос зависимости системы здравоохранения и обеспечения национальной безопасности не оспорим, так как человеческий ресурс является одним из ключевых в каждой из систем. Без участия человека невозможно развитие общества, внедрение инноваций, потребления производных продуктов и услуг для обеспечения экономического роста.

Как и все страны постсоветского пространства, страны Центральной Азии унаследовали советскую модель систем здравоохранения.

Более подробно рассмотрим ключевые проблемы в области здравоохранения в каждой из стран региона.

По индексу продолжительности жизни Республика Казахстан отстает от стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) почти на 8 лет, что является ярким свидетельством низкой эффективности организации системы здравоохранения [4]. Как следствие Казахстан с обретением в 1991 году независимости получил в наследство советскую модель здравоохранения, основанную на государственном регулировании и централизованном планировании. За годы государственного суверенитета система здравоохранения республики модифицировалась в ипостаси трех моделей: бюджетной, бюджетно-страховой, программно-бюджетной с элементами платной медицины на всех этапах реконструкции системы здравоохранения [4].

Развитие сотрудничества и взаимодействие государств – участников СНГ в области здравоохранения планируется продолжить в рамках реализации Стратегии «Здоровье населения государств – участников Содружества Независимых Государств», которая согласуется с проводимой ВОЗ политикой «Здоровье 2020». Одним из приоритетов в рамках Евразийского экономического союза является обеспечение полноценного функционирования единого рынка лекарственных средств и медицинских изделий, оказания медицинской помощи трудящимся мигрантам и членам их семей государств-членов ЕАЭС, функционирования внутренних рынков без барьеров, препятствий и ограничений, реализации согласованной политики по санитарным мерам [2].

Уровень затрат Кыргызстана на систему здравоохранения находится на уровне стран с низким доходом на долю населения, но объем государ-

ственных обязательств далеко впереди стран с развитой рыночной экономикой. В Республике активно принимаются и совершенствуются нормативные правовые акты, регулирующие сферу здравоохранения. В первую очередь, это государственные программы, которые направлены на охрану здоровья населения. Отличительной отрицательной чертой является то, что ни одна из программ не получает в достаточной мере необходимого финансирования, их реализация происходит за счет международных договоров. При этом, исполнение принятых более чем 20 законов Республики Кыргызстан, необходимо порядка 3-4 млрд. сом, фактическое финансирование в объеме 20-60%, а на финансирование закона «Об онкологической помощи» средств практически не выделяется [1].

Учитывая вопрос о финансировании системы здравоохранения, ключевым вопросом остается поиск внутренних резервов. Так как пандемия коронавирусной инфекции поставила под удар все страны мира. Актуальным остается вопрос обеспечения сельского здравоохранения. Несмотря на то, что помощь международного донорского сообщества приносит свои плоды, она достаточно избирательна и имеет точечный характер.

В Узбекистане также принимаются активные меры для повышения эффективности и действенности системы здравоохранения. Государственная система здравоохранения имеет три уровня: общенациональный, областной и местный. Частный сектор занимает достаточно небольшую долю, в основном представлен аптеками, частными клиниками, поставкой и производством медицинского оборудования и медикаментов. Система здравоохранения является интегрированной, поэтому большинство служащих министерства здравоохранения – государственные служащие. К недостаткам действующей системы здравоохранения в Узбекистане следует отнести то, что интегрированная система все еще не дает развиваться договорным отношениям. От ВВП Узбекистана выделяется лишь малый процент на здравоохранение и его развитие. Таким образом, спорным остается вопрос обеспечения равенства и финансирования медицинских услуг. То есть мы опять же можем наблюдать недостаточный уровень финансирования здравоохранения, как и в Республике Кыргызстан. Помимо этого, в Узбекистане наблюдается нехватка врачей и специалистов в сельских районах. Различия имеются и в распределении расходов в области и регионы. Происходит подрыв ключевой цели развития системы здравоохранения за счет проведения неофициальных платежей, что делает систему здравоохранения в Узбекистане все менее прозрачной [3].

Масштабные планы по реформированию системы здравоохранения в Узбекистане были приняты в правительстве. В 2018 году был утвержден закон «О комплексных мерах по коренному совершенствованию системы здравоохранения Республики Узбекистан». Начав реформу, ее завершение планируется к 2025 году. Достаточно короткий промежуток времени, так

как другие страны шли к полной реформе систем здравоохранения от 10 до 40 лет (Турция, Франция, Корея). За 3 года в Узбекистане было принято более 160 нормативных правовых актов, затрагивающие реформирование системы здравоохранения. Происходят существенные изменения в области инновационной медицины, внедрение новых технологий, знаний. 2021 год в Узбекистане был объявлен: «Годом поддержки молодежи и укрепления здоровья населения» [3].

В Туркменистане система здравоохранения является многоцелевой и социальной, стремится выходить на уровень мировых стандартов. Была создана и успешно реализуется государственная программа «Здоровье», за счет которых уровень заболеваемости среди граждан был снижен в значительной степени. Проводится национальная стандартизация системы охраны здоровья, для этих целей утверждена нормативная документация, разрабатываются современные Клинические протоколы диагностики и лечения болезней по различным направлениям. Ключевой задачей на ближайшее время для государства стало решение проблемы детской смертности. Среди стана Центральной Азии, Туркменистан занимает одну из лидирующих позиций.

Одной из главных современных вызовов в области здравоохранения в Республике Таджикистан была и остается проблема распространения ВИЧ/СПИД, так как государство находится в коридоре незаконных перевозок наркотиков Афганистана. Для Таджикистана ключевой задачей при проведении реформ в области здравоохранения является:

- избегать нерациональных трат в области здравоохранения;
- усилить законодательную базу;
- разрабатывать и совершенствовать государственные программы по здравоохранению.

Обобщая полученные результаты в рамках состояния систем здравоохранения в странах Центральной Азии как одного из факторов обеспечения национальной безопасности региона, стоит отметить, что для всех стран остается проблема недостатка финансирования и нерационального распределения денежных средств, что, в первую очередь выражается в совершении коррупционных преступлений.

Каждое из государств центральноазиатского региона стремится решить застаревшие проблемы в области здравоохранения и охраны здоровья населения через проведение реформ и совершенствования существующих нормативных актов. Ряд государственных программ реализуются достаточно активно и приносят свои результаты.

Пандемия коронавирусной инфекции еще больше подорвала каждую из систем, открыв даже те проблемы, которые, казалось бы, стояли не так остро:

- нехватка специалистов;
- недостаточное техническое оснащение;

-
- проблема оказания качественной и своевременной медицинской помощи в отдаленных регионах и селах;
 - недостаточное финансирование государственных программ;
 - не достаточный объем в привлечении инвестиций в область здравоохранения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Касиев Н.К.* Некоторые вопросы системы здравоохранения Кыргызстана (Проблемы и перспективы) / Н.К. Касиев, О.А. Болбачан, Д.Д. Ибраимова // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2019. Т. 19. № 5.
2. Один регион, единое здравоохранение: Подготовка стран Центральной Азии к будущим пандемиям // <https://blogs.worldbank.org/ru/europeandcentralasia/one-region-one-health-preparing-central-asia-future-pandemics>.
3. Реформы с ускорением. Развитие медицинской помощи – инвестиции не только в настоящее, но и в будущее // <https://rg.ru/2019/08/29/v-uzbekistane-postavili-cel-reformirovat-zdravoohranenie-k-2025-godu.html>.
4. *Тайторина Б.А., Богатырева Л.Б., Байсалова Г.Т.* Современные модели организации здравоохранения: проблемы правового регулирования // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 2 (60) // <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-modeli-organizatsii-zdravoohraneniya-problemy-pravovogo-regulirovaniya>.

В.М. МАКАНБАЕВ

Postgraduate student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Advisor to the Consolidated planning and coordination Department, Department of Protocol and organizational support Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia

HEALTH ISSUES AS AN ELEMENT OF ENSURING NATIONAL SECURITY IN CENTRAL ASIA: NEW CHALLENGES AND THREATS

In the article, the author raises the issue of the development of the health care system in Central Asian countries. A brief analysis was made of the current state, as well as the challenges and threats facing each country individually due to the spread of the new coronavirus infection. Considering that the countries of

Central Asia in many ways have similar ethnic and cultural characteristics, one of the interesting approaches for carrying out reforms, highlighted by the author, is the creation of a unified healthcare system for the region.

Key words: *healthcare, Central Asia, ensuring national security, coronavirus, pandemic, countering threats, social issue, medicine.*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ: ИТОГИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА

В рамках статьи автор рассматривает развитие стран Южной Америки на современном этапе. В частности, проводится анализ экономического развития региона и основных проблем, тормозящих переход от сырьевой экономики на экономику, ориентированную на производство высокотехнологичной продукции. Так же рассматриваются политические проблемы развития Южноамериканского региона. Актуальность темы исследования обусловлена бурным развитием и активными преобразованиями в социальной, политической и экономической сферах рассматриваемого региона. При этом Южноамериканский регион представляет собой наиболее контрастный регион на карте мира. Именно здесь отмечается самый существенный разрыв между наиболее бедными и наиболее богатыми странами, как в экономическом, так и в социально-политическом отношении. Основной целью исследования является попытка выявления различий в развитии различных государств Южной Америки в социальной, политической и экономической сферах, а также причин сложившейся в странах ситуации. При проведении исследования автор прибегал как к аналитическим, так и статистическим методам. При этом, так же применялись методы общенаучного познания, сравнения, анализа и синтеза. Основным результатом данного исследования является определение причин, тормозящих развитие рассматриваемого региона, к которым отнесены: отсутствие внутренней политической стабильности, сырьевая направленность экономического экспорта и экономики в целом, низкий уровень внедрения технологических инноваций, слабая организация социальной поддержки населения. По результатам исследования сделаны выводы и предложены рекомендации по дальнейшему развитию стран Южной Америки.

Ключевые слова: Южная Америка, регион, экономическое развитие, политическое развитие, инновации, инвестиции.

Южная Америка включает в основном страны, имеющие средний уровень доходов, а также ряда стран с высоким уровнем доходов (к таким стра-

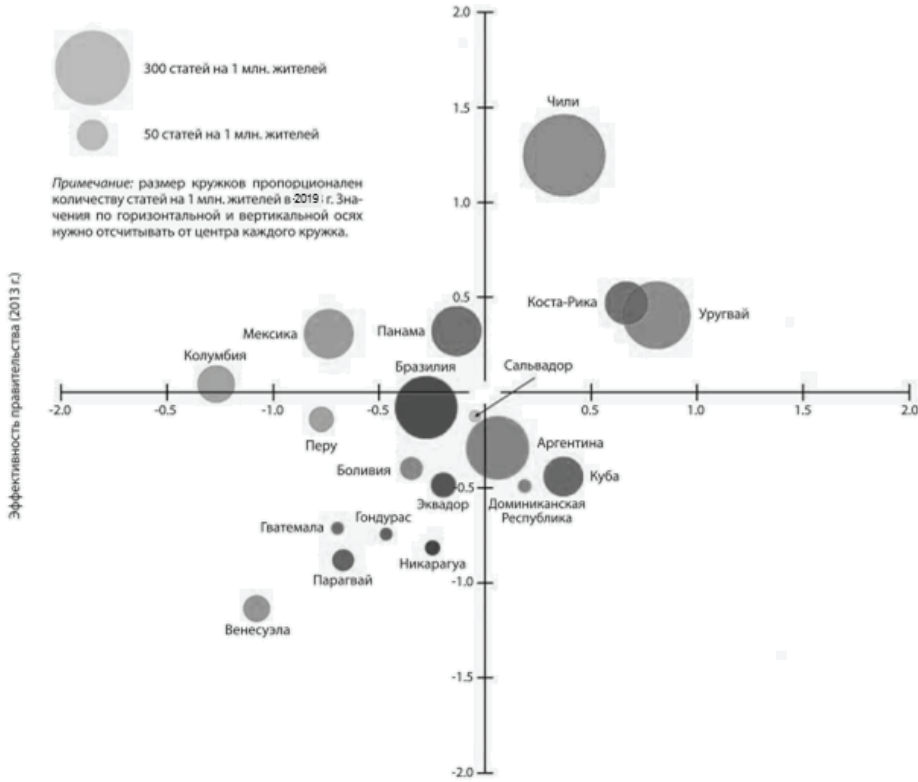

Рис. 1. Взаимосвязь между показателями качества государственного управления и научной продуктивностью в Южной Америке. 2019 г. [2. С. 82]

нам можно отнести Уругвай, Аргентину, Чили и Венесуэлу). При этом Чили среди всех стран Южной Америки Чили имеет наибольший показатель ВВП на душу населения, тогда как у Гондураса данный показатель один из самых низких. Таким образом Южноамериканский континент можно охарактеризовать как регион, где неравенство между странами выражено наиболее остро несмотря на то, что за последние десятилетия ситуация несколько улучшилась. К наиболее бедным странам региона можно отнести Гондурас, Бразилию, Колумбию и Доминиканскую Республику.

Цель исследования. Выявление различий в развитии различных государств Южной Америки в социальной, политической и экономической сферах, а также причин сложившейся в странах ситуации.

Материалы и методы исследования. При проведении исследования использовались аналитические и статистические методы. При этом, так же применялись методы общенаучного познания, сравнения, анализа и синте-

за. В качестве материалов исследования выступили материалы статистических сборников, справочников, периодической печати и сети Интернет.

Результаты исследования. Основным результатом данного исследования является определение причин, тормозящих развитие государств Южной Америки, к которым отнесены: отсутствие внутренней политической стабильности, сырьевая направленность экономического экспорта и экономики в целом, низкий уровень внедрения технологических инноваций, слабая организация социальной поддержки населения.

Обсуждение. Экономика стран Южной Америки за последние 5 лет выросла всего на 1,8%, что свидетельствует о том, что роста ВВП в расчете на душу населения практически не происходит [1. С. 38; 2. С. 79; 5. С. 36]. Имеющиеся данные за 2020 год свидетельствуют о сокращении экономической активности после того, как в течении 10 лет в регионе наблюдался сырьевой бум.

В то же время перспективы экономического роста для стран Центральной Америки значительно возросли, что во многом связано с их наиболее крупным торговым партнером (США), а так же падением цена на углеводороды с середины 2014 г. Помимо этого сокращение цен на сырьевые ресурсы после сырьевого бума закончившегося в 2010 году должно было предоставить государства Центральной Америки и Карибского бассейна определенную передышку. Кроме того, экономика Мексики находится в существенной зависимости от развития экономики Северной Америки, в связи с чем отличается большей динамичностью. В недалекой перспективе предполагается повышение среднесрочных темпов роста экономики стран Латинской Африки в связи с проводимыми реформами в телекоммуникационной энергетической сфере.

В то же время, прогнозы по уровню экономического роста для государств Южной Америки, экономика которых в основном ориентирована на экспорт сырья являются не столь оптимистичными. В наибольшей зависимости от сырьевого экспорта находится Венесуэла, следом за которой идут такие страны как Эквадор и Боливия, а замыкает пятерку данных стран Чили и Колумбия.

В Венесуэле снижение цен на нефть оказало негативное влияние на и так непростую политическую ситуацию в стране, тем не менее, экономика страны, как и прежде активно функционирует. В свою очередь Аргентина все еще пытается справиться с кризисом задолженности, в связи с чем государство столкнулось необходимостью возвращения долгов частным кредиторам из Соединенных Штатов Америки. На этом фоне Аргентина показывает совсем незначительный рост экономики [8. С. 25; 9. С. 55; 10. С. 16].

Не менее острые проблемы у стран возникли и на политической арене. Так, например, коррупционный скандал, в котором была замешана нефтяная компания Бразилии «Петробрас» из экономической сферы очень бы-

стро перешел в политическую. В свою очередь в Гватемале, руководитель государства П. Молина вынужден был подать в отставку в 2015 году в связи с тем, что был обвинен в экономических преступлениях. В связи с митингами, проходившими в стране больше месяца, президент предстал перед судом. Подобное еще несколько десятилетий назад в Гватемале было просто невозможно, что свидетельствует о том, что верховенство права в последние годы набирает обороты [3. С. 19; 4. С. 112].

На сегодняшний день такие показатели как экономическая и политическая стабильность, а также эффективность государственного управления и борьба с коррупцией играют важную роль в долгосрочном развитии государства и роста научно-технического уровня страны.

Тем не менее, на сегодняшний день, только в ряде стран Южной Америки отмечается положительная динамика по данным направлениям – это Коста-Рика, Чили и Колумбия. В то же время, такие государства как Мексика и Панама имеют довольно высокий уровень государственного управления, однако наличие политической нестабильности, вызванная внутренними конфликтами, не позволят активно развиваться экономике в научно-технической сфере [6. С. 15]. При этом Куба, Аргентина и ряд других государств отличаются политической стабильностью, но не эффективны в сфере реализации выбранного политического курса. Прочие же страны рассматриваемого региона имеют и вовсе отрицательное значение по обоим рассматриваемым показателям. Интересным в данном случае является факт корреляционной зависимости между показателями эффективности управления и научной продуктивности государства (см. рис. 1).

Одним из важнейших событий, оказавших влияние на развитие Южноамериканского региона, стало создание Южноамериканского союза наций (УНАСУР). Договор о создании союза был подписан в мае 2008 года, однако вступил в силу не сразу, а лишь в начале 2011 года. В 2012 году был сформирован Южноамериканский совет по науке, технологии и инновациям (КОСУКТИ), основной целью которого являлось поддержание сотрудничества в сфере науки и техники [11. С. 18].

Данная организация создавалась с ориентацией на Европейский союз, ставя перед собой схожие цели и задачи, основными из которых являются свободное передвижение граждан по территории государств, вступивших в нее, а также свободное перемещение товаров и услуг. 12 государств являющихся членами УНАСУР планируют по подобию ЕС принять единую валюту, единый руководящий орган – парламент, а также обсуждают возможность по стандартизации степеней в системе высшего образования.

Штаб-квартира УНАСУР находится в Эквадоре в городе Кито, тогда как Банк Юга располагается в столице Венесуэлы – Каракасе. При этом УНАСУР не планирует создавать новые организации для развития региона, а опирается в своей деятельности на уже функционирующие в регионе тор-

говые союзы, к которым относятся: Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР), а также Андское сообщество наций.

Для развития высокотехнологичной экономики требуются прямые иностранные инвестиции (ПИИ). При этом их распределение в странах Южной Америки проводилось в 2019 году по следующему принципу [12. С. 216-218]: 18% инвестиций предназначенных для развития технологий было вложено в проекты низкотехнологичного характера; 22% – были вложены в компании реализующие проекты умеренно низко-технологичные; 56% инвестиций были направлены на реализацию умеренно высокотехнологичных проектов; и всего 4% прямых иностранных инвестиций приходится на высокотехнологичные проекты [7. С. 59].

При этом, если рассматривать территориальное распределение прямых иностранных инвестиций, то инвестиции направленные в, развитие высоких технологий чаще всего направляются в Бразилию и Мексику, где их основная доля приходится на отрасль автомобилестроения. При этом в Колумбии, Панаме и Перу на данный вид технологий приходится меньше 40% от общего объема прямых иностранных инвестиций. В Боливии основной объем инвестиций направляется на развитие сырьевой промышленности, в первую очередь горнодобывающих предприятий. При этом, необходимо отметить, что основная масса экономик стран Южной Америки ориентирована на технологии простые и доступные. Это во многом связано с тем, что производство высокотехнологичной продукции требует более высококвалифицированных специалистов и соответствующего технологичного и дорогостоящего оборудования, что могут позволить себе лишь наиболее крупные компании. В целом же на рынке труда отмечается нехватка специалистов высокой квалификации в научно-технической сфере. В то время как производство низко-технологичной продукции и добыча природных ресурсов не требует значительных вложений [8. С. 23].

В последние несколько лет ряд стран Южной Америки предпринимает попытки перейти от сырьевой экономики к более технологичному производству и экспорту. Так, например Мексика и государства Центральной Америки сделали довольно значительный шаг на пути перехода от экспорта сырья к производству средне-технологичной и высокотехнологичной продукции, ориентированной в основном на экспорт. Этого удалось добиться благодаря введению специального режима импорта и ориентированному на экспорт производству. Тогда как в странах Южной Америки структура экспорта осталась неизменной. Это связано в основном с тем, что страны Латинской Америки ориентированы в своем большинстве на добывающую отрасль промышленности.

Выводы. В целом необходимо отметить, что после проведенных 90-х годах XX века структурных реформ было выработаны качественно новые механизмы политического управления и развития экономики, которые ока-

зали глубокое влияние на экосистему ведущих корпораций, а также на развитие законодательства и стимулирование научных исследований и преобразований в сфере инноваций.

Тем не менее, далеко не всем странам Южной Америки удалось вывести свою экономику на качественно новый уровень. Разрыв между странами Южноамериканского региона и мира в целом не стал меньше. Основной причиной подобной ситуации является то, что рассматриваемый регион не смог преодолеть ряд проблем, среди которых можно выделить следующие: в первую очередь, необходимо отметить, что страны Южной Америки не стремятся к развитию производства, ориентированного на наукоемкую продукцию, не развивают инновации. На долю промышленной продукции приходится меньше 30% экспорта большей части стран Южной Америки, про экспорт высоких технологий за исключением Коста-Рики и Мексики говорить и вовсе не приходится. Вложения в научно-исследовательские разработки находятся на очень низком уровне. Исключением здесь является разве что Бразилия. Отсутствие инновационного высокотехнологичного производства делает экономику стран Южной Америки неконкурентоспособной на международном рынке.

Во-вторых – это нехватка высококвалифицированных специалистов, способных как вести научные исследования и разработки, так и работать на новейшем оборудовании, что так же в немалой степени замедляет рост экономики. При этом система образования рассматриваемых государств не ориентирована на подготовку качественных квалифицированных кадров.

В-третьих, существенную проблему представляет политическая нестабильность в регионе, которая вызвана в основном не внешними, а внутренними причинами каждой отдельно взятой страны. Политическая нестабильность тормозит все процессы, как на социальном, так и на политическом и законотворческом уровне.

Для решения всех вышеперечисленных проблем, тормозящих развитие стран Южной Америки необходимо:

- совершенствовать систему государственного управления: наличие политической стабильности в государстве, противодействие коррупции будет способствовать нормализации политического фона в стране;

- необходимо разработать государственную политику на долгосрочный период, который выходил бы за рамки срока полномочий действующего правительства;

- развивать инновации и делать финансовые вливания в развитие научно-технических исследований, ориентировать инновационное производство на экспорт, и др.

В целом стоит отметить, что страны Южной Америки имеют большой потенциал для своего развития, как в сфере экономики, так и в сфере политики. Однако для этого странам необходимо переориентировать свою

экономику от сырьевой направленности на развитие высокотехнологичной экономики, для чего требуется помимо регулярных финансовых вливаний наличие стабильной политической обстановки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Астахов Е.М.* БРИКС: перспективы в современном мироустройстве (исп.) // *Iberoamérica*. 2016. № 2 // http://www.ilaran.ru/pdf/2016/Iberoamerica/IA_2016_2/Astakhov.pdf.
2. *Безерра М.* Мировая полярность и точка зрения Бразилии // *Iberoamérica*. 2016. № 2 // http://www.ilaran.ru/pdf/2016/Iberoamerica/IA_2016_2/Bezerra.pdf.
3. *Дегтерев Д.А., Мусеев В.Б.* Разделительные линии во внешней политике стран Южной Америки // *Латинская Америка*. 2017. № 3.
4. *Ивановский З.В.* Колумбия: мирный процесс и вызовы постконфликтного периода // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 1.
5. *Ивановский З.В.* Латинская Америка в новом тысячелетии. Социальная панорама и динамика политических процессов // *Латинская Америка*. 2019. № 7.
6. *Клочковский Л.Л.* Латинская Америка и мировые центры силы // *Латинская Америка*. 2016. № 8.
7. *Мартынов Б.Ф.* «Запад» и «НЕ-Запад»: прошлое, настоящее... будущее? М.: ИЛА РАН, 2015.
8. *Мартынов Б.Ф.* Латинская Америка: новое время, новые перспективы // *Латинская Америка*. 2017. № 4.
9. *Мартынов Б.Ф.* Латинская Америка: новое время, новые перспективы // *Латинская Америка*. 2017. № 4.
10. *Мартынов Б.Ф., Симонова Л.Н.* Бразилия перед нелегким выбором (исп.) // *Iberoamérica*. 2016. № 2 // http://www.ilaran.ru/pdf/2016/Iberoamerica/IA_2016_2/Martynov_Simonova.pdf.
11. *Окунева Л.С.* Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 года? // *Латинская Америка*. 2020. № 1.
12. *Яковлев П.П.* Перед какими вызовами стоит Латинская Америка? // *Латинская Америка*. 2017. № 1.
13. World Bank. World Development Indicators. Washington, 2019.

F.D. BROSOVICH

Graduate student, Russian University
Friendship between nations, Department
of Comparative Political Science
Moscow, Russia

POLITICAL, ECONOMIC AND SOCIAL DEVELOPMENT OF SOUTH AMERICA: RESULTS OF THE CURRENT STAGE

In the article, the author examines the development of South American countries at the present stage. In particular, the analysis of the economic development of the region and the main problems hindering the transition from a raw material economy to an economy focused on the production of high-tech products is carried out. The political problems of the development of the South American region are also considered. The relevance of the research topic is due to the rapid development and active transformations in the social, political and economic spheres of the region under consideration. At the same time, the South American region is the most contrasting region on the world map. It is here that the most significant gap between the poorest and the richest countries is observed, both in economic and socio-political terms. The main purpose of the study is to try to identify the differences in the development of different states of South America in the social, political and economic spheres, as well as the causes of the current situation in the countries. When conducting the study, the author resorted to both analytical and statistical methods. At the same time, the methods of general scientific knowledge, comparison, analysis and synthesis were also used. The main result of this study is to determine the reasons that hinder the development of the region under consideration, which include: the lack of internal political stability, the raw material orientation of economic exports and the economy as a whole, the low level of introduction of technological innovations, the weak organization of social support for the population. Based on the results of the study, conclusions are drawn and recommendations are proposed for the further development of the countries of South America.

Key words: *South America, region, economic development, political development, innovation, investment.*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОМИТЕТ СИРИИ: ПОЗИЦИИ УЧАСТНИКОВ И ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Создание Конституционного комитета Сирии является одним из основных шагов по урегулированию сирийского военно-политического конфликта и фактически одним из первых достигнутых соглашений между сирийским правительством и оппозицией. Комитет был признан на международном уровне, но с момента своего основания столкнулся с рядом противоречий. Расхождение взглядов на цели и задачи Комитета у правительства и оппозиции, а также недостаточное внимание международного сообщества к его работе заметно снизили темпы продвижения по дорожной карте проекта по урегулированию сирийского конфликта.

Ключевые слова: политическая конфликтология, Сирийская Арабская Республика, сирийский конфликт, Конституционный Комитет Сирии, сирийская оппозиция.

Военное вмешательство России в сирийский военно-политический конфликт оказало существенное влияние на события, происходящие за переговорным столом. Если ранее сирийское правительство все же проявляло некоторую лояльность в отношении соглашений, достигнутых в рамках переговорных процессов, то сейчас оно уже было не готово делать шаги к примирению в условиях существования за переговорным столом таких терминов как «переходный управляющий орган». По этой причине очередность действий по урегулированию конфликта в рамках резолюции 2254 СБ ООН [2] пришлось пересмотреть и существенно изменить. Обсуждение проекта новой конституции было вынесено на первый план.

Ключевую роль в создании Конституционного Комитета сыграл Конгресс сирийского национального диалога в Сочи в январе 2018 года. К целям конституционного комитета была отнесена разработка нового проекта Конституции Сирии. На формирование самого комитета ушло почти два года. Затянувшиеся переговоры о составе делегации гражданского общества и процедурах Конституционного комитета привели к снижению вли-

яния ООН на процесс [5]. В итоге Конституционный Комитет был создан в формате двухпалатного органа, в составе которого в равной степени должны были быть представлены члены правительства, оппозиции и гражданского общества.

В результате, Конституционный Комитет оказался представлен большой и малой палатой. В большую палату входят 150 мужчин и женщин, малый орган состоит из 45 мужчин и женщин [4]. Работа Конституционного комитета состоит из основных двух шагов в рамках которых малая палата должна готовить и составлять проекты конституционных соглашений, а большая палата, в свою очередь, их принимает или отклоняет.

Конституционный комитет сбалансирован двумя сопредседателями: один назначен правительством Сирии, а другой – Комиссией по сирийским переговорам. Сопредседатели достигают консенсуса при председательстве в большой и малой палатах и обладают прерогативами, необходимыми для обеспечения соблюдения правил процедуры и надлежащего функционирования Конституционного комитета.

Барьеры, существовавшие еще до создания Комитета, ярко отобразились на его работе. Ключевым фактором стала диаметрально противоположная позиция сторон.

Конституционный комитет являлся приемлемой альтернативой женеvским переговорным процессам. Несмотря на то, что сирийскому правительству все же приходится сесть за один стол переговоров с оппозицией, существование которой оно не признает, все же формат комитета становится более мягким путем к внесению незначительных, по мнению Дамаска политических изменений. На самом же деле, отношение сирийского правительства к комитету отчетливо проявляется в составе правительственной делегации. Уже после первых встреч конституционного комитета правительство Дамаска изменило свое название с «правительственной делегации» на «поддерживаемую правительством», подразумевая тем самым, что правительство не будет связано никакими решениями, принятыми Конституционным комитетом.

Оппозиция же напротив возлагает на Комитет сразу несколько серьезных задач. Через этот переговорный процесс оппозиция хочет достичь передачи парламенту основных президентских полномочий и расширить политическое влияние муниципалитетов. Поражения и пошаговое отступление «на земле» вынудило сирийскую оппозицию возлагать все больше надежд на ситуацию за переговорным столом, которая сейчас в большой мере может контролироваться международным сообществом.

Но позиция делегации оппозиции сейчас уже не так сильна. Несмотря на то, что оппозиция обладает вполне конкретными целями, она так и не смогла прийти к единодушию внутри своих рядов.

Ряд же допущенных на первых шагах Комитета переговорных ошибок поставили ее в еще более невыгодное положение: сейчас диалог ведется без

каких-либо установленных сроков, а само обсуждение Конституции сводится к урегулированию незначительных отдельных вопросов, что значительно рассеивает внимание и уводит фокус с волнующих оппозицию вопросов.

30 октября 2019 года Конституционный комитет, наконец, впервые официально собрался в Женеве. За церемонией открытия последовали отдельные обсуждения в рамках каждой делегации. В начале ноября небольшая группа Конституционного комитета продолжала собираться в течение недели, проводя ежедневные обсуждения. Однако следующая неделя встреч в составе делегации гражданского общества показала потенциал Конституционного комитета и его пределы в равной степени.

Наряду с некоторыми обсуждениями общих процедур, эти встречи были посвящены хорошо известным вопросам. В то время как правительственный орган подчеркивал важность суверенитета, борьбы с тем, что он называл терроризмом, и необходимость прекращения санкций, оппозиция подчеркивала необходимость прекращения огня. Как и ожидалось, на этом раннем этапе не было достигнуто никаких конкретных результатов ни в отношении процесса конституционной реформы, ни в отношении новой конституции. В ответ на несколько таких конструктивных микровзаимодействий правительственная делегация начала использовать более конфронтационную риторику.

В преддверии следующего раунда заседаний малой палаты Конституционного комитета, запланированного на 25 ноября 2019 года, делегации правительства и оппозиции было предложено представить предложения по повестке дня. В то время как предложение оппозиционной делегации было сосредоточено на конституционных вопросах, правительственная делегация представила список так называемых «национальных принципов» [5], которые все делегаты должны были принять в качестве предварительного условия для дальнейших обсуждений. Эти принципы включали обязательства по борьбе с терроризмом, а также осуждение санкций. Возникшие острые противоречия фактически свернули всю работу конституционного комитета и стали причиной молчания до августа 2020 года.

Для того чтобы переговоры вновь сдвинулись с мертвой точки Спецпосланнику ООН пришлось пойти на уступку и включить требования сирийского правительства в вопросы для обсуждения исключив их из категории предварительных условий.

Следующая сессия Конституционного комитета должна была пройти в августе 2020 года, но была приостановлена так как у нескольких участников были положительные тесты на COVID-19. Встреча не принесла значительного прогресса и так же проходила в условиях крайней степени разногласия сторон.

В рамках следующего раунда, состоявшегося в ноябре 2020 года, участники обсуждали «национальные институты и принципы их работы» [1]. Значительного прогресса в ходе переговоров достигнуть не удалось, но наблюдатели отметили снижение уровня конфронтации.

2021 год стал годом усиления противоречий в кругу оппозиции, что снизило вероятность достижения соглашения в Конституционном Комитете [3].

В заключение можно сказать, что Конституционный Комитет должен был стать новым эффективным форматом переговорного процесса по урегулированию сирийского военно-политического конфликта. Но уже на процессе своего формирования столкнулся со значительным числом ограничений. До тех пор, пока сирийское правительство и оппозиция не сформируют общие задачи и не признают необходимости сотрудничества достигнуть успехов в рамках данного формата вряд ли удастся.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Оппозиция удовлетворена диалогом в рамках Конституционного комитета Сирии // Anadolu Agency // <https://www.aa.com.tr/ru/мир/оппозиция-удовлетворена-диалогом-в-рамках-конституционного-комитета-сирии/2064139>.

2. Резолюция Совета Безопасности ООН 2254. 18 декабря 2015 // United Nations // [https://undocs.org/ru/S/RES/2254\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2254(2015)).

3. Совбез ООН не смог согласовать совместное заявление по Сирии // Deutsche Welle // <https://www.dw.com/ru/sovbez-oon-ne-smog-soglasovat-sovmestnoe-zajavlenie-po-sirii/a-56517550>.

4. CONSTITUTIONAL COMMITTEE // Office of the special envoy of the secretary-general for Syria // <https://specialenvoysyria.unmissions.org/constitutional-committee-0>.

5. Hauch L. Mixing politics and force. Syria's Constitutional Committee in review // CPU Report AUGUST 2020 // <https://www.clingendael.org/pub/2020/the-politics-of-syrias-constitutional-committee/3-phases-of-the-constitutional-committee/#phase-2-the-fight-over-participants-and-procedures-july-2018september-2019>.

V.I. ROZENBERG

*Postgraduate student of the
Department of Russian Policy
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

THE CONSTITUTIONAL COMMITTEE OF SYRIA: POSITIONS OF PARTICIPANTS AND FIRST RESULTS

The establishment of the Syrian Constitutional Committee is one of the main steps to resolve the Syrian politico-military conflict and in fact one of the first agreements reached between the Syrian government and the opposition. The Committee has

been internationally recognised, but has faced a number of contradictions since its inception. The divergence of views on the aims and objectives of the Committee between the government and the opposition, as well as the lack of international attention to its work, has markedly reduced the pace of progress on the roadmap of the project to resolve the Syrian conflict.

Key words: *political conflictology, Syrian Arab Republic, syrian conflict, Syrian Constitutional Committee, syrian opposition.*

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

В статье автор выделяет потенциальные перспективные сферы совместного взаимодействия России и Беларуси в Турции, а именно: народную и имиджевую дипломатию, культурно-гуманитарное и научно-техническое сотрудничество, социально-экономическое сотрудничество, информационное взаимодействие. Углубленное взаимодействие в данных сферах позволит выработать ряд практических и согласованных решений, а регионе.

Ключевые слова: народная дипломатия, Турция, Союзное государство, турецкое влияние, популяризация, ЕАЭС.

На протяжении нескольких веков Османскую и Российскую империи связывали сложные и конкурентные отношения, однако актуальными всегда оставались вопросы торгового-экономического сотрудничества и геостратегических приоритетов в регионе. Развитию принципиально новых отношений между странами после Великой Октябрьской социалистической революции, способствовало принятие Декрета о мире В.И. Ленина от 8 ноября 1917 г., который свидетельствовал о миролюбивой политике Советской России и отменил все тайные договоры царской России [10]. Тема установления отношений с большевиками была актуальна для Турции не только для получения военной и финансовой помощи, но и поддержки кемалистов, решения вопросов Кавказа. Официальной датой установления дипломатических отношений между Россией и Турцией считается 3 июня 1920 г. (дата ответного письма Народного комиссара по иностранным делам РСФСР Г.В.Чичерина на послание Председателя ВНСТ Кемаля Ататюрка от 26 апреля 1920 г.) [11].

Следует особо отметить роль молодой советской власти в становлении Турецкого государства. После установления дипломатических отношений Советская Россия обязалась оказать финансовую помощь Турции в размере 10 млн. золотых рублей, кроме этого, полностью поддержала на Лозаннской конференции Турцию в вопросе проливов, хотя позже Турция сама отступила от своей позиции и согласилась на свободный проход иностранных воен-

ных кораблей и демилитаризацию зоны проливов, что сказалось на имидже СССР [10].

В 1385 г. между Великим Княжеством Литовским и Польшей была заключена Кревская уния, по которой князь ВКЛ Ягайло становился «королем и обладателем» королевства Польского. Территория ВКЛ постоянно страдала от набегов татар, которые сильно ослабляли ее развитие, возник ряд внутренних проблем, поэтому в 1569 г. был заключен новый союз, итогом которого стало возникновение федеративного государства-Речи Посполитой. Однако в ВКЛ действовала канцелярия, которая вырабатывала свой внешнеполитический курс. Отношения с Османской империей того периода стоит рассматривать через призму отношений ВКЛ и Речи Посполитой с Крымским ханством, которое являлось вассалом Османской империи, а также ряда польско-турецких войн XVII в., которые в основном возникали из-за территориальных споров.

Являясь частью СССР, БССР безусловно двигалась в русле общесоветской внешней политики, но вместе с тем были конкретные контакты между белорусскими и турецкими предприятиями в области развития сельского хозяйства, легкой промышленности.

Курс советского руководства был направлен на постоянное развитие советско-турецких отношений несмотря на то, что Турция – член НАТО, ее географическое и стратегическое положение определяло развитие торгово-экономических и гуманитарных сфер сотрудничества между государствами.

Турецкая Республика была в первых рядах стран, принявших решение о признании суверенитета и независимости Беларуси 15 декабря 1991 г. Протокол об Установлении дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой был подписан 25 марта 1992 г [8].

Проблематика современных российско-турецких отношений широко изучена и представлена в работах ряда российских ученых, таких как Аватков В.А., Дружиловский С.Б., Иванова И.И., Малышева Д.Б., Надеин-Раевский В.А., Шангараев Р.Н. и др.

Ключевые направления сотрудничества между Беларусью и Турцией описаны в работах Рупаковой Е.А., Серкан Г., Турарбековой Р.М., Шадурского В.Г., Острог В.А., и др. Однако, следует отметить, что тема является малоизученной.

Цель статьи – обозначить потенциальные перспективные сферы совместного взаимодействия России и Беларуси в Турции для принятия ряда согласованных решений в регионе.

С учетом отличий в глобальных интересах и внешнеполитических курсах Российской Федерации и Республики Беларусь, общей чертой политического взаимодействия с Турцией является выработка схожих позиций и взаимная поддержка в международных организациях, на переговорах, саммитах и др. Кроме того, Договором о Союзном государстве предусмо-

трена согласованная внешняя политика, каждые два года МИДаМИ Беларуси и России утверждается и подписывается согласованная Концепция совместных действий в области внешней политики.

Наиболее интересными в рамках продвижения совместных интересов и координирования направлений сотрудничества по вектору Беларусь-Россия-Турция автору видятся следующие сферы: *народная и имиджевая дипломатия, культурно-гуманитарное и научно-техническое сотрудничество, социально-экономическое сотрудничество, информационное взаимодействие.*

1) Народная и имиджевая дипломатия.

Россию и Беларусь объединяет не только историческое прошлое, память о Великой Отечественной войне, привычки и традиции, но и русский язык. Русскоязычная диаспора за рубежом воспринимается как единое целое. Белорусская и российская диаспоры тесно связаны друг с другом прежде всего через реализацию потребности в общении, проведении совместных социокультурных проектов.

Взаимодействие с белорусской диаспорой за рубежом осуществляется в рамках Закона Республики Беларусь от 16 июня 2014 г. «О белорусах за рубежом» [2] и Консультативного совета по делам белорусов за рубежом, созданного при МИД РБ в сентябре 2014 г.

С января 2012 г. в Стамбуле открылось Генеральное консульство Беларуси, которое, в том числе, занимается образовательными и культурными проектами среди белорусской диаспоры. Хотя, стоит отметить, что диаспора разобщена, насчитывает несколько тысяч белорусов, и имеют место быть в основном единичные инициативы, например русскоязычное общество *Izruskon* в Измире, возглавляемое белорусской, проводит мероприятия и курсы, объединяющие русских, белорусов, украинцев и казахов.

В 2020 г. в России был принят Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [3]. Согласно ч. 3, ст. 69 новой редакции Конституции, «Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности» [4].

По данным на 2019 г. в Турции проживает около 100 тыс. русских [7]. Перспективным видится объединение белорусов и русских, проживающих в Турции в единую русскоязычную диаспору, с разработкой соответствующими ведомствами общей карты сотрудничества с организациями и объединениями диаспоры с целью интенсивного проведения общих мероприятий и акций, которые позволили бы сохранить историческое наследие и русскоязычную культурную идентичность.

Одним из инструментов сотрудничества в области «имиджевой» дипломатии России и Беларуси в Турции может выступить Россотрудничество.

В Анкаре с 2014 г. работает Центр науки и культуры. Работа центра осуществляется под общим руководством главы дипломатического представительства Российской Федерации в Турецкой Республике. Культурный центр и используемое им здание не обладают дипломатическим иммунитетом [15. С. 2]. В центре проводятся различные культурные и образовательные мероприятия, направленные на сохранения русского языка и популяризацию культуры и традиций, образовательные обмены и консультации. Работа с русскоязычной диаспорой (посредством соединения белорусской и российской в общие проекты) может непосредственно влиять на расширение дальнейших экономических, политических, гуманитарных связей и взаимоотношений. Кроме этого, работа Центра с 2021 г. направлена и на знакомство турецкой общественности с атомной энергетикой посредством организации экскурсионных туров для журналистов и представителей муниципалитетов в связи со строительством атомной станции «Аккую» [13]. Данные туры смогут не только укрепить «энергетический» имидж России в Турции, но способствовать развитию перспективного сотрудничества между Россией, Беларусью и Турцией в сфере *атомной энергетики*. Атомная станция в белорусском Астровце является успешным примером работы корпорации «Росатом» и российских специалистов. Белорусская АЭС строилась по «Проекту АЭС-2006» с энергоблоками поколения III + и реакторами ВВЭР-1200 – одному из самых перспективных, надежных в корпорации «Росатом». Энергоблок № 1 Белорусской АЭС стал первым действующим блоком новейшего поколения III+, сооруженным по российским технологиям за рубежом. Заказчиком данного проекта является и Турция. Исследование и опыт в направлении развития атомной энергетики могут послужить хорошей основой для обмена специалистами, выполнения совместных исследовательских проектов и обмена информацией [9. С. 155]. Кроме того, есть возможность донести до турецкой общественности особенности интеграционного союза России и Беларуси.

2) Культурно-гуманитарное и научно-техническое сотрудничество.

И Россия, и Беларусь имеют достаточно большую нормативно-правовую основу для продвижения данного направления. Дни культуры стран, фестивали искусства и песенные конкурсы являются основной формой культурного обмена между странами. Участники из Турции постоянно выступают на песенном конкурсе «Славянский базар» в Витебске. В 2010 г. президентами Турции и России был учрежден Российско-Турецкий Форум общественности, который призван координировать реализацию проектов политического, торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества. С момента создания состоялось 5 заседаний РТФО: в Казани (ноябрь 2013 г.), Анталии (ноябрь 2014 г.), Москве (март 2017 г.), Анталии (ноябрь 2018 г.) и в Санкт-Петербурге (июль 2019). В ходе V заседания было подписано более 20 соглашений между вузами Турции и России, озвучены предложения по созданию российско-турецких художественных фильмов [12].

В рамках трансформации (расширения) культурно-гуманитарного вектора Форума автору видится, например, проведение совместных фестивалей культуры, форумов, конференций России и Беларуси в Турции. Согласно ст. 18 Договора о создании Союзного государства, Россия и Беларусь способствуют развитию науки, образования, культуры, созданию равных условий сохранения и развития этнической, культурной и языковой самобытности народов [1]. Здесь же можно добавить, например, потенциальную инициативу совместного развития внутреннего туризма с привлечением турецкого опыта. Научные проекты могли бы также послужить укреплению и развитию отношений в данной области. Например, в январе 2020 г. было подписано Соглашение между Национальной академией наук Беларуси и Государственной корпорацией по космической деятельности «Роскосмос» о расширении возможностей действующей орбитальной группировки космических аппаратов дистанционного зондирования, в рамках которого оговорено создание российско-белорусских летательных аппаратов нового поколения [14]. Итогом ранее реализованных проектов является присутствие на орбите шести российских аппаратов дистанционного зондирования Земли «Канопус» и одного белорусского. Они оснащены белорусской целевой аппаратурой, разработанной в ОАО «Пеленг». Президент Турции Р.Т. Эрдоган в феврале 2021 г. представил национальную космическую программу, предполагающую выведение Турции на мировую арену стран, осваивающих космическое пространство, после чего Турция проявила интерес к сотрудничеству с Россией в данной отрасли, где потенциально могут быть использованы и белорусские разработки.

Одним из ключевых факторов воздействия Турции на постсоветское пространство является гуманитарный, в рамках которого распространяется турецкое видение на текущие события среди молодежи, интеллигенции и др. [5 С. 186]. Среди культурно-образовательных организаций Турции можно обозначить следующие: ТИКА, TURKSOY, фонды Ю. Эмре, школы Ф. Гюлена Диалог Евразия (последние две перестали существовать). В России очень активно проявила себя TURKSOY, которая способствовала открытию кафедр культуры в некоторых университетах субъектов РФ, а также спонсированию ряда культурных событий, например, театрального фестиваля «Науруз» и музыкального конкурса «Turkvision». Однако, в 2015 г. после того, как Турция сбила российский беспилотник, действие ряда турецких организаций в России было приостановлено. До 2015 года в TURKSOY входило 6 субъектов РФ: Алтай, Башкортостан, Саха (Якутия), Татарстан, Тыва и Хакасия.

В Республике Беларусь, ввиду незначительного «мусульманского фактора» наблюдается совсем небольшое влияние турецких организаций. Первая мечеть современного Минска и самая крупная в Восточной Европе – это Соборная мечеть, открытие которой состоялось в 2016 г. с участием

Президентов Турции и Беларуси. Деятельность, направленную на развитие диалога между турецким и белорусским народами, а также проведение обучающих курсов, конференций, симпозиумов, дискуссий, фестивалей и выставок в 2009-2012 гг. осуществляла организация ОО «Диалог Евразия» [16]. В рамках активности этой организации был проведен ряд научно-практических конференций в Белорусском государственном университете, Академии наук, реализованы совместные проекты с Академией искусств и Союзом писателей Беларуси с участием турецких экспертов и представителей творческой интеллигенции. Ввиду особенностей законодательства в области образования в Республике Беларусь открыть частную школу или кафедру турецким представителям не удалось. С учетом практики Турции по влиянию через культуру на формирование мнения граждан, целесообразным видится углубление «культурного» вектора Беларуси и России в Турции с привлечением турецкой общественности, академического сообщества и творческой интеллигенции.

3) Социально-экономическое сотрудничество.

За последние 30 лет Турция пережила позитивное экономическое развитие.

Турецкая экономика занимает 19-е место в мире и 13-е место по паритету покупательной способности. Индекс человеческого развития вырос с 0,58 в 1990 году до 0,82 в 2019 году, что дало возможность Турции находиться в категории стран с очень высоким уровнем человеческого развития. Страна имеет современную экономическую структуру, в которой 65% рабочей силы занято в секторе услуг, 27% – в промышленности и 8% – в сельском хозяйстве» [17]. Однако в 2019-2020 гг. наблюдается значительный экономический спад.

В начале мая 2021 г. Центральный банк Турции повысил прогноз инфляции на конец 2021 г. с 9,4% до 12,2%, но вероятнее всего она будет еще больше. Текущая ситуация инфляции в 17,14% – максимум за последние два года.

По состоянию на 2019 г. Россия занимает 10-е место среди стран-экспортеров Турции, и 1-е среди стран СНГ. Беларусь – 62-е место и 5 среди стран СНГ соответственно [18]. Несмотря на то, что у Турции есть стабильные экономические отношения со всеми участниками ЕАЭС, подписание Ассоциации позволит не только упростить передвижение товаров, но и послужит геополитическим плюсом для Турции в регионе, возможностью объединить рынки Востока и Запада. Для ЕАЭС – это значительное географическое расширение и новые рынки Черноморского региона. Для Беларуси – это новые логистические, инфраструктурные маршруты, для России – упрощенные таможенные вопросы с Черноморским регионом, усиление экономического сотрудничества. Но здесь нужно учитывать то, что у Турции есть ряд стремлений по вступлению в иные интеграционные союзы, например, ЕС, что пока тормозит процесс сотрудничества с ЕАЭС. Активизацией данного процесса может служить, также, создание ряда совместных предприятий России и Беларуси в Турции.

4) Информационное сотрудничество.

С учетом развития научного прогресса, появления и распространения COVID-19, усилилась идеология углубления информационного общества, контроль и манипуляция информацией в виртуальном пространстве. В современном мире новые технологии и средства коммуникации оказывают столь мощное воздействие на сознание, что реальные действия и события только тогда становятся значимыми, когда они представлены в СМИ, то есть становятся функцией виртуальности. События как бы и нет в реальной жизни, если о нем не написано в газете или оно не отражено в Сети [6]. К концу 2020 г. онлайн пространство Турции насчитывало около 58 546 876 реальных пользователей. Помимо Google, Facebook, YouTube в список регулярно посещаемых сайтов входят 5 крупных новостных порталов [18]. Таким образом, имидж и России, и Беларуси чаще всего искажен с учетом того, что объективной информации в источниках на иностранном языке о России и Беларуси немного.

В России за последний год запущен ряд Телеграмм-каналов, освещающих политику Турции для русскоязычного сообщества, есть еженедельная программа на Вести FM. Автору видится целесообразным подключать к информационной работе не только диаспору, но и академические круги, любой бизнес, работающий в Турции в качестве «SMM-менеджмента» Союзного государства посредством популяризации и распространения объективной информации на радио, в социальных сетях и мессенджерах, создавая каналы и сообщества на русском и турецком языках, с учетом того, что Турция развивает свой внутренний мессенджер VIP.

Таким образом, несмотря на то, что отношения России с Турцией имеют геополитический подтекст: от ситуативного партнерства до ситуативной конкуренции, а интересы Беларуси в основном тактические, направлены на развитие взаимовыгодных отношений с Турецкой Республикой, в основном в торгово-экономической сфере, можно обозначить возможности и перспективы белорусско-российского взаимодействия в развитии отношений с Турецкой Республикой. Общие задачи, такие как продвижение интеграции Турции и ЕАЭС, сотрудничество в сфере атомной энергетики и космоса, работа с диаспорой, формирование положительного имиджа Союзного государства, совместное противодействие концепции однополярного мира и информационное сотрудничество могут стать ближайшими перспективными направлениями в работе внешнеполитических ведомств двух стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. // <https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva>.
2. Закон Республики Беларусь от 16 июня 2014 г. «О белорусах зарубежья» // https://mfa.gov.by/kcfinder/upload/files/GUMDI/bel_diaspora_legal_act.pdf.
3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации

и функционирования публичной власти» // <http://ivo.garant.ru/#/document/73742836/paragraph/1:0>.

4. Конституция РФ // <http://www.constitution.ru/>.

5. Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. Коллективная монография / Отв. ред. Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН, 2020.

6. *Пономарева Е.* Железная хватка «мягкой силы» // <https://mgimo.ru/about/news/experts/238257/>.

7. Посольство РФ в Стамбуле: В Турции проживает около 100 тысяч русских // <https://regnum.ru/news/2601495.html>.

8. Протокол об установлении дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой // КонсультантПлюс: Нац. центр правовой информации Республики Беларусь.

9. *Рупакова Е.А.* О перспективах белорусско-турецкого сотрудничества в научной сфере / Беларусь-Турция: пути сотрудничества. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2009.

10. *Родионов А.А.* Турция – перекресток судеб. Воспоминание посла. М.: Междунар. отношения, 2006.

11. Российско-турецкие политические контакты / Посольство Российской Федерации в Турецкой Республике // <https://turkey.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/political-relations/>.

12. Российско-турецкий Форум общественности // <https://rs.gov.ru/ru/activities/4/projects/2128>.

13. Россотрудничество в Турции будет бороться с негативными стереотипами о россиянах // <https://rg.ru/2021/02/27/rossotrudnichestvo-v-turcii-budet-borotsia-s-negativnymi-stereotipami-o-rossiianah.html>.

14. Соглашение между Национальной академией наук Беларуси и Государственной корпорацией по космической деятельности «Роскосмос» о расширении возможностей действующей орбитальной группировки космических аппаратов дистанционного зондирования Земли // https://www.pravo.by/upload/docs/op/I02000003_1580245200.pdf.

15. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики об учреждении и деятельности культурных центров от 3 декабря 2012 г. // http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102161306&page=1&rdk=0#I0.

16. Устав общественного объединения «Диалог Евразия «ДА». Утвержден в новой редакции собранием членов ОО «Диалог Евразия» от 3 февраля 2009 г. Протокол № 1 // Текущий архив ОО «Диалог Евразия».

17. *Khashan Hilal.* Turkey Adjusts Its Foreign Policy by Hilal Khashan. February, 2021 // Geopolitical Futures.

18. Turkey exports by country // <https://tradingeconomics.com/turkey/exports-by-country>.

E.A. RUPAKOVA
*Postgraduate student of the Diplomatic
Academy Ministry of Foreign Affairs of
the Russian Federation, Moscow, Russia*

OPPORTUNITIES AND PROSPECTS OF BELARUS-RUSSIAN INTERACTION WITH THE TURKISH REPUBLIC

In the article, the author highlights potential prospective areas of cooperation between Russia and Belarus in Turkey, specifically: public and image diplomacy, cultural, humanitarian and scientific, technical cooperation, socio-economic cooperation, information interaction. Immersed cooperation in these areas will allow developing some practical and agreed decisions in the region.

Key words: *public diplomacy, Turkey, the Union State, Turkish influence, popularization, the EEU.*

ПОЛОЖЕНИЕ «ИРАНСКИХ ЖЕНЩИН В ПРЕССЕ» И РАЗВИТИЕ «ЖЕНСКОЙ ПРЕССЫ В ИРАНЕ»

Статья посвящена изучению женской прессы Ирана, и положения женщин в прессе Ирана за период с издания первых газет в стране до настоящего времени. Представлены статистические данные, отображающие количественные и качественные характеристики женской прессы: число женщин, работающих в сфере печати, число женских газет и журналов, количество публикаций по проблемам женщин.

Сделано предположение, что имеется взаимосвязь между проводимым курсом государственной политики и количеством женщин, занятых в сфере печати, числом публикаций, посвященных женщинам. В ходе исследования подтверждена гипотеза об этой взаимосвязи.

Ключевые слова: иранские женщины, газета, политика, женская пресса, женщина и семья, женщина и политика.

Введение. Пресса выполняет важные политические и социальные функции в обществе. Изучение прессы Ирана позволяет определить роль женщин и их вклад в развитие политики и общества.

Поскольку пресса напрямую связана с проводимой политической линией правительства, можно исследовать хронологию значимости женщин в иранской истории: на каждом этапе ее развития. Например, в период с 1997 по 2005 год (правление Хатами) женщинам и их голосу уделялось достаточное внимание, поэтому и женская пресса была развита. Современная пресса, которая публикует сведения о политических или социально важных достижениях иранских женщин, имеет низкий удельный вес в общей массе СМИ. Ввиду чего можно предположить, что на развитие женской прессы в Иране влияет политический фактор.

Первая газета Ирана («Кагаз-е ахбар») была напечатана в 1837 году. В ней упоминалось о женской ассоциации. В следующих выпусках газеты авторы публиковали статьи о замужестве, о вопросе управления домом и хозяйством [2]. Другие печатные издания также не уделяли должного вни-

**Утвержденные претенденты на должность
ответственного редактора публикаций в Иране**

Пол	1979-2006 год		2006	
	Количество, чел.	Уд. вес, %	Количество, чел.	Уд. вес, %
Мужчины	1803	83.9	473	82.3
Женщины	388	16.1	102	17.7
Всего	2148	100	575	100

Источник: Главное управление отечественной прессы Министерства культуры и исламской ориентации.

мания проблемам иранских женщин. Данная тенденция длилась до начала XX века.

В 1910 году в Тегеране под руководством Масуме Кахал впервые была издана женская газета «Данеш». Эксперты отмечали, что данное издание публиковало материалы на тему материнства, воспитания детей, супружества, ведения хозяйства и этикета. Политических статей в составе газеты не было, но издатели «Данеш» призывали женщин к обучению грамоте [5].

Вторая специализированная женская газета Ирана «Шокуфе» издавалась в период с 1913 по 1915 год. Владельцы позиционировали ее как источник информации для женщин о ведении домохозяйства, воспитании детей и женских школах [5]. Однако некоторые публикации относились к другим категориям. Например, в газете «Шокуфе» авторы писали о проблеме бедности, отмечали возможности взаимодействия органов государственной власти и женщин по решению этого вопроса (на примере стран Европы).

Кроме того, в газете печатались статьи на тему отношения иранских мужчин к женщинам, в т.ч. критиковалось патриархальное мировоззрение, в котором женщинам отводилась второстепенная роль в обществе [7].

В период Конституционной революции (1906-1920 гг.), а также в период правления Резы-шаха Пехлеви (1920-1941 гг.) произошли значимые изменения, которые повлияли на все сферы жизнедеятельности общества, в т.ч. на сферу печати женской прессы [3].

Ведущим печатным изданием, в котором обсуждалась тема прав женщин Ирана, вопрос участия женщин в политической жизни, стала газета «Сегодняшняя женщина».

Другие газеты, как «Язык женщин», «Женские письма», «Женский мир», «Иранские девушки», также стремились публиковать статьи и материалы в данном русле. Например, газета «Язык женщин» критиковала общественные структуры, которые вводили запрет на права женщин получать обра-

зование, освещала политические требования женщин. В выпусках газеты неоднократно отмечалось, что участие женщин в политической жизни способствует политическому росту и развитию Ирана [4]. Однако значимых публикаций о роли иранской женщины в политике было издано не много: во время правления династии Каджаров – 10 публикаций, во время правления шаха Резы Пехлеви – 16 публикаций и 50 публикаций – во время правления шаха Мохаммада Резы Пехлеви [2].

Исламская революция 1978 года в Иране внесла коррективы в процесс издания женских журналов: их количество и тематика проблем значительно расширились. Например, в промежутке между 1997-2005 годами было напечатано более 70 женских журналов, имеющих свою специфику [2]. Если учитывать студенческие женские издания за этот же период, то его можно назвать рекордным по количеству выпускаемой женской прессы.

Данный период связывают с влиянием реформ Хатами. Благодаря им в Иране выросло количество женских газет, была основана Ассоциация женщин-журналистов, увеличилось число женщин – редакторов на местном и национальном уровне.

Цель данного исследования:

- изучение динамики изменения тиража иранской женской прессы;
- установление показателя социально-экономической активности женщин Ирана посредством изучения прессы.

Ожидаемые результаты исследования: выявление тематики женской прессы, а также изучение показателей тиража позволит сформировать представление об уровне политической активности женщин Ирана, их правовом положении и степени участия в жизни государства.

I. Положение женской прессы в Иране. Первой женщиной Ирана, которая организовала в 1910 году выпуск женских журналов и газет, стала Масумэ Кахал. Публикации имели небольшие объемы, состояли из 8 страниц.

В 1918 году Сэдиге Доулят, первая женщина-журналист Ирана, наладила выпуск двух журналов – «Сообщество женщин-патриотов» и «Язык женщин» [3].

Первая женская газета была издана под редакцией Фаэзе Хашеми Бахрамани в 1998 году, ее девиз был: «Писать для женщин». Однако в 1999 году суд запретил издательство газеты. Но все же издательство газет на такие темы, как «семья» и «здоровья» продолжалось.

С начала XX века до настоящего времени количество женщин в сфере печати и издательского дела значительно выросло. На сегодняшний день женщины в данной сфере – это не только организаторы издательского дела или соучредители бизнеса, но и журналисты, редакторы, корреспонденты.

Например, согласно официальной статистике Министерства культуры и исламской ориентации, из общего количества 3602 разрешений, выданных Наблюдательным советом в Иране на публикации с 2001 по 2010 год,

в 292 случаях приоритеты отдавались авторам – женщинам. В этот период женщины-редакторы отвечали за выпуск 419 публикаций, т.е. около 6,11% ответственных редакторов были женщинами [8].

Согласно данным Главного управления отечественной прессы Министерства культуры и исламской ориентации Ирана, в 2006 году 18% от претендентов на должность ответственного редактора изданий были женщины. Это значительно меньше по сравнению с претендентами – мужчинами, кроме того, не всем женщинам удавалось получить разрешение на эту должность.

В следующей таблице приведен показатель спроса на должность ответственного редактора публикаций в Иране за два периода времени, а именно: после Исламской революции и за последние десять лет.

В итоге в 2006 году женщины составляли 17,7% от общего числа ответственных редакторов в Иране (по сравнению с 82,3% мужчин).

В этом же году Статистический центр Ирана объявил, что уровень образования женщин в стране достиг 95,3%. Однако показатель присутствия женщин и их участия в организации выпуска прессы не совпадает с уровнем и количеством образованных женщин в Иране.

В период политических реформ в Иране, которые проходили с 1997 по 2005 год, а также во время президентства Ахмадинежада с 2005 по 2009 год к власти в Иране пришли фундаменталисты. Если во времена Хатами уделялось больше внимания женщинам в политике, то при Ахмадинежаде были зафиксированы политические ограничения работы женской прессы и женщин-журналистов. В этот период были запрещены, а также прошли жесткую цензуру главные женские публикации и женские информационные сайты Ирана.

Во время правления Ахмадинежада прекратился выпуск самого популярного ежемесячного женского журнала в Иране, который издавался с 1991 по 2007 год тиражом в 152 выпуска [8].

Изучение женской прессы Ирана с 2005 по 2009 гг., в которой поднимаются важные общественно-политические темы, позволяет сделать выводы, что выпуск газет со специфической для женщин тематикой (политика, государственное управление, выборы, общество и прочее) за этот период явно снизились.

Также важным фактом является то, что в течение десяти лет после выборов 2009 года деятельность Ассоциации иранских женщин-журналистов была ограничена [3].

Можно подвести итог, что в периоды проведения государственных реформ в Иране тираж женской прессы, количество женщин-журналистов, а также уровень активности женщин в социальной и политической жизни страны росли. Но после 2005 года с приходом к власти нового президента ситуация кардинально изменилась.

II. Положение женщин-журналистов в Иране. Положение женщин-журналистов в Иране можно изучать на основе статистических списков со-

трудников, которые периодически публикуются государственными статистическими ведомствами.

Например, в первой статистической публикации по данной тематике в 1991 году указывалось, что общее количество сотрудников в сфере журналистики составляет 2145 человек. Среди них: 278 журналистов или 13% – женщины, которые работали полный рабочий день. Число журналистов-мужчин составляло 1897 человек (87% от общего числа журналистов). Доля женщин-журналистов в столичном Тегеране составила 13% по сравнению с показателем 6,7% в других городах Ирана [6].

В 2005 году были выпущены итоги второго масштабного статистического исследования сотрудников сферы печати и информационных агентств Ирана. Сотрудники статистического ведомства определили, что всего в сфере печати задействовано 30960 человек, из них 6198 (или 34%) – женщины [1].

В женском информационном агентстве было занято 995 человек или 37% (для сравнения: 1724 мужчин, или 63%).

В целом количество женщин, работающих неполный и полный рабочий день в прессе и информационных агентствах, увеличилось в 2005 году по сравнению с началом 1990-х гг. в 22 раза [1].

В рамках анализа положение женщин Ирана в прессе, следует отметить, что в настоящее время журналистов-мужчин больше, чем журналистов-женщин. Продвижение по службе на должность главного редактора женщины получают реже, чем мужчины.

Кроме того, новости о женщинах не так часто попадают на первые заголовки современных газет. Результаты и данные научного исследования о положении женщин Ирана, опубликованные в восьми национальных газетах за 25 лет, показывают, что только 8,7% статей о женщинах попадали на первые заголовки страниц.

Эта цифра говорит о том, что темы и события, связанные с женщинами, не освещаются на первых полосах газет и журналах. Также отмечается, что публикации о женщинах, как правило, содержат меньше печатных знаков, нежели другая информация в газетах и журналах.

Другое исследование показало, что существует интерес к таким публикациям и статьям, в которых женщина выступает в двух ролях: преступница или жертва насилия. Подобная информация в 50% случаев оказывается на первых полосах иранских газет. Если же речь идет о достижениях женщин в спорте, науке, культуре, искусстве, то такие темы не вызывают массового интереса у читателей, статьи не публикуются на первых страницах [3].

Если изучать изображения женщин в прессе Ирана, то фотографии публикуются в газетах и журналах в посмертном случае (женщина погибла, стала жертвой насилия и т.п.). В других случаях публикация фотографий женщин происходит редко (даже снимки с официальных правительственных или спортивных мероприятий).

Заключение. Исследуя вопрос развития женской прессы в Иране и положения женщин в Иране, сделаны следующие выводы. Во-первых, доля женщин в качестве ответственных редакторов и журналистов в Иране крайне низка. Ввиду чего информация в прессе подается больше по темам, интересующим мужчин (от их лица и для мужского населения).

Во-вторых, в Иране в период реформ под руководством президента Хатами наблюдалось увеличение политической и социальной активности женщин по сравнению с предшествующими и последующими годами. Т.е. на развитие женской прессы значительное влияние имеет заданный курс государственной власти.

В-третьих, женщины Ирана присутствуют в академических кругах, ведут научную деятельность, участвуют в спортивных и культурных мероприятиях, в политике. Но при этом гендерный состав руководства и персонала компаний в сфере печати, количество выпускаемых журналов и газет, иных информационных изданий значительно умалает их социальную активность.

С точки зрения качества и тематики, женщины в иранской прессе не рассматриваются как серьезные фигуры в политике, а появляются на первых полосах газет и заголовках СМИ лишь в случае возникновения социальных проблем.

В-четвертых, соотношение доли тем, посвященных женщинам и мужчинам в политике и в прессе Ирана довольно неравномерно. Не только в политике, но и в обществе наблюдается недостаток внимания к выпуску печатных материалов о женщинах. Например, деятельность иранских женщин по сравнению с мужчинами меньше освещается в рамках спорта и науки, но женщинам – преступницам при этом практически всегда отводятся первые полосы.

Однако современные иранские женщины все больше становятся пользователями социальных сетей, Интернет – ресурсов. Это обусловлено тем, что такие ресурсы содержат меньше цензуры и запретов, поднимают острые темы, которые интересуют женщин.

Но именно пресса и традиционные СМИ исполняют важные функции в политике, обществе и культуре. Именно поэтому правительству Ирана необходимо принять соответствующие меры с целью повышения качества и количества публикаций по вопросам женщин и женской прессы. Это необходимо для увеличения активности женщин в политике и обществе посредством прессы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бахрамтур Ш.А.* Отделы сотрудников, пресса и информационные агентства. Тегеран: Управление исследований и развития СМИ, 2007 (на персидском языке).

2. Гасеми С.Ф. История иранской прессы. Том 2. Издательская организация Министерства культуры и исламской ориентации Ирана. Тегеран, 2001 (на персидском языке).

3. Джавахери Ф. Сборник статей из докладов о социальном положении женщин в Иране (2001-2011). Тегеран: Издательство Ней, 2015 (на персидском языке).

4. Доулятабади С. Выборы. Язык женщин // Забан-е занан. Серия 1. 1919. № 23.

5. Журналы: «Шокуфе» и «Данеш», Первые публикации иранских женщин. Национальная библиотека Исламской Республики Иран. Тегеран, 1998 (на персидском языке).

6. Мохсениан Рад М. Вестники прессы. Центр исследований СМИ. Министерство культуры и исламской ориентации Ирана. Тегеран, 1992 (на персидском языке).

7. Саиди Х. Взгляд женщин на политику и правительство в первых публикациях иранских женщин. Международный семинар по проблемам женщин в современной истории. Тегеран, 2010 (на персидском языке).

8. Секретариат Наблюдательного совета по прессе, отчет за десятилетний период с 2002 по 2012 гг. Центр исследований СМИ и Министерство культуры и исламской ориентации Ирана. Тегеран, 2012 (на персидском языке).

S. ESMAEILI

*Postgraduate student in the Department
Comparative Politics, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN university),
Moscow, Russia*

ORCID ID: 0000-0002-0289-1527

POSITION OF «IRANIAN WOMEN IN THE PRESS» AND DEVELOPMENT OF «WOMEN'S PRESS IN IRAN»

The article is devoted to the study of the women's press of Iran, and the status of women in the press of Iran for the period from the publication of the first newspapers in the country to the present. The article presents statistical data reflecting the quantitative and qualitative characteristics of the women's press: the number of women working in the press, the number of women's newspapers and magazines, the number of publications on women's issues.

It is assumed that there is a relationship between the current course of public policy and the number of women employed in the press, the number of publications devoted to women. The study confirmed the hypothesis of this relationship.

Key words: *Iranian women, newspaper, politics, women's press, woman and family, woman and politics.*

ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА КНДР КАК ФАКТОР МЕЖКОРЕЙСКОГО РАСКОЛА

В статье определяются факторы, поддерживающие и усиливающие раскол между Северной и Южной Кореей. Обозначается, что ядерная программа, реализуемая руководством КНДР, на сегодняшний день выступает одним из главных факторов раскола. Это обусловлено категорией безопасности, которая вынуждает РК обращаться к США как гаранту своей международной защиты и безопасности. Также важна ситуация международных санкций, вызванных ядерной программой и препятствующих проведению совместных экономических проектов государств Корейского полуострова.

Ключевые слова: КНДР, РК, Корейский полуостров, ядерная программа.

Система международной безопасности является одной из наиболее развитых сфер глобализации, связывающих современный мир в единую сеть интеракций и коммуникации. В таком глобальном мире любая ситуация конфронтации и потенциальной конфликтности начинает затрагивать не только непосредственно участвующие в ней государства, но и всех международных субъектов, безопасность которых ставится этим конфликтом под угрозу. В наибольшей степени это проявляется в процессах, включающих в себя создание и использование оружие массового поражения, в первую очередь ядерное.

Это обуславливает международную значимость ядерной программы, реализуемой современной КНДР, которая, очевидно, затрагивает интересы, выходящие далеко за пределы этого государства. Первым и, в различных аспектах, ближайшим соседом КНДР, который оказывается вовлечен в решение северокорейского ядерного вопроса, является Южная Корея. В глобальных условиях РК так или иначе вынуждена формировать свою политику ориентируясь на «ядерный фактор» своего северного соседа и строить с ним определенную систему отношений, во многом обусловленную этим фактором. Всеохватность и значимость взаимодействия между этими государствами обуславливает актуальность темы данной статьи и позволяет сформулировать ее цель.

Цель статьи – определить значимость ядерная программы, проводимой КНДР, в качестве фактора актуального межкорейского раскола.

Для этого представляется целесообразным решение таких задач:

1. Обозначить факторы межкорейского раскола.
2. Определить значимость «ядерного фактора» в процессе взаимодействия корейских государств.

Объект работы – система международной безопасности, предмет – ядерная программа КНДР как фактор ее раскола с РК.

Методологическую базу работы составил глобалистский подход, обусловивший понимание взаимосвязанности и взаимозависимости государств современного мира. Методами исследования стали дифференциация, сравнение, анализ и синтез, позволившие выявить и обозначить роль «ядерного вопроса» среди других факторов межкорейского раскола.

Теоретической основой исследования стали труды известных авторов «корееведов», исследовавших вопрос корейского взаимодействия в целом и в контексте, проводящейся в КНДР ядерной программы. К ним можно отнести Ю.В. Ванина, Г.Д. Толораю, А.В. Фененко, Л.А. Ланцову, В.В. Михеева, А.Н. Федоровского и ряд других.

Не секрет, что раскол между Северной и Южной Кореей имеет значимые исторические и идеологические предпосылки, обусловленные трансформациями всей международной системы послевоенного мира. Как пишет в своей работе российская исследовательница Л.А. Ланцова: «Раскол мира на две противоположные социально-политические и социально-экономические системы означал и раскол Корейского полуострова на два противостоящих друг другу идеологически и политически непримиримых государства. Начало холодной войны, охватившей все страны и континенты земного шара, на Корейском полуострове спровоцировало настоящий вооруженный конфликт...» [3. С. 3].

Одним из главных современных его проявлений является сохраняющийся и не снижающий своей глубины раскол между корейскими государствами, имеющими на сегодняшний день большой набор разъединяющих их факторов. К ним можно отнести политическое и экономическое влияние международных субъектов, в первую очередь таких как США, Япония, Россия, Китай, а также широкий спектр, сформировавшихся за последние 75 лет «внутренних различий»: режимных, политико-системных, культурных, социальных, коммуникативных, лингвистических, а также экономических.

Тот факт, что значительная часть этих факторов обусловлены политикой международных субъектов, а процесс взаимодействия между Северной и Южной Кореей важен для всего глобального мира, подтверждают работы и других исследователей. Так, один из наиболее известных отечественных ученых – «корееведов» Ю.В. Ванин также указывал на то, что «не следует забывать, что вторая половина истекшего XX века началась с Корейской войны (1950-1953), ставшей крупномасштабным международным конфлик-

том, с трудом удержанным на грани перерастания в третью мировую, атомную войну» [1. С. 5].

Упоминание угрозы атомной войны в контексте корейского раскола является особенно значимым, так как на сегодняшний день именно «ядерный фактор» во многом определяет систему взаимодействия между государствами Корейского полуострова и обуславливает сохранение их раскола.

Реализация КНДР ядерной программы имеет длительную историю. Ее началом принято считать 50-х годы XX века, когда северокорейским руководством совместно с союзными Китаем и СССР были заключены договоры о совместном использовании «мирного атома». Результатом этого сотрудничества стал Научно-исследовательский институт атомной энергии при Академии наук КНДР и, построенный вслед за ним ядерный центр. Также на территории Северной Кореи была проведена установка советского исследовательского легководного реактора, «многие северокорейские ядерщики учились в советских университетах, стажировались в научно-исследовательских центрах ...» [4. С. 189-190].

Очевидно, что зарождение ядерной программы изначально реализовывалось в формате сотрудничества КНДР со странами «советского лагеря» (СССР и КНР), противопоставлявшегося «западному лагерю» Южной Кореи, возглавлявшемуся США. Таким образом, в нем доминировал внешнеполитический, и, отчасти, технологический контекст ее формирования. Дальнейшее развитие, как ядерных технологий, так и системы международной безопасности, усилило влияние внешних факторов и, соответственно, увеличило, основанный на идеологических различиях межкорейский разрыв.

Это нашло свое выражение в сформировавшейся системе нестабильного, однако, не завершающегося противостояния между КНДР и США. В своем исследовании А.В. Фененко пишет о категориях причин, обеспечивших на сегодняшний день проведение Северной Кореей своей ядерной программы. К первой относится авторитарный режим и соответствующая ему ориентация на милитаризацию политической системы. Вторая категория включает реализуемую северокорейским руководством стратегию торга, в ходе которого оно стремится обменять «свою военную ядерную программу на международную финансовую помощь» [6. С. 499]. А третья предполагает рассмотрение ядерной программы как реакции КНДР на излишне жесткую политику, проводимую в отношении этой страны Соединенными Штатами. В итоге можно говорить о том, что в основе актуального проведения этой программы лежат политические и экономические факторы, основанные на международном противостоянии Северной Кореи с западным миром.

В такой системе Южная Корея, продолжающая относиться к политическому лагерю США и Японии, приобретает не только режимные и идеологические отличия, препятствующие ее сближению с северным соседом. Она теряет возможности для реализации важных направлений межкорейского диалога.

В первую очередь, это выражается в невозможности возобновления реализовывавшихся ранее совместных межкорейских экономических проектов, также как и отсутствии возможностей для формирования новых. Указанное обстоятельство является фундаментальным в ситуации корейского раскола, так как именно экономическое сотрудничество имеет приоритетное значение для руководства КНДР, нуждающегося в финансовой и гуманитарной помощи для своей страны. Однако сформировавшаяся в ответ на реализацию Северной Кореей ее ядерной программы система международных санкций, ограничивает РК в ее способности вкладывать средства в связанные с Северной Кореей проекты. Это приводит к значительному ограничению возможностей для диалога между государствами Корейского полуострова [7].

Второе обстоятельство связано с тем, что Южная Корея, являясь ближайшим соседом КНДР, воспринимает ее ядерную программу как непосредственную угрозу своей безопасности. Это приводит к формированию южнокорейской внешнеполитической повестки, осуждающей действия северокорейского руководства [8], а также к военно-политическим проектам самой РК, вплоть до создания своего ядерного оружия [2. С. 53].

В итоге отечественные исследователи В.В. Михеев и А.Н. Федоровский приходят к выводу о том, что современные отношения между КНДР и РК являются достаточно сложными: раскол сохраняется, влиятельные соседние государства, такие как Китай, отказались от попыток решения северокорейской ядерной проблемы, а КНДР, в свою очередь, не предпринимает попыток по организации диалога с РК и, напротив, может эскалировать возникающие конфликтные ситуации [2. С. 22]. Причиной этой эскалации в первую очередь служит не реализация Республикой Корея главных для КНДР направлений совместной работы (экономических) [5]. Южная Корея, в свою очередь, не может выйти из проектов военно-политического и экономического сотрудничества с США и Японией до тех пор, пока ядерная программа КНДР представляет для нее потенциальную угрозу.

Таким образом, стоит отметить, что на сегодняшний день раскол между КНДР и РК сохраняется и включает в себя большее число факторов, чем можно было наблюдать в середине прошлого века. Реализуемая Северной Кореей ядерная программа является одним из доминирующих факторов и обуславливает сохранение и усиление межкорейского разрыва. Это обусловлено как системой международной безопасности, в рамках которой северокорейский ядерный фактор воспринимается как одна из серьезных угроз, так и реализуемыми в ответ на него экономическими санкциями, ограничивающими для РК пространство межкорейского диалога. Очевидно, что решение указанного вопроса относится к сфере совместных усилий всех участников корейского международного взаимодействия, включающего не только руководства этих государств, но и влиятельных мировых держав.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ванин Ю.В.* Корея на рубеже веков. М.: ИВ РАН, 2002.
2. Кризис и новая повестка дня для корейского полуострова и региональных держав / Отв. ред.: Михеев В.В., Федоровский А.Н. М.: ИМЭМО РАН, 2018.
3. *Ланцова И.С.* Проблема корейского полуострова в системе международных отношений (вторая половина XX – начало XXI вв.) / Дис. канд. полит. наук: 23.00.04. СПб., 2006.
4. *Неспокойное соседство. Проблемы Корейского полуострова и вызовы для России / коллективная монография [А.В. Торкунов и др.] под ред. д-ра экон. наук, проф. Г.Д. Толорая.* М.: МГИМО-Университет, 2015.
5. СМИ: Китай убедил Северную Корею отказаться от конфронтации с Сеулом // <https://rg.ru/2020/06/26/smi-kitaj-ubedil-severnuiu-koreiu-otkazatsia-ot-konfrontacii-s-seulom.html>.
6. *Фененко А.В.* Изменение роли ядерного фактора в современных международных отношениях / Дис. докт. полит. наук.: 23.00.04. М., 2017.
7. Чего хочет Северная Корея от Южной Кореи? // <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/chego-khochet-severnaia-koreia-ot-yuzhnoy-korei/>.
8. Южная Корея и Япония поддержали денуклеаризацию Корейского полуострова // https://ren.tv/news/v-mire/818945-iuzhnaia-koreia-i-iaponiia-podderzhali-denuklearizatsiiu-koreiskogo-poluostrova?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1617659334000.

S.V. TCOI

*Postgraduate student,
Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia*

NORTH KOREA'S NUCLEAR PROGRAM AS A FACTOR IN THE INTER-KOREAN GAP

The article identifies the factors that support and exacerbate the split between North and South Korea. It is indicated that the nuclear program implemented by the North Korea leadership is currently one of its basic factors. This is due to the category of security that forces the Republic of Korea to turn to the United States as a guarantor of its international protection and security. Also important is the situation of international sanctions caused by the nuclear program and hindering the implementation of joint economic projects of the states of the Korean Peninsula.

Key words: *North Korea, Republic of Korea, Korean Peninsula, nuclear program.*

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА

В послевоенном международном порядке в основном доминируют США и Запад, что несет существенную выгоду для западных развитых стран. В процессе формирования международного порядка ведущую роль играют не демократические процедуры, а несколько крупных держав. Из-за присутствия послевоенному международному порядку недостатков он не смог полностью отразить потребности развивающихся стран. С уменьшением влияния Запада в глобальной структуре власти и ростом группировок в развивающихся странах, представленных Китаем, международный баланс сил начал претерпевать глубокие изменения, таким образом, трансформация международного порядка стала исторической неизбежностью. Китай участвовал в создании нынешнего международного порядка, признает его ценность и роль и считает, что ему необходимы дальнейшие реформы. Чтобы лучше поддерживать и продвигать реформу международного порядка, Китай твердо придерживается многосторонности, соответствует целям и принципам Устава ООН и уважает общепризнанные нормы международного права, вместе с тем выстраивает новый тип международных отношений, основанный на взаимовыгодном сотрудничестве. Одной из главных задач стало содействие инициативе «Один пояс, один путь» и строительство новой модели экономической глобализации. Изучение трансформации международного порядка и стратегии Китая – одна из важных тем, на которую обращает внимание политологическое сообщество. И хотя этой теме посвящен ряд научных работ, остаются исследовательские вопросы, требующие дальнейшего изучения.

Ключевые слова: международный порядок, трансформация международного порядка, план Китая, сообщество единой судьбы человечества, новый тип международных отношений, Один пояс, один путь.

В настоящее время мир переживает еще один важный исторический момент после окончания Второй мировой войны. Преобладают унилатерализм, гегемонизм и протекционизм, а международный порядок сталкивается с постоянными проблемами. Мировая экономика находится на грани самого серьезного спада со времен Великой депрессии. Эпидемия COVID-19 все еще бушует во всем мире и ускоряет трансформацию международного порядка. Таким образом, Китай уловил тенденцию времени, сосредоточился на общих и долгосрочных интересах человечества и представил миру китайский план в виде концепций и действий.

1. Теоретические подходы к анализу международного порядка.

Международный порядок представляет собой широкую институциональную основу и поведенческие механизмы для управления всеми членами международного сообщества в различных областях и конкретных делах, которые основаны на сравнении мощи крупных держав и на интересах ведущих стран в то время при определенных исторических условиях и признаны и соблюдаются подавляющим большинством стран. Международный порядок уменьшает хаос и беспорядок в «анархичном» международном обществе и делает поведение государства относительно предсказуемым, тем самым придавая международному сообществу определенную степень стабильности.

Восприятие странами международного порядка не статично, на него глубоко влияет их международная среда и их собственная идентичность. На восприятие Китаем международного порядка также влияют изменения в международной системе, международной структуре и его собственном международном статусе и позиционировании. Определение «международный порядок» может употребляться в самых разнообразных значениях. Важно определить смысл, в котором оно будет использоваться в этой работе. Прежде всего, стоит отметить наличие смысловых различий между такими выражениями, как «международный порядок» и «мировой порядок», поскольку эти различия в современном словоупотреблении становятся более существенными [2].

Понимание реалистами международного порядка сопровождается пониманием того, что распределение баланса сил в международных отношениях – это неизбежная тенденция исторического развития, имеющая объективные законы, целью которых является поддержание международного порядка путем предотвращения доминирования в международной системе одного государства или нескольких стран. Либералы считают, что, исходя из человеческой рациональности, свободный конституционный порядок со свободой и демократией в качестве его основных пунктов – это выбор порядка, который является справедливым и разумным. Конструктивизм изучает международный порядок как процесс и предлагает различные идеи для построения международного порядка.

Нынешний международный порядок – это механизмы и нормы, которые возникли из послевоенного мирового порядка и постепенно оказывали глобальное влияние через взаимодействие различных сил. В настоящее время он претерпевает трансформацию. Поскольку нынешний международный порядок является результатом борьбы между разными странами, он постоянно сталкивается с множеством проблем из-за некоторых несоответствий во взглядах разных стран. Сравнивая взгляды на международный порядок западных стран, таких как Китай и США, мы можем обнаружить, что обе стороны используют разные термины при описании международного порядка, но их понимание международного порядка не является полностью противоположным.

Международный экономический порядок – это экономический, торговый и финансовый порядок, основанный на таких институтах, как Всемирный банк, Международный валютный фонд и Генеральное соглашение по тарифам и торговле.

На основе международного политического порядка сформировался ряд институциональных схем и механизмов для предотвращения конфликтов, поддержания безопасности и сдерживания военных действий различных стран на основе взаимосвязи их интересов, тем самым сформировав международный порядок обеспечения международной безопасности. Связь между политическим порядком и порядком обеспечения международной безопасности намного теснее, чем между политическим порядком и другими порядками. Иногда бывает трудно провести различие между этими двумя порядками. Поэтому в данной статье политический порядок и порядок обеспечения международной безопасности рассматриваются вместе.

2. План Китая по трансформации современного международного политического порядка и порядка обеспечения международной безопасности. Китай участвовал в разработке и построении послевоенного международного порядка и также был его бенефициаром. КНР является одним из учредителей Организации Объединенных Наций и является одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, подписавших Устав Организации Объединенных Наций. Китайские лидеры неоднократно подчеркивали необходимость поддержания послевоенного международного порядка и указывали, что нынешний международный порядок несовершенен, но пока он основан на правилах, ориентирован на принципах справедливости в ее нынешнем понимании, от него нельзя отказаться по желанию, а также его нельзя ниспровергнуть и создать заново [3]. Поэтому план Китая состоит из двух основных концепций: концепции «Международных отношений нового типа, основанных на взаимовыгодном сотрудничестве» и концепции «Сообщество единой судьбы человечества».

Новый тип международных отношений – это «китайский план по трансформации мирового порядка» и основной путь к созданию «Сообщества

единой судьбы». Он отличается от традиционных международных отношений и содержит три ключевых принципа:

1. Взаимное уважение. Подчеркивает необходимость отказаться от традиционного «закона джунглей» (действий с позиции силы) и настаивает на том, что все страны равны независимо от размера, военного и экономического потенциала, и что вопросы суверенитета каждой страны могут регулироваться только ее правительством. При этом уважается выбор пути развития каждой страны в соответствии с ее собственными национальными условиями, и решительно осуждается вмешательство извне во внутренние дела страны.

2. Беспристрастность и справедливость. Подчеркивает необходимость уважать и заботиться об интересах друг друга, защищать цели и принципы Устава Организации Объединенных Наций, придерживаться основных норм и принципов международного права, способствовать формулированию международных правил, которые уравнивают интересы всех сторон и гарантируют, что все страны имеют равные права и возможности.

3. «Бесприоритетное» сотрудничество. Акцент делается на реализации новой концепции взаимовыгодного взаимодействия. Все страны мира, большие и малые, должны учитывать разумные интересы других стран, преследуя свои собственные интересы, сочетать свои интересы с общими интересами всех стран и стремиться к сближению и укреплению общих интересов всех сторон.

Новый тип международных отношений – это выход за рамки международных отношений с преобладанием капиталистической политики и биполярной системы с такими чертами, как идеологическая конфронтация и мышление времен холодной войны. Он воплощает в себе ожидания стран, представляемых Китаем, в отношении нового международного порядка [4].

Построение «сообщества единой судьбы человечества» – это не только общая цель китайской дипломатии в новую эпоху, но и конечная цель Китая по содействию трансформации международного порядка и совершенствованию системы глобального управления. «Сообщество единой судьбы человечества» основано на размышлении о различных новых элементах в развитии мира в XXI веке, на ответственности за философские и исторические предположения о том, куда движется человечество, и предлагает развитие и изменение мироустройства и глобального управления с точки зрения улучшения международного порядка [5].

Основным содержанием идеи «сообщества единой судьбы» является создание чистого и прекрасного мира без войн, где будут царить всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и толерантность. В политике все страны должны уважать друг друга, вести переговоры на равных, решительно отказаться от менталитета холодной войны и выбрать новый путь межгосударственных обменов, который является диалогом, а не кон-

фронтацией. В сфере обеспечения безопасности споры должны разрешаться посредством диалога, разногласия посредством консультаций, странам необходимо координировать ответные меры на традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности и противостоять всем формам терроризма. В экономике страны должны работать совместно, чтобы продвигать либерализацию и упрощение процедур торговли и инвестиций, а также продвигать экономическую глобализацию к более открытому, инклюзивному, сбалансированному, выгодному состоянию. В культуре должны уважаться разнообразие мировых цивилизаций. В сфере экологии необходимо сотрудничать в борьбе с изменением климата и сохранять экосистемы.

3. План Китая по трансформации современного международного экономического порядка. Столкнувшись с торговым спором между США и Китаем и все более сложной международной экономической ситуацией, Китай столкнулся с необходимостью решить эти проблемы на разных уровнях и внести позитивный вклад в поддержание стабильного развития мировой экономики. Как ответственная крупная страна и важный участник нынешнего международного экономического порядка, Китай имеет потребность и способность влиять на развитие международного экономического порядка. Китайский план трансформации международного экономического порядка включает следующие основные аспекты:

Во-первых, необходимо поддерживать многостороннюю торговую и экономическую системы. Следует отметить, что Китай является важным бенефициаром и участником либерального международного экономического порядка. После вступления в ВТО в 2001 году Китай способствовал быстрому развитию своей экономики путем активного участия в процессах экономической глобализации [6]. Мнение о том, что подъем Китая будет угрожать международному экономическому порядку под руководством США или даже превзойдет Америку в этой сфере, вводит в заблуждение. Фактически, с точки зрения экономической состоятельности, «жесткой» и «мягкой» силы, Китай еще не обладает достаточным влиянием, чтобы заменить США в качестве лидера международного экономического порядка [1]. Поэтому китайский план трансформации международного экономического порядка должен основываться на поддержании многосторонней экономической и торговой систем. Это не только соответствует интересам Китая, но и снижает сопротивление со стороны США и других западных стран.

Во-вторых, инициатива «Один пояс, один путь» имеет ориентированное на будущее видение, основанное на философии глобального управления и «сообщества единой судьбы человечества» как конечной цели. По сути, инициатива «Один пояс, один путь» направлена на обновление международного спроса за счет активных международных поставок с целью повышения уровня открытости мировой экономики и, таким образом, способствуя ее глобальному развитию в будущем. Председатель Си Цзиньпин

указал, что инициатива «Один пояс, один путь» должна основываться на открытости и решать проблемы экономического роста и баланса, создавать открытую платформу сотрудничества, поддерживать и развивать открытую мировую экономику. Вместе с этим инициатива позволяет создавать среду, способствующую развитию, содействовать построению справедливой, разумной и прозрачной системы правил международных экономических и торговых инвестиций, обеспечить непрерывность факторов производства, способствовать эффективному распределению ресурсов и глубокой рыночной интеграции. Инициатива «Один пояс, один путь» должна быть сосредоточена на решении таких проблем, как дисбаланс в развитии, дилеммы управления, различия в использовании современных средств информации и «пробелы» в распределении, и построить открытую, инклюзивную, сбалансированную и бесприоритетную экономическую глобализацию [7].

В условиях продолжающегося спада в мировой экономике Китай будет поддерживать другие страны в продвижении индустриализации и модернизации путем реализации проекта «Один пояс, один путь» и удовлетворять потребности стран в повышении уровня развития инфраструктуры. Это активизирует потенциал роста соответствующих стран, поможет стабилизировать мировую экономическую ситуацию и поспособствует глобальному экономическому росту. Инициатива «Один пояс, один путь» – это план Китая по преодолению недостатков международного экономического порядка.

В-третьих, восприятие международных торговых и финансовых реформ в качестве обратной связи. Активное участие и продвижение реформы международной экономической, торговой и финансовой системы является частью плана Китая по трансформации международного экономического порядка. С одной стороны, чтобы способствовать реформе правил и системы международной торговли и финансов, необходимо уделять больше внимания коллективным интересам, отстаивать взаимовыгодное сотрудничество и избегать гегемонизма. С другой стороны, необходимо ускорить процесс интернационализации юаня, который заключается в ослаблении «привязки» юаня к доллару США и становлении китайской денежной единицы в качестве резервной валюты, что неизбежно отразится на состоянии мировой экономики.

Заключение. В развитии современного мира все еще есть много неопределенностей. Война, бедность, болезни, экологические и другие новые и старые проблемы сохраняются. Популизм, национализм, антиглобализм и некоторые другие неблагоприятные политические идеологии получают все большее распространение, а также усиливаются негативные политические тенденции, такие как автаркия, конфронтация и раскол.

Китайский план трансформации современного международного порядка сталкивается со всеми этими проблемами напрямую, стремясь преодолеть необоснованные и несправедливые факторы в нынешнем международном порядке. План соответствует веяниям времени и выражает добрую

волю и объективные потребности Китая в мирном развитии, предоставляет новые возможности выбора другим странам и народам мира, а также использует опыт Китая в области государственного управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Nye J.S. The future of American power: Dominance and decline in perspective[J] // Foreign Affairs. 2010. № 89 (6).

2. Snyder Jack. One World, Rival Theories, Foreign Policy, 145 (November/December 2004).

3. 习近平：顺应时代潮流 实现共同发展，人民网，2018年7月25日 (Си Цзиньпин. Следуйте веяниям времени для общего развития // Жэньминь жибао. 25 июля 2018 г.).

4. 郭树勇：新型国际关系：世界秩序重构的中国方案，2018年3月。(Го Шуйюнг. Новые международные отношения: План Китая по восстановлению мирового порядка. Март 2018 г.).

5. 傅莹：坚持合作安全、共同发展、政治包容，携手构建人类命运共同体。(Фу Инь. Придерживайтесь сотрудничества и безопасности, общего развития и политической терпимости и работайте вместе, чтобы построить сообщество единой судьбы человечества).

6. 安礼伟，马野青。国际经济秩序：中国的新需求与政策思路。经济学家。2019。(1)。(Ан Ливэй, Ма Ецин. Международный экономический порядок: Новые потребности и политические идеи Китая // Экономист. 2019. № 1).

7. 习近平演讲全文：携手推进‘一带一路’建设。央广网,2017年5月14日。(Полный текст речи Си Цзиньпина: Возьмитесь за руки, чтобы продвигать строительство Один пояс, один путь // Китайская радиовещательная сеть. 14 мая 2017 г.).

ZHAO LU

PhD student at the department of comparative political science Faculty of Political Science of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

CHINA'S FOREIGN POLICY STRATEGY IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF THE CONTEMPORARY INTERNATIONAL ORDER

The international order after the war is essentially dominated by the United States and the West, which is conducive to Western developed countries. In the design process, the order is not through democratic procedures, but a few large

countries play a leading role. Due to the inherent shortcomings of the post-war international order; it was unable to fully reflect the needs of developing countries. With the declining influence of the West in the global power structure and the rise of groups of emerging countries represented by China, the international balance of power has begun to undergo profound changes, Therefore, the transformation of the international order has become a historical inevitability. China has participated in the creation of the current international order; recognizes the value and role of the current international order, and believes that further reforms and innovations are needed. In order to better maintain and advance the reform of the international order; China firmly upholds multilateralism, upholds the purposes and principles of the Charter of the United Nations, respects the universally recognized norms of international law, and builds a new type of international relations featuring win-win cooperation. Promote the construction of “the Belt and Road” and build a new pattern of economic globalization. The study of the transformation of the international order and China’s strategy is one of the core topics of great concern to the political science community. Although a number of scientific works are devoted to this topic, there are still research questions that require further study.

Key words: *international order, transformation of the international order, China’s plan, community with shared future for mankind, a new type of international relations, One belt, one road.*

DOI 10.35775/PSI.2021.70.6.036

УДК 32.323.21

Д.С. СТЕПАНЬКОВА

*студент по направлению подготовки
Политология Восточного института –
Школы региональных и международных
исследований Дальневосточного
федерального университета ДВФУ,
Россия, г. Владивосток
ORCID: 0000-0003-2115-4829*

В.С. ШВЫРКОВ

*студент по направлению подготовки
Политология Восточного института –
Школы региональных и международных
исследований Дальневосточного
федерального университета ДВФУ,
Россия, г. Владивосток
ORCID: 0000-0002-3340-9158*

К.А. КОРОЛЬКОВ

*студент по направлению подготовки
Политология Восточного института –
Школы региональных и международных
исследований Дальневосточного
федерального университета ДВФУ,
Россия, г. Владивосток
ORCID: 0000-0002-2275-8459*

ПЕРВИЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СТРУКТУРЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ СТРАН АТР

Данная работа является обзорной статьей, посвященной теме низового уровня местного самоуправления в странах северо-восточной Азии – Китае, Японии и Корее. Изучение опыта самоуправления стран АТР представляется нам весьма актуальным по нескольким причинам: наблюдаются заметные успехи данных стран в вопросах городского хозяйствования, а также происходят изменения моделей самоорганизации и самоуправления азиатских обществ. Низовой уровень общественной организации оказывает серьезное влияние на развитие гражданской и политической культуры граждан, что крайне важно в условиях политической трансформации российского общества. Целью данной работы является анализ низовых форм общественной самоорганизации в Китае, Японии и Корее. Задачами явля-

ется поэтапное рассмотрение опыта местного самоуправления каждой из исследуемых стран. Методы, широко используемые в работе – описание, анализ, метод индукции. Результатом работы являются обобщенные выводы о практике низовых уровней самоуправления в северо-восточной Азии. Ключевым выводом исследования является следующее утверждение – в изучаемых странах нет единой модели низших уровней местной самоорганизации граждан, опыт стран АТР в данном вопросе поистине уникален.

Ключевые слова: *местное самоуправление, низовой уровень, самоорганизация граждан, Китай, Япония, Корея, система местного управления.*

В связи с политическими и социальными трансформациями, происходящими в России в последние десятилетия, возрастает интерес граждан к всевозможным формам самоорганизации. В том числе наблюдается запрос на развитие сферы местного самоуправления, где у населения появится возможность практически выражать и отстаивать свои интересы, а также активно участвовать в решении местных проблем. Для поиска практик местной самоорганизации граждан, которые в перспективе можно применить в российской муниципальной политике, обратимся к опыту ведущих стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Именно опыт данных государств представляется нам актуальным с позиции активной интеграции России в АТР, а также возможности рассмотреть практики местного самоуправления в различных политических режимах, партийных системах и гражданских культурах, представленных политическими системами Китая, Южной Кореи и Японии.

Китай. Определение и нормативно-правовая база. Термин «самоуправление» в Китае носит различное значение [1]. Он понимается и как управление основными административно-территориальными единицами (региональное управление), и в привычном для англоязычных исследователей значении «local government» – аналогично российскому местному самоуправлению. Именно в контексте второго значения нами исследуются первичные структуры МСУ в КНР. Согласно конституции Китайской Народной Республики, низовыми организациями местного самоуправления являются комитеты городского населения и комитеты сельского населения [4]. Их деятельность регулируется соответствующими законами от 1989 г. [2] и 2010 г. [3], а также иными законами, где комитеты указываются опосредованно.

Общий принцип. Конечно, говоря о специфике местного самоуправления в Китае в целом и о его первичных формах в частности, не следует отталкиваться от классического, европейского понимания местного самоуправления. Причина того кроется в существенных институциональных различиях между странами развитой демократии (Франция, Германия, США и др.) и авторитарным Китаем в системах публичного управления, политических режимах, исторических традициях и гражданской культуре.

Об этом свидетельствует и законодательство о комитетах: народные правительства (следующая ступень в системе управления) «...обязаны осуществлять руководство, предоставлять поддержку и помощь комитетам городского населения. Комитеты городского населения оказывают помощь в выполнении работы народными правительствами...» [2]. То есть даже первичные структуры самоорганизации граждан напрямую интегрируются в общую административную вертикаль, без какой бы то ни было обособленности и независимости, и эта особенность является одной из самых основных для понимания китайской модели МСУ. Конечно, данная модель относится к моделям социалистического типа, характерной для стран социалистического лагеря в прошлом и настоящем [18. С 9]. В таком типе генеральная функция первичной структуры МСУ заключается в реализации и контроле за исполнением общей политики страны. Китайская модель тем не менее не лишена и европейских черт: такие функции, как решение вопросов локального значения, выражение мнения населения, выборы управленца так же характерны для китайских комитетов городского и сельского населения.

Структура и формирование. Структурно городские и сельские комитеты схожи: если первый охватывает от 100 до 700 домохозяйств и состоит из 5-9 членов, то сельский – состоит из 5-7 жителей и охватывает всех проживающих в данном селе граждан. Оба типа комитетов имеют права создавать дополнительные «подкомитеты» для решения определенного ряда вопросов, будь то вопросы охраны общественного порядка или планирования рождаемости. В обоих случаях существует должность председателя комитета и его заместителей: они, как и члены комитетов избираются всем населением или представителями населения сроком на 3 года и с правом переизбрания [2; 3]. Комитеты аккумулируют исполнительный функционал территории, прямое же представительство находится в руках собраний городского и сельского населения, на встречах которых обсуждаются и выносятся решения по наиболее важным вопросам местного значения. Исходя из основных законов, регулирующих их деятельность, можно сделать вывод, что у сельских локальных структур прав больше: их функции расширены и затрагивают более важные насущные вопросы проживающих на селе (например, распределение земельных участков). Что касается реальной практики выборов в низовые структуры МСУ, то в городских и сельских районах она существенно различается. Если горожане голосуют неохотно, то сельские жители участвуют в выборах активнее. Существует ряд причин, объясняющих такое положение дел [16]:

1 – Выборы в селе начали проводиться раньше, эта практика более институционализирована как на практическом уровне, так и на культурном.

2 – Вовлеченность и конкуренция на селе выше, в связи с глубокой заинтересованностью сельчан в местных проблемах, ведь за каждым стоит определенная доля сельской собственности, а соответственно и личный интерес.

3 – Расширенные полномочия избираемых органов, а также их бóльшая ресурсная обеспеченность.

4 – Отсутствие материальной выгоды у городских жителей и, соответственно, отсутствие соответствующего мотива городского самоуправления. При сохранении влияния КПК на все стороны общественной жизни и весьма ограниченном формате реализации низовой демократии, и сельские и городские граждане КНР голосуют по большей части из соображений практической выгоды, а не идеологических представлений. Комитеты также выступают в качестве инструмента публичного согласования интересов, что стабилизирует политическую жизнь на локальном уровне и служит способом устранения противоречий между властными органами и населением [5. С. 84].

Финансовая основа и функционал. Финансово-экономическая основа деятельности комитетов формируется как из выплат вышестоящей организации управления (народным представительством) так и средств, собранных с населения, если это требуется для выполнения общественно-полезных дел. Организации, находящиеся на территории существования комитета, так же могут быть вовлечены в финансирование на добровольной основе. Функционал комитетов опирается на принцип самопомощи и сводится к предоставлению преимущественно социальных услуг, таких как уход за престарелыми, планирование семьи, борьба с безработицей и др. [8. С. 9].

Избранные лица – как правило люди, достигшие среднего возраста, имеющие управленческий опыт, работающие ранее на предприятиях или состоящие в партии, однако определяющим критерием выступает высокая степень доверия и уважения среди местных жильцов. Важным является и вовлечение управленца в местные проблемы: присутствие на мероприятиях, интернет публичность, прямой контакт с каждым домохозяйством территории. Весомая часть работы комитета и его руководства носит бюрократический характер: финансовая отчетность, контроль за соблюдением установленных стандартов, передача заявлений граждан в соответствующие инстанции. [8. С. 8] Можно сказать, что комитет – это своеобразный территориальный секретарь, который курирует насущные вопросы и придает им конкретный административный облик.

Таким образом, низовой уровень китайского самоуправления имеет следующие специфические особенности, во многом определяющие его сущность:

– комитеты лишь отчасти являются формой самоорганизации граждан, что не исключает их относительно высокой степени самоуправляемости. Система комитетов была создана государством в целях контроля за обществом и выполняет превентивную функцию, своим существованием предотвращая возникновение альтернативных ассоциаций;

– комитеты создают неформальные способы решения местных проблем, поддерживают общественную стабильность и канализируют запросы (прошения и требования граждан к соответствующим инстанциям);

– деятельность комитетов опирается на личные неформальные связи между населением территории и членами комитета; крайне важна личность управляющего и его вовлечение во все стороны жизнь территории.

Корея. Определение. На основе законодательства Республики Корея, связанного с соседскими объединениями, соседское объединение можно определить как орган самоуправления, состоящий из людей, владеющих или арендующих жилье в многоквартирном комплексе, задачей которого является содержание и ремонт общего имущества, а также управление общей территорией в комплексе. Эти жилые комплексы состоят из нескольких кондоминиумов, многоквартирных домов с сопутствующей инфраструктурой, в отдельном районе.

Правовое оформление/Нормативно-правовая база. Нормативно-правовая база нижнего уровня местной самоорганизации в основном представлена Collective Housing Management Act of 2016 [9], Enforcement Decree of Collective Housing Management of 2016 [10], в рамках столичного города Сеул это также Regulation for Collective Housing Management of Seoul [13]. При этом основным правовым документом, детально регулирующим вопросы соседских объединений, является Enforcement Decree of Collective Housing Management of 2016. Так, статья 14 данного документа обязывает членов правления принимать решения по вопросам соседства, таким как бюджет, содержание общей территории и собственности, эксплуатации общественных объектов, а также общественной деятельности на их заседании правления, а статья 23 наделяет объединения правом взимания платы со своих членов. Однако стоит отметить, что за исключением полномочий по взиманию платы, полномочия объединений рассматриваются отдельно в уставе каждого из объединений.

Регистрация соседских объединений осуществляется в качестве некоммерческих организаций на основе Assistance for Non-Profit, Non-governmental Organizations Act, или же на основе налогового законодательства. Assistance for Non-Profit, Non-governmental Organizations Act позволяет правительству административно и финансово поддерживать неправительственные некоммерческие организации в целях их привлечения к участию в общественных делах. На основании этого закона соседское объединение аккредитуется центральными и местными органами власти. В то же время на практике некоторые соседские ассоциации регистрируются в качестве некоммерческой корпорации через налоговое законодательство, Framework Act on National Tax или Corporate Tax Act, что позволяет повысить уровень финансовой прозрачности, более независимым образом решая финансовые вопросы в рамках своей зоны ответственности [6; 11].

Кроме того, в соответствии с решением Верховного Суда Республики Корея, соседские объединения определены как неинкорпорированные организации [15]. На практике это означает, что соседские ассоциации не имеют права участвовать в принятии решений местными органами власти или представлять им услуги.

Членство и управление. Граждане, владеющие и занимающие единицу жилья в многоквартирном комплексе, автоматически и в обязательном порядке должны вступить в соседское объединение в своем многоквартирном комплексе на основании статьи 14 Collective Housing Management Act. Соответственно, как домовладельцы, так и арендаторы автоматически включаются в соседское объединение. Также и домовладельцы, и арендаторы имеют право голоса на выборах в члены правления, однако до недавнего времени лишь домовладельцы могли становиться членами правления соседского объединения – в настоящий момент статус кандидата в правление регламентируется уставом каждого отдельного объединения.

К полномочиям членов правления относится обсуждение и принятие решений по вопросам технического обслуживания, финансирования и планирования, бюджетирования, а также форм общественной деятельности [2]

Сфера деятельности. К основным задачам соседского объединения в Республике Корея относятся защита собственности, содержание имущества и управление общей территорией, а также поощрение общественной активности.

Как уже было сказано ранее, соседские объединения создаются для управления общей территорией и имуществом в многоквартирных комплексах. Как правило, они занимаются техническим обслуживанием зданий, сопутствующей инфраструктуры и прилегающих улиц, а также предоставлением социальных (например, образовательных: детский сад) и рекреационных (например, общественный фестиваль) услуг для своих жителей.

В 2010 году правительство столичного города Сеул внесло поправки в положение о содействии общественному строительству в многоквартирном комплексе, была разработана программа строительства соседских объединений. Эта программа, во-первых, обеспечивает грантовую поддержку соседским объединениям, занимающимися предоставлением общественных услуг: от проектов в сфере зеленой энергетики до организации детских садов и обустройству детских площадок, а во-вторых, способствует проявлению гражданской роли объединений, основанной на вовлечении жителей в общественную деятельность. С точки зрения местных органов власти, создание социального капитала через активизацию местного населения, его вовлечение в деятельность соседских объединений должно способствовать преодолению проблем, связанных с управлением соседскими объединениями, коррупцией и отсутствием прозрачности в их деятельности, что в конечном итоге позволит создать здоровые самоуправляющиеся районы.

Также в рамках реализации этой программы была создана система общественных менеджеров, выступающая в качестве канала обратной связи. В сферу их полномочий помимо обучения управлению многоквартирным жильем относится разрешение конфликтов внутри района, посещение соседских объединений в своей юрисдикции для сбора мнений граждан [7. С. 118].

Япония. Определение. Ассоциацию соседей в Японии можно определить как добровольно создаваемую группу или самоуправляющуюся организацию, состоящую из людей, проживающих в рамках нескольких кварталов, задачей которой является организация и проведение мероприятий местного уровня [12. С. 29]. К мероприятиям местного уровня относится широкий спектр видов деятельности: от спортивных и детских мероприятий, общественных фестивалей до мероприятий по решению проблем района, таких как предотвращение стихийных бедствий и реагирование на них, общественная уборка, уход за пожилыми людьми и предупреждение преступности.

Правовое оформление/Нормативно-правовая база. Ассоциации соседей в Японии не имеют правового оформления на национальном уровне, однако имеется тенденция на издание муниципалитетами постановлений, касающихся вопросов соседских ассоциаций, которые в основном включают в себя положения о самоуправлении и налаживании партнерских отношений с другими организациями, [14. С. 124]. В целом же деятельность ассоциаций соседей в Японии регламентируется их собственным уставом, а также 21 статьей Конституции Японии от 1947 года, Законом об НКО и соглашениями с муниципалитетами, которые и регулируют статус и полномочия этих объединений. При этом следует отметить, что соседские ассоциации имеют не инкорпорированный статус, то есть они не обладают правом участия в принятии решений местными органами власти и часто оформляются как некоммерческие организации.

Членство и управление. Ассоциация соседства в Японии обычно включает в себя несколько кварталов, где квартал выступает в качестве составной организационной части ассоциации. В крупных городах это число увеличивается: так, к примеру, в городе Хиросима соседская ассоциация может включать в себя до 15 кварталов [17. С. 472]. Членство в ассоциации необязательно: домохозяйства добровольно присоединяются к ассоциации соседей, расположенной в их районе и, соответственно, относятся к кварталу, составной организационной части ассоциации, причем членом ассоциации может стать как домовладелец, так и арендатор жилья. У каждого квартала есть выборный глава, который одновременно становится членом правления ассоциации. Таким образом, совет правления формируется на выборной основе путем представления делегатов от каждого из кварталов, включенных в соседскую ассоциацию. Члены правления соседской ассоциации обязаны участвовать в ежемесячном заседании, также к их полномочиям относится сбор взносов с жителей, включенных в ассоциацию, для решения задач и проведения мероприятий.

Сфера деятельности. Ассоциация соседей, будучи самоуправляющейся организацией, осуществляет разнообразные услуги. Так, ассоциации предоставляют услуги по ремонту и техническому обслуживанию сломан-

ных стен и крыш через группу технического обслуживания, состоящую из квалифицированных жителей ассоциации. Кроме того, ассоциации возлагают обязанности по уборке окрестностей на сопредельные кварталы, осуществляют патрулирование окрестностей через клуб предупреждения преступности, проводят чрезвычайные учения по предотвращению стихийных бедствий и реагированию на них, а также оказывают услуги по уходу за пожилыми людьми. Сотрудничество с различными группами внутри ассоциации также позволяет проводить различные общественные фестивали и спортивные мероприятия. Безусловно, перечисленные выше меры требуют финансирования и координации, что часто мотивирует соседские ассоциации вступать в партнерские отношения с местными органами власти. Например, группы по реагированию на стихийные бедствия включаются в специализированные учения, проводимые местной администрацией [17. С. 480]. Соседские ассоциации, сотрудничая с местным самоуправлением, могут получать льготы в сфере налогообложения. Напоследок следует отметить роль соседских ассоциаций в качестве канала прямой и обратной связи между муниципалитетами и жителями района: местные органы власти часто контактируют с ассоциациями как для распространения правительственной информации, так и для сбора мнений граждан, получения отзывов на меры реализации государственных программ.

Выводы:

- В странах северо-восточной Азии нет единой модели низших уровней местной самоорганизации граждан, совершенно различная законодательная база, отличающиеся рамки свободной самоорганизации делают опыт стран АТР поистине уникальным.
- В Китае и Южной Корее существует персонифицированное руководство – конкретное лицо, выступающее в качестве канала коммуникации жителей с органами МСУ высшего порядка, в Японии же преобладает коллективная самоорганизация жителей.
- Несмотря на различия, все 3 системы первичного самоуправления способствуют решению общественно-значимых локальных проблем, гармонизируют социальную жизнь и способствуют развитию гражданской культуры

Опыт стран АТР полностью невозможно внедрить в практику российских ТОС в связи со значительными культурными и нормативными расхождениями, хотя Корейские соседские объединения наиболее близки к ТОС, вероятно, именно этот опыт стоит рассматривать в качестве частично применимого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ван Я. Территориальное управление и самоуправление в Китае / Я. Ван, В. Капицын // Самоуправление. 2013. № 4.

2. Закон КНР «Об организации комитетов городского населения» // https://chinalaw.center/constitutional_law/china_urban_committees_organic_law_1989_russian/.
3. Закон КНР «Об организации комитетов сельского населения» // https://chinalaw.center/constitutional_law/china_rural_committees_organic_law_revised_2010_russian/.
4. Конституция Китайской Народной Республики // https://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/china/china--r.htm.
5. *Мельников А.П.* Система местного управления и самоуправления в КНР // *Философия и социальные науки.* 2008. № 3.
6. *Gu P.* Apartment Danjieu Gubun Kyungri [Taxation in Apartment Complex]. Korea Apartment Press, 2014 // <http://www.hapt.co.kr/news/articleView.html?idxno=29178>.
7. *Kang S., Lee B., Kim J. & Lee J.* A Typological Approach to the Community Management and Activation Plans for Apartment Complexes // *Journal of the Korean Housing Association.* 2014. 25 (2) // <https://doi.org/10.6107/jkha.2014.25.2.109>.
8. *Shieh L., Friedmann J.* Restructuring urban governance. *City*, 12:2. 2008. DOI: 10.1080/13604810802176433.
9. South Korea National Law. Collective Housing Management Act of 2016.
10. South Korea National Law. Enforcement Decree of Collective Housing Management of 2016.
11. *Park S.* Gongdongjuteak Gwanli Semu [Taxation for Collective Housings]. Korea Apartment Press, 2016 // <http://www.hapt.co.kr/news/articleView.html?idxno=33961>.
12. *Pekkanen R.* Japan's neighborhood associations: Membership without advocacy, in Benjamin L. Read and Robert Pekkanen, *Local Organizations and Urban Governance in East and Southeast Asia – Straddling state and society.* New York, Routledge, 2009.
13. Regulation for Collective Housing Management of 2009. City of Seoul, South Korea. 2015.
14. *Tanwattana P.* Significance of Institutionalization and Changes of Chonakai in Japanese Society // *Neighborhood Association.* 2012. № 19 (2).
15. The Supreme Court of South Korea // *Neighborhood Association.* 2015 // <http://www.scourt.go.kr/supreme/news/NewsViewAction2.work?seqnum=4756&gubun=4&searchOption=&searchWord=>.
16. *Tzeng W.F.* A Rural-Urban Divide? Reassessing Voting in Chinese Villagers' Committee and Residents' Committee Elections. *J OF CHIN POLIT SCI* 25 (2020) // <https://doi.org/10.1007/s11366-020-09688-2>.
17. *Van Houwelingen P.* Neighborhood Associations and Social Capital in Japan // *Urban Affairs Review.* 2012. № 48 (4).
18. *Vodyanitskaya E.* Local Government // *Max Planck Encyclopedia of Comparative Constitutional Law [MPECCoL]* // https://mgimo.ru/upload/iblock/e67/MPECCOL_Local%20Government.pdf.

D.S. STEPANKOV

*Student in the field of training
Political Science of the Oriental Institute -
Schools regional and international
studies of the Far East
Federal University,
Vladivostok, Russia
ORCID: 0000-0003-2115-4829*

V.S. SHVYRKOV

*Student in the field of training
Political Science of the Oriental Institute -
Schools regional and international
studies of the Far East
Federal University,
Vladivostok, Russia
ORCID: 0000-0002-3340-9158*

K.A. KOROLKOV

*Student in the field of training
Political Science of the Oriental Institute -
Schools regional and international
studies of the Far East
Federal University,
Vladivostok, Russia
ORCID: 0000-0002-2275-8459*

PRIMARY ELEMENTS IN THE STRUCTURE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE ASIA-PACIFIC REGION

This paper is a review article devoted to the topic of the grassroots level of local self-government in the countries of North-East Asia – China, Japan, and Korea. The study of the experience of self-government of the Asia-Pacific countries seems very relevant for several reasons: noticeable successes of these countries in urban management and changes in the models of self-organization and self-government of Asian societies. The grassroots level of public organization has a serious impact on the development of the civil and political culture of citizens, which is extremely important in the context of the political transformation of Russian society. This paper aims to analyze the grassroots forms of social self-organization in China, Japan, and Korea. The objectives are a step-by-step review of the experience of local self-government in each of the studied countries. Methods widely used in the work – description, analysis, induction method.

The result of the work is generalized conclusions about the practice of grassroots self-government in Northeast Asia. The key conclusion of the research is the following statement – in the studied countries there is no single model of the grassroots levels of local self-organization of citizens, the experience of each of the Asia-Pacific countries in this matter is truly unique.

Key words: *local self-government, grassroots level, self-organization of citizens, China, Japan, Korea, local government system.*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛА И ВОЗМОЖНОСТЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ С ЦЕЛЮ РАЦИОНАЛЬНОГО ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ SMM

В статье исследуются социальные сети на территории России по трем критериям: посещаемость и популярность среди пользователей, демографическая представленность пользователей и оценка функционала и возможностей, предоставляемых интернет-площадками. Исследование проводилось тремя методами: Big Data с использованием критериев ценностных оценок, метод анализа иерархий Т. Саати, контент-анализ. В результате исследования выявлено, что лучшей «соцсетью-универсалом» для любого политика является интернет-площадка «ВКонтакте», на втором месте по эффективности стоят «Одноклассники», «Instagram» и «YouTube», а соцсети «Facebook», «Telegram», «TikTok» и «Twitter» являются часто сложными при использовании в политической коммуникации и неоправданно ресурсозатратными.

Ключевые слова: «соцсеть-универсал», специализированные соцсети, политическая коммуникация, политический SMM.

В настоящее время политики всех уровней начинают осваивать интернет-пространство, создавая аккаунты в различных социальных сетях (далее – соцсети), чтобы там коммуницировать с избирателями, влиять на их сознание, пропагандировать свои идеи, взгляды и убеждения. В мировой практике это уже устоявшийся инструмент политической коммуникации, в то время как в России использование интернета в политических целях еще недостаточно широко применяемый инструмент.

В России в силу особенностей развития политической культуры, функционирования политического режима и развития цифровых технологий применение интернет-технологий и главным образом соцсетей на выборах

¹ Научный руководитель: Махрин А.В., кандидат политических наук, доцент Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета, Россия, г. Тула.

началось относительно недавно, и пока они не имеют такого значения, как на Западе. Тем не менее, применение этого инструмента уже стало обязательным для всех кандидатов как минимум федерального уровня.

Знание посещаемости и популярности соцсетей, демографической представленности пользователей в них, а также функционала и возможностей, предоставляемых интернет-площадками, важно для современного российского политика и его команды, так как на сегодняшний день именно в соцсетях происходит главная коммуникация с населением. Именно в соцсетях политики (кандидаты, чиновники, общественные деятели и т.п.) могут эффективно влиять на общественное мнение и сознание аудитории, используя все доступные способы построения политической коммуникации той или иной интернет-площадки. Этим определяется успешность в политической сфере: если политик умеет говорить со своей аудиторией, значит он имеет поддержку населения, а значит – имеет успешный имидж и саму власть.

Поэтому исследование различных характеристик соцсетей и целевой аудитории, которая пользуется ими, с точки зрения рационального их использования в политическом SMM, является актуальной темой исследований современной политологии.

Соцсетью в данном исследовании согласно ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» является интернет-ресурс, «который предназначен и (или) используется его пользователями для предоставления и (или) распространения посредством созданных ими персональных страниц информации на государственном языке РФ, государственных языках республик в составе РФ, других языках народов РФ, на котором может распространяться реклама, направленная на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории РФ и доступ к которому в течение суток составляет более пятисот тысяч пользователей сети «Интернет», находящихся на территории РФ» [3].

Методы исследования – Big Data с использованием критериев ценностных оценок, метод анализа иерархий Т. Саати, контент-анализ.

Объект – политическая коммуникация в соцсетях с населением.

Предмет – оценка соцсетей как эффективных интернет-площадок для политической коммуникации.

Цель исследования – определить наиболее эффективные «соцсети-универсалы», для того чтобы наиболее результативно проводить в них политическую коммуникацию с населением независимо от того, какую политическую силу и идеологию представляет политик.

Гипотеза исследования – сегодня соцсети становятся популярным инструментом политической коммуникации с населением, однако не все политики правильно выбирают ту или иную интернет-площадку.

Это связано с тем, что у политиков и их SMM-специалистов нет четкого понимания посещаемости и популярности, демографической представлен-

ности пользователей, функционала и возможностей той или иной соцсети; часто в виду этого они используют специализированные (дополнительные) соцсети, в то время как более эффективными являются «соцсети-универсалы», которые подходят политику любого уровня, идеологии и целевой аудитории.

В ближайшем будущем те политики, которые в своей политической коммуникации будут пользоваться такими интернет-площадками, как «соцсети-универсалы», будут добиваться больших успехов в реализации политической коммуникации, а значит – рационально использовать свои ресурсы.

Критерий А (посещаемость и популярность соцсетей среди пользователей на территории России). АНО «Левада-Центр» (принудительно внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента) с 29 января по 2 февраля 2021 г. провела опрос по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1616 чел. в возрасте от 18 лет и старше. Одним из главных результатов исследования, был ответ на вопрос: «Какие социальные сети Вы посещаете?». Результаты исследования показали следующее распределение по пользованию соцсетями [1]:

- 1) Вконтакте – 43%;
- 2) YouTube – 35%;
- 3) Instagram – 31%;
- 4) Одноклассники – 31%;
- 5) TikTok – 14%;
- 6) Facebook – 9%;
- 7) Twitter – 3%.
- 8) Telegram – неизвестно.

Однако, согласно исследованию Фонда общественного мнения, который с 16 по 18 февраля 2021 г. проводил всероссийский телефонный опрос граждан РФ 18 лет и старше (ежедневно опрашивались 300 респондентов. Расчет делался на суммарной выборке за три дня опроса, итоговый объем выборки – 900 респондентов.), на вопрос: «Пользуетесь ли Вы социальными сетями или мессенджерами? Я перечислю некоторые из них, а Вы скажите, пожалуйста, какими пользуетесь» – соцсеть «Telegram» отметило 32% респондентов [4]. Это в свою очередь больше «TikTok» (23%), «Facebook» (20%) и «Twitter» (9%). Такое процентное распределение дает нам возможность приблизительно определить место Telegram в рейтинге выше:

- 1) Вконтакте – 43%;
- 2) YouTube – 35%;
- 3) Instagram – 31%;
- 4) Одноклассники – 31%;
- 5) Telegram – неизвестно.
- 6) TikTok – 14%;

7) Facebook – 9%;

8) Twitter – 3%.

Согласно исследованию компании «Brand Analytics» в октябре 2020 г. число активных авторов (пользователи, написавшие хотя бы 1 публичное сообщение в месяц) в социальных медиа в России распределилось в следующем соотношении [5]:

1) Instagram – 42841,4 тыс. чел.;

2) Вконтакте – 28663,7 тыс. чел.;

3) YouTube – 7736,6 тыс. чел.;

4) Одноклассники – 6600 тыс. чел.;

5) TikTok – 5301,4 тыс. чел.;

6) Facebook – 1587,3 тыс. чел.;

7) Twitter – 690,3 тыс. чел.;

8) Telegram – неизвестно.

Чтобы найти приблизительное место Telegram в данном рейтинге, воспользуемся данными другой исследовательской компании – «WEB-Index». В октябре 2020 г. этим проектом было зафиксировано 41012,2 тыс. активных авторов в «Telegram» [6].

Таким образом, обновленный рейтинг соцсетей по кол-ву активных авторов будет выглядеть следующим образом:

1) Instagram – 42841,4 тыс. чел.;

2) Telegram – 41012,2 тыс. чел.;

3) Вконтакте – 28663,7 тыс. чел.;

4) YouTube – 7736,6 тыс. чел.;

5) Одноклассники – 6600 тыс. чел.;

6) TikTok – 5301,4 тыс. чел.;

7) Facebook – 1587,3 тыс. чел.;

8) Twitter – 690,3 тыс. чел.

Так, статистика исследования «Mediascope» (обычный шрифт) за январь 2021 г. и данные эксперта И. Бедерова инжинирингового центра «SafeNet» Национальной технологической инициативы (курсив) [2] показывает следующую посещаемость разных соцсетей на территории России с компьютерных и мобильных устройств (показатель Avg. min. per day для «Twitter» не рассчитывался, поэтому за его значение будет взято значение похожей соцсети – «Facebook»):

Показатель Monthly Reach – кол-во человек, заходивших на ресурс хотя бы 1 раз за месяц, в тыс. человек.

Показатель Average Daily Reach – среднее кол-во человек, заходивших на ресурс хотя бы 1 раз за день в мае 2019, в тыс. человек.

Показатель Avg. min. per day – среднее кол-во минут, проведенное одним пользователем ресурса на сайте за день.

Таким образом, рейтинг соцсетей по приведенным показателям посещаемости определим следующим образом:

– если показатель Monthly Reach составляет от 2000 до 5000 тыс. чел., то соцсети присваивается 2 бал.; если от 5000 до 10000 тыс. чел. то – 3 бал.; если от 10000 до 15000 тыс. чел., то – 4 бал.; если от 15000 до 20000 и более, то – 5 бал.;

– если показатель Average Daily Reach составляет от 100 до 900 тыс. чел., то соцсети присваивается 2 бал.; если от 900 до 2000 тыс. чел., то – 3 бал.; если от 2000 до 5000 тыс. чел., то – 4 бал.; если от 5000 и более, то – 5 бал.;

– если показатель Avg. min. per day составляет не более 15 мин., то соцсети присваивается 1 бал., если от 15 до 25 мин., то – 2 бал., если от 25 до 35 мин., то – 3 бал., если от 45 мин. и более, то – 5 бал.

Таким образом, рейтинг соцсетей по приведенным показателям посещаемости будет выглядеть следующим образом:

- 1) YouTube;
- 2) Вконтакте;
- 3) Facebook;
- 4) Одноклассники и Instagram;
- 5) TikTok;
- 6) Telegram и Twitter.

В связи с этим, можно составить следующую матрицу с целью выявления первого существенного критерия оценки соцсетей по посещаемости и социальной представленности общества на территории России в соцсетях, где кол-во набранных бал. определяется целым числом в зависимости от места соцсети относительно других, учитывая данные исследований, приведенных выше (расчет бал.: 1 место – 8 бал., 2 место – 7 бал., 3 место – 6 бал., 4 место – 5 бал., 5 место – 4 бал., 6 место – 3 бал., 7 место – 2 бал., 8 место – 1 бал.; 0 бал. – присваивается, если исследование соцсети не проводилось или не было включено в список отчета в связи с незначительными показателями):

Критерий Б (демографическая представленность пользователей в соцсетях на территории России).

Ниже находятся графики распределения возрастов и полов в каждой соцсети. Чтобы нам определить, насколько в той или иной соцсети распределение между группами возрастов и полов находится в равной степени отклонения, (т.к. нам нужно найти соцсеть-универсал), найдем среднеквадратическое отклонение для возрастов и полов в каждом отдельном случае. Т.е. среднеквадратическое отклонение покажет нам насколько в среднем значение каждой группы пользователей отклоняется от средней величины. Это значение мы и будем сравнивать впоследствии, чтобы оценить критерий Б.

Чтобы найти среднеквадратическое отклонение, нужно найти квадратный корень из дисперсии случайной величины.

Таблица 2

**Матрица оценки посещаемости и популярности соцсетей
среди пользователей на территории России**

	ВК	Instagram	Одноклас- сники	Facebook	Telegram	TikTok	YouTube	Twitter
баллы (Monthly Reach)	5	4	3	5	3	2	5	2
баллы (Average Daily Reach)	5	3	4	4	2	2	5	3
баллы (Avg. min. per day)	3	2	2	1	1	3	5	1
в итоге	13 бал.	9 бал.	9 бал.	10 бал.	6 бал.	7 бал.	15 бал.	6 бал.

Таблица 1

**Матрица сравнения посещаемости соцсетей
пользователями на территории России**

	ВК	Instagram	Одноклас- сники	Facebook	Telegram	TikTok	YouTube	Twitter
Monthly Reach	40 052 чел.	34 065 чел.	21 674 чел.	22 162 чел.	19 504 чел.	16 675 чел.	44 138 чел.	643 чел. октябрь 2020 г.
Average Daily Reach	22 773 чел.	16 408 чел.	8 276 чел.	5 124 чел.	8 023 чел.	5 658 чел.	19 437 чел.	1 000 чел. октябрь 2020 г.
Avg. min. per day	32 мин.	24 мин.	17 мин.	9 мин.	12 мин.	29 мин.	51 мин.	≈ 9 мин.

чины – это один из основных показателей в статистике. Он отражает меру разброса данных вокруг средней арифметической. Соответственно, чтобы посчитать дисперсию, нам необходимо найти отклонение каждого показателя групп пользователей от среднего значения (среднего арифметического). Для этого вычтем из каждого значения группы среднее значение пользователей. А чтобы найти среднее значение, нужно сумму всех групп пользователей разделить на количество всех групп в каждой соцсети.

Однако, т.к. кол-во пользователей в каждой соцсети разное, мы не можем сравнивать получившиеся значения между собой. Поэтому, чтобы иметь возможность оценить критерий Б, мы найдем для каждой соцсети (зная

Таблица 3

Матрица оценки критерия А (посещаемость и популярность соцсетей среди пользователей на территории России)

	ВК	Instagram	Одноклассники	Facebook	Telegram	TikTok	YouTube	Twitter
баллы (по использованию соцсетями)	8	6	5	2	4	3	7	1
баллы (число активных авторов)	6	8	4	2	7	3	5	1
баллы (по посещаемости)	7	5	5	6	3	4	8	3
в итоге:	21 бал.	19 бал.	14 бал.	10 бал.	14 бал.	10 бал.	20 бал.	5 бал.

Таблица 4

Матрица сравнения критерия Б (демографическая представленность пользователей в соцсетях на территории России)

	ВК	Instagram	Одноклассники	Facebook	Telegram	TikTok	YouTube	Twitter
возраст	7,79%	12,07%	9,27%	10,25%	12,82%	4,52%	6,53%	10,25% (по аналогии с Facebook)
пол	4,41%	9,00%	11,64%	8,87%	17,00%	6,13%	2,52%	10,30%

Таблица 5

Матрица оценки критерия Б (демографическая представленность пользователей в соцсетях на территории России)

	ВК	Instagram	Одноклассники	Facebook	Telegram	TikTok	YouTube	Twitter
баллы (возраст)	2	1,5	2	1,5	1,5	2,5	2	1,5
баллы (пол)	2,5	2	1,5	2	1	2	2,5	1,5
в итоге:	4,5 бал.	3,5 бал.	3,5 бал.	3,5 бал.	2,5 бал.	4,5 бал.	4,5 бал.	3 бал.

целое число пользователей) процент от целого числа активных авторов. Его мы и будем сравнивать в итоге.

Согласно статистике, предложенной проектом «Brand Analytics», а также другими проектами, мы выяснили кол-во активных авторов, в исследуемых нами соцсетях на территории России, по возрасту и полу. В связи с тем, что целью исследования являлся поиск лучшей «сети-универсала», нами было принято решение оценивать данный критерий по его соответствию одному главному принципу – равное половозрастное распределение пользователей соцсети.

В соответствии с этим методика оценки демографических показателей соцсетей будет выглядеть следующим образом:

– если среднеквадратическое отклонение долей активных авторов разных полов и возрастов составляет не более 5%, то соцсети присваивается 2,5 бал.;

– если среднеквадратическое отклонение долей активных авторов разных полов и возрастов составляет не менее 5%, но и не более 10%, то соцсети присваивается 2 бал.;

– если среднеквадратическое отклонение долей активных авторов разных полов и возрастов составляет не менее 10%, но и не более 15%, то соцсети присваивается 1,5 бал.;

– если среднеквадратическое отклонение долей активных авторов разных полов и возрастов составляет не менее 15%, но и не более 20%, то соцсети присваивается 1 бал.;

– если среднеквадратическое отклонение долей активных авторов разных полов и возрастов составляет 20% и более, то соцсети присваивается 0,5 бал.

Определившись с критериями посещаемости и демографической представленности граждан России в соцсетях, стоит выделить еще один критерий – критерий В (функционал и возможности, предоставляемые интернет-площадками для политика на территории России). Для этого проведем распределение уровней важности критериев сравнения функционала и возможностей соцсетей и распределим баллы в зависимости от их влияния на эффективность политического SMM:

1. – показатели высшей значимости (в наибольшей степени важны для ведения политического SMM политика) – 5 бал.;

– показатели средней значимости (важны для ведения политического SMM политика, однако не имеют первоочередного значения) – 3 бал.;

– показатели малой значимости (в целом не важны для ведения политического SMM политика, однако их наличие приветствуется) – 1 бал.

2. Рассчитаем 13, 14 и 15-й показатели по следующей методике:

– если показатели ограниченности символов в комментариях и максимального количества символов составляют от 100 до 1000 знаков, то соцсети присваивается 1 бал.;

Матрица сравнения показателей соцсетей по возможностям и функционалу

	ВК	Instagram	Одноклассники	Facebook	Telegram	TikTok	YouTube	Twitter	
Критерии сравнения	Показатели высшей значимости								
	1. Возможность установить аватар (главное фото)	+	+	+	+	+	+	+	+
	2. Возможность приобрести статус подтверждающий личность	+	+	+	+	-	+	-	+
	3. Возможность делать репосты	+	+	+	+	+	+	-	+
	4. Возможность ведения прямых эфиров	+	+	+	+	-	+	+	-
	5. Возможность публиковать «сторис» (фото / видео, которые сами удаляются по истечении определенного срока)	+	+	+	+	-	-	+	+
	6. Возможность публикации дополнительных контактов / ссылок на другие соцсети	+	+	-	+	-	+	+	+
	7. Возможность публикации ссылки на свой сайт	+	+	-	+	-	+	+	+
	8. Возможность указывать свою биографию, пол, возраст, родственников, семейное положение, образование, город проживания, язык, сферу занятости и т.д.	+	+/-	+	+	-	+	+	+
	9. Возможность опубликовать «статус»	+	+	+	+	+	+	-	+
	10. Возможность создавать группы/сообщества	+	-	+	+	+	-	-	-
	11. Возможность редактировать опубликованный пост	+	+	-	+	+	+/-	+	-
	12. Возможность использования хэштегов	+	+	+	+	+	+	+	+
13. Ограниченность символов в комментариях	16834 знак. (3 бал.)	1000 знак. (1 бал.)	15895 знак. (3 бал.)	7999 знак. (3 бал.)	4096 знак. (2 бал.)	150 знак. (1 бал.)	5500 знак. (3 бал.)	280 знак. (1 бал.)	

14. Максимальное количество символов в посте	16834 знак. (3 бал.)	2200 знак. (2 бал.)	1000 знак. (1 бал.)	63206 знак. (3 бал.)	4096 знак. (2 бал.)	150 знак. (1 бал.)	5000 знак. (2 бал.)	280 знак. (1 бал.)
15. Ограниченность в добавлении друзей (предел)	10000+ человек (2 бал.)	не ограничено (3 бал.)	10000 чел. (2 бал.)	5000 чел. (1 бал.)	не ограничено (3 бал.)	не ограничено (3 бал.)	не ограничено (3 бал.)	не ограничено (3 бал.)
Показатели средней значимости								
16. Возможность публиковать опросы для аудитории	+	+	+	+	+	+	-	+
17. Возможность предоставить аудитории легкий доступ к вашему списку друзей	+	+	+	+	-	+	-	+
18. Возможность предоставить аудитории легкий доступ к вашему списку групп, сообществ, блогов	+	+	+	-	-	+	+	+
19. Возможность отложенной публикации поста	+	-	+	-	-	-	+	-
20. Возможность использования больших стикеров	+	+	+	+	+	-	-	-
21. Возможность создавать ботов-помощников	+	+	+	+	+	-	-	-
22. Возможность создавать мероприятия и уведомлять об их дате	+	-	+	+	-	-	-	-
Показатели малой значимости								
23. Возможность публикации музыкальных треков	+	-	+	-	+	+	-	-
24. Возможность дарить подарки	+	-	+	+	-	-	-	-
25. Возможность отслеживать статус «онлайн-офлайн»	+	+	+	-	+/-	-	-	+
26. Возможность публиковать документы	+	-	-	-	+	-	-	-

Критерии сравнения

Распределим набранные баллы по уровню важности показателей:

Таблица 7

Матрица оценки критерия В (функционал и возможности, предоставляемые интернет-площадками для политика на территории России)

	ВК	Instagram	Одно-классники	Facebook	Telegram	TikTok	YouTube	Twitter
Показатели высшей значимости	20	16,5	16	19	13	14,5	16	14
Показатели средней значимости	7	5	7	5	3	3	2	3
Показатели малой значимости	4	1	3	1	2,5	1	0	1
В итоге	31 бал.	22,5 бал.	26 бал.	25 бал.	18,5 бал.	18,5 бал.	18 бал.	18 бал.

Проведем подсчет набранных баллов соцсетями в результате их сравнения по различным критериям:

Таблица 8

Матрица оценки критерия посещаемости и популярности соцсетей среди пользователей на территории России (А), критерия демографической представленности пользователей в соцсетях на территории России (Б), критерия оценки функционала и возможностей, предоставляемых интернет-площадками для политика на территории России (В)

	ВК	Instagram	Одноклассники	Facebook	Telegram	TikTok	YouTube	Twitter
Критерий А	21	19	14	10	14	10	20	5
Критерий Б	4,5	3,5	3,5	3,5	2,5	4,5	4,5	3
Критерий В	31	22,5	26	25	18,5	18,5	18	18
В итоге	56,5 бал.	45 бал.	43,5 бал.	38,5 бал.	35 бал.	33 бал.	42,5 бал.	26 бал.

– если показатели ограниченности символов в комментариях и максимального количества символов составляют от 1000 до 5000 знак., то – 2 бал.;

– если показатели ограниченности символов в комментариях составляют от 5000 и более знак., то – 3 бал.

– если показатель ограниченности в добавлении друзей (предел) составляет 5000 чел., то соцсети присваивается 1 бал.;

– если показатель ограниченности в добавлении друзей (предел) составляет 10000 чел., то соцсети присваивается 2 бал.;

– если показатель ограниченности в добавлении друзей (предел) не ограничен, то соцсети присваивается 3 бал.

3. Оценка «+/-» присваивает соцсети 0,5 бал. за реализованный не полной мере функционал с точки зрения политической коммуникации.

Ниже представлены результаты анализа наиболее популярных социальных сетей среди россиян по различным критериям, которые могут быть значимы для эффективного политического SMM:

Таким образом, в результате проведенного нами исследования, на момент марта 2021 г. наиболее эффективной «соцсетью-универсалом» с точки зрения посещаемости и популярности среди пользователей, демографической представленности пользователей в этой соцсети и ее функционала и возможностей для рационального использования их в политическом SMM на территории России является соцсеть «ВКонтакте». Именно эта соцсеть рекомендована к использованию всем политикам, независимо от их целевой аудитории и форм коммуникации.

Также достаточно эффективно российским политикам можно использовать соцсети «Одноклассники», «Instagram» и «YouTube» – они набрали схожее кол-во баллов и могут также использоваться политиками для ведения политической коммуникации.

Соцсети «Facebook», «Telegram», «TikTok» и «Twitter» являются специализированными интернет-площадками. В связи с этим, их рекомендуется использовать только при тщательном анализе целевой аудитории с учетом индивидуальных преимуществ, которые может дать присутствие конкретного политика в данных соцсетях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Левада-Центр. Аналитический Центр Юрия Левады // <https://www.levada.ru/2021/02/23/sotsialnye-seti-v-rossii/>.

2. Рамблер. Эксперт назвал число россиян, которых затронет снижение скорости Twitter // <https://news.rambler.ru/internet/45973432-ekspert-nazval-chislo-rossiyan-kotoryh-zatronet-snizhenie-skorosti-twitter/>.

3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_La9c2ac9aa487df2d4172734dd5139376f5/.

4. Фонд Общественное Мнение // <https://fom.ru/SMI-i-internet/14555>.

5. Brand Analytics // <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2020/>.

6. Mediascope. WEB-Index. // <https://webindex.mediascope.net/>.

D.O. HOMYAKOV¹

*Student of Institute for the Humanities and
social sciences Tula
State University,
Tula, Russia*

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE FUNCTIONALITY AND POSSIBILITIES OF SOCIAL NETWORKS FOR THE PURPOSE OF THEIR RATIONAL USE IN POLITICAL SMM

The article examines social networks on the territory of Russia according to three criteria: traffic and popularity among users, demographic representation of users and evaluation of the functionality and capabilities provided by Internet sites. The study was conducted using three methods: Big Data using the criteria of value assessments, the Saati's analytical hierarchy method and content analysis. Instagram Facebook, Instagram, and YouTube are the best "universal social network" for any politician, and the social networks Facebook, Telegram, TikTok, and Twitter are often difficult to use in political communication and are unnecessarily resource-intensive.

Key words: *universal social network, specialized social networks, political communication, political SMM.*

¹ Scientific director: Makhryn A.V., Candidate of Political Science, Associate Professor Humanities and social sciences Tula State University, Tula, Russia.

НАШИ АВТОРЫ

Белоусов Григорий Федорович – аспирант кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва (gregory_belousov@mail.ru).

Белякова Татьяна Максимовна – аспирант факультета Государственного Управления МГУ им. Ломоносова, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Беспамятнова Марина Николаевна – аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (marina.bespamiatnova@gmail.com).

Блинов Владимир Владимирович – кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (vvblinov@fa.ru).

Бросович Флорес Даринка – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (darinkabrosovich@gmail.com).

Ванковска Биляна – профессор кафедры политологии и международных отношений философского факультета Университета имени Святых Кирилла и Мефодия, Македония, г. Скопье (bvankovska@gmail.com).

Волконский Юрий Константинович – кандидат юридических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций филологического факультета Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Россия, г. Брянск (scenton@yandex.ru).

Гималиев Вагиз Галялдинович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков N2 Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, Россия г. Чебоксары (voprospolitolog@yandex.ru).

Гончаров Дмитрий Константинович – доцент кафедры информатики РЭУ им. Г.В. Плеханова, Россия, г. Москва (screenclub@yandex.ru).

Гончарова Дарина Дмитриевна – студент бакалавриата МГИМО(У) МИД РФ, Россия, г. Москва (dadacu@mail.ru).

Гусейнова Дилона Мурадовна – аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (dilonafm@gmail.com).

Дмитриев Даниил Игоревич – эксперт-исследователь Центра «Евразийское развитие» и редактор «Альянс-Индустри», Россия, г. Москва (danil2301@bk.ru).

Еловик Алексей Александрович – аспирант кафедры ИОДПП исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (alexelovik@gmail.com).

Жалнин Виталий Александрович – заведующий сектором Управления международного протокола Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (zhalnin-va@rudn.ru).

Золотарев Никита Александрович – аспирант кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (zolotarev@malakut.ru).

Колосова Ирина Валерьевна – кандидат исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Россия, г. Москва (tenagadalam@yandex.ru).

Копасов Александр Игоревич – старший юрист-консультант ООО «ЧТО ДЕЛАТЬ КОНСАЛТ», выпускник аспирантуры Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева, Россия, г. Саранск (kopas1@yandex.ru).

Корольков Кирилл Андреевич – студент по направлению подготовки Политология Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (ДФУ), Россия, г. Владивосток (kirill14032000@gmail.com).

Красавин Дмитрий Валентинович – студент программы магистратуры международных отношений на постсоветском пространстве Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (dimitry.krasavin@yandex.ru).

Куйлиев Бобур Тулкинович – докторант кафедры гражданского общества и правового образования Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека; ассистент кафедры философии Ташкентского педиатрического медицинского института, Республика Узбекистан, г. Ташкент (avazov.75@bk.ru).

Лазебник Адам Германович – аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (adam11@rambler.ru).

Маканбаев Бакай Маканбаевич – аспирант Дипломатической Академии МИД РФ; советник сводного отдела планирования и координации Департамента протокола и организационного обеспечения Евразийской экономической комиссии, Россия, г. Москва (avazov.75@bk.ru).

Макаров Алексей Владимирович – аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Россия, г. Москва (am555@yandex.ru).

Мановицкая Валерия Андреевна – студент, член Совета молодых ученых Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (lera.manovitzkaya@mail.ru).

Медведев Николай Павлович – доктор политических наук, профессор, Президент Национального союза политологов, Россия, г. Москва (medvedev_rudn@mail.ru).

Муравых Ольга Анатольевна – старший преподаватель Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Назарова Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент Департамента политологии, директор Центра по финансовой грамотности Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Никитенко Евгений Григорьевич – генерал-майор, кандидат исторических наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (negrolub@yandex.ru).

Николенко Анастасия Алексеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (Anastasiya.Nikolenko@vvsu.ru).

Нисневич Юлий Анатольевич – доктор политических наук, профессор, профессор департамента политики и управления факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Россия, г. Москва (jnisnevich@hse.ru).

Орлов Игорь Борисович – доктор исторических наук, профессор, заместитель руководителя департамента политики и управления факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Россия, г. Москва (iOrlov@hse.ru).

Петров Денис Юрьевич – старший преподаватель кафедры управления информационными процессами отделения журналистики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Россия, г. Москва (dpranepa@mail.ru).

Попов Дмитрий Геннадьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС, Россия, г. Санкт-Петербург (popov-dg@ranepa.ru).

Попов Сергей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (serjpo@mail.ru).

Родионова Марина Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, PR и GR Директор Celebrium-Labs, Россия, г. Москва (m.rodionova@mail.ru).

Рожков Александр Алексеевич – выпускник аспирантуры кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (Rozhkov1922@mail.ru).

Розенберг Валерия Ивановна – аспирант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (liorkvalery@gmail.com).

Рупакова Евгения Александровна – аспирант Дипломатической академии МИД РФ, Россия, г. Москва (erupakova@gmail.com).

Сабилова Нагима Садыковна – кандидат политических наук Московского государственного областного университета, Россия, г. Мытищи (snag-ima95@gmail.com).

Слизовский Дмитрий Егорович – доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (de373@mail.ru).

Солодова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, профессор Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, Россия, г. Новосибирск (gsolodova@gmail.com).

Сомов Алексей Александрович – аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (a.somov_msu@mail.ru).

Степанькова Дарья Сергеевна – студент по направлению подготовки Политология Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), Россия, г. Владивосток (stepankova.ds@students.dvfu.ru).

Хомяков Дмитрий Олегович – студент Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета, Россия, г. Тула (dmitry.homyakov@gmail.com).

Цой Сергей Вячеславович – аспирант Астраханского государственного университета, Россия, г. Астрахань (sergey_coy@mail.ru).

Чжао Лу – аспирант факультета политологии кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (zhaolu9008@gmail.com).

Шангараев Руслан Насимович – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления во внешнеполитической де-

тельности Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (ruslan.shangaraev@dipacademy.ru).

Швырков Владислав Сергеевич – студент по направлению подготовки Политология Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), Россия, г. Владивосток (shvyrkov.vs@students.dvfu.ru).

Шевченко Егор Александрович – студент направления международные отношения кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса Россия, г. Владивосток (voprosopolitolog@yandex.ru).

Эсмаили Самира – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (РУДН), Россия, г. Москва (samira.esmaily77@gmail.com).

OUR AUTHORS

BELOUSOV G. F. – Postgraduate student of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

BELYAKOVA T.M. – Postgraduate student of the Faculty of Public Administration, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

BLINOV V.V. – Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science of the Financial University Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

BROSOVICH F.D. – Peoples' Friendship University of Russia, Department of Comparative Political Science, Moscow, Russia.

BESPAMIATNOVA M.N. – PhD student, Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

CHZHAO LU – Postgraduate student of the Faculty of Political Science, Department of Comparative Political Science, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

DMITRIEV D.I. – Expert-researcher of the Center «Eurasian Development» and Editor of «Alliance-Industry», Moscow, Russia.

ESMAEILIS. – Postgraduate student in the Department Comparative Politics Peoples' Friendship University of Russia (RUDN university), Moscow, Russia.

ELOVIK A.A. – Postgraduate student, Faculty of History, Moscow State University, Moscow, Russia.

GIMALIEV V.G. – Doctor of Philosophy, Associate Professor of Department of foreign languages N2, I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

GONCHAROV D.K. – Associate Professor at the Chair of informatics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

GONCHAROVA D.D. – Undergraduate student of MGIMO(U) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

HUSEYNOVA D.M. – Postgraduate student of the Faculty of History, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

KHOMYAKOV D.O. – Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Tula State University», Institute of Humanities and Social Sciences, Tula, Russia.

KOLOSOVA I.V. – PhD (History) Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia.

KOPASOV A.I. – senior lawyer-consultant of What to do Consult LLC; graduate of the postgraduate course of the National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Russia.

KOROLKOV K.A. – Student of Long-Term Training Political Science of the Oriental Institute – School of Regional and International Studies of the University Federal University, Vladivostok, Russia.

KRASAVIN D.V. – Master`s Degree Student of International Relations in the Post-Soviet Space program Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

KUILIEV B.T. – Postgraduate student working for the Doctoral Degree at the Chair of civil society and legal education of the Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan; teaching fellow at the Chair of philosophy of the Tashkent Pediatric Medical Institute, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

LAZEBNIK A.G. – Post-graduate student of the Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

MAKANBAEV B.M. – Postgraduate student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Advisor to the Consolidated Planning and Coordination Division of the Protocol and Organizational Support Department of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia.

MAKAROV A.V. – Postgraduate student of the Department of Public Administration and National Security, Faculty of National Security, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.

MANOVITSKAYA V.A. – Student, Member of the Young Scientists Council, Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russia.

MEDVEDEV N.P. – Doctor of Political Science, Professor, President of the Union of Political Scientists, Moscow, Russia.

MURAVYKH O.A. – Senior Lecturer of the Center for Linguistics and Professional Communication, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

NAZAROVA N.A. – Director, Center of financial, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science of the Financial University of the Russian Federation, Moscow, Russia.

NIKITENKO E.G. – Major General, Cand. Sc. (History), professor, Department of Public administration and National safety of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

NIKOLENKO A.A. – Graduate Institute of law and administration of the Vladivostok State University of Economics and service, Vladivostok, Russia.

NISNEVICH YU.A. – Doctor of Political Science, Professor, Department of Politics and Management, Faculty of Social Sciences, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

ORLOV I.B. – Doctor of History, Professor, Deputy Head of the Department of Politics and Management, Faculty of Social Sciences, HSE, Moscow, Russia.

PETROV D.Yu. – Senior lecturer at the Department of information management of the Department of journalism of the Russian Presidential Academy of national economy and public administration (RANEPA), Moscow, Russia.

POPOV D.G. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of «International Relations», North-West Institute of Management RANEPA, St. Petersburg, Russia.

POPOV S.I. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

RODIONOVA M.E. – Candidate of Science in Sociology, Associate Professor, Ph.D., Associate Professor of the Department of Political Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation PR & GR Director Celebrium Labs, Moscow, Russia.

ROZENBERG V.I. – Postgraduate student of the Department of Russian Policy Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ROZHKOV A.A. – Graduate of the postgraduate study of the Department of Philosophy, Politics and Law, Faculty of Philosophy, Moscow State University them. M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

RUPAKOVA E.A. – Post-graduate student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

SABIROVA N.S. – Candidate of political sciences Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia.

SHANGARAEV R.N. – Ph.D. of Economic Sciences Associate Professor of the Department of Public Administration in Foreign Policy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

SHEVCHENKO YE.A. – International Relations Student, Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and service, Vladivostok, Russia.

SHVYRKOV V.S. – Student majoring in Political Science of the Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, FEFU, Vladivostok, Russia.

SLIZOVSKIY D.E. – Doctor of Science, Professor, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

SOLODOVA G.S. – Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences, Novosibirsk, Russia.

SOMOV A.A. – Post-graduate student of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

STEPANKOVA D. S. – Student of Long-Term Training Political Science of the Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Vladivostok, Russia.

TCOI S.V. – Postgraduate student Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.

VANKOVSKA B. – Professor of the Department of Political Science and International Relations, Faculty of Philosophy, University of Saints Cyril and Methodius, Skopje, Macedonia.

VOLKONSKY YU.K. – Candidate of law, associate professor, department of russian and foreign literature and mass communications, faculty of philology, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia.

ZHALNIN V.A. – Head of the Department of the International Protocol of the RUDN Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

ZOLOTAREV N.A. – Postgraduate student of the Department of Political Science and Political Management Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 13 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 15 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным

проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 11. Issue 6 (70), 2021

Established by LLC “Publishing House “Science Today”
The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.
Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.
No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:
10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598
Tel: (910) 463-53-42
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 25.06.2021
Format 60x84/16. Offset paper.
Offset print. Number of printed sheets
Circulation 500 copies. Order ____.
Printed at the LLC “PrintUP”
Nagorny passage, 12, bldg. 1, Moscow, Russia, 117105
Tel.: (495) 925-00-06

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

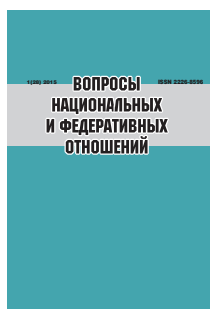

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

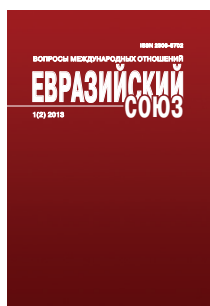

Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

**Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006**

Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

**Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,802**

Интернет-ресурс: www.evrzsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал

«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035.

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»								
			АБОНЕМЕНТ на журнал		70035						
Вопросы политологии											
Количество комплектов											
на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
ПВ	место	литер	на журнал			70035					
Вопросы политологии											
Стоимость	Каталожная				Количество комплектов						
	услуги почты										
	полная										
на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											